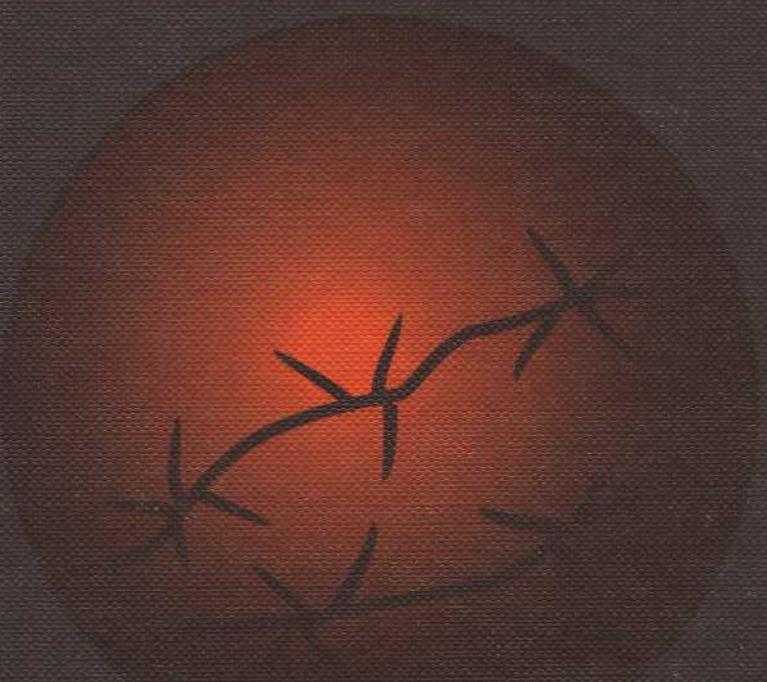

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ
ЭТНОГРАФЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ЭТНОГРАФЫ

*Составитель
и ответственный редактор
Д.Д.ТУМАРКИН*

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2002

УДК 323(47+57)
ББК 63.3(2)615-4
Р41

*Книга подготовлена и издана при финансовом содействии
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проектам № 95-06-17188, 98-01-16129*

*Второе издание осуществлено при финансовой поддержке
из средств проекта Российской академии наук
«Этнокультурное взаимодействие народов Евразии»*

Выпуск I

Издание второе

Редактор издательства
Т.М.Швецова

Репрессированные этнографы. Вып. I / Сост. Д.Д.Тумаркин. — 2-е изд. — М. : Вост. лит., 2002. — 343 с. : ил. — ISBN 5-02-018346-6

В книге рассказывается о 12 репрессированных этнографах, внесших значительный вклад в отечественную науку. Из небытия возвращены незаслуженно забытые имена, заполнены лакуны в биографиях тех, кто прошел сквозь горнило репрессий. Прослежены как глубинные процессы саморазвития, так и трагические катаклизмы в истории советской науки, прежде всего этнографии, а также ориенталистики и кавказоведения.

ББК 63.3(2)615-4

ISBN 5-02-018346-6

© Д.Д.Тумаркин, составление, 1999, 2002
© Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, 1999, 2002

От составителя

В последние годы в российской историографии активно обсуждается феномен репрессированной науки. «Речь должна идти, не только о репрессированных ученых, — писал, например, М.Г.Ярошевский, — но и о репрессированных идеях и направлениях, научных учреждениях и центрах, книгах и журналах, засекреченных архивах. Одни дисциплины запрещались: генетика, психотехника, этология, евгеника, педология, кибернетика. Другие — извращались. Например, история... Третьи — деформировались... В "незапрещенных" науках каралась приверженность теориям, на которые падало подозрение в идеализме»¹.

Этнография (этнология) избежала тотального разгрома, которому подверглись кибернетика, объявленная «служанкой империализма», и другие «запрещенные» науки. Но в 30-х годах предпринимались попытки объявить ее «буржуазным суррогатом обществоведения», низвести до роли вспомогательной исторической дисциплины. Суженное толкование предмета этнографии крайне отрицательно сказалось на ее развитии, так что возрождение этнографии как самостоятельной науки, по существу, началось лишь в 50-х годах².

Деформация предметной области этнографии трагически сочеталась с жестокими репрессиями, которые обрушились на ученых, посвятивших себя служению этой науке. По данным А.М.Решетова, репрессии, начавшиеся еще в 20-е годы, затронули около 500 этнографов и ученых смежных специальностей³. Многие из них погибли в этой кровавой мясорубке, другие, пройдя через тюрьмы, лагеря и ссылки, выжили и после реабилитации вернулись в науку, но пережитое не могло не наложить отпечаток на их дальнейшую жизнь и деятельность.

Нравственный долг нынешнего поколения российских этнографов — вернуть из небытия незаслуженно забытые имена своих предшественников и их научные идеи, восстановить ранее замалчивавшиеся страницы биографий тех, кто прошел сквозь тернии сталинских репрессий. Это необходимо и как предварительное условие для воссоздания истории этнографической науки в СССР во всей ее полноте и доподлинности⁴. Как справедливо считает А.М.Решетов, изучение жизни и трудов репресси-

рованных исследователей будет способствовать переосмыслению пути, пройденного этнографией за годы советской власти, поможет сформировать новые подходы к теоретическим проблемам, которые еще недавно считались решенными, выявить новые аспекты, на которые прежде не обращалось должного внимания, и тем самым создать определенные предпосылки для плодотворного развития современной российской этнографии⁵.

После нескольких десятилетий безраздельного господства марксистско-ленинской идеологии в российской этнографической науке ныне наблюдается теоретико-методологический плюрализм: многие исследователи, особенно старшего поколения, остаются верны марксистской методологии, другие стремятся совместить марксистский подход с методологическими принципами иных философских систем, наконец, возрастает число ученых, становящихся адептами новейших теоретических течений западной (преимущественно американской) социальной антропологии, в частности постмодернизма.

Такая ситуация, хотя и с иным вектором развития, чем-то напоминает положение, наблюдавшееся в 20-х годах, когда для отечественной этнографической науки тоже был характерен широкий плюрализм. «Среди советских этнографов 20-х годов, — пишет С.А.Токарев, — были и последовательные эволюционисты (Б.Э.Петри, Л.Я.Штернберг и др.), и сторонники модных в Западной Европе школ, особенно "культурно-исторической" (Б.А.Куфтин и др.). Многие старались сочетать принципы разных школ (Б.Ф.Адлер, В.Н.Харузина), даже соединить взгляды буржуазных этнографов с марксизмом (В.Г.Богораз-Тан, П.Ф.Преображенский). Иные оставались на позициях чисто эмпирического исследования, отказываясь от широких обобщений (Д.К.Зеленин, А.Н.Максимов). Очень многие, особенно молодые этнографы, стихийно тянулись к марксизму. Но это нередко выражалось лишь в употреблении терминов, заимствованных из марксистской литературы, без глубокого овладения самим методом исторического материализма⁶. В конце 20-х — начале 30-х годов руководящие позиции стали захватывать молодые радикалы-большевики, которые неплохо освоили основы марксистской теории, но, не получив фундаментального этнографического образования, обладали низкой профессиональной квалификацией. «Оказавшись не в состоянии решить сложные научные проблемы сугубо интеллектуальными средствами в рамках научных дискуссий, — подчеркивает Т.Д.Соловей, — они все чаще использовали аргументы политического порядка, взывая к политическому руководству как арбитру в научных спорах⁷.

Внимательное и непредвзятое изучение отечественной этнографии 20-х — начала 30-х годов (как, впрочем, и других этапов в истории советской этнографии) весьма актуально на современном этапе. Оно заставляет, в частности, задуматься о мерах, способных предотвратить сползание к новому конформизму, показывает опасность и бесперспективность нигилизма в вопросах теории, предостерегает от некритического следования зарубежной этнографической моде. Время покажет, в какой мере нынешнее поколение российских этнографов сможет усвоить уроки истории.

Возвращение в научный оборот имен и трудов репрессированных этнографов и ученых смежных специальностей началось робко и непоследовательно в 60—70-х годах. Несколько статей и заметок о безвинно пострадавших коллегах, опубликованных в застойные годы, имели, как правило, слабую источниковую базу, а потому не были свободны от неточностей. Характерно, что их авторы не осмеливались нарушить табу — прямо упомянуть о репрессиях, которым подверглись эти ученые⁸. Положение стало меняться к лучшему с конца 80-х годов, когда начали открываться (или, вернее, приоткрываться) архивы КГБ и был облегчен доступ исследователей к другим видам источников, когда появилась возможность открыто писать о массовых репрессиях и их последствиях. В подготовке статей по этой проблематике, появившихся в постсоветские годы, приняли участие некоторые авторы книги, предлагаемой вниманию читателей⁹.

В книге публикуются 12 статей, каждая из которых посвящена жизненному пути и трудам одного из репрессированных этнографов: сибиреведов А.В.Адрианова, Б.Э.Петри, Н.Н.Козьмина и Б.О.Долгих, кавказоведов А.Н.Генко и Г.А.Кокиева, специалиста по этнографии Средней Азии и Казахстана Ф.А.Фиельструпа, знатока восточнославянской этнографии Н.И.Лебедевой, исследователя народов Поволжья Н.И.Гаген-Торн, специалиста по казахам и слависта А.Н.Харузина, видного организатора науки П.Ф.Преображенского, активно разрабатывавшего проблемы общей этнографии. В книгу включена также статья, освещающая неизвестные страницы биографии академика Н.И.Конрада, знакомящая с его работами по истории и этнографии корейского народа.

Все эти ученые были специалистами широкого профиля. Их исследовательские интересы обычно не ограничивались этнографией, а распространялись и на смежные научные дисциплины. Мультидисциплинарный подход способствовал высокому уровню их исследований, не только вошедших в историю науки, но и во многом не утративших своего значения до наших дней.

Достаточно назвать такие классические работы, как монография Н.И.Лебедевой «Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX в.», книга Н.И.Гаген-Торн «Женская одежда народов Поволжья» и, конечно, фундаментальный труд Б.О.Долгих «Родовой строй и племенной состав народов Сибири в XVII веке». Заслуживают внимания и некоторые малоизвестные или вовсе забытые взгляды этих ученых в области общей этнографии. Так, Н.Н.Козьмин и П.Ф.Преображенский еще в середине 20-х годов были очень близки к созданию учения о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях, четко сформулированного в 1955 г. М.Г.Левиным и Н.Н.Чебоксаровым¹⁰. Но многие уникальные полевые материалы остались необработанными, идеи — неразвитыми, труды — ненаписанными...

Книга густо населена. Читатель встретит на ее страницах множество ученых, общавшихся с главными героями статей, познакомится с деятельностью канувших в Лету научных учреждений и организаций, узнает немало интересного о возникновении и развитии ленинградской и иркутской этнографических школ. Книга позволит проследить глубинные процессы саморазвития и трагические катаклизмы в истории советской науки, прежде всего этнографии и таких тесно сопряженных с ней отраслей, как ориенталистика и кавказоведение.

Историограф — дитя своего времени. Чтобы обеспечить максимально возможную объективность при рассмотрении жизненного пути и творчества репрессированных ученых, члены авторского коллектива книги стремились избегать политических оценок, воздерживаться от проявления симпатий и антипатий к научным методикам и концепциям. Но главное, что могло обеспечить объективность, — это следование надежно установленным фактам, извлеченным из всех доступных источников. При подготовке книги проводились интенсивные разыскания в архивах, внимательно изучались книги и периодика того времени. Интересные материалы получены в результате контактов с ближайшими родственниками и потомками репрессированных этнографов. В тех случаях, когда авторы уже ранее писали о своих героях, они существенно доработали и дополнили эти тексты, обогатив их привлечением новых фактов и свидетельств, расширяющих наши представления о самом ученом и его окружении.

Лишь одному члену авторского коллектива, С.И.Вайнштейну, довелось на протяжении многих лет общаться с «предметом» своего исследования. Поэтому неудивительно, что в статье о своем учителе — выдающемся этнографе-сибиреведе Борисе Осиповиче Долгих — он использовал личные воспоминания.

На фоне других работ выделяется также большой очерк о Нине Ивановне Гаген-Торн, написанный ее дочерью, геологом по специальности, хранителем и публикатором ее богатого наследия. Очерк этот столь же неординарен, как и сама Нина Ивановна, которая была не только известным этнографом, но и одаренным литератором и поэтом.

Двенадцать ученых, о которых рассказывается в этой книге, сумели внести значительный вклад в науку, несмотря на выпавшие на их долю суровые испытания, в ряде случаев — ранний уход из жизни. Было бы неправильно отрицать те достижения, которых удалось добиться за годы советской власти сообществу отечественных этнографов. Важно только помнить, что если бы не массовые репрессии, если бы не политизация и огосударствление науки, в полной мере проявившиеся в сфере этнографии начиная с 30-х годов, эти достижения могли бы быть намного более впечатляющими и весомыми.

Хотелось бы надеяться, что за этой книгой последуют публикации о других ученых, ставших жертвами и узниками ГУЛАГа, а также о тех известных этнографах, которых миновал маховик массовых репрессий. Эти работы, как и историографические очерки, посвященные развитию отдельных направлений отечественной этнографии, подготовят почву для создания фундаментального труда по истории этнографической науки в России в двадцатом столетии.

Как руководитель проекта выражаю признательность Российскому гуманитарному научному фонду за финансовое содействие в подготовке и издании этой книги.

¹ Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки. — Репрессированная наука. Л., 1991, с. 10.

² Соловей Т. Д. Эволюция понимания предмета этнографии в советской этнографической литературе. 1917—1932 г. — Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1990, № 5, с. 50—60; Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928—1938. — ЭО. 1993, № 2, с. 113-125.

³ Решетов А. М. Репрессированная этнография: люди и судьбы. — Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994, с. 186—187. Точное число репрессированных этнографов установить вряд ли возможно, так как среди ученых-гуманитариев, подвергшихся репрессиям, было много исследователей широкого профиля, работавших над проблемами истории, этнографии, археологии, лингвистики и некоторых других смежных дисциплин, причем этнографическая проблематика в их научном творчестве не всегда была определяющей. Заметим попутно, что составители списка репрессированных востоковедов (ок. 400 имен), опубликованного в журнале «Народы Азии и Африки», не вполне корректно расширили географический ареал востоковедения, в результате чего в этот скорбный перечень попали специалисты по культурам и языкам Сибири и Поволжья. В упомянутом списке встречаются этнографы, учтенные А. М. Реше-

товым. См.: *Васильков Я. В., Гришина А. М., Перченко Ф. Ф.* Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20—50-е годы. — Народы Азии и Африки. 1990, № 4, с. 113—125; № 5, с. 96—106.

⁴ Историографические работы, появившиеся в советский период, при всей их информативности страдали неизбежной неполнотой и односторонностью, продиктованными условиями того времени, а порой и субъективными позициями их авторов. См., например: *Маторин Н. М.* Современный этап и задачи советской этнографии. — СЭ. 1931, № 1—2, с. 3—38; *он же.* 15 лет советской этнографии и дальнейшие задачи. — Труды Первого всесоюзного географического съезда. Л., 1934, с. 98—105; *Толстов С. П.* Сорок лет советской этнографии. — СЭ. 1957, № 5, с. 31—55; *Периц А. И., Чебоксаров Н. Н.* Полвека советской этнографии. — СЭ. 1967, № 5, с. 3—24; *Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов). — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 5. М., 1971, с. 111—120; *Бромлей Ю. В., Чистов К. В.* Основные направления развития советской этнографии. — Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975, с. 7—51; *Бромлей Ю. В., Чистов К. В.* Ордена Дружбы народов Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР — 50 лет. — СЭ. 1983, № 4, с. 20—37.

⁵ *Решетов А. М.* Николай Михайлович Маторин (опыт портрета ученого в контексте времени). — ЭО. 1994, № 3, с. 132.

⁶ *Токарев С. А.* Ранние этапы развития..., с. 115—116.

⁷ *Соловей Т. Д.* Эволюция понимания предмета этнографии..., с. 57.

⁸ См., например: *Маслова Г. С., Морозова М. Н.* Выдающийся советский этнограф Н. И. Лебедева. — СЭ. 1979, № 6, с. 90—93.

⁹ См., например: *Сирина А. А.* Бернгард Эдуардович Петри как этнограф. — СЭ. 1991, № 3, с. 83—92; *Джарылгасинова Р. Ш.* Н. И. Конрад — исследователь этнографии Кореи. — СЭ. 1991, № 5, с. 57—69; *Решетов А. М.* Н. А. Невский как этнограф. — ЭО. 1992, № 6, с. 115—127; *он же.* Николай Михайлович Маторин.

¹⁰ *Чебоксаров Н. Н., Левин М. Г.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — СЭ. 1955, № 4, с. 3—17.

А.В.Адрианов как этнограф

Имя Александра Васильевича Адрианова — одного из крупнейших сибирских публицистов дореволюционного периода, путешественника, этнографа, археолога, историка, издателя — все еще не заняло подобающего ему места в ряду имен выдающихся деятелей сибирского общественного движения, науки и культуры. На протяжении многих лет оно замалчивалось в историографических исследованиях или подвергалось резким нападкам и клевете. На опубликованных коллективных фотографиях сибирских общественных деятелей лицо А.В.Адрианова скрывала ретушь.

Ныне А.В.Адрианов возвращается к нам из небытия, подобно многим другим, подвергшимся репрессиям и физическому уничтожению в «огне революции». Однако было бы неверным считать, что прежде о нем ничего не было известно. Скупые, отчасти неточные сведения приводились в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С.А.Венгерова, а также в «Сибирской Советской Энциклопедии», которая в течение десятилетий в библиотеках находилась в закрытом хранении. Встречались упоминания и в других изданиях¹. Сами за себя говорили сосредоточенные в архивах различных научных учреждений его отчеты, письма, рукописи, а также публикации, в том числе в периодической печати. В музеях, как местных, так и столичных, хранятся собранные им многочисленные коллекции. Эти материалы давали возможность составить представление об общественной деятельности А.В.Адрианова и его вкладе в науку. Однако в биографии ученого оставались значительные лакуны.

Дети А.В.Адрианова, дочь Мария и сын Александр, намеревались каждый написать о жизни и деятельности отца. Мария в силу каких-то причин ограничилась только вводной частью, а Александр написал несколько глав будущей книги, так и не успев завершить задуманное². Он скончался в нищете и забвении. Последние дни Александра Александровича описывал проф. М.Ф.Косарев, в то время аспирант-археолог, в письме из Томска, адресованном семье: «Он тяжело болен, уже несколько ме-

сяцев прикован к постели, почти не в состоянии даже говорить. Лежит в какой-то конуре, отдает свою пенсию (300 рублей) какому-то мужику с теткой — они за ним ухаживают, но, кажется, не от чистого сердца. Родных у него нет. Это посещение здорово испортило мне настроение. В воскресенье снова схожу к нему. Просил прислать к нему Шурку (Александр Косарев — младший брат Михаила Федоровича, ныне доктор философских наук. — *М.Д.*) с литературой по Сибири — пытается закончить обобщение богатейшего наследия своего знаменитого отца». В следующем письме из Томска М.Ф.Косарев сообщал: «Александр Александрович умер в воскресенье, так и не дождавшись клинического лечения»³.

В 1991 г. в Томске усилиями томской общественности на здании, где помещалась редакция газеты «Сибирская жизнь», была открыта мемориальная доска: «Адрианов Александр Васильевич, выдающийся этнограф, археолог, публицист, работал здесь в 1917—1919 гг. главным редактором газеты "Сибирская жизнь". Родился 26 октября 1854 г. ст[арого] ст[илия], расстрелян 7 марта 1920 г.».

* * *

Александр Васильевич Адрианов родился в слободе Белозерской Курганского округа Тобольской губернии. Отец его, Василий Васильевич, был священником той же Алексеевской церкви в слободе Белозерской, что и дед Василий Никифорович. Семья была большая: кроме Александра, который был старшим, у Василия Васильевича и его супруги Марии Александровны было еще семь дочерей; в материальном отношении жили скромно. Жизнь семьи протекала размеренно и неторопливо, в трудах и заботах. Отец Василий помимо исполнения обязанностей духовного лица преподавал в мужской и женской школах, занимался краеведением. В своем приходе был самым уважаемым человеком. Он водил дружбу с крестьянами, и те постоянно приглашали его «с матушкой и детками» на свои съезжие праздники. Александр Васильевич вспоминал впоследствии, что он с сестрами радовался случаю побывать там, а отец его посещал эти праздники лишь изредка. По всей вероятности, в молодости отец Василий все же проявлял интерес к праздничному быту крестьян, поскольку в 1853 г., еще до рождения своего первенца Александра, опубликовал в «Тобольских губернских ведомостях» статью, посвященную этим крестьянским сборищам^{3а}. Следуя по стопам отца, Александр посвятил свою вторую по счету статью этим праздникам, запечатлевшимся в памяти с детства⁴.

Для Александра, как и для многих его сверстников, «Великорусские сказки», записанные этнографом и фольклористом И.А.Худяковым, автором популярных изданий для народа, проникнутых демократическим просветительским духом, были одной из первых прочитанных книжек⁵. «Эти книжки, — вспоминал Адрианов, — переносили нас в родной нам мир, они страшно возбуждали детский ум, возбуждали охоту к чтению. Детьми мы читали эти сказки, уезжая на вакант в деревню, своим старым нянькам и мамкам, старикам и молодым и увлекали их в сказочный мир, где так хорошо забываются горе, страдание и заботы повседневной жизни»⁶. Василий Васильевич собирал в среде своих прихожан различные фольклорные произведения: сказки-небылицы, сказания, стихи, пословицы, поговорки, загадки, прибаутки, байки, заговоры. Эти материалы он высылал в Петербург в адрес РГО. Знаменательно, что сбором фольклора, записью сказок и сказаний занимались много лет спустя дети и внуки Василия Васильевича — Александр и его сестры Евгения и Антонина, а также дочери Александра Васильевича Мария и Нина. «Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы» под редакцией А.В.Адрианова вышли в свет в Красноярске в 1902 г.

В РГО Василий Васильевич послал рукописи «Описание Белозерской слободы» и «Статистические сведения о Курганском округе за 1857 г.». «В такой обстановке, — писала дочь Александра Васильевича Мария, — вырос и воспитывался мой отец, будучи свидетелем научных трудов своего отца, и по всей вероятности, часть этих рукописей (труды В.В.Адрианова. — М.Д.) была переписана его рукой, особенно за время болезни деда, и таким образом в нем зародилось стремление продолжать эту деятельность и работать для науки»⁷. Александр Васильевич, подобно отцу, в дальнейшем также занимался сбором статистических сведений, был секретарем Томского статистического комитета. Регулярно, с 1857 г. до самой своей кончины, Василий Васильевич получал от РГО благодарности и даже был награжден в 1861 г. бронзовой медалью «За труды по географии». Александр Васильевич впоследствии был удостоен серебряной и малой золотой медалями Общества.

В нарушение семейной традиции Александра в 1864 г. отдали учиться не в Духовное училище, а в Тобольскую губернскую классическую гимназию. Ее директором с 1857 по 1862 г. был П.П.Ершов, знаменитый автор «Конька-Горбунка», отличавшийся демократическими взглядами, патриот Сибири, человек, близкий лидерам областнического движения. Тобольская губернская классическая гимназия считалась одной из лучших в Сибири. «Петр Павлович Ершов, — вспоминал впоследствии Адриа-

нов, — в то время был уже в отставке, и мне в качестве певчего пришлось только хоронить его и по-детски делить горе детей его — моих сверстников»⁸. Эту же гимназию ранее закончил революционер-народник И.А.Худяков. В своих воспоминаниях Худяков описывает нравы этого учебного заведения. Во времена, когда в Тобольской гимназии учился Александр, многие порядки остались без изменений. «Как живые, — вспоминал Адрианов, — встают передо мною эти Каталинские, Ричарды Григорьевичи, Лёвши, Македоны — грубые, бездушные, невежественные... Но это была уже другая эпоха, в которую постепенно совершалась смена грубого насилия над телом насилием над нашим духом; пьяного николаевского кантониста сменил сыщик, провидевший в нас будущих крамольников... И если при Худякове "более двух третей товарищей, убоявшихся бездны премудрости, возвращались вспять", покидая гимназию из 2 и 3 класса двадцатилетними юношами, то в последующее время этих товарищей уловляли тюрьма и политическая ссылка, как Кошкина, Плотниковых, Папиных — моих сверстников и одноклассников или их старших братьев»⁹.

В Тобольске вначале Адрианов жил у родственников, а затем в гимназическом пансионе. В период учебы в гимназии помимо обязательных дисциплин Александр за дополнительную плату брал уроки игры на скрипке, изучал иностранные языки. За красноречие товарищи дали ему прозвище «Цицерон» или попросту «Цицерошка»¹⁰.

Весной 1874 г. Александр окончил Тобольскую классическую гимназию и получил аттестат зрелости. Отец его незадолго перед тем скончался, оставив своей многочисленной семье небольшое наследство, от которого Александр отказался в пользу сестер и покинул семью, чтобы осуществить свое заветное желание — получить образование в высшем учебном заведении.

Осенью 1874 г. Адрианов поступил в Петербурге в Медико-хирургическую академию, откуда на следующий год перевелся в Петербургский университет, на второй курс физико-математического факультета, где учился по естественному разряду. Огромное влияние на дальнейшую судьбу Александра оказала его встреча в Петербурге с лидерами сибирского областнического движения Николаем Михайловичем Ядринцевым и Григорием Николаевичем Потаниным, вернувшимися из ссылки, которую они отбывали по обвинению в «сибирском сепаратизме»¹¹. А.В.Адрианов писал о лидерах областничества: «Если во многих отношениях вдохновителем Ядринцева был его старший друг Г.Н.Потанин, если он играл преимущественную роль в выработке программы деятельности сибирских патриотов, сводившейся

к отмене ссылки в Сибирь, к открытию в ней университета, к разрешению инородческого вопроса, к распространению на Сибирь суда присяжных, широкого в ней самоуправления, к созданию в ней собственной интеллигенции, к выведению Сибири из подчиненной метрополии и беспощадно эксплуатируемой последней колонии и проч., то в выполнении этой программы, в выполнении притом с большим самоотвержением, талантом и блеском Ядринцеву принадлежит первое место»¹². Идеологи областничества полностью отказывались от революционных действий, категорически отрицали путь насилия в решении социально-политических вопросов, классовая борьба расценивалась ими как явление, мешающее прогрессу. Просветительская деятельность и культурное строительство, согласно концепции областников, способны были вывести Сибирь из положения колонии Российской империи на путь процветания и прогресса. Ученик и последователь идеологов сибирского областничества Г.Н.Потанина и Н.М.Ядринцева, А.В.Адрианов, следуя программе этого общественного движения, в дальнейшем постоянно уделял внимание изучению жизни малых сибирских народностей, защите их интересов и прав.

Для того чтобы подготовить Александра к работе в Сибири, ввести в курс проблематики, приучить к интеллектуальному труду, а заодно и дать приработок, столь необходимый материально не обеспеченному студенту, Ядринцев познакомил его с Б.А.Милутиным, бывшим редактором иркутской газеты «Сибирский вестник», который незадолго до того был переведен в Петербург на должность военного обер-прокурора и предпринял издание «Сборника историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей стран». В обязанности Адрианова входило составление библиографических карточек и указателя статей о Сибири, опубликованных в различных изданиях, в том числе в неофициальной части сибирских губернских и областных ведомостей. В университете он был избран в библиотекари студенческой библиотеки. В течение длительного срока почти ежедневно Александр работал в библиотеке, перерывая горы книг. Совмещая учебу в университете и работу библиографа, Александр получил фундаментальную разностороннюю подготовку для будущих исследований и публицистической деятельности.

Уже в студенческие годы А.В.Адрианов проводит самостоятельные научные изыскания. К примеру, по заданию акад. Ф.Б.Шмидта он дважды совершает поездки по р. Волхов с целью поиска трилобитов — вымерших океанелых морских членистоногих, которые были распространены в палеозойскую эру. По совету Г.Н.Потанина он проводил сбор этнографических

материалов в Козьмодемьянском уезде Нижегородской губернии. В эти годы Александр в совершенстве освоил искусство фотографии. Эти навыки оказались ему полезными впоследствии при полевых исследованиях. Знание анатомии, полученное в Медико-хирургической академии и Университете, пригодилось ему при раскопках древних погребений. Замечу, что Адрианов не только умел производить антропологические обмеры своих современников, но и мог по черепу определить антропологический тип погребенного в древнем кургане, хотя предпочитал отдавать полученные в результате раскопок материалы специалистам.

В мае 1876 г., завершив работу над приложением к книге К. Риттера «Землеведение Азии», Г.Н.Потанин отправился в путешествие по Северо-Западной Монголии. Вернувшись, Григорий Николаевич сразу же начал готовиться к новому путешествию, участвовать в котором пригласил А.В.Адрианова. Во время путешествия Александр должен был выполнять обязанности натуралиста и фотографа. «Страна урянхов (Тува. — *М.Д.*), — писал Г.Н.Потанин в начале 1878 г. вице-президенту РГО П.П.Семенову, — может дать богатый материал по шаманству. Как ни любопытен этот предмет, а нашими путешественниками собрано очень мало о нем сравнительно с тем, что можно было бы собрать. Большое разнообразие костюмов и утвари, часть которых имеет мистическое значение, и наконец, самая процедура камлания представляют богатый материал для собирателя этнографических сведений. В видах этого и других этнографических интересов, представляемых урянхайским народом, мне хотелось бы следующую поездку сделать по преимуществу этнографической»¹³.

Чтобы осуществить мечту о дальних странствиях, Александру пришлось, заручившись разрешением Совета Университета, сдавать выпускные экзамены досрочно. Уже 27 февраля 1879 г. он получил диплом Петербургского университета, в котором констатировалось, что А.В.Адрианов «выслушал полный курс наук по естественному разряду физико-математического факультета... По представлении диссертации признан достойным ученой степени кандидата»¹⁴. Спустя месяц после окончания Университета А.В.Адрианов был избран членом-сотрудником РГО.

* * *

В марте 1879 г. руководитель экспедиции Г.Н.Потанин, его супруга Александра Викторовна и Александр Адрианов прибыли из Петербурга в Омск. Отправным пунктом на Алтае был Бийск, куда путешественники добрались в середине апреля. В Кош-Агаче приобрели лошадей, договорились о покупке верблюдов, и наконец 28 мая экспедиция направилась в Монголию.

На Алтае, по пути в Монголию, Потанин занимался сбором фольклорных и этнографических материалов. Свидетелем и участником этих работ был Адрианов, помогавший во всех делах своему наставнику. Участники экспедиции наблюдали камлания шаманов, познакомились с экзотическим облачением этих служителей культа. Так, путешественники присутствовали при священнодействии самого известного на Чуе шамана Тарана. Близ Онгудая они наблюдали камлание молодого шамана Энчу. Перед заключительной частью камлания шаману был задан вопрос, приедет ли группа топографов — участников экспедиции, которые ожидали в Омске разрешения на поездку. Потанин так описывает этот случай: «Приступая к своему камланию, кам прежде всего попросил духов не сердиться, потому что он призывает их не по своей прихоти, что он человек подначальный, податной, что русский чиновник требует от него показать ему, как алтайские шаманы камлают, и что только страх послушаться чиновника заставляет его беспокоить духов. По окончании камлания Энчу говорил, что он не помнит, что было с ним, когда он плясал, стоя на ногах спиной к огню»¹⁵.

На Катуня, во время пути из Онгудая в Кош-Агач, путешественники встретили жертвенники, представляющие собою специальные постройки, на которых были вывешены попарно шкуры *изыков* — животных, посвященных божествам, конская и овечья. На веревках, жердочках или воткнутых в землю березках укреплялись белые ленточки-*яалама*.

Такие картины поражали воображение Александра и возбуждали интерес к самобытным верованиям и обрядам, истоки которых теряются в глубине веков и тысячелетий. Он пользовался каждым удобным случаем, чтобы сфотографировать шаманов, их атрибуты, культовые места, картины народного быта, местных жителей различных антропологических типов в национальных костюмах, виды местности, археологические памятники. Фотоаппарат был приобретен специально для путешествия. А.В.Адрианов сфотографировал, в частности, упомянутого выше шамана Тарана и облачение шамана Энчу. Прорисовки с этих снимков были помещены в этнографическом выпуске монографии Г.Н.Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии»¹⁶. А.В.Адрианов рассматривал искусство фотографии в качестве «инструмента для изучения народностей»¹⁷.

Перевалив через пограничный хребет Сайлюгем, путешественники направились в город Улангом на оз. Убса. Дальнейший маршрут проходил мимо оз. Хяргас-Нур к городу Ховд (Кобдо). Преодолев хребет Танну-Ола, долиной р. Торгалык вышли к р. Улуг-Хем. В Туве от горы Хайыракан участники экспедиции

направились долиной Улуг-Хема вверх по течению до заимки минусинского купца Веселкова, недалеко от места впадения в Улуг-Хем р. Элегест. От устья р. Элегест путешественники шли долиной Улуг-Хема до заимки минусинского скототорговца и купца Г.П.Сафьянова, которая располагалась ниже места слияния рек Бий-Хем и Каа-Хем — двух «Енисеев», где в наши дни поставлен обелиск «Центр Азии»¹⁸. Во время пребывания на заимке Г.П.Сафьянова Александр обратился с просьбой к управляющему Шишмареву записывать народные песни, сказки, легенды. С этой целью он составил для него специальную программу сбора материалов для публикации в этнографическом выпуске «Очерков Северо-Западной Монголии». Здесь же были опубликованы алтайские сказки, записанные Адриановым во время его следующего путешествия, состоявшегося в 1881 г., и статья Адрианова «Сööки и шуточные характеристики инородческих родов (сööков)»¹⁹, в которой были использованы переводы миссионера В.И.Вербицкого. Эта статья была написана по алтайским материалам (теленгиты, челканцы, кумандинцы, шорцы). 30 сентября путешественники продолжили маршрут, следуя вначале долиной р. Каа-Хем, затем подошли к оз. Тере-Холь и оттуда направились к дархатскому куреню. Наконец, они достигли оз. Косогол. Из казачьего поселка ехали в санях. В Иркутск путешественники прибыли уже в декабре, там они остались зимовать, планируя на следующий год продолжить экспедицию, однако эти планы не осуществились в связи с осложнениями в отношениях России с Китаем.

В середине марта 1880 г. в здании, где жил Адрианов на квартире редактора иркутской газеты «Сибирь» А.П.Нестерова и помещалась типография газеты, произошел пожар, во время которого, как сообщил Г.Н.Потанин в письме к Н.М.Ядринцеву, «у Адрианова все сгорело дотла, кроме надетого на нем белья и панталон; сгорели его дневники монгольские, геологические и орнитологические заметки, описание встреченных нами в Монголии чудских могил и каменных баб с рисунками и промерами»²⁰. В Иркутске Александр Васильевич встретился со своей будущей женой Анной Ефимовной Калмыковой (в девичестве Игнатовой), уроженкой Ярославля, приехавшей в Сибирь со своей старшей сестрой после разрыва с первым мужем, поручиком В.И.Калмыковым.

В 1880 г. РГО присудило Адрианову серебряную медаль за участие в экспедиции Г.Н.Потанина и коллекцию фотоснимков. Эти фотографии экспонировались в 1881 г. в помещении РГО в Петербурге. По свидетельству Н.М.Ядринцева, они дают представление «о типе и расе» монгольских племен. Г.Н.Потанин

сообщал, что «типы вышли хорошо. Я сам слышал похвалы академика Шренка и профессора Влад. Ковалевского», а также что коллекцию фотографий покупают заграничные общества антропологии²¹. В 1884 г. альбом фотографий, снятых Адриановым во время этого путешествия, был вручен Русским географическим обществом путешественнику французскому принцу Бонапарту в качестве ответного дара. Принц же преподнес Обществу фотографии индусов, североамериканских индейцев и индонезийцев.

Осенью 1880 г. Адрианов из Иркутска отправился в Томск, имея задание Г.Н.Потанина договориться с единомышленниками относительно издания там газеты. С собой он захватил несколько кип газетной бумаги для первых номеров. Томск стал для Адрианова родным городом, а сам он — его летописцем. «Сердцем Сибири» называл он Томск²². «Сибирская газета» в Томске издавалась с 1881 до середины 1888 г. Адрианов сотрудничал в ней со дня основания. Вначале Адрианов исполнял обязанности заведующего отделом корреспонденций, сибирским отделом, кроме того, он был секретарем редакции и занимался корректурой. В дальнейшем он был издателем, редактором и, разумеется, постоянным автором. Изучение Сибири, коренных народностей, ее населявших, их прошлого, уходящего в глубину веков, и современного бесправного положения входило в программу областников, и эти вопросы освещались им на страницах «Сибирской газеты».

Второе путешествие к центру Азии А.В.Адрианов совершил в 1881 г. уже самостоятельно. Научное обоснование необходимости путешествия, задачи, стоящие перед исследователем Сибири, сформулированы в предисловии к отчету о поездке, где он, в частности, писал: «Древнейший азиатский континент представляет такой глубокий по обилию и разнообразию материала интерес для его изучения, какого не представляет, может быть, никакая другая часть света... Здесь, несомненно, есть громадный материал, оставленный первобытным человеком, употреблявшим последовательно орудия из кремня и кости, меди и бронзы и, наконец, железа. Но едва ли не более благодарный и интересный материал представляют народности и наречия, существующие и теперь, у которых уцелела древнейшая низкая первобытная культура, народы, не вышедшие до сих пор из полудикого состояния и сохранившие обычаи и преданья глубокой старины»²³. Адрианов обращает внимание на то обстоятельство, что коренные народности переживают период ломки вековых устоев, когда «религиозные воззрения их уже не представляют первоначальной цельности, от них остались обломки, теперь непонятные даже для самих шаманистов, и связь между ними отыскать чрезвы-

чайно трудно, если не совсем невозможно; их внешний быт изменился столько же... Здесь все исчезает, даже самый язык... Таким образом, указывая на необходимость и глубокий интерес исследования вообще Сибири предпочтительно пред Средней Азией, я решился посвятить свои труды и знания на это изучение»²⁴. Средства, выделенные РГО на поездку, были крайне ограничены — 600 рублей, кроме того, редакция «Сибирской газеты» предоставила 100 рублей.

Из Кузнецка долинами рек Кондомы, Лебеди и Бии Адрианов достиг Телецкого озера, пересек его в лодке. Затем поднялся вверх по Чулышману и Башкаусу, перевалил через пограничный хребет и спустился в долину Хемчика и Улуг-Хема. Как и в предыдущем путешествии с Потаниным, в поездке по Алтаю Адрианов проводил естественнонаучные наблюдения, собирал коллекции, главным же образом интересовался этнографией. «Во все время путешествия, — писал он, — я собирал материал о шаманстве и, увлекшись этим, часто забывал и не успевал обратить внимание на многое другое»²⁵. Этнографические наблюдения Адрианова и собранные коллекции касались в основном черных татар — шорцев. Он описывает жилища и предметы домашнего обихода, одежду, пищу, занятия и орудия производства, семейный и общественный быт; характеризует образ жизни шорцев как оседлый с редкими перекочевками, вызванными стихийными бедствиями или же кончиной кого-нибудь из членов семьи; отмечает социальное неравенство и высокое положение женщины в обществе. «Хорошо и верно служивший мне толмач, грамотный и скромный инородец (так в то время называли представителей сибирских народностей. — *М.Д.*) Николай Шаганов, — писал Адрианов, — пока я путешествовал по Кондоме и Лебеди, дальше перестал понимать чуждые ему наречия теленгытов и сойотов (тувинцев. — *М.Д.*). Я не имел средств нанять другого толмача, почему в предлагаемом отчете нет сведений о инородцах, начиная с Телецкого озера. К сойотам же я попал не только без толмача, но даже без вожака, и прошел по интереснейшей из всего путешествия местности как человек, лишенный способностей: речи, зрения и слуха»²⁶. И все же Адриановым в Туве было собрано много ценных сведений, в том числе и этнографических.

Ограниченность средств не позволила Адрианову заняться отчетом о путешествии сразу же по возвращении, так как работа, которая давала ему средства к существованию, не оставляла свободного времени, «поэтому предлагаемый отчет писался только в часы досуга и растянулся на полтора года. Обработка глав о шаманстве, — писал он, — требовала много времени, и я решил

отложить ее до возвращения из моего второго путешествия на Абакан и в Кузнецкую чернь, где я надеюсь также собрать по этому предмету новый материал...»²⁷.

В 1882 г. путешествие, планируемое Адриановым, не состоялось. В этой связи Н.М.Ядринцев писал: «Адрианову не дали средств к жизни в Томске, и он, путешественник, сидит без дела»²⁸.

В 1883 г. Адрианов совершил путешествие в верховья р. Абакан к истокам р. Томь совместно с Д.А.Клеменцем, далее их пути разделились: Адрианов отправился на Мрассу, а Клеменц — на Абакан. В Каргинском стане Алтайской миссии, расположенном при впадении р. Анзас в Мрассу, Адрианов оставил на хранение часть этнографических коллекций. Однако миссионер, проявив религиозную нетерпимость, сжег предназначавшиеся для пересылки в музей шаманские бубны. Не найдя проводников к истокам Мрассу и Большого Абакана, Адрианов перевалил к верховьям Матыра и добрался до Абаканского завода. Здесь пути Адрианова и Клеменца пересеклись. Затем, наняв переводчика, Адрианов отправился за Саяны и достиг верхнего течения р. Тыйлансу. К этому времени запасы продовольствия кончились, к тому же тувинцы-проводники ночью его обокрали. Выменяв топор на баранью ногу, чтобы не голодать в пути, Адрианов вернулся из-за Саян на р. Абакан и далее направился в Минусинск, где на Тагарском острове, рядом с городом, еще до начала путешествия он произвел раскопки курганов, в которых им была обнаружена серия погребальных масок.

На страницах роскошного столичного издания «Живописная Россия»²⁹, написать статью в которое Адрианов получил предложение по рекомендации Потанина, он в идиллических красках характеризовал жизнь коренного населения, пока его не коснулась цивилизация. Но наступили новые времена, и Адрианов обличал хищническое отношение русской администрации, золотопромышленников и крестьян-переселенцев — «пауков», как он их называл, к незащитному местному коренному населению — инородцам, которые не адаптировались к новым условиям, и этим пользовались «пауки». «К бумагам, присылаемым в тайгу, инородец относится с тем же страхом и, получая их, бережно заворачивает в бересту, перевязывает лыком и кладет куда-нибудь на сохранение. Так они и лежат десятки лет нечитанные, так они целыми связками и передаются от одного выборного к другому... Золотопромышленник, забравшийся в самую глушь тайги, считает себя полным и единственным хозяином здесь. Он вносит с собой в инородческую среду страшную деморализацию: он вносит пьянство, разврат, воровство и буйство... Кроме обще-

известных способов упрочения здесь этих пауков, с большим успехом практикуется церковительство под видом просвещенного содействия великому делу распространения религии в среде язычников. Ничего, что построенная пауком церковь пуста и заколочена, ничего, что изредка полуграмотный родственник паука в качестве дьячка читает в пустом храме стихири, — пожертвование зачтено в великую заслугу, а пребывание жертводателя в данном месте признается благодетельным. При таком порядке вещей невозможно рассчитывать на доброе, дружественное и сочувственное к нам отношение инородцев. В самом деле, какое чувство может внушить инородцу пьяный, невежественный дьячок, который, услышав звуки бубна, врывается в юрту с грубой бранью, вырывает священный в глазах инородца инструмент из рук шамана и растаптывает его ногами? Таким путем невозможно внушить инородцу расположения к великой и просветительной христианской религии. Как будет относиться дикарь к русскому человеку, который пришел и срубил жертвенную березу, увешанную ленточками и перьями и пережившую несколько поколений, плативших ей свою дань? Куда ему деваться от русского человека, который, случайно завернув к нему в юрту и заметив там приготовленную жертву, пинком ноги откидывает жертвенный сосуд и с грубой бранью и издевательством выливает содержимое на пол?»³⁰.

Красочно и увлекательно описывает Адрианов, как алтайские сказители исполняют героические сказания о богатырях и героях. «Один из сказочников, молодой парень, сбегал в свою юрту и принес гомз, двуструнный музыкальный инструмент... Сказочник испробовал свой голос и снова начал строить свой инструмент. Говор, шум, продолжавшиеся в одном углу юрты, начали стихать мало-помалу. Настроил инструмент кобзарь, выкурил трубку, откашлялся и начал сказку, которую придумал рассказать... Начинает светать; зарей осветило небо на горизонте, проглянувши в перелеске; уже свежее утро заглянуло в открытую дверь юрты. Наконец... последний звук быстро оборвавшейся сказки... Приключения богатырей кончились смертью большинства их, и только главный герой да несколько его родных и друзей уцелели, состарившись в своем мыканье за тысячью небес или в подземном царстве. Утомленные слушатели, с напряженным вниманием следившие за богатырями и переживавшие те же кризисы отчаяния, надежды и страха, вздохнули свободно, точно от кошмара очнувшись с окончанием сказки. Одни поплелись по своим юртам, другие остались тут же»³¹.

Отчет Адрианова о поездке в 1883 г. был опубликован в «Записках» Западно-Сибирского отдела РГО. В отношении пуб-

ликации отчета Адрианов вел переписку с хранителем музея и библиотеки Западно-Сибирского отдела М.А.Шестаковым. Адрианов сообщал, что отчет «ведется в форме дневника, в который войдут этнографические сведения о шаманстве и проч. не сгруппированными, а по месту их наблюдения. Сказки и легенды я вводить не буду, также и метеорологические наблюдения, чтоб не увеличивать объем отчета. Для Географического же общества я предлагаю дать монографии по шаманству, этнографии и т. п., опустив всю географическую часть путешествия во избежание повторений»³². В начале 1888 г. Адрианов сообщал Потанину, что печатание отчета уже закончено, «но это только географическая часть пути, дневник, и надо заметить, довольно бессодержательный. Этнографическую часть я передал в Географическое общество, а археологическую — в Московское археологическое... Этнографическая часть далеко не готова у меня и, пожалуй, проваляется за пропастью работы, которую я себе создал по <губернскому статистическому> Комитету. К печати готовы только сказки»³³.

А.В.Адрианов планировал в дальнейшем продолжить исследование этнографии алтайских народов. «Если в географическом отношении, — писал он, — Алтай более или менее исследован, зато в естественноисторическом и в особенности этнологическом и антропологическом отношениях мы имеем о нем самые скудные, отрывочные сведения, собранные разными путешественниками в разных местах, мимоходом, во время их быстрых переездов, неизбежных при растянутом маршруте. Между тем этнологическое антропологическое исследование Алтая, тщательное, основательное, требующее продолжительных остановок в каждом населенном пункте, давно стало необходимым в виду тех изменений, какие претерпевает язык инородцев, их верования, обычаи, образ жизни и самый тип... Проектируя в 1881 г. целый ряд поездок на Алтай, я не мог, однако, сделать этнографию главнейшим предметом моих занятий вследствие растянутости маршрутов, рассчитанных притом же на незначительный промежуток времени; осуществление моих желаний я откладываю до будущих поездок в различные пункты Алтая»³⁴. Однако планируемые поездки не состоялись, и обобщающее исследование не было опубликовано. За экспедиционные работы в 1881 и 1883 гг. на Алтае, за Саянами и в Кузнецком Алатау РГО удостоило Адрианова малой золотой медали.

О своей жизни в Томске Адрианов рассказывал в письме Н.М.Мартыанову: «Чем больше накапливается газетных работ, тем сильнее хотелось бы заняться чем-либо более самостоятельным, пополнить мой скупой запас знаний. Не знаю, выпадет ли когда

на мою долю это счастливое время. Людей у нас нет, не с кем делить этот египетский труд, выжимающий все соки и почти не пополняющий истраченного. Жаль. Завязываю я сношения с антропологическим обществом в Москве — написал Богданову. Обещал скоро ответить, а пока поручил написать мне секретарю. Обещают поддержку, сделали доклад из моего письма на одном заседании. Очень я рад этому. Послал им в подарок маску...»³⁵ (здесь имеется в виду погребальная маска из его раскопок в 1883 г. на Тагарском острове).

* * *

За годы жизни в Томске А.В.Адрианов вел раскопки древнего могильника на окраине города, написал справочную книгу «Г[ород] Томск в прошлом и настоящем», занимался организацией лекций, выставок. Популяризация этнографических знаний в среде томской общественности имеет более чем вековую традицию, причем несомненные достижения во многом были связаны с именем Адрианова. После проведения в Москве в 1867 г. Всероссийской этнографической выставки и в 1879 г. Антропологической выставки, где наряду с собственно антропологическими материалами были выставлены и этнографические, экспозиционная активность из центра России переместилась на места. Первая в Сибири этнографическая выставка состоялась в Томске весной 1887 г. по инициативе известного просветителя П.И.Макушина и проводилась в пользу Общества попечения о начальном образовании. В «Сибирской газете» было помещено уведомление о предстоящей выставке, и жители города стали приносить в оргкомитет предметы для экспонирования. В зале Томской городской думы была выставлена войлочная переносная юрта, обставленная предметами труда и быта, среди которых посетителю разрешалось посидеть и отдохнуть. На выставке были представлены подлинные экспонаты, характеризующие занятия и промыслы различных народностей, их верования, праздничный быт. Экспонировались вырезанные из дерева манекены, облаченные в национальные одежды. Среди них тунгус с натянутым луком и другими охотничьими принадлежностями и гиляки в мужском и женском костюмах из рыбьей кожи, отделанных птичьим пухом. Демонстрировалось полное облачение шамана. Привлекался и иллюстративный материал: фотографии представителей коренных народностей и картины местных художников. В залах членами выставочного комитета А.В.Адриановым, Д.А.Клеменцем и С.К.Кузнецовым давались пояснения. К выставке был издан указатель. Газета «Восточное обозрение», рассказывая о выставке, сообщала: «Г[-н] Адрианов выставил в двух

витринах результаты своих раскопок в Минусинском округе. Вещей немного, но не одному археологу интересно было бы взглянуть на выставленные там погребальные маски. Ценность и поучительность коллекции увеличивается тем, что это не сбор случайно найденных вещей, а результаты систематических раскопок. Противоположная стена занята инородческим отделом. Здесь присланные из Минусинского музея фотографии качинцев и сойот и не блестящая с виду, но очень ценная коллекция инородческих идолов и принадлежностей шаманства — г[-на] Адрианова. Сколько нам известно, подобная коллекция в первый раз является перед публикой... Целый ряд фотографий шаманских бубнов дополняет подлинные принадлежности шаманского культа... Публика рассматривает за столиком альбом видов Алтая и Северо-Западной Монголии г[-на] Адрианова»³⁶. Выставка способствовала накоплению музейных предметов и сопровождалась оживленными откликами в печати, причем высказывалось пожелание, чтобы она стала ежегодной. В одной из статей говорилось: «В заключение можем только рекомендовать устройство подобных выставок и в других городах, — этим способом, доступным всякому, распространяются и приобретаются знания и расширяется кругозор человека»³⁷.

Помимо «Сибирской газеты» Адрианов состоял постоянным автором газеты «Сибирь» и «Восточного обозрения». Как отмечалось в опубликованном в 1888 г. первом выпуске «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», где биографические данные Александра Васильевича были предоставлены Н.М.Ядринцевым, «Адрианов принадлежит к числу наиболее видных представителей современной сибирской журналистики»³⁸.

«Сибирская газета» постоянно подвергалась преследованиям за обличительное направление, которого она неуклонно придерживалась. Еще в 1887 г. А.В.Адрианов обратился к Г.Н.Потанину с просьбой помочь в получении должности начальника Усинского пограничного поста: «Газета дышит на ладан и существует едва ли не последний год... Наиболее подходящим я считаю исследование Сойотии» (Тувы. — М.Д.)³⁹. Но это его намерение не осуществилось.

В мае 1887 г. «вступил в управление Высочайше вверенной ему губернией» новый томский губернатор А.И.Лакс, человек либерально настроенный и неподкупный, а уже на следующий день он издал указ о назначении Адрианова на должность чиновника по особым поручениям Томского общего губернского управления и секретаря губернского статистического комитета⁴⁰. В 1860-х годах Лакс жил в Тобольске и был другом губернатора,

хорошо знавшего семью Адриановых и теперь рекомендовавшего ему Александра Васильевича. «Назначение было тем более удивительно, — писала газета "Восточное обозрение", — что г[на] Адрианова причисляли к партии "непримиримых", обвиняли в сепаратизме и разных других измах и уговаривали Лакса не принимать такого человека на службу»⁴¹. Вторым шагом Лакса была поездка с Адриановым на ревизию по губернии, которая «наперекор всяким обычаям и традициям» прошла «в усиленном труде, без обедов с шампанским в городах, без встреч и проводов», в самой деловой атмосфере. Работа под началом просвещенного губернатора, каковым являлся А.И.Лакс, стала для Адрианова временем замыслов, наивысшего взлета служебной карьеры и надежды на свершение задуманных начинаний. Он планировал сделать достоянием гласности деятельность местной администрации, провести экспедиционное обследование губернии и многое другое. «Кроме того, — писал он Потанину, — я затеял собирать сведения об инородцах Томской губ[ернии] и составление этнографической карты; тут я встретился с циркуляром Министерства внутренних дел, требующим для подобных исследований каждый раз особого разрешения министра; послал выработанные программы и жду теперь ответа. Материал для карты, однако, получил уже из Кузнецкого и Мариинского округов и к маю соберется весь»⁴².

В конце 1887 и летом 1888 г. Адрианов совершает поездки в Нарымский край на р. Васюган, «в местность почти неизведанную, к осяткам». Первая поездка Адрианова на север, в Нарымский край, на реки Васюган и Кеть, состоялась в конце ноября — декабре 1887 г. Летом путь с Чулыма на Кеть был бы невозможен, на 150 верст здесь не было никакого населения. Затянувшаяся осень и распутица, прервавшие сообщение с Нарымом, задержали получение оттуда необходимых сведений. Только в конце ноября Адрианов вместе с архиереем направились, не сменяя лошадей, шагом по замерзшим болотам в село Максимикин Яр на Кети. Поездка длилась три недели. В течение первой он работал на Кети особенно продуктивно, поскольку не должен был согласовывать свои действия со спутником и свободно планировал время. Далее при передвижениях из Нарыма в Тымск, а затем на Васюган был связан с архиереем, так что смог там поработать урывками, когда к тому представлялась возможность. Характерно его замечание: «На Васюгане я добыл одного шаманствующего старика, <который играл> на струнном (пять струн) инструменте, называемом томар, а русскими — домра. Это — длинная, треугольная, совершенно глухая коробка с оригинальным приспособлением для натягивания струн. Но вот с архие-

реями такая беда ездить — я не мог ни описать, ни смотреть инструмента, — торопились куда-то ехать»⁴³.

А.В.Адрианов собрал материал для решения вопроса о выделении Нарымского края в особый административный округ, произвел подворную перепись четырех волостей, населенных самоедами (селькупами), подсчитал количество умерших в каждой семье детей, произвел антропологические измерения при помощи инструментов, руководствуясь инструкцией. Он собрал сведения об образе жизни и экономическом положении селькупов, подвел итоги их осеннего промысла, произвел ревизию магазинов, в которых хранились хлебные запасы. Адрианов измерил и описал различные типы жилищ, их внутреннюю обстановку, записал по-русски одну сказку и по-самодийски с переводом одну былинку («старинку»), составил словарь из 300 самодийских слов. Он собрал также сведения о тунгусах (эвенках), живших в пределах Томской губернии. Ему удалось составить интересную этнографическую коллекцию селькупских предметов: три ловушки на зверя, лук, «дорожку» на щук, орнаментированную посуду из бересты, коренник — плетеную корзину из черемуховых стружек и так называемую теплую траву, а также гребень для ее расчесывания.

По возвращении из поездки Адрианов писал Потанину: «Край меня очень заинтересовал, и я рвусь туда. Если мне удастся отстоять перед начальством необходимость исследований в крае, то первые три лета я ассигную на эту работу...»⁴⁴. Адрианов обращался с просьбой к Потанину: «Если что-нибудь найдете, Григорий Николаевич, недосказанным, напишите, пожалуйста. И вообще я попрошу еще Вас поруководить мною в моих этнографических работах, у меня, как Вы знаете, нет надлежавшей подготовки по этой части, — сообщите список таких сочинений по этнографии, которые бы дали мне, так сказать, общее образование в этой области»⁴⁵.

Для работы среди коренного населения в 1888 г. Адрианов получил от Г.Н.Потанина опросные листы. Еще в предыдущую поездку Адрианов записал по программе, составленной Потаниным, названия растений и животных. Золотопромышленник и меценат И.М.Сибиряков в ответ на просьбу Адрианова выделил ему 500 рублей для покупки фотоаппарата и фотоматериалов для экспедиции. Географическое общество ассигновало 100 рублей для покупки инструментов для предстоящей поездки. Внезапная смерть губернатора, по словам Адрианова, перевернула все вверх дном. Впоследствии подтвердились самые мрачные прогнозы, а пока что дела по организации экспедиции шли своим чередом, и поездка на север в Нарымский край состоялась. Адрианов пла-

нировал в мае с первым парохом выехать на Васюган, а затем пройти по Тыму и Оби между селом Тымском и устьем Чулыма. Поездка длилась полтора месяца, причем Адрианову в это время пришлось отвлекаться и на посторонние дела. «Беда в том, — писал он, — что в Комитете (Губернский статистический комитет. — *М.Д.*) такой работе не сочувствуют, и когда я был на Васюгане, мне прислали с нарочным дело для производства следствия об оскорблении Нарымского заседателя одним ссыльным. В полтора месяца тут немного сделаешь — с новым народом, языком, незнакомыми условиями»⁴⁶. За время поездки Адрианов произвел поголовную перепись остяцкого населения (манси) — 632 человека. Он пришел к выводу о вымирании коренного населения и сделал попытку вскрыть корни этого явления. «Много я видел инородцев, — сообщал он Потанину, — видел во всякой обстановке, но той ужасающей нищеты, той безответственности и отупения, той легкости, с какою их можно обирать, я не видал нигде и не представлял ее возможной в такой мере. Зверь, наша собака, куда лучше самоеда живет, рабочему скоту дают отдых, кормят, а здесь люди прямо погибают и ни единого звука жалобы, ропота!!.»⁴⁷.

Впечатлениями о поездках Адрианов делился на страницах газеты «Русские ведомости». Нарымский край — царство леса и воды, где экологическое равновесие так хрупко и непостоянно, природа столь легкоранима и столь велика зависимость человека от нее. «При обширности края, — писал Адрианов, — при удаленности и отрезанности его от своего центра о нарымских инородцах можно что-нибудь узнать, не иначе как предприняв специальное исследование. Томский исправник, в округе которого находится Нарымский край, полагает, что инородцев здесь тысяч пятнадцать; но эта цифра не совсем отвечает действительности, и на основании своих наблюдений в течение прошлой зимы и нынешнего лета я могу сказать, что инородцев здесь не более 3,5, много 4 тысяч, из которых на долю остяков приходится 632 человека (остяцкое население все переписано мною поголовно). По спискам населенных мест Томской губернии, составленным на основании сведений 1859 г., остяков числилось 1090 человек, а самоедов — 6521 человек. Значит, в 30 лет инородческое население Нарымского края убыло наполовину... Вымирание происходит довольно быстро на глазах самих инородцев, которые указывают на целые селения, исчезнувшие на их памяти, на убыль народа, совершающуюся из года в год»⁴⁸.

Рассказывая об экономическом положении местного населения, Адрианов отмечает, что «эксплуатация слабого сильным доведена здесь до невероятных размеров... Отдельные районы

обитания инородцев находятся в цепких руках немногих хищников, которые живут здесь постоянно или наезжают в известное время года. Хищники происходят из казаков-вахтеров, крестьян, мещан и духовного сословия и в самом недавнем прошлом не имели ничего, кроме цепких лап, кроме волчьего аппетита. Инородцы говорят: «Мы помним, как "он" пришел сюда пешком (на лыжах), в одной худенькой шубенке, а теперь... гляди-ко. Теперь они все "купцы", имеющие дома и капиталы»⁴⁹. Особенно интересные сведения Адрианов сообщает о духовной жизни коренного населения: верованиях, обрядах, устном народном творчестве. «Несмотря на близкое соседство русских, несмотря на то, что все инородцы, без исключения, приняли христианство около полутора столетия тому назад и с того времени среди них живет духовенство при церквях, специально для них выстроенных, все инородцы, за очень редким исключением, придерживаются своей старинной веры. Каждое утро и вечер инородец молится перед образами, шепча губами одни и те же слова: "Слава Тебе, Господи", "Слава Тебе, Господи", ставит свечи, посещает церкви. С другой стороны, он верит в своих прежних богов, делает идолов и умилостивляет их жертвами»⁵⁰.

С Васюгана Адрианов привез этнографическую коллекцию, которую позднее сдал в Минусинский музей, и фотоматериалы. К столетию поездки в Нарымский край интереснейшая подборка фотографий, снятых Адриановым на севере и хранящихся в архиве РГО в Санкт-Петербурге, была опубликована на страницах журнала «Родина»⁵¹. Представление о предметах культа и быта можно получить по фотоснимкам Адрианова, открывшим «забытый край» широкой публике. В.А.Никитин пишет, что Адрианов был выдающимся фотографом. «Мастер рассматривал свои снимки как инструмент для изучения народностей и уделял большое внимание быту, промыслам, религиозным обрядам. Ни до, ни после фотографам не удавалось в таком объеме и многообразии представить жизнь обитателей этих мест... Адрианов остро чувствовал свет, фактуру, точно передавал настроение, умел замечать мимолетные ситуации»⁵². Полную серию нарымских фотографий Адрианов отправил Д.Н.Анучину для Московского университета, 91 негатив — РГО.

Вернувшись из поездки, Адрианов сразу же ощутил на себе последствия смены начальника губернии. На место А.И.Лакса был назначен А.П.Булюбаш, с которым у Адрианова как публициста были давние счеты. Еще за пять лет до этих событий Адрианов писал фамилию будущего губернатора не с прописной, а со строчной буквы, слово «булюбашество» в его статьях в «Сибирской газете» было синонимом таких понятий, как шантаж и

тайные доносы. Намеченные Адриановым планы рушились. «Если мне не удастся удержаться в Комитете, — писал он, — что весьма вероятно, то с исследованием остяков придется распротиться, а жаль, очень жаль — предстоящим летом намечена поездка на Тым и Обь, а если бы успел, то на Парабель и Чаю»⁵³. «С остяцким языком я начал знакомиться и, если б провел лето среди них, был бы в состоянии записать на этом языке весь их богатырский эпос»⁵⁴.

В 1889 г. по требованию нового томского губернатора Адрианов был вынужден подать в отставку с занимаемых в Губернском управлении должностей. Булюбаш мотивировал его отставку участием в «Сибирской газете», направление которой было признано правительством вредным, а также тем, что он водил знакомства с политссыльными. Ему инкриминировалось также отсутствие положенного чиновнику парадного мундира и то обстоятельство, что он не посещал церковь по царским дням. За Адриановым был установлен негласный надзор полиции, и все двери в Томске оказались закрытыми перед ним⁵⁵. Попытки устроиться на службу были безуспешны, куда бы он ни обращался, отовсюду шли отказы. Наконец, управляющим Канивальским ему было обещано место в Управлении акцизными сборами Восточной Сибири. После того как Адрианов остался без средств к существованию, общие знакомые в Петербурге рассказали сибирскому золотопромышленнику И.М.Сибирякову о его бедственном положении, и тот сам предложил Адрианову деньги в долг. И.М.Сибиряков был известным меценатом, именно к нему прежде обращался Адрианов с ходатайством о пожертвовании средств на строительство специального здания для Минусинского музея, и Сибиряков сделал главный вклад; закладка музея состоялась в мае 1887 г. Поездку в Якутию на средства Сибирякова предложил Адрианову Г.Н.Потанин.

Известно, что экспедиция в Якутию, предпринятая на средства И.М.Сибирякова в 1894—1896 гг., так называемая Сибиряковская экспедиция, была крупнейшим научным предприятием, в ней помимо местных чиновников и представителей духовенства принимали участие политссыльные, более 10 человек. Главным ее организатором был Д.А.Клеменц. В свете новых документов замысел и первые попытки организации экспедиции следует относить к концу 1889 г. и связывать их с именем А.В.Адрианова⁵⁶. Переговоры о поездке Адрианов вел лично с И.М.Сибиряковым и об их ходе сообщил Потанину в письме от 19 ноября 1889 г. Он писал: «Иннокентий Михайлович сказал мне, что на экспедицию дает мне от 4 до 5 тысяч рублей и не вменяет в обязанность собрать в течение года требуемый материал. Вообще

же он отказался от всяких соображений о том, куда ехать именно, что исследовать кроме экономического быта и т.д. Из его слов я убедился, что он о крае не имеет никакого представления; так, он полагал, что якутов тысяч пять, и был очень удивлен, когда я сказал ему, что их считают до 220 000 человек да тунгусов более 10 000. Теперь, если прибавить к этому площадь, ими занимаемую, то выйдет нечто такое, в чем разобраться действительно трудно. В конце концов он стал сомневаться, будет ли польза от экспедиции, которая захватит лишь небольшую часть народности, а не всю ее. Я успокоил его тем, что помимо личных наблюдений надо постараться воспользоваться наблюдениями политических ссыльных, живущих в крае, а также разных местных старожилов — любителей собирать и записывать разные сведения; и уверил его, что посылка какого угодно, только добросовестного, человека, даст для науки ценный вклад. Теперь все дело за справками: в какой именно район или районы ехать, с какого времени, каким путем, как организовать передвижение экспедиции и обеспечить ее продовольствием, когда и в каких пунктах бывают ярмарки, нужен ли переводчик, какие пути летом и зимою, когда и где нет сообщений, откуда начать исследования и как передвигаться в зависимости от времени года, то есть от годности путей сообщения и от того, когда народ не живет на месте, а разбегается. Иннокентий Михайлович просил меня написать ему, по собрании сведений, и представить смету расходов»⁵⁷.

Далее Адрианов перечисляет должностных лиц, к которым необходимо обратиться за справочным материалом. Он сообщает, что профессор Томского университета ботаник С.И.Коржинский изъявляет желание поехать с ним, «справедливо говоря, что успех и удовольствие работы зависят много от товарища. Разумеется, я рад и самой работе, и такому товарищу, но есть и для С.И. и для меня препятствия»⁵⁸. Одно из препятствий — это то, что семья Адрианова не могла двинуться из Томска, так как томский губернатор Булюбаш не выдавал его жене документа на жительство, а вышестоящие инстанции на запросы не отвечали. Другое препятствие заключалось в материальной необеспеченности семьи. «Теперь у меня уже пять человек детей (9.XI родилась дочь), — писал Адрианов, — и на мне лежит нравственная обязанность не только обеспечить им текущее существование, но еще позаботиться и о близком их будущем; что, если, например, я умру? Ведь это самые жалкие нищие останутся, не только без образования, но и без куска хлеба, беспомощные. Я же до сих пор не только не отложил ничего на черный день, а живу в долг, в счет будущих благ. Вот почему я решил твердо держаться за

обещанное место помощника акцизного надзирателя, как дающее достаточное обеспечение... Поездку к якутам принимаю с большим удовольствием и ставлю ее в зависимость только от ответа Канивальского — согласится он сохранить мою кандидатуру на обещанной должности или нет по возвращении из экспедиции; об этом пишу ему с этою же почтой, и может быть, нелишне будет, если Вы повидаетесь с ним и переговорите»⁵⁹.

Ответом на письмо Адрианова управляющему, в котором он уведомлял Канивальского о предстоящем путешествии в Якутию, была телеграмма о его назначении в с. Новоселово. Из Томска он писал Потанину: «У меня немало скопилось различных коллекций этнографических, антропологических и археологических. Если я уеду отсюда, мне надо их сохранить; таскать же за собой дорого, да и, пожалуй, небезопасно для их целости. Лежат они у меня потому, что надо было описать и затем уже отправить... Всего больше меня смущают три громоздких вещи — две тунгусских лодки и остяцкая юрта...»⁶⁰.

В начале 1890 г. Адрианов с семьей переезжает в с. Новоселово, затем в Минусинск. В Минусинский музей он передает привезенные с собой коллекции. Так началась его почти 23-летняя служба в Управлении акцизными сборами Восточной, а затем и Западной Сибири. Свое отношение к службе по акцизной части он характеризовал так: «По существу, это нечто совершенно мне чуждое, ни мало мне не интересное»⁶¹. Однако и в службе по акцизному ведомству Адрианов находил положительные стороны. Это возможность разъездов и совмещения поездок по служебным делам с полевыми изысканиями, наличие свободного времени, а также материальное обеспечение семьи. (Дети Александра Васильевича — Мария, Александр, Нина, Григорий, Любовь, Вера, Надежда.)

По прибытии в Новоселово Адрианов писал Потанину: «Если Вы или Отдел (ВСОРГО. — М.Д.) пожелают дать мне какое-либо поручение в этом районе или сопредельных с ним частях — могу его исполнить и забраться к инородцам кызыльским или качинским, а также в тайгу»⁶². Уже в 1890 г. в с. Новоселово Адрианов раскопал небольшой курган и в дальнейшем в период жизни в Минусинске проводил исследования погребальных памятников в разных пунктах могильной, как ее в те времена называли, степи, где им было вскрыто около полутораста курганов. Его раскопки погребальных сооружений на Среднем Енисее создали прочную базу для дальнейших исследований⁶³. В Минусинском округе Адрианов собрал материалы для большого очерка по геологии Енисейской губернии, который был опубликован в Иркутске в 1894 г.⁶⁴

В 1894 г. Адрианов сообщает Потанину, что начал составлять каталог этнографического отдела Минусинского музея. «По моему плану, — писал он, — каталог должен дать полную и цельную картину быта и верований Минусинских инородцев, перечень же музейного материала будет служить наглядным пособием к тексту. Мысль издания обширного каталога музея, в котором для каждого отдела будет особый том, принадлежит мне, я же нашел средства для этого издания, один том которого, сельскохозяйственный отдел, в прошлом году вышел из печати. Этнографический отдел я оставил за собой, а для остальных отделов подождем охотников»⁶⁵. Помимо служебных обязанностей в акцизном управлении Адрианов состоял членом комитета Минусинского музея, председателем Переселенческого комитета и председателем Общества попечения о начальном образовании. Для Минусинского музея Адрианов делал много фотоснимков. Г.Н.Потанину он сообщал: «Не оставляю я занятий и фотографией, в которой совершенствуюсь и накапливаю материал; ныне я затратил на материал и пополнение 300 руб., между прочим, выписал моментальный аппарат для съемок сцен и специально инородцев, которые не соглашаются сниматься обыкновенным путем»⁶⁶. В 1896 г. ему пришлось делать фотоснимки для Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, к участию в которой музей получил приглашение. Он принимал участие в переписи населения России в 1897 г., за что был награжден памятной медалью.

Среди учителей, занимавшихся с детьми Адрианова, были и политссылные, отбывавшие срок в Минусинске. Старшей дочери Марии преподавал Ф.Я.Кон, а старшему сыну Александру, когда тот готовился к экзаменам в Томскую классическую гимназию, давал уроки Г.М.Кржижановский. Сохранились воспоминания Адрианова-младшего о том, как в отрочестве он играл в шахматы в доме Г.М.Кржижановского с В.И.Лениным, когда тот в период шушенской ссылки приезжал в Минусинск. Впечатляет, с каким внутренним достоинством и без малейшего намека на пиетет в отношении личности Ленина описывает Александр Александрович этот случай. И это в то время, когда зачастую было достаточно «вспомнить», что ты когда-то видел вождя хотя бы издали, чтобы безбедно прожить всю оставшуюся жизнь. Хотя, как известно, случалось и обратное...

* * *

С сентября 1899 по сентябрь 1901 г. Адрианов служил в Иркутске, а затем был переведен старшим ревизором Енисейского акцизного управления в Красноярск, где ему предстояло про-

быть три года. Там он прожил до конца 1904 г. Поселившись в Красноярске, Адрианов продолжил раскопки курганов на Среднем Енисее. В этот период жизни широко развернулась его деятельность как исследователя петроглифов Енисея⁶⁷. В Красноярске Адрианов начал сотрудничать, хотя и не столь успешно, как он рассчитывал, с Красноярским подотделом ВСОРГО, организованным в январе 1901 г. Александр Васильевич был избран на должность правителя отдела, а когда в ведение Красноярского подотдела был передан городской музей, он становится консерватором музея. В 1902 г. он занимался подготовкой и организацией экспедиции Ф.Я.Кона в Туву. В этот период жизни Адрианов по поручению Русского музея собирал этнографические коллекции среди минусинских аборигенов. Так, в 1904 г. наряду с исследованием писаниц по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии Адрианов собирал материалы о каменных изваяниях для Исторического музея в Москве, а также этнографические материалы среди качинцев для Русского музея. В 1904 г. Адриановым был приобретен наряду с другими предметами костюм качинской шаманки. Вот как описывает он эту сделку: «Варлам Шоев должен был после смерти дочери отнести ее шаманский наряд и бубен куда-нибудь подальше и повесить на дереве. Но он был скуп до скарденности и к тому же не очень тверд в верованиях предков. Смутное чувство страха перед духами, боязнь прогневать их борется в нем с жадностью к деньгам, и последняя, после долгих колебаний, берет верх. Он соглашается продать костюм дочери только за то, во что он ему обошелся... Беседа велась, по обыкновению, в присутствии многочисленных свидетелей... солгать и увеличить размер затрат не приходилось». Далее следует перечисление материалов, которые пошли на шубу и шапку, и называлась их стоимость: шкуры четырех козлов, филин, сукно, пуговицы, колокольцы, раковины каури, ботало, бляха от седла, материя на чаламу (ритуальную ленту) и др. Березу для бубна за плату искали два человека. На бубен пошла шкура козла, шесть медных подвесок. В стоимость шаманского костюма были включены траты на угощение для народа, в результате сумма достигла 30 рублей. «Но Варлам предусмотрительно умолчал о том, что его расходы по обзаведению дочери шаманским костюмом давно погашены; согласно обычаю, по изготовлении наряда семейные ездят по окрестным улусам и, переходя из юрты в юрту, как наши попы, собирают деньги, кто что даст; иные, смотря по достатку, дают по рублю, другие ничего не дают, но в конце концов расходы окупаются. Я знал о том, что Варлам эту операцию проделал, но умолчал о ней, молчали и все присутствующие, пони-

мая, что Варлам совершает коммерческую сделку, не допуская обмана»⁶⁸. После торга Варлам уступил Адрианову шаманский костюм за 15 рублей.

В Красноярске Адрианов опубликовал сборник русских сказок и песен в Сибири⁶⁹. Фольклорные произведения Александр Васильевич собирал в Барнаульском, Красноярском, Минусинском и других уездах. В записях приняли участие его дочери, Нина и Мария, а также сестры — младшая, Евгения Васильевна, и в особенности Антонина Васильевна, носившая фамилию мужа, ссыльного польского повстанца Жилинского. А.В.Жилинская, проживавшая в сельской местности Курганского уезда, по просьбе брата собирала фольклор в родном селе Белозерском и его окрестностях. Здесь же были помещены сказки, записанные Адриановым и Потаниным со слов их спутника по путешествию 1879 г. В.А.Палкина, уроженца Бийского уезда. Следующий выпуск «Записок» Красноярского подотдела ВСОРГО «Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний» был издан под редакцией Г.Н.Потанина. В нем среди прочих были материалы, собранные дочерью Александра Васильевича Ниной. Из публикаций этого периода следует отметить «Очерки Минусинского края», которые были напечатаны в «Сибирском торговом-промышленном и справочном календаре» на 1904 г. и, кроме того, выпущены отдельной книгой. В ней автор касается вопросов древней истории края. Специальные разделы посвящены природе, полезным ископаемым, путям сообщения. Адрианов приводит сведения о русском населении края и дает этнографический очерк коренных жителей, описывает их занятия, касается вопросов промышленности и торговли. В конце рассказывается о Минусинске, его истории и современном состоянии. Очерк заканчивается описанием музея. «С учреждением музея в крае, — писал он, — появился стойкий фактор в борьбе с косностью и невежеством, окутывающими население»⁷⁰.

В конце 1904 г., согласно формулировке акцизного начальства «за излишнюю ревность к науке», после успешных работ по копированию наскальных изображений Адрианов был переведен по службе в Иркутск⁷¹. Перед отъездом он рассылает по музеям собранные коллекции. В описи значатся посылки в Русский музей и в Академию наук в Петербурге. Четыре ящика он отправил в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, один ящик в Имп. Археологическую комиссию и два в Имп. Археологическое общество.

В Иркутске, во ВСОРГО, Адрианов был избран председателем земской комиссии. В газете «Восточное обозрение» взял на себя борьбу с цензурой и вице-губернатором Мишиным, а когда

И.И.Попов, редактор этой газеты, ездил в Москву, то Адрианов замещал его в качестве главного редактора. А.В.Адрианов принимал участие в подготовке выборов гласных в I Государственную думу. В этот период активизировалась деятельность областников. 28—29 августа в 1905 г. в Томске проходил областной съезд. Решения съезда послужили политической платформой для Сибирского областного союза. По поручению Г.Н.Потанина Адрианов в Иркутске напечатал и разослал «Устав областного союза», «Основные положения областного союза» и «Протоколы съезда 28 августа». «Главная цель областного союза, — писал он Потанину, — недопущение черносотенных элементов в Государственную думу и увеличение ее состава сибирскими голосами...»⁷².

* * *

Через год Адрианов вернулся в Томск. Он сотрудничал в газете «Сибирская жизнь», посылал корреспонденции в столичный журнал «Сибирские вопросы». Его избрали секретарем Общества изучения Сибири, гласным Томской городской думы. В 1906—1909 гг. Адрианов проводил исследования петроглифов Енисея и собирал этнографические коллекции, которые, судя по его записям, были посланы в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, в этнографический отдел Русского музея, в МАЭ, в Имп. Археологическую комиссию, Имп. Археологическое общество, в Западно-Сибирский отдел РГО в Омске, в Красноярский подотдел ВСОРГО, во ВСОРГО в Иркутске⁷³.

Репутация А.В.Адрианова как человека политически неблагонадежного на протяжении всей жизни была препятствием для многих его начинаний. В 1907 г. он приступил к заведованию Музеем археологии и этнографии Томского университета, который уже много лет был закрыт на замок. Он предполагал в дальнейшем открыть музей для посетителей и организовать еженедельные чтения. За время кратковременного заведования Адрианова в музей поступило несколько сотен экспонатов, сам он сдал туда этнографическую коллекцию. С чердаков, из сараев были снесены ящики с нераспакованными коллекциями, которые он с группой студентов начал регистрировать. «Но вмешался господин попечитель учебного округа тайный советник Лаврентьев, и ... Адрианов был отстранен от заведования музеем. Почему? Потому что Адрианов — не член Союза русского народа? Что он не подписчик "Сибирской правды"? (газета черносотенцев. — М.Д.). Да ведь заведование музеем никакого отношения к политике не

имеет, а что г[-н] Адрианов — знаток дела и любит его — это несомненно. Зачем же устранен А.В.Адрианов?»⁷⁴.

Самой яркой страницей в истории популяризации этнографических знаний в Томске явился «Сибирский вечер», состоявшийся в феврале 1909 г. Его инициатором был А.В.Адрианов, в организации принял участие Г.Н.Потанин. Это беспрецедентное новаторское начинание имело помимо просветительных и научных целей еще и благотворительные: весь сбор от этого мероприятия шел в пользу сибиряков, обучавшихся в высших учебных заведениях Москвы и Петербурга. В фойе Общественного собрания, где проходил вечер, экспонировались историко-бытовые и природные комплексы. По словам автора газетной статьи, они представляли собой «художественно воссозданный тот или иной уголок Сибири и ее быта: остяцкая юрта, полузанесенная снегом, с ее инвентарем и рыболовными принадлежностями; алтайская юрта с уголком тайги, со следами недавнего камлания — цветные ленты, куски одежды, шкуры животных и т.п., развешанные в дар духам... Направо от сцены, на фоне декорации, изображающей полярную ночь, громоздится на глыбах снега и льда тяжелая фигура белого медведя»⁷⁵. Представители коренных народностей выступали на сцене в соответствующих интерьерах, среди подлинных вещественных материалов. На вечере прозвучала музыка и пение татар, бурят, монголов, киргизов, русских, выступил якутский сказитель, алтайский шаман.

Вечер открылся татарским отделением. Перед публикой — интерьер татарского дома, разделенного на две половины ситцевой занавеской. Женщины украдкой приподнимают покрывало и заглядывают на другую половину, где на полу сидят за чаем мужчины. После сцены угощения хозяином гостей и общей беседы следует игра на дудках из камыша, затем сказание о сотворении мира, песнь о любви и песнь матери. Далее хор татарских детей поет песни: тюремную, историческую и нищего мальчика. Следующее отделение хоровое. Ученики музыкальной школы, одетые в костюмы сибирских народностей, исполняют киргизскую мелодию и русскую песню. Хор сменяет группа якутов. Четверо молча полулежат около теплящегося камелька, а пятый исполняет якутское сказание «о могучем богатыре Кюне-Эрлике, встретившемся с Абагы-Убола (сыном дьявола)». Далее следовали монгольское и бурятское отделения: сцена «Прощание монгольского князя с родной стороной» и национальные мелодии.

Наибольший интерес присутствующих привлекло шаманское камлание. Для демонстрации акта камлания в Томск был специально приглашен «представитель исчезающей религии алтаец

кам Мампый (в других местах он именуется Мампылом или Мамным. — *М.Д.*), приехавший в Томск из самого сердца Алтая, с р. Ашиатта, левого притока Катуня (верст 50 выше р. Аноса). Ему 40 лет. Он ни слова не понимает по-русски. Для интересующихся изготовлены фотографии с Мампыла в профессиональном и обыкновенном костюмах⁷⁶. Вот как описывает очевидец, некий В-ин Г., выступление Мампыя в зале Общественного собрания: «Поднимается занавес. На сцене кам в своем "священном" облачении, с большим бубном в руке, символически обозначающим коня или плеть. Сидя на полу, он тихо бьет в бубен, потом начинает речитативом обращаться к огню, усиливает и уменьшает звук бубна, который то чуть-чуть вздрагивает, то переходит в гулкие, как бы громовые раскаты. Кам вскакивает и быстро кружится, продолжая молитвенные обращения к своему предку Каныму и к своей родине — Алтаю. Странно и жутко звучит его сухой гортанный голос, щемящая с завыванием молитва. Звенят колокольчики, привязанные на спину, рокошет и гремит гулкий бубен, то поднимающийся над головой, то ударяющийся о землю; с шумом раскидываются кольцом ленты облачения, как будто тоже пляшущие иступленную пляску... Опускается занавес, а кам в религиозном экстазе все еще продолжает свой обряд. Говорят, его с трудом остановили, и он остался недоволен. Говорят, что пульс его бил во время камланья по 140 ударов в минуту»⁷⁷. На страницах газеты «Сибирская жизнь» Адрианов изложил свое понимание сущности шаманизма. «Шаманизм — это грубая языческая религия, — писал он, — некогда самая распространенная, а теперь вымирающая и сохранившаяся главным образом у сибирских инородцев. По воззрению шаманства мир наполнен бесчисленным множеством духов, добрых и злых, в воде, в лесах, на горах, в жилищах, — всюду находятся эти духи и так или иначе постоянно проявляют свое влияние на человека и его судьбу... Он (шаман. — *М.Д.*) во время экстаза обладает способностью входить в общение с духами, узнавать, какой из них и почему послал болезнь и причинил какое-нибудь несчастье человеку и какой жертвы требует за то, чтоб переменить гнев на милость. Этого мало. Шаманы обладают такой силой, что могут подчинить своей власти духов и заставить их служить себе, могут вести с ними борьбу и устрашать их...»⁷⁸. Специально для вечера типографским способом была напечатана программа выступления А.В.Адрианова, носившая название «Шаманская мистерия (камлание)»⁷⁹. В его архиве, хранящемся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета, помимо этой программы имеется текст самого доклада, однако рукопись настолько обгорела во время пожара,

постигшего дом, в котором жили потомки А.В.Адрианова и хранился семейный архив, что практически невозстановима⁸⁰.

Выступление алтайского шамана вызвало у томской общест-венности столь живой интерес, что и доклад Адрианова, и кам-лание Мампя пришлось дважды повторить перед другой ауди-торией. Сборы от этих выступлений шли в пользу Сибирского кружка студентов Томского университета. В довершение Мам-пый был представлен томскому губернатору Н.Л.Гондатти, коим был принят, по сообщениям газет, «весьма радушно», а также архиепископу Макарию, которым «был принят ласково». Влады-ка послал жене Мампя в подарок цветные платки, детям — яблоки, а самому каму вручил свою визитную карточку и порт-рет⁸¹. Кроме того, для Мампя была составлена обширная куль-турная программа его пребывания в Томске. Он посетил цирк, кинематограф, типографию, его познакомили с телефоном и электрическим освещением, а также с другими достижениями науки и техники. Паровую машину и различные химические реакции ему продемонстрировали в Технологическом институте. Известные томские художницы Л.П.Базанова и А.С.Капустина приглашали Мампя в свои мастерские, каждая на несколько сеансов, и выполнили его портреты. Сообщая об этом, автор газетной заметки прогнозировал, что скоро по горам и долинам Алтая понесутся рассказы о пребывании Мампя в Томске. Со-бытия этого вечера нашли подробное отражение на страницах местной прессы. В том же, 1909 г. сведения о «Сибирском вече-ре» в Томске по материалам газетных статей были опубликованы в «Этнографическом обозрении»⁸². Газета «Сибирская жизнь» писала: «Этот вечер — единственный в своем роде, первый и желательно, чтобы не последний. Кроме несомненного образова-тельного и эстетического значения вечер имеет еще ту положи-тельную сторону, что он явился прекрасной попыткой объеди-нения представителей различных сибирских народностей, а сре-ди интеллигентных русских сибиряков усилил интерес к само-бытным чертам природы и жизни нашей великой окраины»⁸³.

Имя кама Мампя и в дальнейшем встречается в этнографи-ческой литературе. Так, в 1910—1912 гг. во время поездок на Алтай известный этнограф А. В.Анохин расспрашивал Мампя о случаях из его шаманской практики, интересовался его пред-ставлениями о посмертной судьбе его души. А.В.Анохин записал также три текста камланий Мампя (мистерии Эрлику, Алтаю-Чапты-хану и сыну Улгения Каршиту) и опубликовал их тексты в работе «Материалы по шаманству у алтайцев»⁸⁴, недавно переиз-данной⁸⁵. В ноябре 1913 г. в Томске вновь был проведен подоб-ный вечер с шаманским камланием. В вечере участвовали брат

художника Г.И.Гуркина, известный фотограф С.И.Гуркин, и шаман Болчок Бобожоков⁸⁶.

В 1909 г. группа томских исследователей, в том числе известный ботаник П.Н.Крылов, геолог М.Э.Янишевский, физик А.Я.Капустин, а также консерватор Красноярского музея А.Я.Тугаринов занимались составлением проекта экспедиции на Туруханский север в марте—августе 1911 г. А.В.Адрианов был приглашен в качестве этнографа-археолога. Он планировал сборы этнографических коллекций на месте бывшей Мангазеи и в других пунктах края. Однако эта поездка Адрианова не состоялась, и полевые исследования по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии он проводил в высокогорной области Юго-Западного Алтая⁸⁷. (Его поездки по делам службы по Семипалатинской области в 1906 и 1910 гг. были связаны с предварительным ознакомлением с археологией края.)

Художественным творчеством коренных сибирских народностей Адрианов начал интересоваться еще во время своих первых экспедиций. В 1909 г. им были собраны для Русского музея большие коллекции произведений национального искусства — материалы по орнаменту минусинских и ачинских аборигенов Енисейской губернии. Еще до отсылки коллекций в столичный музей он смог продемонстрировать их во время доклада на заседании Томского общества любителей художеств, одной из задач которого было изучение художественного творчества коренного населения. Заинтересовавшись формой орнамента во время первых поездок в Минусинский и Ачинский уезды, Адрианов стал возить с собой острые ножницы, полагая, что достигнет лучших результатов, если местные мастерицы выкройки для него будут вырезать хорошим инструментом. Однако, по его признанию, он ошибся, так как женщины портили выкройки, пользуясь острыми ножницами, и отказывались от них, предпочитая грубые, огромные. Такими полуаршинными ножницами, предназначавшимися для стрижки овец, они вырезали тонкие и изящные фигуры. За несколько поездок в Минусинский и Ачинский уезды Адрианов собрал у местного населения коллекцию, содержащую около 200 выкроек для вышивок. Их он воспроизвел на особом сорте бумаги (ферро-пруссиятной) и составил из них альбомы, которые ныне хранятся в Музее археологии и этнографии Томского государственного университета.

В январе 1912 г. Адрианов выступил на Всероссийском съезде художников в Петербурге с докладом «Об орнаменте у сибирских инородцев»⁸⁸. Еще в июне 1909 г. было утверждено «Положение о съезде», где говорилось, что Всероссийский съезд художников всех отраслей графических и пластических искусств (живопис-

цев, архитекторов, скульпторов и пр., преподавателей тех же искусств и любителей художеств) созывается с целью сближения и совместного обсуждения вопросов национального искусства, правового и материального положения художников. Съезд проходил в конференц-зале Императорской Академии художеств с 27 декабря 1911 по 5 января 1912 г. А.В.Адрианов выступил на заседании Первого отдела, носившего название «Вопросы эстетики и истории искусств». На семи заседаниях отдела было заслушано 20 докладов. Среди выступавших на этом отделе были такие прославленные художники и деятели культуры, как И.Е.Репин, Д.В.Айналов, В.В.Кандинский и др. В докладе «Об орнаменте у сибирских инородцев», который был иллюстрирован многочисленными образцами работ сибирских аборигенов, а также многими рисунками, Адрианов говорил: «Я не беру на себя задачи определять художественное и научное значение собранных мною образцов инородческого орнамента, указывать его место в ряду орнаментов других народов, его самостоятельное или подчиненное значение, устанавливать его влияние. Главная моя цель — обратить внимание лиц, более меня сведущих в этом вопросе, на необходимость изучения орнамента сибирских инородцев и вообще народностей, населяющих Сибирь; я уверен, что занявшиеся таким изучением найдут здесь много нового и богатого по содержанию материала»⁸⁹. Адрианов подчеркивал, что он собирал материалы по орнаменту только как этнограф, тогда как «перед взором подготовленного художника здесь откроются новые сокровища, накопленные гением каждой народности на протяжении многих столетий»⁹⁰. «Редкий случай столь большого собрания компетентных лиц, — говорил Адрианов, — дает мне повод поставить задачу — разработать художникам, совместно с этнографами и археологами, программу собирания материалов по орнаменту. Наличие ее несомненно облегчит и ускорит разрешение задачи, заслуживающей самого серьезного внимания»⁹¹.

Доклад Адрианова был прослушан с большим интересом и вызвал оживленный обмен мнениями. В кратком «Предисловии» к публикации материалов заседаний, которое по сути дела является отчетом о работе отдела «Вопросы эстетики и истории искусств», доклад, прочитанный А.В.Адриановым, был выделен особо: «Постепенное исчезновение орнамента у сибирских инородцев, ярко обрисованное А.В.Адриановым, вызвало у аудитории единодушную резолюцию о необходимости его изучения и собирания»⁹². Резолюция была принята в редакции Б.П.Денике: «Признавая представленные А.В.Адриановым материалы по орнаменту сибирских инородцев важными, собрание Первого от-

дела Всероссийского съезда художников всецело присоединяется к мнению А.В.Адрианова, что для сохранения исчезающего орнамента сибирских инородцев необходимо безотлагательное его изучение этнографами, художниками и историками искусства, и выражает пожелание, чтобы была выработана подробная программа его собирания и изучения»⁹³.

В начале мая 1913 г. по случаю 30-летней годовщины раскопок на Тагарском острове отмечалось 30-летие научной деятельности Адрианова. Его поздравило Русское географическое общество. Московское археологическое общество избрало его в действительные члены, выслало диплом, а затем и издания Общества.

* * *

Вскоре за поддержку на страницах газеты «Сибирская жизнь» стачечного движения Адрианов был арестован, заключен в тюрьму. Газета приводила описание этого события на своих страницах: «22 мая в 5 часов утра в квартире ближайшего сотрудника "Сибирской жизни" А.В.Адрианова жандармскими чинами был произведен обыск. Через несколько часов после этого А.В.Адрианов был арестован»⁹⁴. Обыск был устроен также и в редакции газеты. «Особое внимание жандармские ротмистры обратили на стол ближайшего сотрудника "Сибирской жизни", заведующего сибирским отделом, гласного Томской городской думы, статского советника А.В.Адрианова. Здесь была произведена выемка бумаг (рукописей и вырезок из сибирских газет), относящихся к забастовке служащих фирмы Второва»⁹⁵. Позднее Адрианов был выпущен из тюрьмы до суда. В конце августа он был выслан из Томска на три года на север, в Нарым. Несмотря на угрозу томского губернатора «загнать за Максимкин Яр» в случае, если Адрианов будет писать в газету, из Нарыма в «Сибирскую жизнь» шли корреспонденции, анонимные или же под псевдонимом Нарымский, о содержании которых можно судить по заголовку хотя бы одной из них: «Забывтый край (Без суда. Без врача. Без телеграфа. И... без толку)»⁹⁶.

По ходатайству члена Государственной Думы сибирского депутата Н.В.Некрасова нарымская ссылка Адрианову была заменена на минусинскую. Но и там за Адриановым был установлен гласный надзор полиции, ему было запрещено выезжать за пределы города, ежедневно его «навещал» полицейский. Но все же могучий дух Адрианова не был сломлен, он был полон планов и охвачен жаждой деятельности. Знаменитый Мартьяновский музей в Минусинске еще с начала 1880-х годов стал для Адрианова базой его научных экспедиций, и он надеялся в период ссылки заняться археологическими исследованиями. К моменту прибы-

тия его в Минусинск там велась подготовка к изданию газеты «Минусинский край», и он сразу же включился в любимую работу.

Вскоре Александр Васильевич получил письмо из Тюмени от своей младшей сестры Евгении, в котором она сообщала, что решила вступить за брата, воспользовавшись тем, что ее старинный знакомый преуспел при царском дворе. На просьбу Евгении помочь брату тот ответил, что если брат ее украл или проиграл, то пусть мучается в ссылке, если же осужден был по другой причине, то пусть подает прошение о помиловании на Высочайшее имя, т.е. на имя царя Николая II. «Написал я сестре, — сообщал Адрианов в письме к Г.Н.Потанину, — чтоб не беспокоилась, что мне совсем хорошо и без помилования»⁹⁷. Возможность обрести свободу была вполне реальной, так как «старым знакомым» его сестры был не кто иной, как фаворит императрицы «сибирский старец» Григорий Распутин. Отказ же Адрианова от ходатайства был для него не импульсивным, а вполне осознанным решением. «Вот объяви мне сейчас, — писал он Потанину, — что я свободен и могу уехать куда хочу, все равно не поеду раньше года, пока газета не встанет на ноги, пока я не сделаю намеченных исследований»⁹⁸. Однако по распоряжению министерства внутренних дел проводить археологические работы ему было запрещено. Это известие Адрианов получил из департамента полиции почти одновременно с предписанием о «переводворении» из Минусинска в дальнее глухое село Ермаковское.

Эта новая ссылка стала для него крушением всех надежд на публицистическую и научную деятельность. Он был удручен, замкнулся в себе, забыл о пище, перестал отвечать на письма. «Мне даже трудно перо в руках держать, — писал он. — Неужели наступает умственная смерть?.. Беспокоит иногда сознание, что ты никчемный и лишний человек, никому не нужный»⁹⁹. Сам Александр Васильевич находился в стесненном материальном положении, а из дома шли письма с требованием денег, родные писали, что «чувствуют себя обреченными, обиженными и скорбят», что он не думает о благополучии семьи. «Должно быть, лежит на нас заклятье какое-то», — писала одна из дочерей.

Опять непонимание родных, одиночество и безысходность... А может быть, действительно заклятье?.. И среди мрачных мыслей, роившихся в голове, настойчиво свербила самая горькая дума — обида на судьбу, о которой и хотел бы забыть, да не мог: зеркало постоянно напоминало ему о его уродстве, отражая деформированное, обезображенное лицо, дававшее повод его идейным противникам именовать его в пылу полемики «чело-

веком без профиля». Согласно современной журналистской легенде, лицо Адрианову покалечил в тайге медведь-шатун. К сожалению, причина была не столь романтична. Следы на лице оставлены болезнью, а не когтями зверя.

В Ермаковском в период глубочайшей депрессии Адрианов пишет рассказ о том, что послужило началом его личной трагедии, о том, как он, нарушив вековой обычай древней земли, навлек на свою голову заклятье «пропастины». Рассказ назывался «Из воспоминаний о сойотах» и был подписан псевдонимом Александр Сибирский¹⁰⁰. Адрианов и прежде использовал «топографические» псевдонимы. К примеру, его корреспонденции из Томска в столичный журнал шли за подписью Томский, в Иркутск в газету «Восточное обозрение» — Томич, из Нарыма в Томск — Нарымский.

Рассказ ведется от первого лица. В нем повествуется о том, как автор в сопровождении проводника ехал верхом долиной р. Хемчик, притока Верхнего Енисея, т.е. тем же маршрутом, которым в 1881 г. продвигался Адрианов во время его первой самостоятельной экспедиции «за Саянами». По дороге к ним присоединился, «чтобы было веселее ехать», казанский татарин Миша. В степи путникам повстречалась странная процессия: на волокуше из двух жердей, в которые была впряжена лошадь, лежала мертвая девушка, впереди ехали два всадника. На лице покойницы зиял глубокий провал, облепленный мухами. Александр, обращаясь к Мише, заметил: «А ведь это сифилис! Смотри, как мухи облепили рану, потом сядут на тебя и заразят». Миша был смертельно перепуган, Александр же решил, воспользовавшись случаем, наблюдать похоронный обряд. Бравидуя своим пренебрежением к опасности, он подтрунивал над Мишей, «не отказывая себе в удовольствии посмеяться над его страхом, говоря: смотри, ветром надует на тебя болезнь». В условленном месте труп девушки был снят с волокуши и положен, в соответствии с обычаем, на землю в позе спящего человека на съедение хищным птицам и зверям. Александр вспоминал, как вечером того же дня он со спутниками отправился в юрту брата умершей, где проходили поминки. «Долго мы сидели за чаем, попутно распивая молочное вино. Вдруг в юрту вбежала собака, держа что-то в зубах. Забилась в угол и принялась грызть. Хозяин встал посмотреть, что она гложет. Каково же было мое изумление, когда это оказалась человеческая рука. Хозяин отобрал у собаки добычу, подошел к костру и признал в ней руку своей сестры. Он уселся у костра и начал причитать, вспоминая, что эта рука при жизни делала, а потом — потом я окончательно перестал верить своим глазам, — возвратил эту руку собаке об-

ратно, только выгнал ее из юрты». После поминок Александр и его спутники отправились дальше. В степи после захода солнца, чтобы развеять охватившее его жуткое тягостное настроение, Александр предложил проводнику спеть, но тот произнес с ухмылкой:

— Солнышко село, нельзя. Пропастина погонится.

— Какая пропастина?

— А девка-то.

Тогда Александр обратился с тем же предложением к другому попутчику, и тот согласился. Проводник дико оглянулся на поющих, вернее, на кричащих во все горло, и в ужасе, пришпорив коня, рванулся вперед, а те двое, нарушив вечерний покой природы, «с гиканьем, свистом и криком ударились за ним, неслись по степи, как ведьмы на шабаш в Вальпургиеву ночь». Этими словами кончается рассказ, но остается ощущение нависшей угрозы и предчувствие роковой расплаты за то, что с легкомыслием и беспечностью молодости Александр пренебрег традициями народа, с незапамятных времен обитавшего в центре Азии, за то, что позволил себе насмеяться над тем, над чем смеяться нельзя, — над самой Смертью.

Теперь трудно со всей определенностью судить, действительно ли болезнь эта дурная была подхвачена Адриановым в те времена, когда он, молодой, полный планов и надежд, путешествовал по территории современной Тувы, или же ему только хотелось, чтобы читатель понял его именно так. Во всяком случае в экспедиционных условиях никто не гарантирован от угрозы заполучить болезнь в бытовом варианте даже при самом невинном общении с носителями заразы.

А.В.Адрианову не повезло, и он заболел; вероятно, поэтому сам он, заядлый фотограф, не любил фотографироваться. Его переписку, в которой он касается этой темы, читаешь с содроганием. В 1884 г. он писал: «...Болезнь моя до последнего времени все развивалась и уродовала меня и причиняла просто невыносимые нравственные страдания... Не знаю, что будет. Лечиться надоело; третий месяц сижу в комнате, не выходя»¹⁰¹. В 1900 г. по настоянию врачей Адрианов решился на пластическую операцию. Он рассчитывал, что это займет пару недель, не подозревая, что операция будет производиться в несколько приемов и затянется на полгода. Операция заключалась в том, что лоскуты его кожи, взятые со лба, щек и рук, пересаживались на нос, однако операция не удалась. У семьи поступок Александра Васильевича понимания не нашел. Анна Ефимовна, его жена, заподозрила, что его желание, выражаясь ее словами, иметь «приличный вид наружности» вызвано далеко идущими планами супруга в

А. В. Адрианов. Начало XX в.

отношении перспектив его личной жизни. Вместе со старшим сыном и дочерью она бросила ему обвинение в подобном намерении. Адрианов отвечал: «...принесли письмо от вас. Прочитал и почувствовал, как на мою голову спускается тяжелый удар дубины, от которого меня ошеломило... Если бы тебе удалось, Анюта, заглянуть в мое сердце, ты увидела бы, что оно питается искренней теплой любовью к каждому из вас в отдельности и ко всем вместе. Ни прежде, ни теперь на дне этого сердца ничего иного не было, кроме любви к Сибири, кроме желания поработать для нее, — но это уже общественная струйка, она семье не помеха... Больно, когда заодно со старыми врагами и ты шлешь такой упрек, какой только они способны были сделать»¹⁰². В письмах члены семьи настаивали на переезде в Польшу, где Адрианов мог получить высокооплачиваемую работу. Но он писал из больницы: «Из Сибири бежать не могу... На свою службу я смотрю как на неизбежное зло, как на необходимость добывать

средства для семьи (имеется в виду служба в акцизном управлении. — *М.Д.*). И я думаю, что вы сами не пожелаете, чтоб я душу принес в жертву Мамоне. Мне как сибиряку, притом же работавшему постоянно для ее умственного и духовного развития, остается, очевидно, продолжать эту работу здесь же...»¹⁰³.

Постепенно, находясь в ссылке, он начал втягиваться в научную работу, о чем сообщал в письме к родным. «Кажется, я вам писал, что свою археологическую работу я кончил и вместе с коллекциями послал казенною посылкою в Петроград — сегодня она должна там получиться. Принялся за другую работу — о Клеменце, но она остановилась и вот уже около 2 недель лежит без движения»¹⁰⁴. Еще в то время, когда А.В.Адрианов находился в Минусинске, Комитет Минусинского музея в связи с кончиной Д.А.Клеменца на заседании от 9 января 1914 г. принял решение: «Пользуясь пребыванием в Минусинске А.В.Адрианова, близко и хорошо знавшего Д.А.Клеменца, просить его прочесть биографию о почившем Клеменце на публичном заседании Комитета музея 19 января в 12 часов дня в помещении Депо-театра»¹⁰⁵. Несмотря на специальное ходатайство Комитета музея перед властями, разрешение не было получено. Статья «Памяти супругов Клеменц» была опубликована позже и имела следующее примечание редактора: «Настоящая статья представляет из себя в несколько дополненном виде доклад, который А.В.Адрианов предполагал прочесть в январе месяце 1914 г. на публичном заседании Комитета Минусинского музея и который по полицейским причинам не был допущен к прочтению»¹⁰⁶.

В апреле 1914 г. был объявлен протекторат России над Тувой, которая под наименованием Урянхайский край была административно подчинена управлению енисейского губернатора. С этого времени усиливается переселенческое движение, активизируются работы по изучению естественных ресурсов края. Момент для организации экспедиции за Саяны был как будто благоприятный и все же, несмотря на хлопоты и ходатайства ряда влиятельных лиц, и прежде всего акад. В.В.Радлова, Адрианову в поездке в Туву в 1914 г. было отказано. В письме семье из села Ермаковского А.В.Адрианов писал: «Ведь, действительно, Бог наказал наших министров тем, что отнял у них разум. Ну можно ли мстить человеку за то, что он желает заниматься наукой, да еще такой, как археология»¹⁰⁷. После настойчивых хлопот В.В.Радлова Адрианову разрешено было отбывать срок ссылки в Туве. А.В.Адрианов обратился в различные научные учреждения с запросами, не дадут ли они ему какие-либо поручения, с тем чтобы получить дополнительные средства и оборудование. «Ведь вот какая наша наука бедная — предлагаешь сам свои услуги,

предлагаешь даром, только дайте снаряжение, так и то от тебя отмахиваются, досадают, что надоел»¹⁰⁸. В следующем письме он сообщал: «Мне очень хочется зазимовать в Урянхайском крае и даже прихватить будущее лето, а между тем в моем распоряжении сейчас столько средств, что их хватит на производство раскопки курганов всего в течение пяти недель... Из двух учреждений, к коим я обращался, к Музею Александра III и Географическому обществу, у которого просил только инструменты для метеорологических наблюдений, я уже получил отказ — у Музея не оказалось денег, а у Географического общества инструментов»¹⁰⁹. В Туву Адрианов прибыл 25 июня 1915 г. в экономию Сафьяновых, ставшую для него прибежищем в периоды между его скитаниями. В общей сложности Адрианов пробыл в Туве 15 месяцев. Он имел возможность наблюдать в окрестностях поместья Сафьянова на Тапсе празднование тувинцами Нового года — Шага́. В 1916 г. этот праздник пришелся на 22 января. Адрианова отличала профессиональная наблюдательность и острая память, обычно он очень точно описывал события, свидетелем которых он был, поэтому его заметки представляют значительный интерес, несмотря на то, что он в основном описывал внешнюю сторону обрядов, не вникая достаточно глубоко в их скрытый смысл.

«Шага́, — писал Адрианов, — единственный в году праздник у сойот. Праздник обновления и очищения человека от всех греховных дел и помыслов; праздник радостный и светлый, когда человеческое сердце расцветает и наполняется взаимной дружбой и благоволением; когда человек освобождается от всякой работы и весь уходит в ласковые речи, в радушное гостеприимство и угощение всем, что только есть у него лучшего и что иному приходится отведать только в этот раз в течение года. В юрте, где есть лама, он проводит всю ночь на Новый год в чтении номов и в молитве»¹¹⁰. Адрианов описывал, как ранним утром в день праздника вместе с переводчиком, одним из служащих экономии Сафьяновых, он отправился наблюдать празднование в соседние юрты.

Во время беседы в юрте после моления Адрианов обратил внимание на то, что «находившиеся по соседству с бурханом символы божеств шаманского культа были, так сказать, привлечены к участию в празднестве»¹¹¹. У Тараджи в юрте куклы с пучками ленточек были вынуты из черных колоколообразных мешочков, в которых они хранились, и прикреплены возле полочки с бурханами. Как удалось Адрианову выяснить из распросов, моление, совершавшееся в головном уборе, было обращено к ныне живущим боготворимым «большим людям — за-

щитникам народа», среди которых первое место принадлежит Богда-ламе, живущему в Кобдо. Валяние в снегу символизировало очищение от всякой скверны, от всего греховного: «так хотелось обновления и освежения своей жизни»¹¹². Праздник устраивается по лунному календарю зимним утром, «когда молодой месяц еще не показался, еще никем не видим, а уже должен родиться»¹¹³. У тувинцев Шага́ празднуется два дня, а у монголов затягивается на больший срок. В этот день все ходят друг к другу в гости, и в каждой юрте гость должен отведать еды — «отказаться нельзя, как нельзя в этот день ни сердиться на кого-либо, ни ссориться и вздорить»¹¹⁴.

В Туве Адрианову во время раскопок помогал приехавший летом из Томска по рекомендации Г.Н.Потанина некий Маркелыч. В середине сентября Адрианов погрузил на плот четыре каменные плиты с «руническими» надписями и в сопровождении Маркелыча отправил их в Минусинск. Маркелыч спешил, ибо «подал прошение об определении его учителем в подвижную иногородческую школу где-то на Кондоме»¹¹⁵. Другим помощником Адрианова в Туве был Борис, сын И.Г.Сафьянова, в доме которого остановился Адрианов по приезде в Туву, внук минусинского купца Г.П.Сафьянова, на заимке которого Адрианов останавливался с Потаниным еще в 1879 г. Следующим летом Адрианов писал семье: «Отсутствие рабочих очень меня угнетает. Недели три назад я начал копать с Борей Сафьяновым курганы поблизости от Тапсы»¹¹⁶. Адрианов, которому в то время уже перевалило на седьмой десяток, и четырнадцатилетний подросток вдвоем в безлюдной местности раскапывали древние курганы. И кто мог предвидеть в те июньские дни 1916 г., что через три с небольшим года в огне братоубийственной гражданской войны от рук белых погибнет только что вступающий в жизнь юноша, сын влиятельного землевладельца и торговца, а от рук красных — старик, знавший при царизме ссылку и тюрьму.

В Туве А.В.Адрианов провел большую разноплановую работу. Им были написаны статьи и очерки, в том числе «К биографии Г.Н.Потанина» по случаю 80-летия со дня его рождения, «Литературные труды Д.А.Клеменца». Его археологические исследования заложили фундамент для обобщающих работ последующих специалистов, изучающих древности края. Он раскопал около 60 погребальных и поминальных сооружений, открыл и скопировал серию древних надписей и наскальных изображений — петроглифов, нашел каменные изваяния. На правобережье р. Элегест обнаружил остатки древнемонгольского городища — «древнего китайского городка», как он назвал его, и отметил местонахождение еще двух таких городков на противоположном,

левом, берегу р. Элегест. Он впервые привел описание ныне всемирно известного кургана Аржан. К сожалению, результаты своих исследований он опубликовать не успел. Большая часть предметов из его раскопок этих лет, так же как и дневники с полевыми записями и описи негативов, хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета. Сами негативы то ли утрачены, то ли еще не обнаружены. По заданию Потанина он обследовал русское население края.

* * *

По возвращении в конце 1916 г. в Томск из ссылки Адрианов приступил к редактированию газеты «Сибирская жизнь». Свою политическую позицию он сформулировал в мае 1917 г. на страницах этой газеты: «Со студенческой скамьи и во всей моей последующей деятельности — начиная с издания "Сибирской газеты" в 80-х гг. и кончая участием в стачечном комитете в Иркутске в 1905 г., и т.д., я всегда оставался в рядах народников, все мои симпатии лежали на стороне партии с.-р., все мои литературные знакомства и соответственная работа происходила в сотрудничестве преимущественно с людьми этой и др. социалистических партий. Я заплатил за свои симпатии изгнанием меня с государственной службы, тюрьмой и трехлетней ссылкой в последние годы»¹¹⁷. Адрианов состоял членом трудовой народно-социалистической партии. Февральскую революцию он приветствовал восторженно, однако вскоре пришло разочарование. Уже в начале лета мы читаем на страницах газеты «Сибирская жизнь»: «Мы, действительно, живем под знаком всяческих "свобод" — свободы совершать убийства, грабежи и кражи всякого рода, свободы лгать и передергивать в печати, только завернувшись в тогу демократа и пришпилив красный бантик, свободы бесчинствовать, заниматься перлюстрацией, арестовывать кого вздумается»¹¹⁸.

8 октября 1917 г. в Томске в зале университетской библиотеки открылся Первый областной сибирский съезд. Адрианов обратился к присутствующим с горячими приветствиями: «Сегодня у нас большой день — великое событие в жизни родной нам страны, до сих пор обездоленной, лишенной благ самоуправления, прав самоустройства, обрекавшей на застой. Над нами на протяжении веков тяготело проклятье, так ярко выраженное в афоризме старинного сибирского губернатора Коха — "На небе Бог, а в Камчатке Кох...". Сегодня заканчивается история старой обездоленной Сибири и пишется первая глава истории новой Сибири»¹¹⁹. Но и Потанину, и Адрианову в дальнейшем пришлось разочароваться в областнической идее.

Адрианов продолжал живо интересоваться положением коренных народностей Сибири. По поводу очередной книги «Материалов» Н.Л.Гондатти он писал: «Отношение нашей государственной власти к инородческому вопросу есть "система", и весь вопрос сводится к тому, кто вперед вымрет — инородцы или "система"»¹²⁰.

В мае 1917 г. Адрианов выступил со статьей, касающейся положения дел в Урянхае (Туве. — *М.Д.*)¹²¹. В конце ноября 1917 г. на страницах газеты «Сибирская жизнь» Адрианов опубликовал статью, посвященную вопросам автономии коренного населения Горного Алтая¹²². 1 июля алтайцы созвали в Бийске съезд, и на нем постановили учредить Алтайскую горную думу — постоянно действующий национальный орган. В статье Адрианов писал: «Как ни бедны алтайцы местными тронутыми светом образования силами, они сделали необходимый шаг, без которого невозможно приобщение к культуре на национальной основе, невозможно развитие народного самосознания»¹²³. С целью укрепления Думы и было решено выделить все инородческие волости Алтая в особый уезд со своим центром в селе Чемале на р. Катунь, который предполагалось сделать местом пребывания Алтайской горной думы. В связи с этим председатель думы Г.И.Гуркин предпринял в октябре специальную поездку в Петроград, чтобы заручиться обещанием министерства внутренних дел поддержать замысел алтайцев и помочь осуществить его. «Но большевистская авантюра, — писал Адрианов, — это величайшее зло нашей жизни, затормозило дело. Придется выжидать, пока большевистский гнойник вскрыется и очистится. К сожалению, на пути Алтайской горной думы обнаруживается еще и свой местный, может быть, еще более злокачественный гнойник. Здесь не приходится выжидать, пока он созреет и прорвется, его надо вскрыть»¹²⁴. Далее Адрианов приводит выдержку из бийской большевистской газеты «Свободный Алтай», выступающей против Алтайской горной думы. «Вызов в Чемал карательного военного отряда, — продолжает Адрианов, — обращение к министерству с просьбой об уничтожении Алтайской горной думы, ходатайство "об обязательной и немедленной реквизиции скота" у инородцев для нужд армии и голодающих центральных губерний — все это самый бесстыдный поход против едва поднимающего голову от векового гнета народа»¹²⁵. Статью Адрианов заканчивает словами: «У всех нас на пути со времени переворота, когда революционная пена выбросила на поверхность свой мусор, много появилось всяких проходимцев, именующихся социалистами. Они творят свое разрушительное дело — одни по тупоумию, другие из фанатизма заскорузлых старообрядческих на-

четчиков, а третьи, и таких, пожалуй, больше всего, по своей душевной низости; они лгут, клеветуют, натравливают, провоцируют, преследуя свои личные, всегда своекорыстные цели. Но на здоровом организме это не может тянуться слишком долго — здоровая ткань сбросит болячку и освободится от гнойника, как бы он ни разросся»¹²⁶.

22 августа 1919 г. на страницах газеты «Сибирская жизнь» было опубликовано воззвание за подписью Г.Н.Потанина «К оружию, граждане!». «Граждане! Банды большевиков у ворот! — говорилось в воззвании. — Нет, они уже сломали ворота и, озверевшие, озлобленные, беспощадные, в крови и в огне ворвались в родную Сибирь!.. Сдержать или умереть?!. Иного выхода нет... Я дряхлый старик, но я с радостью пойду туда, куда признают возможным меня взять, чтоб остаток дней и сил своих отдать на защиту горячо любимой мною родины... Враг безумен и беспощаден, гибель и горе на его пути»¹²⁷. «Никогда в своей жизни я ничем не сражался, кроме пера»¹²⁸, — писал Адрианов прежде, теперь же он опубликовал на страницах редактируемой им газеты этот призыв оказать вооруженное сопротивление большевикам.

Многотрудная, подвижническая жизнь Адрианова оборвалась в 1920 г. 21 декабря 1919 г. А.В.Адрианов записал в своем дневнике: «Сегодня воскресенье. С утра мороз 20 градусов. Днем было 18, а вечером даже 17, но ветер. Принесли номер "Сиб[ирской] жизни" — последний, в виде довольно жалкого полулиста. Теперь я свободный от обязанностей и тяжелой работы "гражданин", но обреченный на полуголодное существование. Нестерпимо тяжело. Как жить? У меня в семье как-то стереотипно повторяют фразу, что все равно умирать придется, так и не стоит ни о чем думать... Но все мои получения в будущем кончились — я нищий. Какая жалкая и вместе с тем страшная старость»¹²⁹. Но самое страшное было впереди.

Твердый и прямолинейный, Адрианов не привык лавировать, он не пытался скрыться от надвигавшейся угрозы красного террора. Вопрос об эмиграции в Китай обсуждался на семейном совете, когда к городу подходили красные; было решено остаться в Томске. 22 декабря 1919 г. Адрианов был арестован. Он был обвинен в «систематической борьбе с Советской властью путем агитации в газете. Будучи одним из активных идейных противников Советской власти, Адрианов еще в 1918 г., в первый период существования в Сибири Советской власти, вел в своей газете энергичную агитацию против некоторых групп населения, чуть открыто не призывая к восстанию. После свержения Советской власти он вел систематическую, грязную травлю не только

коммунистов, но и экс-социалистов, причем в своей агитации прибегал к провокационным приемам, помещая в газетах, по-видимому, им самим сочиненные письма на имя "их превосходительств" Ленина и Троцкого. Вообще вел самую грязную агитацию»¹³⁰. Сам Александр Васильевич был принципиальным противником всяческого насилия. Однако именно за публицистическую деятельность, за выступления в печати против диктатуры большевиков он как «активный противник Советской власти» был приговорен к расстрелу Томской ЧК 29 февраля 1920 г. Слова А.В.Адрианова, прозвучавшие со страниц газеты «Сибирская жизнь», были словами предупреждения и в то же время его смертным приговором: «Работа анархического большевизма носит разрушительный дезорганизирующий характер и ведет государство к гибели... Нам грозит обнищание, одичание и застой... Что же иное, кроме застоя, останется на долю нашего отечества, нашего народа, когда на месте уничтоженной интеллигенции в роли "строителей жизни" очутятся ее разрушители!.. Да, мы непримиримые враги анархического большевизма; мы считаем всю деятельность представителей его угрожающей гибелью нашему отечеству...»¹³¹.

Среди сибиряков ходят легенды, что В.И.Ленин, хорошо знавший Адрианова по сибирской ссылке, хотел предотвратить приведение в исполнение смертного приговора. Подобные версии мне приходилось слышать и прежде в отношении поэта Н.С.Гумилева, но теперь ясно, что это была всего лишь легенда... А.В.Адрианов был расстрелян в числе двадцати шести приговоренных «активных противников Советской власти» 7 марта 1920 г., о чем спустя два дня сообщили газеты. Это трагическое событие, возможно, произошло 6 марта¹³² или ранее. Его фамилия стояла в списке расстрелянных первой: «1. Адрианов Александр Васильевич — бывший редактор черносотенно-провокационной газеты "Сибирская жизнь"». Г.Н.Потанин пережил его на несколько месяцев. По свидетельству современников, смерть настигла «большого сибирского дедушку», носившего титул «почетный гражданин Сибири», в тот день, когда он услышал то, что от него скрывали, — известие о гибели его младшего друга и последователя Александра Васильевича Адрианова.

Замыслы Адрианова в силу многих объективных причин были осуществлены лишь отчасти. Сам о себе он писал в конце жизни: «До 60 лет я прожил, а ни на чем не остановился, ничем основательно не занялся и никакого следа от себя не оставлю»¹³³. Но с этим суждением никак нельзя согласиться. Его вклад в науку велик, прежде всего как полевого исследователя, собирателя коллекций. И все же к нему вполне приложимы сло-

ва, высказанные Д.А.Клеменцем, а затем Адриановым в адрес Г.Н.Потанина: «Он никогда не был и не мог сделаться присяжным специалистом по чистой науке — и не желал этого. Его сильно интересовала и захватывала жизнь»¹³⁴.

¹ Дэвлет М.А. 140 лет со дня рождения исследователя Алтая А.В.Адрианова. — Страницы истории Алтая. 1994. Библиографический указатель. Барнаул, 1993, с. 91 — 101.

² Главы из «Книги об отце» А.А.Адрианова публиковались в конце 1993 — начале 1994 г. на страницах газеты «Елань» (приложение к «Томскому вестнику»).

³ Оба письма, переданные М.Ф.Косаревым в распоряжение автора статьи, не датированы, но написаны до денежной реформы 1961 г.

^{3a} Адрианов В. В. Как проводят праздники крестьяне Курганского округа слободы Белозерской. — Тобольские губернские ведомости. 1853, № 48, с. 697 — 700.

⁴ Адрианов. Съезжий праздник. — Сибирь. 12.12.1876, с. 5—6.

⁵ Появление в середине 60-х годов таких учебных книг, как «Самоучитель» И.А.Худякова, вызвало предписание министра просвещения о необходимости принятия мер к «прекращению издания и изъятию из употребления вредных для молодого поколения учебников». См.: Чирскова И.М. Цензурная регламентация исторической науки в России второй половины XIX в. — Вестник РАН. 1998, т. 68, № 1, с. 70.

⁶ А-в. Славный сибиряк И.А. Худяков. СПб., 1911, с. 2.

⁷ Адрианова М.А. Биография А.В.Адрианова. — Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (далее — МАЭС ТГУ). Фонд А.В.Адрианова. Папка 3, л. 56.

⁸ А-в. Славный сибиряк И.А. Худяков, с. 12.

⁹ Там же, с. 12—13.

¹⁰ Адрианов А. Аттестаты. — Сибирь. 07.03.1876, с. 7.

¹¹ Как известно, Г.Н.Потанин наряду с Н.М.Ядринцевым был главным идеологом сибирского областничества. Областничество — явление сложное, неоднородное, претерпевшее в своем развитии существенные изменения. О нем в литературе высказывались самые противоречивые суждения. Большинство исследователей рассматривали сибирское общественное движение как революционно-демократическое, которое развивалось в русле общероссийского освободительного движения. См.: История Сибири. Т. 3. Л., 1968, с. 8—9.

¹² [Адрианов] Памяти Ядринцева. — Сибирская жизнь. 20.06.1919, с. 2.

¹³ Потанин Г. Н. Письмо П. П. Семенову-Тянь-Шанскому от 9 февраля 1878 г. Омск. — Письма Г. Н. Потанина. Т. 2. Иркутск, 1988, с. 120.

¹⁴ Диплом Петербургского университета. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 240.

¹⁵ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883, с. 60.

¹⁶ Там же, табл. XXIII-XXV.

¹⁷ Никитин В. А. Сибирская командировка. — Родина. 1989, № 12, с. 84.

¹⁸ Принято считать, что здесь находится географический центр Азии — точка, одинаково удаленная от мировых океанов.

¹⁹ Сбõки и шуточные характеристики инородческих родов (сбõков). Записано г. А.Адриановым в 1881 г. — Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4, с. 936 — 941.

²⁰ Потанин Г. Н. Письмо Н. М. Ядринцеву от 10—16 марта 1880 г. Иркутск. — Письма Г. Н. Потанина. Т. 2. Иркутск, 1988, с. 181.

- ²¹ *Потанин Г. Н.* Письмо Н. М. Мартьянову (без даты). — Архив Минусинского музея, оп. 1, ед.хр. 14, л. 159.
- ²² *Дэвлет М. А.* В «Сердце Сибири». — Археология Сибири: историография и источники. Омск, 1996, с. 4—55.
- ²³ *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Имп. РГО членом-сотрудником А. В. Адриановым. — Записки РГО по общей географии. Т. 11. СПб., 1888, с. 149.
- ²⁴ Там же, с. 150.
- ²⁵ Там же, с. 156.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же, с. 156—157.
- ²⁸ *Ядринцев Н. М.* Письмо В. П. Сукачеву. — Литературное наследство Сибири. Т. 5. Новосибирск, 1980, с. 264.
- ²⁹ *Адрианов А. В.* Северные предгорья Алтая. Кузнецкий край. — Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 11, с. 273—302.
- ³⁰ Там же, с. 300—302.
- ³¹ Там же, с. 286—287.
- ³² *Адрианов А. В.* Письмо М. А. Шестакову от 26 сентября 1885 г. — Государственный архив Омской области (далее — ГАОО), ф. 86, оп. 1, д. 12, л. 123.
- ³³ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 7 января 1888 г. Томск. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 7.
- ³⁴ *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны. — Сибирская газета. 19.02.1884, с. 212.
- ³⁵ *Адрианов А. В.* Письмо Н. М. Мартьянову от 7 февраля 1884 г. Томск. — Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 24, л. 16.
- ³⁶ Письма из Томска. — Восточное обозрение. 14.05.1887, с. 9.
- ³⁷ Городские известия. — Сибирская газета. 12.04.1887, с. 578.
- ³⁸ *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Вып. 1. СПб., 1888, с. 127—128.
- ³⁹ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 14 февраля 1887 г. Томск. — Библиотека ТГУ. Архив Г. Н. Потанина. № 868, л. 1.
- ⁴⁰ Приказы начальника губернии. — Томские губернские ведомости. 23.05.1887, с. 3.
- ⁴¹ *Томич. А. И.* Лакс (из воспоминаний). — Восточное обозрение. 29.05.1889, с. 8.
- ⁴² *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 11 марта 1888 г. Томск. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 17.
- ⁴³ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 7 января 1888 г. Томск. — РГАЛИ, там же, л. 8.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 25 декабря 1888 г. — РГАЛИ, там же, л. 5.
- ⁴⁶ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 27 января 1889 г. Томск. — РГАЛИ, там же, л. 32.
- ⁴⁷ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 7 января 1888 г. — РГАЛИ, там же, л. 9.
- ⁴⁸ *Адрианов А. В.* Забытые люди забытого края. Из поездки в Нарымский край Томской губернии. — Русские ведомости. 03.01.1889, с. 3.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Никитин В. А.* Сибирская командировка, с. 84—89. Опубликованы фотографии более чем столетней давности: 1. Крылатые лодки в устье р. Чижанки. Селькупы; 2. Два шамана «эльь» в повседневной одежде; 3. Тунтогат — берестяное жилище остяков. Женщины за приготовлением пищи и выделкой шкур;

4. Кочующие тунгусы (эвенки), которые из-за голода, трудных в погодном отношении зим стали с 80-х годов XIX в. перекочевывать в Нарымский край, где были более удобные места для оленеводства; 5. Кедр — жертвенное дерево у остяков (ханты). На ветках висят лоскуты ткани, платки — дар духам, покровителям данного места; 6. Долина реки Васюган — места, по которым путешествовал Адрианов; 7. Группа селькупов (остяко-самоеды). Для этнографа эти фотографии представляют важный исторический источник.

⁵² Там же, с. 88—89.

⁵³ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 25 декабря 1888 г. Томск. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 5.

⁵⁴ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 27 января 1889 г. Томск — РГАЛИ, там же, л. 31.

⁵⁵ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 27 марта 1889 г. Томск. — РГАЛИ, там же, л. 40.

⁵⁶ *Дэвлет М. А.* У истоков Сибиряковской экспедиции в Якутию. — Сборник научных трудов. Серия: филология. Якутск, 1994, с. 71—79.

⁵⁷ *Адрианов А.* Письмо Г. Н. Потанину от 19 ноября 1889 г. Томск. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 57.

⁵⁸ Там же, л. 58.

⁵⁹ Там же, л. 56—57.

⁶⁰ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 15 мая 1889 г. Томск. — РГАЛИ, там же, л. 45.

⁶¹ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 6 марта 1905 г. Иркутск. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 117.

⁶² *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 3 апреля 1890 г. С. Новоселово. — РГАЛИ, там же, л. 60.

⁶³ *Адрианов А. В.* Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае (Дополнение к работе К. Горошенко «Курганные черепа Минусинского округа»). Минусинск, 1902—1924. Работа вышла в свет с вкладкой следующего содержания: «Настоящая статья, напечатанная еще в 1902 году, не была до сих пор выпущена из печати вследствие того, что автор ее, покойный А. В. Адрианов, рассчитывал дополнительно сделать еще выборки из дневников произведенных им раскопок в нашем крае в иных местах, что по тем или иным причинам ему не удалось сделать. — *Музей*».

⁶⁴ *Адрианов А. В.* Орография. Гидрография. Геологический очерк. — Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губ. Иркутск, 1894. Т. IV, вып. 1, с. 80—152.

⁶⁵ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 3 октября 1894 г. Минусинск. — Красноярский краевой музей (далее — ККМ). Рукописный фонд, инв. № 7928/1315—1563, л. 4.

⁶⁶ Там же, л. 3.

⁶⁷ *Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII — начало XX в.). М., 1996.

⁶⁸ Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, д. 4, л. 22—23. Цит. по: *Алексеев Н. А.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984, с. 130—131.

⁶⁹ Русские сказки и песни Сибири и другие материалы. Под ред. А. В. Адрианова. — Записки Красноярского подотдела ВСОРО по этнографии. Красноярск, 1902. Т. 1, вып. 1.

⁷⁰ *Адрианов А. В.* Очерки Минусинского края. — Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1904 г. Томск, 1904. Отдел 2, с. 59—60.

⁷¹ *Дэвлет М. А.* Иркутск в начале века (глазами А. В. Адрианова). — Земля иркутская. 1997, вып. 9, с. 57—60.

⁷² *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 13 июля 1905 г. Иркутск. — ККМ. Рукописный фонд, инв. № 7928/1315—1569, л. 2.

- ⁷³ Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 7.
- ⁷⁴ Сибирские письма. Томск. — Сибирские вопросы. 1910, № 34—35. с. 38.
- ⁷⁵ *В-ин Г.* На сибирском вечере. — Сибирская жизнь. 22.02.1909, с. 5.
- ⁷⁶ *Адрианов А. В.* К сибирскому вечеру. — Сибирская жизнь. 19.02.1909, с. 5.
- ⁷⁷ *В-ин Г.* На сибирском вечере, с. 5.
- ⁷⁸ *Адрианов А. В.* К сибирскому вечеру.
- ⁷⁹ «Шаманская мистерия (камлание). Программа. Шаманство и его жрецы. Шаманство как древний культ. Его распространение, сущность шаманства. Дуалистическое начало в шаманстве; легенда о сотворении мира. Легенда о первом шамане. Шаманы как жрецы и хранители шаманских традиций. Предрасположение к жречеству. Значение шамана в народе. Моменты шаманского действия. Содержание обряда; виды камланий. Принадлежности шамана: мантия (маньяк), головной убор (бюрюк), бубен (тюр), колотушка (орба), жезлы, маски. Описание шаманских припадок и значение каждой из них. Доклад сделает А. В. Адрианов. Акт камлания исполнит алтайский кам Мампый» (Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 22, л. 51).
- ⁸⁰ *Адрианов А. В.* О шаманстве. — Там же, л. 63—78.
- ⁸¹ Пребывание кама в Томске. — Сибирская жизнь. 28.02.1909, с. 3.
- ⁸² Этнографическое обозрение. 1909. Кн. 80, № 1, с. 134—140.
- ⁸³ *В-ин Г.* На сибирском вечере, с. 5.
- ⁸⁴ *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия на Алтай в 1910-12 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. — Сб. МАЭ. Т. IV, вып. 2. Пг., 1924.
- ⁸⁵ *Анохин А. В.* Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск, 1994.
- ⁸⁶ *Сонин П.* В интересах возрождения племен. — Сибирская старина. 1995, № 10(15), с. 29.
- ⁸⁷ *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). — Известия Имп. Археологической комиссии. Пг.. 1916, вып. 62.
- ⁸⁸ *Адрианов А. В.* Об орнаменте у сибирских инородцев. — Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде, декабрь 1911 — январь 1912 г. Т. 1. Пг., 1914, с. 102—108.
- ⁸⁹ *Адрианов А. В.* Об орнаменте у сибирских инородцев, с. 103.
- ⁹⁰ Там же, с. 107.
- ⁹¹ Там же, с. 108.
- ⁹² Труды Всероссийского съезда художников..., с. 2.
- ⁹³ Там же, с. 108.
- ⁹⁴ Обыск в редакции «Сибирской жизни». — Сибирская жизнь. 23.05.1913, с. 3.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ *Нарымский.* Забытый край (Без суда. Без врача. Без телеграфа. И... без толку). — Сибирская жизнь. 25.09.1913, с. 2.
- ⁹⁷ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 21 января 1914 г. Минусинск. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 65.
- ⁹⁸ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 30 марта 1914 г. Минусинск. — Библиотека ТГУ. Архив Г. Н. Потанина, № 6, л. 2.
- ⁹⁹ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 15 июля 1914 г. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 48.
- ¹⁰⁰ *Сибирский Александр.* Из воспоминаний о сойтах. — Минусинский край. 08.06.1914, с. 3.
- ¹⁰¹ *Адрианов А. В.* Письмо Н. М. Мартынову от 7 февраля 1884 г. Томск — Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 24, л. 16.
- ¹⁰² *Адрианов А. В.* Письмо семье от 25 апреля 1900 г. Томск. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 156—157.
- ¹⁰³ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 9 апреля 1900 г. Томск. — Там же, л. 153.

- ¹⁰⁴ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 2 ноября 1914 г. — Там же, л. 64.
- ¹⁰⁵ Протокол заседания Комитета Минусинского музея от 9 января 1914. — Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 169, л. 1.
- ¹⁰⁶ *Адрианов А. В.* Памяти супругов Клеменц. — Известия ВСОРГО. 1916, т. 45. (Иркутск, 1917, с. 103).
- ¹⁰⁷ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 26 мая 1914 г. С. Ермаковское. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 45.
- ¹⁰⁸ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 13 апреля 1915 г. — РГАЛИ, ф. 381, оп. 2, д. 7, л. 67.
- ¹⁰⁹ *Адрианов А. В.* Письмо Г. Н. Потанину от 21 мая 1915 г. — РГАЛИ, там же, л. 69.
- ¹¹⁰ *Адрианов А. В.* Шагá (Сойотский Новый год). Этнографический набросок из урянхайской жизни. Томск, 1917, с. 5—6.
- ¹¹¹ Там же, с. 17.
- ¹¹² Там же, с. 9.
- ¹¹³ Там же, с. 6.
- ¹¹⁴ Там же, с. 21.
- ¹¹⁵ Возможно, что именно он упоминается в письме Р. А. Хлопотина А. В. Анохину. См.: *Функ Д. А.* Телеутское шаманство. М., 1997, с. 210.
- ¹¹⁶ *Адрианов А. В.* Письмо семье от 21 июня 1916 г. — Архив МАЭС ТГУ. Фонд А. В. Адрианова, папка 20, л. 97.
- ¹¹⁷ *Адрианов А. В.* От автора. — Сибирская жизнь. 09.05.1917, с. 2.
- ¹¹⁸ Аноним. Нечто современное. — Сибирская жизнь. 04.06.1917, с. 4.
- ¹¹⁹ Первый областной сибирский съезд (открытие съезда). — Сибирская жизнь. 10.10.1917, с. 3.
- ¹²⁰ *Адрианов А. В.* Вымирание инородцев в Сибири. — Сибирская жизнь. 14.02.1917, с. 3.
- ¹²¹ *Адрианов А. В.* К вопросу об Урянхае. — Сибирская жизнь. 03.05.1917, с. 2—3.
- ¹²² *Адрианов А. В.* Пробуждение инородческого Алтая. — Сибирская жизнь. 24.11.1917, с. 2.
- ¹²³ Там же. Об Алтайской горной думе см.: *Шерстова Л. И.* Бурханнизм в Горном Алтае. Истоки национальной идеологии и тенденции ее развития. — Народы Сибири. Кн. 3. Сибирский этнографический сборник. М., 1997, с. 202—203.
- ¹²⁴ *Адрианов А. В.* Пробуждение инородческого Алтая, с. 2.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Последнее выступление Г. Н. Потанина. — Сибирская старина. 1995, № 10(15), с. 39.
- ¹²⁸ *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г..., с. 251.
- ¹²⁹ *Крюков В. М.* Мир рушился. Из дневника А. В. Адрианова. — Сибирская старина. 1994, № 6(11), с. 31.
- ¹³⁰ Архивная справка Управления КГБ по Томской области от 24 октября 1991 г. См.: *Решетов А. М.* Репрессированная этнография. — Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб., 1994, с. 218.
- ¹³¹ *Адрианов А. В.* «Им» мой ответ. — Сибирская жизнь. 30.07.1917, с. 3.
- ¹³² Архивная справка Управления КГБ по Томской области от 24 октября 1991 г. См.: *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 218.
- ¹³³ Цит. по: *Вадецкая Э. Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин. — Известия лаборатории археологических исследований. Вып. VI. Кемерово, 1973, с. 124.
- ¹³⁴ *Адрианов А. В.* К биографии Потанина. — Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Томск, 1915, с. XXXI.

А.А.СИРИНА

**Забывтые страницы сибирской этнографии:
Б.Э.Петри**

Профессор этнологии Иркутского университета, член-корреспондент Английского антропологического общества и Государственной Академии истории материальной культуры СССР, действительный член Американского антропологического общества Бернгард Эдуардович Петри, родившийся в Швейцарии и расстрелянный в Восточной Сибири, народы и древности которой он изучал в течение всей жизни, разделил судьбу многих репрессированных советских ученых. Он был обвинен в шпионаже в пользу английской и германской разведок, в антисоветской деятельности (установлении контактов с националистически настроенными представителями бурятской национальности, так называемыми панмонголистами). В результате перепроверки следственного дела оно было прекращено за недоказанностью обвинения. В 1959 г. Б.Э.Петри был реабилитирован (посмертно)¹.

...Впервые я услышала это имя, когда училась на историческом факультете Иркутского университета, где в 20-е годы работал Б.Э.Петри. Студенты знали, что такие известные ученые, как М.М.Герасимов, антрополог, открывший методику восстановления лица по черепу; Г.Ф.Дебец, доктор биологических наук, профессор-антрополог; А.П.Окладников, академик, археолог и этнограф, — были в те далекие годы его учениками.

Готовясь к семинарам и работая над дипломом, я проводила много времени в библиотеке Иркутского краеведческого музея (бывшая библиотека ВСОРГО). Поражало обилие краеведческой и этнографической литературы, издававшейся в Иркутске в 20-е годы. Среди других статей часто встречались работы Б.Э.Петри по археологии и этнографии Сибири.

Ученый активно сотрудничал с Иркутским отделением Комитета Севера, через который проводилась государственная политика в отношении коренных сибирских народов.

В фондах Иркутского областного краеведческого музея, где я проходила практику, а позже стала работать научным сотрудником, мне не раз попадались на глаза книги описей, в которых

Б.Э.Петри своим торопливым, летящим почерком регистрировал этнографические коллекции, собранные в экспедициях в самых отдаленных уголках Прибайкалья.

Наконец, отдыхая на озере Байкал, я встретила археологов, раскапывавших неолитическое поселение рыбаков в соседней бухте. Они рассказали мне, что в начале XX в. здесь работал Б.Э.Петри, который первым нашел и раскопал стоянку Улан-Хада.

Несмотря на всю эту информацию, никакой литературы об ученом, его судьбе не было. Даже в 50—60-е годы, уже после официальной реабилитации, о репрессированных не принято было говорить. Личный архив Б.Э.Петри не сохранился, и в моем распоряжении сначала были крайне немногочисленные архивные материалы, которые затем удалось пополнить в Ленинградском отделении Архива АН СССР и в архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Большую помощь оказал тогда мне, студентке, приехавшей в Ленинград на преддипломную практику, доктор исторических наук, археолог Л.П.Хлобыстин. Позже эти материалы дополнились новыми важными данными из следственного дела Б.Э.Петри (архив бывшего Управления КГБ по Иркутской области). Постепенно из тумана небытия стала возникать фигура интересного ученого, талантливого педагога и общественного деятеля.

* * *

Бернгард Эдуардович Петри родился в 1884 г. в Берне (Швейцария). Род, к которому принадлежал Б.Э.Петри, вел свое происхождение от шведского реформатора Олая Петри (XVI в.), потомки которого позже бежали в Ливонию, осели там и жили в Вендене (ныне — Цесис в Латвии). «...Дед мой Юлиус являлся крупным и энергичным человеком и до своей смерти был управляющим крупнейших имений русской знати, в том числе имений княгини Вяземской. Отец же мой пошел по научному пути*. Одно время он был близок к "Земле и Воле", арестовывался и ссылался с лишением прав и состояния и после бегства из ссылки обосновался в г. Берн в Швейцарии, где окончил университет и получил профессорскую кафедру, — рассказывал Б.Э.Петри на первом допросе в мае 1937 г. — В 1888 г. отец был амнистирован, получил кафедру в Петербургском университете, чин статского советника и личное дворянство». В России к Эдуарду

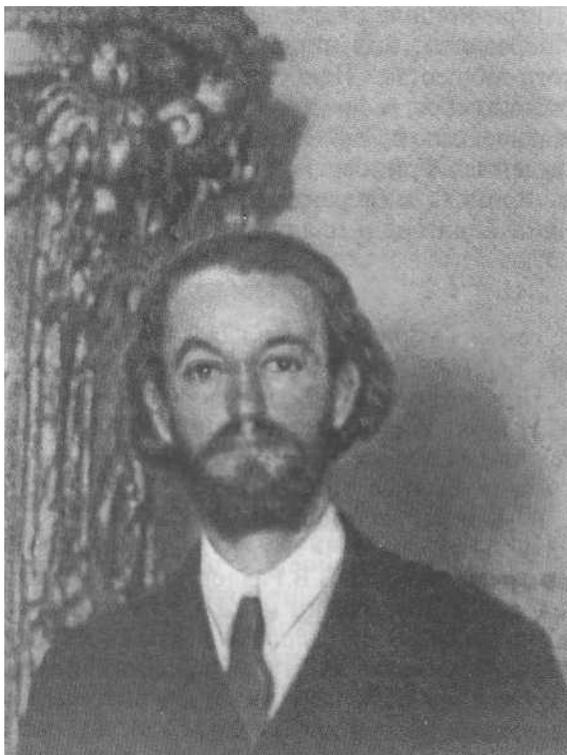
* В России Э.Ю.Петри учился в Императорской медико-хирургической академии (ныне — Военно-медицинская академия). В Берне ему была присвоена степень доктора медицины.

Юльевичу Петри пришла настоящая известность. Он много публиковался, переводил, был вице-председателем Русского антропологического общества. Наибольшей известностью пользовались его работы «Географический атлас», «Основы антропологии», «Соматическая антропология». Мать, Евгения Львовна Петри (урожденная Гринберг), для того чтобы выйти замуж за Э.Ю.Петри, приняла лютеранство³. В семье было двое сыновей — старший Бернгард и младший Георгий.

* * *

В 1887 г. семья Петри возвратилась из Швейцарии в Россию, в Петербург. Бернгард до 12 лет оставался в Италии. Затем его привезли в Петербург, где он учился в частной полунемецкой гимназии К.И.Мая; в этой же знаменитой гимназии учились и дети В.В.Радлова, в более позднее время Д.С.Лихачев⁴. «...Товарищами моими были в то время дети немцев, представители буржуазии, немецких баронов, русских дворян...»⁵. Э.Ю.Петри умер в возрасте 45 лет в 1899 г. Опекунуном мальчика и, по видимому, всей семьи стал В.В.Радлов, академик, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Академии наук. В.В.Радлов был для Б.Э.Петри идеалом⁶. Оставшись после смерти мужа без средств к существованию, Е.Л.Петри поступила на службу в Музей антропологии и этнографии Российской академии наук (МАЭ), где вскоре заняла, благодаря своему природному уму, самообразованию, знаниям и навыкам, перенятым от мужа, должность заведующей отделом Океании⁷. Так ближайшее окружение Бернгарда оказалось связанным с наукой, в частности с музееведением. Б.Э.Петри решает поступать в Петербургский университет на отделение географии естественного факультета, где когда-то преподавал его отец.

Формирование и эволюция мировоззрения и методологической концепции ученого происходили в сложный и интересный период в истории российского общества и науки. К началу XX в. в русской этнографии (в рамках научных обществ и музеев, где первоначально развивались этнографические исследования; в университетских центрах, где преподавание этнографии велось в контексте естественнонаучных дисциплин) господствовало эволюционистское направление. Особенностью русской этнографии явилось то, что она зародилась и долгое время развивалась в рамках географической науки, в теснейшей связи с естествознанием (это, возможно, дает ключ к пониманию необычайной популярности эволюционистского направления в ее научных разработках). Географическая наука в России прошла самостоятельный путь развития. Уже в XVIII в. ее характерной чертой был

Б. Э. Петри. 1914 г.

историзм: в центре внимания русской географии находился человек, изучение жизни и деятельности которого велось при опоре на достижения естествознания⁸. Этнография, выделившись в самостоятельную науку, продолжала быть тесно связанной с географией, что выразилось в попытке создания на стыке двух дисциплин нового научного направления — этногеографии⁹. Тесные контакты этнографии с географией и другими естественными науками, успехи которых в конце XIX — начале XX в. казались грандиозными (взять хотя бы теорию эволюции Дарвина), заставили представителей общественных дисциплин начать поиск естественноисторических закономерностей в своих областях знания. Идея прогресса, постепенного и закономерного развития сочеталась с прямолинейностью/однолинейностью и метафизичностью, что было естественным следствием механического переноса теории эволюции с биологических процессов на социальные.

В Петербургском университете, где учился Б.Э.Петри, лекции по этнографии и антропологии в разное время читали профессора Э.Ю.Петри, Д.А.Коропчевский, Ф.К.Волков, которые относили этнографию к антропологическим наукам, следуя за школой П.Брока во Франции, Т.Вайца в Германии и Э.Тэйлора в Англии¹⁰. Сторонниками эволюционизма были также В.В.Радлов, В.И.Иохельсон, Д.Н.Анучин, Л.Я.Штернберг и другие ученые. Наибольшее влияние на формирование взглядов Б.Э.Петри оказал, по-видимому, Л.Я.Штернберг, эволюция в понимании которого была закономерностью изменчивости явлений, а этнография — наукой «о человечестве, как о едином»¹¹. Предмет этнографии он видел в культуре народов «первобытных», оставших в своем развитии, а различия в культуре объяснял историческими и географическими причинами. Б.Э.Петри подчеркивал в 1921 г.: «Я... натуралист по образованию и дарвинист по методам исследования»¹².

В 1910 г. Б.Э.Петри окончил университет с дипломом 1-й степени и поступил на службу в МАЭ. «После окончания университета круг моих знакомых расширился, и я стал близок к следующим лицам: барон Кюстер, баронесса Топольт, семья барона Майендорф, семья товарища министра финансов Вебер, семья бывшего министра земледелия Кутлер... и еще многие нетитулованные из мира влиятельных людей; члены Археологической комиссии, Эрмитажа, Русского музея Александра III. Все это круг, где я вращался, как подающий большие надежды молодой ученый, сын известного профессора Петри. Несомненно, я двигался по пути к верхним ступеням лестницы научной карьеры»¹³.

* * *

Эволюционистская методология ученого укрепилась во время его работы в МАЭ (1910—1917) в качестве штатного, а затем младшего этнографа. В МАЭ Б.Э.Петри получил навыки музейной работы, познакомился с археологическими и этнографическими коллекциями из Африки, Австралии и, конечно, из Сибири. В.В.Радлов, с 1894 г. директор МАЭ¹⁴, сумел сформировать в музее сильный научный коллектив: здесь работали помощник директора, этнограф, старший сотрудник Л.Я.Штернберг, заведующий отделом Китая и Японии проф. А.И.Иванов, заведующий отделом Южной Америки К.К.Гильзен, заведующий отделом Австралии и Океании Б.Э.Петри, младший этнограф Э.К.Пекарский и др. Творческая атмосфера научной жизни столицы периода небывалого расцвета русской науки и культуры, дискуссии в Центральном отделе РГО о предмете этнографии и

ее задачах, отчеты и доклады о научных экспедициях и проведенных исследованиях — все это оказало решающее влияние на формирование личности молодого ученого.

Научные интересы многих сотрудников МАЭ, начиная с его директора В.В.Радлова, были прочно связаны с Сибирью. Сибирь всегда манила исследователей масштабами территории, своеобразием населяющих ее народов, сохранивших в культуре много архаичных черт. Сибирские народы изучали, находясь в политической ссылке, Л.Я.Штернберг (на Сахалине), В.Г.Богораз-Тан (на Чукотке), Э.К.Пекарский (в Якутии).

Б.Э.Петри выбрал для исследования регион Восточной Сибири, а именно Западное Прибайкалье, где жили буряты. Среди западных бурят, несмотря на активное проникновение к ним православия, сохранялось шаманство. В свою первую экспедицию в Западное Прибайкалье Б.Э.Петри выехал в 1912 г. вместе с В.А.Михайловым, бурятом по национальности, учившимся в Петербургском университете; затем он понял «все преимущества путешествия без спутников»¹⁵.

За годы работы в МАЭ Б.Э.Петри предпринял три долговременные экспедиции (1912, 1913, 1916 гг.), которые финансировались Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Экспедиции носили комплексный характер: ученый проводил антропологические измерения, собирал этнографические материалы (в том числе записывал легенды, предания, родословные) методами непосредственного наблюдения, опроса и интервью, закупал для музея этнографические экспонаты, и нередко на первый план выступали у него археологические разведки и раскопки. Так, в 1912 г. он открыл неолитическую стоянку рыболовов Улан-Хада на оз. Байкал, которая до сих пор является опорным памятником для периодизации древней истории Прибайкалья.

Работая в МАЭ, Б.Э.Петри занимался проблемами, характерными для классической эволюционистской этнографии, — историей брака и семьи, происхождением и развитием религиозных верований. Предметом изучения для Б.Э.Петри, вслед за эволюционистами старших поколений, был человек и его культура. Причем он исследовал преимущественно пережиточные явления в культуре, проявляя наибольший интерес к исторической этнографии. Б.Э.Петри придерживался взгляда на археологию, антропологию, этнографию как на тесно и неразрывно связанные дисциплины, поскольку в совокупности они могли помочь восстановлению ранних периодов человеческой истории, выявить историческое прошлое ныне живущих народов, реконструировать их внешний облик, материальную и даже духовную культуру.

Этнографические исследования проводились среди кудинской, верхоленской, балаганской и аларской групп бурят. На основе собранных материалов была написана работа «Семья и род у северных бурят», вышедшая отдельными главами в Иркутске¹⁶. Используя собранные материалы, автор описал территориальное родство, внутривидовые отношения, сознательно уделяя основное внимание наиболее древним пережиточным явлениям.

Этнографам, когда-либо работавшим в поле, знакомо состояние, которое хорошо описал Б.Э.Петри в письме Л.Я.Штернбергу в 1913 г. из западного Прибайкалья: «...должен, однако, признаться, что меня сильно тянет в Петербург. Надоел дым в юртах, грязь кругом, на теле и в пище... переезды в тряских телегах, дождь, мелкие неудачи в пути... Но стоит только получить новые данные или узнать что-либо замечательное, как от минутного уныния не остается и следа»¹⁷.

Во время экспедиций были собраны также материалы по шаманизму. Ученый лично познакомился с несколькими шаманами, присутствовал на шаманских камланиях. Особенно заинтересовал его процесс становления шаманов как служителей культа, степени их посвящения. Собранные в дореволюционное время материалы были дополнены в экспедициях начала 20-х годов. На этой основе были написаны небольшие по объему работы «Школа шаманов у северных бурят» и «Степени посвящения монголо-бурятских шаманов»¹⁸. Б.Э.Петри зафиксировал бытование и состояние шаманства у западных бурят в первой четверти XX в. Его материалы дополняют и уточняют опубликованные материалы М.Н.Хангалова, а в некоторых случаях расходятся с ними (например, в вопросе о количестве степеней посвящения)¹⁹.

Предложенный Б.Э.Петри термин «школа шаманов» оказался недостаточно обоснованным в его одноименной работе полевыми материалами. Вопрос о технике передачи шаманских знаний у бурят остался открытым, но к этой интересной и все еще в полном объеме не решенной проблеме было привлечено внимание. Ученый также предполагал изучить шаманство с медицинской точки зрения — с помощью психологов и психиатров: «Как ни странно, — отмечал он, — сибирские врачи ни разу не попытались вникнуть в сущность шаманства и изучить с медицинской стороны то явление, которое этнографов интересует только с точки зрения религиозных переживаний первобытных народов»²⁰. Именно с этой целью он уговаривает приехать в Иркутск (1922 г.) и выступить перед аудиторией, собравшейся на лекцию ученого о шаманстве, бурятского шамана Михаила Степанова. Лекция имела широкий резонанс, на страницах местной прессы развернулась довольно острая полемика. Оппоненты Б.Э.Петри

печатали свои статьи и отзывы под заголовками: «Не затемнять головы», «Уверовал», а один художник-карикатурист, скрывший свою фамилию за номером партбилета, изобразил Б.Э.Петри в окружении бурятского шамана и русского священника. К последнему профессор обращается со словами: «Еще б ты боле наострился, когда бы у него (шамана. — А.С.) немного поучился»²¹. Такова была реакция определенной части общественности.

* * *

С 1918 г. жизнь и научная деятельность Б.Э.Петри связаны с Иркутском, «столицей» Восточной Сибири. Здесь существовали давние научные и культурные традиции. В 1782 г. известным естествоиспытателем Э.Лаксманом в Иркутске был создан музей естественноисторического и этнографического направлений с библиотекой. С 1851 г. деятельно работал Сибирский (позже — Восточно-Сибирский) Отдел Императорского Русского географического общества (ВСОРГО), снискавший себе уважение среди всех слоев населения изучением Сибири и Дальнего Востока, Монголии и Китая. Научная база Отдела складывалась как из представителей местной интеллигенции, так и из среды политических ссыльных. Многие для развития науки, просвещения, сбора музейных коллекций делали внештатные сотрудники Отдела.

Революционные события в Петрограде эхом отозвались в Сибири. Советская власть окончательно одержала победу в Сибири только в январе 1920 г. До этого на ее территории действовало Сибирское Временное правительство адмирала А.В.Колчака. Некоторые министерские посты в этом правительстве занимали ученые — биолог с мировым именем, профессор ботаники Томского университета В.В.Сапожников; бывший правитель дел ВСОРГО, историк и краевед, член партии областников* И.И.Себреников и др. С падением Временного правительства многим из тех, кто был с ним непосредственно связан, пришлось эмигрировать, некоторые были убиты. В то же время, спасаясь от революционных бурь и потрясений, в Сибирь и на Дальний Восток в 1918—1919 гг. устремились многие ученые из центральных районов России. В Иркутске в 1918 г. открылся первый в Восточной Сибири университет.

Б.Э.Петри с женой Любовью Илларионовной (в девичестве — Коханович), уроженкой Иркутска, весной 1918 г. выехали в Иркутск, где у родителей жены находился их маленький сын Олег.

* См. примеч. 11 к статье М. А. Дэвлет «А. В. Адрианов как этнограф» (*примеч. ред.*).

Путь занял более двух месяцев. С этого времени Петри «застрял» в Иркутске и «осел», как позже оказалось, навсегда. Правда, в течение первых пяти лет он не оставляет надежды вернуться в Академию, как и А.М.Мерварт и С.М.Широкогоров, с которыми Б.Э.Петри поддерживал переписку (они находились во Владивостоке)*. Наконец, в 1923 г. Б.Э.Петри написал Л.Я.Штернбергу о своих летних работах (четыре месяца в экспедициях): «План плотно сомкнут личными связями и тем интересом и сочувствием, с которым местные люди относятся к моим исследованиям... Бросить все это и ехать в Музей, как Вы настаиваете, я не решаюсь... Прошу сохранить за мной высокое звание этнографа А.Н., которое я носил до сих пор и которым горжусь...»²².

В это время в Сибири и на Дальнем Востоке работали В.К.Арсеньев, А.М.Мерварт, С.М.Широкогоров, в Чите — М.К.Азадовский, В.В.Огородников, в Томске — С.И.Руденко, в Иркутске — Б.Э.Петри, Г.С.Виноградов и др. Этот период был чрезвычайно плодотворным для развития этнографии — происходило вливание новых научных сил, идей, методов в повседневную работу сибирских научных обществ.

В открывшемся Иркутском университете первоначально было два факультета: историко-филологический и юридический. При историко-филологическом факультете была основана кафедра истории первобытной культуры, где Б.Э.Петри работал сначала приват-доцентом, а затем был избран профессором, читал лекции и вел семинары по истории первобытной культуры, иными словами, по этнографии коренных сибирских народов. «...Лекции и занятия в университете заставили меня изучить целый ряд общих вопросов этнографии и археологии и выработать (лекционные. — А.С.) курсы, развили во мне педагогические навыки и лекторские способности, доселе не имевшие почти применения», — писал он в 1920 г. бывшим сослуживцам по МАЭ²³. При кафедре им был основан кабинет археологии и этнографии с библиотекой и музеем («мой милый кабинет археологии и этнографии, мое детище...»), при котором с 1919 г. работал студенческий научный кружок «Народоведение», позже переименованный в «Краеведение». «В кабинете у меня дружный кружок молодых сибирских археологов и этнографов, то, что я в шутку называю "моя школа"»²⁴. Здесь шла интенсивная подготовка моло-

* С. М. Широкогоров покинул Владивосток и эмигрировал в Китай. А. М. Мерварт в 1914 г. вместе с женой выехал в заграничную командировку в Индию и на Цейлон, где их застала первая мировая война. После Октябрьской революции англичане погрузили его и жену, а также собранные ими этнографические коллекции в трюм парохода и высадили во Владивостоке, откуда они в 1922 г. прибыли в Петроград, а позже были репрессированы.

дых специалистов, рефераты-компиляции не допускались, заслушивались доклады, основанные на собственных полевых исследованиях студентов. Первым председателем кружка был Е.И.Титов, затем — П.П.Хороших, позже — А.П.Окладников. В кружке работали также Г.Ф.Дебеч, М.М.Герасимов, Л.Н.Иваньев и др. Часто кружок проводил «выездные» заседания в ВСОРГО. Статьи и заметки, написанные на основе полевых материалов, публиковались в журнале «Краеведение», в выпусках «Этнографического бюллетеня ВСОРГО», в сборниках «Сибирская живая старина» и других изданиях, выходивших в Бурятии и Чите. Следует заметить, что даже большее внимание, чем этнографии, уделялось в кружке физической антропологии и археологии. И здесь нет противоречия: руководитель кружка Б.Э.Петри интересовался проблемой происхождения сибирских народов и в целом проблемой заселения Сибири. Для решения этих вопросов он широко использовал данные археологии и антропологии. И научные интересы его учеников во многом получили такую же направленность. «А.П.Окладников — самый молодой из всех моих учеников, — писал Б.Э.Петри в 1928 г., — работает у меня три года. Я полагаю, что ему еще несколько рано давать право на самостоятельные раскопки. Поэтому я возбудил через ВСОРГО ходатайство о выдаче ему открытого листа на право разведок. А.П.Окладников сам житель Лены; благодаря ему мы узнали о местонахождении 60 стоянок, преимущественно неолитических. Нынешним летом А.П.Ок-ов опять поедет к себе. Благодаря тесной связи с местным населением он успеет за лето сделать чрезвычайно много... Другой мой ученик, М.М.Герасимов, среди зимы открыл благодаря счастливому случаю (рыли подполье) в селе Мальта палеолитическую стоянку с чрезвычайно богатым (судя по разведке) содержанием...»²⁵. Именно в то время Б.Э.Петри и его ближайшими учениками и коллегами были открыты знаменитая на весь мир благодаря прежде всего палеолитическим Венерам стоянка древних людей Мальта на Ангаре, а также пока еще не столь известное, но не менее интересное, раскапывавшееся в те же годы неолитическое кладбище «Циклодром» (позже — «Локомотив», из-за соседства со стадионом одноименного названия) почти в центре Иркутска.

Б.Э.Петри был увлеченным популяризатором науки: он читал лекции перед общественностью, работал над научно-популярными очерками. Именно в них наиболее заметны попытки использовать данные археологии, антропологии, этнографии во взаимосвязи, с целью реконструкции, например, верований древних жителей Прибайкалья²⁶.

В 1923 г. при университете был создан Биолого-географический научно-исследовательский институт, который имел в своем составе этнологическую подсекцию, где велись исследования по археологии и этнографии региона.

В Иркутском университете в те годы существовала также кафедра русской этнографии, где работали профессора М.К.Азадовский, Г.С.Виноградов, П.Я.Черных (диалектолог). Здесь специализировались студенты, интересовавшиеся краеведческими исследованиями, этнографией и фольклором русского населения Сибири. Профессорами университета были также историк, этнограф, один из старейших деятелей ВСОРГО Н.Н.Козьмин*, кандидат географических наук, специалист по физической и экономической географии К.Н.Миротворцев и др.

* * *

Слава Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества далеко перешагнула пределы Восточной Сибири. В Отделе в разное время работали Г.Н.Потанин, М.Н.Хангалов, Д.Клеменц, А.В.Адрианов и другие ученые и путешественники. Имена наиболее выдающихся из них, послуживших во славу сибирской и российской науки, были высечены на фризе построенного в 1889 г. здания музея ВСОРГО в Иркутске. В богатейшем музее хранились археологические, нумизматические, орнитологические, этнографические коллекции.

После 1917 г. в деятельности ВСОРГО наступил вынужденный перерыв, вызванный гражданской войной. С 1922 г. деятельность Отдела возродилась: была создана этнологическая секция, руководимая проф. Б.Э.Петри. В 1923 г. этнологическая секция насчитывала 25 членов: Г.П.Сосновский, В.И.Сосновский, Е.И.Титов, М.М.Герасимов, Г.Ф.Дебец, А.К.Григорьев, Я.П.Ходукин, В.И.Подгорбунский и др. С 1924 г. председателем этнологической секции становится проф. М.К.Азадовский, и секция меняет свою направленность: теперь она уделяет основное внимание фольклорным и этнографическим исследованиям русского старожильческого населения Сибири. Здесь работали Г.С.Виноградов, А.М.Попова, П.Я.Черных, И.Гущина, П.Ф.Требуховский и др. Исследовались традиционная и современная культура и быт преимущественно русского населения Сибири. Этнологическая секция была преобразована в 1924 г. в палеоэтнологическую, где под руководством Б.Э.Петри продолжались комплексные работы по археологии, антропологии, этнографии. В 1926 г. при ВСОРГО в целях более глубокого исследования

* См. статью А. М. Решетова о Н. Н. Козьмине в этой книге.

бурятской культуры и на волне бурно развивавшегося краеведческого движения была создана бурят-монгольская секция, в которой работали П.П.Баторов, В.И.Подгорбунский (позже он был одним из инициаторов создания якутской секции и деятельно работал в ней), Н.Н.Козьмин. Секцией выпускался «Бурятоведческий сборник». С 1927 г. при ВСОРГО возникла якутская секция, членами которой были К.Н.Миротворцев, Г.В.Ксенофонтов и другие ученые; она выпускала «Очерки по изучению Якутского края».

Таким образом, в 20-х годах Иркутск представлял собой крупный этнографический центр. Не случайно именно в Иркутске сделали первые шаги на поприще научной деятельности многие известные в будущем ученые. Работа ВСОРГО велась в тесном взаимодействии с университетом. Проводились обзоры новейшей литературы, снаряжались и работали экспедиции, готовились научные доклады, на заседания приглашались приезжие, в том числе зарубежные ученые. Эта работа подпитывалась возросшим интересом к прошлому своего края.

Краеведческие кружки и музеи возникают не только в Иркутске (при Педтехникуме и Доме работников просвещения), но и в целом по губернии, прежде всего при школах. «На местах» существовала целая «сеть корреспондентов»: С.В.Шарыпов, О.А.Монастырева, П.Н.Мочульский, М.Степанов и многие другие представители местной интеллигенции в самом широком смысле этого слова. Это для них выпускались различные программы и инструкции²⁷.

* * *

С образованием в 1924 г. при Президиуме ВЦИК Комитета содействия народностям северных окраин Сибири (Комитета Севера) работа советских этнографов-сибиреведов приобрела ярко выраженный практический характер. Со второй половины 20-х годов молодые московские и ленинградские этнографы стали выезжать для стационарной работы в отдаленные поселки и стойбища Северной Сибири. Б.Э.Петри был одним из тех, кто занимался проектированием культбаз и охотничьих хозяйств на основе предварительного научного обследования. Он активно сотрудничал с Комитетом Севера с 1925 г., когда в Иркутске было создано одно из его отделений, в сферу деятельности которого входили тофалары (карагасы), группы тутуро-очеульских и катангских эвенков (тунгусов). В связи с недостатком квалифицированных специалистов Б.Э.Петри привлекался для работы среди окинских сойот и витимо-олекминских эвенков, живших вне пределов Иркутской губернии (области).

Б. Э. Петри. Середина 20-х годов

Этнография в послереволюционное время по-прежнему рассматривалась Б.Э.Петри как наука, занимающаяся изучением первобытной культуры ныне живущих народов. В то же время практическая деятельность по обследованию народов, получивших статус «малых» и нуждавшихся в практической помощи государства, заставила ученого обратить пристальное внимание на этнографию современности, и в первую очередь на область хозяйства и материальной культуры: «...если раньше каждый новый добытый факт был тем ценнее и интереснее, чем больше следов давности таил он в себе, то теперь нас интересуют преимущественно те факты, которые дают ключ к правильному пониманию

основных пружин,двигающих хозяйство туземцев»²⁸. В это время изменились сами объекты этнографического исследования: внимание переключается на отдельный этнос, этнографическую группу, причем исследуется преимущественно область хозяйства, материальной культуры. Несомненно, взгляды Б.Э.Петри на предмет и задачи этнографии претерпели существенную эволюцию: от сознания того, что его работы «лишены практического значения», он пришел к выводу: «...не пора ли закончить период исследований и приступить к реальному содействию»²⁹.

Практические задачи заставили разработать новую, отвечающую требованиям момента, методику полевых этнографических исследований. Метод обследования целых народностей был найден опытным путем, апробирован в экспедициях, снаряжаемых и финансируемых Комитетом Севера, и в 1928 г. представлен для обсуждения на I Всесибирском краеведческом съезде³⁰. Объектами обследования становились обособленные этнографические группы, например, тутуро-очеульские или витимо-олекминские эвенки, окинские сойоты или относительно компактно проживающие тофалары, считающиеся отдельным народом. Б.Э.Петри предлагал ввести в этнографические исследования плановость, «разбить» Сибирь на этнографические «квадраты» по географическому и национальному признакам и планомерно их изучать в соответствии с приемами статистико-экономических обследований: «В статистической оправе этнографические данные оживают и становятся реальными»³¹.

Сам ученый считал, что его главная заслуга перед русской этнографией — разработка и применение чисто статистических приемов к этнографическим исследованиям: «С 1925 г. я веду работы исключительно этим своим методом»³². Экономическое обследование велось по выработанной Б.Э.Петри совместно с К.Н.Миротворцевым программе, рассчитанной «применительно к хозяйству малых народностей тайги»³³. Медико-санитарное обследование велось по программе проф. Н.М.Анастасиева; программа для охотоведов была разработана В.Ч.Дорогостайским.

В состав экспедиции входили помимо необходимого технического персонала, набравшегося на месте, этнолог-экономист, его помощник — этнограф, врач и его помощник, охотовед. Это давало возможность в сложных таежных условиях проводить так называемые кустовые экспедиции, обследуя и наиболее удаленные труднодоступные районы. Б.Э.Петри оставался сторонником длительных экспедиций (2—4 месяца) с последующими выездами в те же районы на более короткий срок для пополнения и уточнения уже собранных материалов и наблюдения динамики изменений в исследуемых группах.

Оценивая новый метод обследования, нужно отметить, что в целом он не расходился с эволюционистской методологией ученого. В конкретных сложных условиях, когда не хватало ни специально подготовленных кадров, ни средств, он имел положительное значение. Однако этот метод не мог не привести и к некоторым ошибочным выводам, так как не учитывал культурные взаимовлияния и заимствования и рассматривал этнографическую группу как нечто замкнутое. По-видимому, как ученый-этнограф, Б.Э.Петри понимал, как далеко зашел процесс ассимиляции, например, у окинских сойот, но как общественный деятель и просто как человек не мог с этим примириться.

Географический ареал, который изучал Б.Э.Петри, охватывал Восточную Сибирь и Прибайкалье. «Все те народы, которые я изучал, расположены по склонам Саянского и Байкальского хребтов. Карагасы расположены по верховьям рек Уды, Ии, Бирюсы и Гутары. Дальше на восток идут буряты. Еще дальше по западному берегу Байкала и в верховьях рек Лены и Киренги живут тунгусы»³⁴. Если буряты постоянно привлекали внимание исследователя, то все другие народности он изучал по заданию Комитета Севера. Выражаясь современным языком этнографической науки, он работал в те годы в области прикладной и неотложной этнологии.

В 1925 г. Б.Э.Петри провел экспедицию к тофаларам, горнотаежным охотникам-оленеводам. Об этом маленьком народе в литературе (Н.Ф.Катанов, В.Н.Васильев, К.Н.Миротворцев) имелись лишь фрагментарные сведения³⁵.

Вопросы экономического состояния хозяйства малых народов: «закуп-сбыт», бюджет и другие — разрабатывались специально по заданию Комитета Севера. По мнению Б.Э.Петри, они были очень скучными, и при других обстоятельствах ни один этнограф не стал бы такой материал собирать. Именно поэтому он явился «очень полным и единственным в своем роде»³⁶. Вслед за Н.Ф.Катановым был дан родовой состав тофаларов, сравнительные таблицы их численности (в сравнении с данными проф. К.Н.Миротворцева), подробно описаны охота и оленеводство, характер землепользования³⁷. Б.Э.Петри первым из этнографов заметил, что промысловые угодья разделялись между патронимиями. Позже С.И.Вайнштейн установил, что в патронимии могли входить представители разных фамилий³⁸.

В 1926 г. Б.Э.Петри работал у окинских сойот. Это была практически первая этнографическая экспедиция, снаряженная специально для исследования окинских сойот, горнотаежных охотников-оленеводов. Маленькая этническая общность состоя-

ла из потомков древнего самодийского населения Сибири, испытавшего на себе несколько ассимиляционных «волн»: сначала — тюрков, затем — бурят. В первой четверти XX в. процесс ассимиляции окинских сойот бурятами продолжался. Несмотря на то что глубинные процессы деэтнизации культуры сойот начались уже давно³⁹, на волне национального самоопределения, политики государственного патернализма в отношении малых народов и других факторов, в конце 20-х годов сойоты заявили о себе как о народе, требующем автономии в рамках Бурят-Монгольской республики. В такой обстановке проходила работа экспедиции Б.Э.Петри, и отчасти сама эта экспедиция вызвала активизацию их этнического самосознания, подобно тому как позже, в 1991 — 1992 гг., вторая волна национального возрождения совпала по времени и отчасти была инициирована этнографической экспедицией Л.Р.Павлинской. Б.Э.Петри в общей сложности провел у окинских сойот около полугода. Используя свой метод обследования, он изучил практически все хозяйственные группы сойот, обобщив собранные сведения в статистических таблицах. Фактически он зафиксировал у них процесс смены хозяйственно-культурных типов и направления его развития⁴⁰.

В 1928 и 1929 гг. Б.Э.Петри работал у тутуро-очеульских эвенков — небольшой этнографической группы, населявшей верховья р. Лены и ее притоков. Исторически эта группа испытывала тесные иноэтнические контакты с бурятами, русскими старожилами и в конце XIX — первой четверти XX в. частично начала переходить на оседлость. Ученый обследовал все поселения этой группы эвенков, изучил систему землепользования и основные виды хозяйственной деятельности — охоту и оленеводство, их состояние на период обследования. Он выступил за сохранение у тутуро-очеульских эвенков охоты и оленеводства, этих традиционных занятий, за ориентацию эвенкийского хозяйства на скотоводство при частичном переходе к оседлости⁴¹. Ученый определил границы расселения эвенков, место строительства культурбазы. Полемизируя со своими оппонентами в Иркутском отделении Комитета Севера, он выступал против строительства на культурбазах длинных домов прямоугольной формы (по типу домов американских индейцев-ирокезов, известных по исследованиям Л.Г.Моргана): «Учитывая бытовые особенности туземцев, привыкших к уединенной жизни в тайге и к отдельному чуму, жизнь под одной крышей 36 человек, сгруппированных в отдельные хозяйства от 6 до 1 человека в каждом, будет для туземцев неприемлема»⁴². В те годы существовали проекты переселения этих эвенков в район среднего течения р. Нижняя Тунгуска, против которых Б.Э.Петри активно возражал⁴³.

В 1930 г. ученый работал у витимо-олекминских эвенков, однако материалы, собранные в экспедиции, не были опубликованы и, по-видимому, не сохранились.

Подводя итог научной и практической деятельности Б.Э.Петри в эти годы, следует отметить, что сотрудничество с Комитетом Севера позволило ввести в научный оборот новые данные по хозяйству, особенностям землепользования и материальной культуре прежде малоисследованных народов тайги. Кроме того, оно повлияло на взгляды ученого. Если раньше он подходил к изучаемым народам только как этнограф-наблюдатель, то теперь от него ждали практических рекомендаций, однако в уже заданных рамках. В этом, по-видимому, и состояла его научная трагедия. Он обостренно чувствовал свою личную ответственность за дальнейшую судьбу изучаемых им народов: «Эта своеобразная индустриализация наших туземцев — опыт, крайне опасный. Он требует большой осторожности. От наших изучений вправе ожидать точных данных...»⁴⁴. Как показало будущее, опасения ученого не были напрасными. С.М.Широкогоров еще в 1922 г. говорил о законе равновесия культуры, который заключался в том, что если нарушить связь между различными элементами этнографических комплексов, благодаря которой, собственно, и существует культура как таковая, то разрушается и вся культура. По мнению С.М.Широкогорова, культура может изменяться лишь с сохранением равновесия, «плавучести»⁴⁵.

Пытаясь в рамках социального заказа сохранить это равновесие, Б.Э.Петри пришел к выводу, что малые народы тайги в своем культурном развитии при переходе к оседлости должны остаться охотниками. Второй основой «туземного хозяйства», по его мнению, должно было стать коллективное оленеводство, по примеру окинских сойот. Увидев в эволюции хозяйства сойот этап, который, по его мнению, рано или поздно должен был быть пройден и другими малыми народами тайги при переходе их на оседлость и полuosедлость, Б.Э.Петри решает рекомендовать взять за основу сойотский опыт для переустройства (читай — перевода на оседлость) других исследуемых народов. Подобное решение не расходилось с эволюционистскими взглядами ученого. Культбаза мыслилась им как центр охотничьего хозяйства, хозяйственное предприятие, основанное на принципах хозрасчета и самоокупаемости⁴⁶.

Вместе с тем у Б.Э.Петри имелось множество противоречивых высказываний, а то и просто неверных положений. Он не видел и не хотел видеть положительных моментов в культурном и хозяйственном обмене местного населения с другими народами, прежде всего с русским. В определенной степени он идеализировал исследуемые народы.

Небольшая статья Б.Э.Петри «Проект культбазы у малых народов Сибири» вызвала резкую критику, поскольку в ней не было материалов по классовой дифференциации, классовой борьбе, диктатуре пролетариата и т.п. Критик негодовал: «О политической неграмотности профессора Петри говорит тот факт, что он определяет туземный совет как орган самоуправления, а не как орган диктатуры пролетариата... Борясь за чистоту генеральной линии партии на идеологическом фронте, за марксизм-ленинизм, мы должны особенно зорко следить за работами людей, подобных Петри»⁴⁷. Шел 1932 год... В ответ на критику Б.Э.Петри полностью соглашался с оппонентом и «признавал свои ошибки»: эклектизм, идеализм, вульгарный материализм и другие: «...мои старые теоретические установки, вопреки моей практической работе и полной преданности национальной политике советской власти, явились отражением влияния классово враждебной пролетариату буржуазной науки»⁴⁸.

* * *

Практически во всех своих экспедициях Б.Э.Петри собирал этнографические и археологические коллекции. Он придавал огромное значение собирательской работе. В письме Л.Я.Штернбергу из своей первой экспедиции в Прибайкалье он писал: «Хотелось бы пойти в Музей и приняться за работу, которую я так люблю: регистрировать коллекции, определять вещи, писать каталог»⁴⁹. Этнографические коллекции, собранные Петри, хранятся в основном в фондах Иркутского областного краеведческого музея. По моим данным, всего собрано семь коллекций (не менее 500 единиц хранения на момент поступления в фонды) по этнографии бурят, эвенков, тофаларов, сойот. Собранные коллекции уникальны, поскольку характеризуют материальную и духовную культуру тех этнографических групп, которые в настоящее время значительно ассимилированы и практически утратили традиционную культуру. Ученый сам регистрировал свои сборы в описях музея, всегда торопливым, летящим почерком, но также неизменно с научной тщательностью и точностью. Экспонаты оформлялись ученым как источники будущих научных обобщений. Необходимо отметить принцип комплексности в формировании коллекций. Состав их, собранных у разных этнических групп, фактически идентичен по набору экспонатов. По-видимому, ученый стремился так подобрать материал, чтобы впоследствии была возможность сравнить развитие культур соседних народов, провести, может быть, определенные аналогии с археологическими материалами.

Б.Э.Петри и его ученики принимали участие в реорганизации бывшего музея ВСОРГО, приводили в порядок коллекции, работали над новыми экспозициями, устраивая музей по образцу академического МАЭ. В Иркутском музее народоведения работали после окончания университета, или сочетая обучение с работой, Е.И.Титов, М.М.Герасимов, Г.Ф.Дебец, А.М.Попова, П.Г.Полтораднев, П.П.Хороших, Г.П.Сосновский и др.

Музей для Петри не был хранилищем мертвых экспонатов. Он воспринимался им как живой организм, в котором сочетались научная, собирательская, просветительская и педагогическая деятельность. Ученый считал, что развитие музеев напрямую связано с квалифицированными и преданными музейному делу кадрами, которые рассматривал как большую культурную ценность⁵⁰.

* * *

К 1930 г. Иркутский университет был закрыт. Многие преподаватели уехали или перешли на другую работу в Иркутске. Происходил процесс, обратный тому, который наблюдался в 1918 г., — процесс оттока научных кадров в Ленинград, Воронеж, Казань, Москву. Одним из первых перебрался в Ленинград М.К.Азадовский, вслед за ним — Г.С.Виноградов. Примерно в 1935 г. уехал в Воронеж К.Н.Миротворцев⁵¹. Продолжили образование в Москве М.М.Герасимов, Г.Ф.Дебец. Еще в начале 20-х годов уехал в Маньчжурию Е.И.Титов, работавший директором музея КВЖД. Оставшихся в Иркутске ученых ожидала разная судьба. Многие были репрессированы. Так, был арестован и расстрелян проф. В.Ч.Дорогостайский (биолог), умерли в Иркутской тюрьме, находясь под следствием, профессора Н.Н.Козьмин (историк, этнограф), И.Ф.Молодых (гидролог, географ)⁵².

К моменту ареста (май 1937 г.) Б.Э.Петри работал научным сотрудником Восточносибирского облисполкома. Я не располагаю данными о периоде жизни Б.Э.Петри 1931—1936 гг., за исключением того, что в 1934 г. он провел археологическое обследование р. Ангары на участке от ее истока до Иркутска, а в 1936 г. — разведочные раскопки на р. Куда (приток р. Ангары, в 70 км от Иркутска).

На первом допросе 31 мая 1937 г. Б.Э.Петри рассказывал свою биографию, историю семьи. Он отрицал предъявленные ему обвинения. Однако уже на всех последующих допросах (их запротоколировано три) он «полностью признавал» свою вину в том, что он, Б.Э.Петри, действительно был немецким (завербован В.В.Радловым), а также английским шпионом. «Задания»

он якобы получал от немецкого консула в Новосибирске Гроскопфа*.

Б.Э.Петри проходил по крупному делу «немецких специалистов», которое велось в Иркутске. На заводе тяжелого машиностроения Иркутска работали немецкие специалисты, коммунисты, многие из которых были арестованы как немецкие шпионы; некоторые были высланы в Германию, другие — расстреляны. Б.Э.Петри был арестован на основании ложного доноса одного из иркутских немцев, когда «расследование» дела уже подходило к концу. Среди английских и германских «разведчиков», с которыми Б.Э.Петри якобы поддерживал связь, в деле были названы ученые, с которыми он переписывался или встречался, в том числе бывший военнопленный, австрийский археолог Мергарт, доктор Рундт, проф. Амшлер, Грубер и др.

Петри проходил также по крупному делу «панмонголистов», которое велось в Улан-Удэ. Дело было сфабриковано; подследственными были или упоминались в материалах дела в основном деятели старой и новой бурятской интеллигенции — З.Ханхасаев, Ц.Алсаханов и др. Б.Э.Петри «признавался»: «Среди бурят моя работа заключалась в установлении связи с контрреволюционными, националистическими элементами и организациями и возможности их использования в целях поднятия вооруженного восстания против советской власти»⁵³.

Обвинения были построены на «признательных» показаниях обвиняемого. Очевидно, на допросах использовались методы силового давления. Косвенным образом об этом могут свидетельствовать медицинская справка, хранящаяся в деле, и фотография Бернгарда Эдуардовича, сделанная, возможно, незадолго до смерти, а также нелогичность многих материалов следствия.

Б.Э.Петри был обвинен в том, что являлся участником немецко-японской, фашистской, диверсионно-разведывательной и правотроцкистской организации, существовавшей в Восточной Сибири, был агентом германской и английской разведок, по заданию которых занимался шпионской деятельностью, создавал диверсионно-разведывательные группы, вербовал агентов для германской разведки, установил организационные связи с правотроцкистской контрреволюционной и панмонгольской националистической организациями. Согласно Постановлению Комиссии НКВД СССР от 14 ноября 1937 г. он был расстрелян 25 ноября 1937 г. в 23 ч. 25 мин.

Жена Б.Э.Петри, Любовь Илларионовна, умерла в Иркутске незадолго до ареста мужа. Сын Олег, по воспоминаниям

* С Гроскопфом Б.Э.Петри действительно был знаком и поддерживал переписку, а также передавал через него в Германию этнографические коллекции.

В.М.Вайца, после ареста отца пытался облегчить его участь, стучался во все двери, носил передачи и т.п. и в результате сам был арестован как сын врага народа. Отбыв срок, пытался «зацепиться» в разных местах и наконец осел в Днепропетровске. О.Б.Петри умер в 1984 г. в возрасте 68 лет от сердечного приступа, оставив жену и дочь. Двоюродный брат Б.Э.Петри, В.М.Вайц, с которым я некоторое время переписывалась и однажды встречалась, умер в 1989 г. в Ленинграде. В этом городе живет двоюродная сестра ученого Н.Г.Петри.

Б.Э.Петри был реабилитирован в 1959 г. (посмертно). На основании перепроверки следственного дела постановление Комиссии подлежало отмене, а дело прекращалось за недоказанностью обвинения⁵⁴. 25 мая 1959 г. в прокуратуру был вызван профессор пединститута В.И.Дулов. Отвечая на вопросы следователя, он сказал: «...как ученого, человека, Петри могу характеризовать положительно. Никаких враждебных высказываний со стороны Петри никогда не слышал. Петри был членом совета безбожников, вел большую переписку с профессорами, проживавшими в Германии, ...в совершенстве владел немецким языком... Петри, как ученый, к работе относился добросовестно. Был общителен, часто выступал с докладами, ...обладал огромными знаниями в своей отрасли... Сказать, что Петри был врагом, я не могу»⁵⁵.

* * *

30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции оказались роковыми. Масштабы и глубину репрессий можно представить и по числу невинных жертв (только в 1937 г. по политическим приговорам было расстреляно в скоротечном порядке 350 тыс. человек; имеются и другие цифры, превышающие названную в 3—4 раза)⁵⁶, и по тем широко известным фамилиям, которые фигурировали в списках: среди научной интеллигенции, например, Н.И.Вавилов, Н.Д.Кондратьев, А.В.Чаянов, Г.Г.Шпет, П.А.Флоренский и многие другие. Таким образом, трагический финал жизни Б.Э.Петри, можно сказать, был в какой-то степени закономерен.

Главное, что было сделано Б.Э.Петри вместе с коллегами в Сибири, — это подготовка на основе богатого научного наследия ВСОРГО специалистов по истории и культуре Сибири самого широкого профиля. В 20-х годах Иркутск становится крупным археологическим и этнографическим научным центром. Б.Э.Петри удалось привлечь и заинтересовать молодежь, привить ей глубокий, устойчивый интерес к науке. Обладая мощным творческим потенциалом, выходец из петербургско-петроградской

этнографической школы, Б.Э.Петри стал воплощением новых мыслей, идей, методов, наконец, организаторской энергии. Он перенес на сибирскую землю и «привил» то, что было наиболее жизнеспособным в местных условиях. Характерной чертой этой школы был широкий диапазон научных интересов, работа на границах смежных дисциплин. Среди учеников Петри были экономисты, антропологи, археологи, этнографы, геологи... Их работы в 40—50-е годы посвящены таким сложным проблемам, как этногенез и этническая история современных нам народов (узбеки, туркмены и др.), история заселения отдельных регионов; реконструкция социального строя и т.д. Ученики Б.Э.Петри, такие, как М.М.Герасимов, Г.Ф.Дебец, А.П.Окладников, в свою очередь, дали начало новым научным направлениям и оказали большое влияние на развитие науки в целом.

Б.Э.Петри, активно сотрудничая с Комитетом Севера, занимался проблемами малых народов этого региона — эвенков, тофаларов и др. Его позиция в вопросах социалистического переустройства их жизни и быта была достаточно взвешенной, в отличие от взглядов некоторых оппонентов. Он одним из первых ввел статистический метод в этнографические исследования, применив его на практике.

Полевые исследования Б.Э.Петри среди западных бурят позволили ввести в научный оборот новые ценные материалы, касающиеся семейно-родовых отношений и шаманства.

Б.Э.Петри был увлеченным популяризатором науки, прекрасным педагогом и не жалел для этого времени. Но, к сожалению, не все творческие замыслы ему довелось осуществить...

¹ Архив ФСБ по Иркутской области. Материалы следственного дела Б.Э.Петри. 1937, 6/н.

² Там же, л. 12.

³ Личный архив А.А.Сириной. Письмо В.М.Вайц к А.А.Сириной. Апрель 1985 г.

⁴ Материалы следственного дела Б.Э.Петри, л. 35; Независимая газета. 22.04.1994, с. 6.

⁵ Материалы следственного дела Б.Э.Петри, л. 13.

⁶ Там же.

⁷ *Петри Е.Л.* Путеводитель по МАЭ: Отдел Океании. Пг., 1914, 65 с.

⁸ *Саушкин Ю.Г.* Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980, с. 41.

⁹ *Богораз-Тан В.Г.* Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М. — Л., 1928.

¹⁰ *Могиланский М.Н.* Предмет и задачи этнографии. — Живая старина, 1916. Вып. 1, с. 13.

¹¹ *Гаген-Торн Н.И.* Ленинградская этнографическая школа. — СЭ, 1971, № 2, с. 137.

- ¹² Петри Б. Э. К вопросу об изучении шаманства (по поводу приезда шамана Степанова в Иркутск). — Власть труда. 1922, № 299.
- ¹³ Материалы следственного дела Б. Э. Петри, л. 35.
- ¹⁴ *Вайнштейн С. И.* В. В. Радлов и его труд «Из Сибири». — Радлов В. Из Сибири. М., 1989.
- ¹⁵ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), д. 65, л. 377.
- ¹⁶ См. работы Б. Э. Петри: Территориальное родство у северных бурят. — Известия Биолого-географического научно-исследовательского института при Иркутском государственном университете (далее — Известия БГНИИ при ИГУ). Иркутск, 1924. Т. 1, вып. 2, 23 с.; Элементы родовой связи у северных бурят. — Сибирская живая старина. Иркутск, 1924. Вып. 2, с. 98—126; Брачные нормы у северных бурят. — Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. Иркутск, 1924. Вып. 8, с. 3—32; Внутриродовые отношения у северных бурят. — Известия БГНИИ при ИГУ. Иркутск, 1925. Т. 11, вып. 3, 72 с.
- ¹⁷ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), д. 65, л. 377.
- ¹⁸ Петри Б. Э. Школа шаманов у северных бурят. — Сборник трудов проф. и препод. ИГУ. Иркутск, 1923. Вып. 5, с. 404—423; *он же*. Степени посвящения монголо-бурятских шаманов. — Известия БГНИИ при ИГУ. Иркутск, 1926. Т. II, вып. 4, с. 39—75.
- ¹⁹ Петри Б. Э. Школа шаманов...
- ²⁰ Петри Б. Э. К вопросу об изучении шаманства...
- ²¹ Личный архив А. А. Сириной. Книга вырезок газетных публикаций Б. Э. Петри (б/н и указания страниц).
- ²² ПФ АРАН, ф. 282, оп. 2, д. 227, л. 15, 16.
- ²³ Там же, л. 15.
- ²⁴ Там же, л. 10.
- ²⁵ Архив С.-Петербургского отделения Института археологии РАН, ф. 2, оп. 1. 1928, д. 129, л. 25.
- ²⁶ Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья. Научно-популярный очерк. Иркутск, 1928, 73 с.; *он же*. Старая вера бурятского народа. Научно-популярный очерк. Иркутск, 1928, 78 с.
- ²⁷ Петри Б. Э. Программа для составления подворных описей и бюджетов применительно к малым народностям тайги. Иркутск, 1926; *он же*. Опыт преподавания основ географии. Иркутск, 1925 и др.; *Виноградов Г. С., Черных П. Я.* О собирании материалов для словаря русского старожилото населения Сибири. Опыт программы. Иркутск, 1924; *Виноградов Г. С.* К изучению народной медицины у русского населения Сибири. Инструкция и программа. Иркутск, 1923.
- ²⁸ Петри Б. Э. Этнография и современность. Иркутск, 1927, с. 7, 11.
- ²⁹ Петри Б. Э. Карагасский суглан. Иркутск, 1927, с. 38.
- ³⁰ Петри Б. Э. Задачи дальнейшего исследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей. — Труды Первого сибирского краеведческого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Т. 5.
- ³¹ Петри Б. Э. Бюджет карагасского хозяйства. Иркутск, 1928, с. 2.
- ³² Петри Б. Э. Ответ на критику. — На Советской стройке. Иркутск, 1932, № 4—5, с. 32.
- ³³ Петри Б. Э. Программа для составления подворных описей и бюджетов..., с. 3.
- ³⁴ Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО), ф. 1468, оп. 1, д. 7. Ученый не упомянул здесь о своих археолого-этнографических исследованиях в Северо-Западной Монголии, на берегах оз. Хубсугул; см.: *Петри Б. Э.* Древности озера Косогола (Монголия). — Бюллетень Всесоюзной научной ассоциации востоковедов. Иркутский филиал. 1926, № 1, с. 92—100.
- ³⁵ См., например: Краткий очерк быта карагасов. — ЭО. 1910. Кн. 84—85, № 1, 2.

³⁶ *Петри Б. Э.* Бюджет карагасского хозяйства..., с. 2.

³⁷ См. работы Б. Э. Петри: Карагасский суглан; Оленеводство у карагас. Иркутск, 1927; Охотугодя и расселение карагас. — Сборник трудов проф. и преподав. Иркутского университета. 1927. Вып. 13; Этнографические исследования среди малых народностей в Восточных Саянах (предварительные данные). Иркутск, 1927; Промыслы карагас. Иркутск, 1928.

³⁸ *Вайнштейн С. И.* Социальная организация саянских оленеводов-охотников (тофалары); Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII — начало XX в.) М., 1970, с. 311.

³⁹ *Павлинская Л. Р.* Окинские соеты. Методы и механизмы разрушения этнической культуры. — Материалы полевых этнографических исследований МАЭ. 1990 — 1991. СПб., 1993, с. 28 — 39.

⁴⁰ *Петри Б. Э.* Этнографические исследования...

⁴¹ *Петри Б. Э.* Охота и оленеводство у тунгусских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930.

⁴² ГАИО, ф. 528, оп. 1, д. 2, л. 119.

⁴³ Там же, л. 108.

⁴⁴ *Петри Б. Э.* Карагасский суглан..., с. 2.

⁴⁵ *Широкогоров С. М.* Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922.

⁴⁶ *Петри Б. Э.* Проект культуры у малых народов Сибири. Томск, 1928.

⁴⁷ *Петров-Немиров Л.* Критика буржуазного краеведения. — На Советской стройке. 1932, № 1, с. 37.

⁴⁸ *Петри Б. Э.* Ответ на критику. — На Советской стройке. 1932, № 4—5, с. 32.

⁴⁹ ПФ АРАН, ф. 142, оп. 1 (до 1918 г.), д. 65, л. 378.

⁵⁰ *Петри Б. Э.* Областной музей и его организация на демократических началах. Иркутск, 1921.

⁵¹ Архив ФСБ по Иркутской области. Материалы следственного дела И. Ф. Молодых. Б/н, л. 290.

⁵² Там же.

⁵³ Материалы следственного дела Б. Э. Петри, л. 53.

⁵⁴ Там же, л. 418.

⁵⁵ Там же, л. 385 об. — 386.

⁵⁶ *Куманев В. А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991, с. 137.

А.М.РЕШЕТОВ

**Николай Николаевич Козьмин:
основные направления научной деятельности**

Одной из интереснейших личностей восточносибирской историко-этнографической науки является Николай Николаевич Козьмин. В последние годы его имя начинают все чаще вспоминать в научной литературе. Мы не ставим перед собой задачу определить как значение работ Н.Н.Козьмина для современной науки (по этому поводу могут быть разные точки зрения), так и его место в истории науки. Наша цель — дать уточненные факты биографии ученого, проследить основные направления его многогранной научной деятельности, вспомнить хотя бы часть его работ.

Николай Николаевич Козьмин родился 23 февраля (ст. ст.) 1872 г. в Красноярске, крещен в церкви Всех Святых 22 марта¹. Отец его, Николай Иванович Козьмин, учился в Московском университете, работал преподавателем географии Иркутской гимназии, а затем преподавал историю и географию в Красноярской губернской гимназии. Оставив работу в учебном заведении, он занял должность бухгалтера Горного отделения Главного управления Восточной Сибири. 6 октября 1884 г. коллежский асессор Н.И.Козьмин был уволен в отставку, а через две недели семью постигло несчастье — кормилец скончался. Мать, Анна Федоровна, осталась с четырьмя детьми на руках (помимо Николая еще были сын Иван и дочери Алевтина и Ольга) без средств к существованию. Семья жила за счет дохода с дома, а он был невелик — всего 15 рублей в месяц².

Первенец Николай один год учился в Красноярской, а последующие восемь лет — в Иркутской губернской гимназии. Мальчик занимался старательно и по всем предметам имел только отличные оценки, не давалась лишь гимнастика... «Во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках, в особенности же по русскому языку, древним и французскому языкам, — говорилось в его личном деле, — Педагогический совет постановил наградить его серебряной медалью и дать ему (Н.Н.Козьмину. — *Л.Р.*) аттестат... За полученное

воспитание на казенный счет Николай Козьмин обязан прослужить шесть лет в одной из сибирских губерний по гражданской или учебной части Министерства народного просвещения...»³.

Было решено послать Козьмина на учебу в столичный Университет. В связи с этим директор Иркутской гимназии И. Румов 28 июня 1891 г. обратился к ректору Университета с прошением:

«Ваше Превосходительство,

Милостивый государь Михаил Иванович!

В Петербургский Университет отправился окончивший курс учения в Иркутской гимназии с серебряной медалью Николай Козьмин.

Рекомендуя вниманию Вашего Превосходительства этого молодого человека, честь имею сообщить о нем следующие данные: способности он имеет очень хорошие, к занятиям всегда относился серьезно и аккуратно. Наибольшие склонности он обнаружил в течение учебного курса к языкознанию и литературе. По внешности он неуклюж и неловок в манере, замкнут в себе. Это объясняется отчасти условиями жизни в детстве при жизни отца, неудачливого по службе. Затем в пансионе он долгое время (до 4-го класса) страдал болезнью... которая угнетающим образом действовала на его душу и заставила держаться изолированно от товарищей. Это обстоятельство в значительной степени вредно влияло на его характер и душенстроение. Вообще же он юноша хорошего направления, и я усерднейше прошу не отказать ему в своем ласковом слове и поддержке его в университете выдачею ему при первой же возможности стипендии, т.к. он совершенно бедный человек. На проезд отсюда и проживание в Петербурге ему даны средства отчасти от гимназии, а больше от здешнего общества пособия учащимся. Смею думать, что из него может выйти хороший ученый...

Примите уверения в глубоком уважении и совершенной преданности

Покорнейший слуга И.Румов»⁴.

Пожалуй, следует добрым словом помянуть директора гимназии, столь чутко отнесшегося к судьбе талантливого юноши, в будущее которого он поверил, несмотря на его бедность, болезненное состояние, замкнутый характер. Этот документ мы привели почти полностью, потому что он и сегодня трогает нас человечностью, заботой о воспитаннике, стремлением вырастить нужного отечеству специалиста. Распорядительный комитет Общества для оказания пособий учащимся в Восточной Сибири в марте 1892 г. также ходатайствовал за Н.Козьмина перед ректором Университета, указывая, что он существует частными уроками, помощи из дома не получает и по своей бедности вносить

плату за слушание лекций не может⁵. Университет пошел навстречу талантливому студенту и освободил его от платы за обучение.

На историко-филологическом факультете Университета Николай Козьмин слушает лекции у таких крупных ученых, как В.И.Ламанский — по славяноведению и истории славян, А.И.Соболевский — по церковнославянскому языку, С.К.Булич — по введению в языкознание, С.Ф.Платонов — по русской истории, Н.И.Кареев — по новой истории и истории XIX в., А.С.Лаппо-Данилевский — по истории России XVIII в., и др. В свидетельстве за № 851 от 2 мая 1896 г. об окончании историко-филологического факультета сказано, что он также слушал курсы по греческому и латинскому языкам, греческой и римской литературе, греческой и римской истории, греческим и римским древностям, философии, теории и истории искусств, всеобщей и русской истории, истории церкви и т.д.⁶. Все это дает право утверждать, что Н.Н.Козьмин получил прекрасную историко-филологическую подготовку. Университет по достоинству оценил заслуги студента, добившегося впечатляющих успехов, и ходатайствовал перед министром народного просвещения об освобождении Н.Н.Козьмина в числе других выпускников от обязательной службы в министерстве за полученную им обязательную стипендию. Министр удовлетворил это прошение⁷.

После окончания столичного Университета Козьмин поехал на работу в Восточную Сибирь, где занимался вопросами переселений и поземельного устройства. Одновременно молодой человек пробовал свои силы и в науке, принимая участие в деятельности различных научно-общественных организаций и сотрудничая в местной прессе. В конце XIX — начале XX в. он печатал свои статьи и заметки в таких изданиях, как «Восточное обозрение», «Сибирь», «Сибирская жизнь», «Степной край» и т.д., под псевдонимом Ландарма, Номчи и др. В это время он сближается со многими видными представителями восточносибирской интеллигенции и становится одним из активных деятелей сибирского областнического движения⁸. Даже в первые послереволюционные годы Н.Н.Козьмин продолжал стоять на прежних позициях и, выражая стремление областников к местному самоуправлению, призывал к борьбе с центром⁹.

До революции Козьмин заявил о себе как разносторонний и серьезный исследователь прежде всего истории Восточной Сибири. Некоторым итогом его научной деятельности явился сборник статей, публиковавшихся прежде в различных изданиях. Здесь в первую очередь следует назвать такие работы, как «Хлеб за ясак», «Администрация государевой пашни в Сибири в

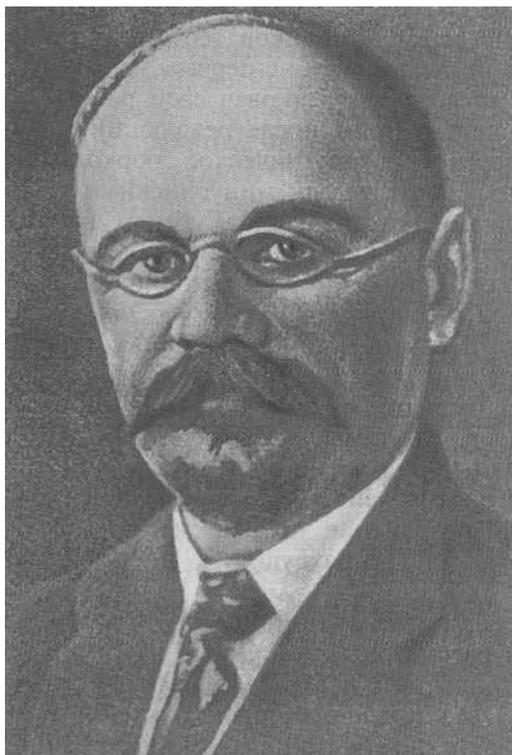
XVII в.», «Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии», «К постановке аграрного вопроса в Иркутской губернии», «М.В.Загоскин и его значение в истории развития сибирской общестственности» и др.¹⁰. Историко-этнографическое направление его научной деятельности этого периода представлено исследованиями о Туве и тувинцах¹¹.

Много трудностей пришлось пережить Н.Н.Козьмину в годы революции и гражданской войны. Летом 1920 г. он был арестован семеновцами в Агинском аймаке и увезен в Читу, но, к счастью, вскоре был освобожден. К этому времени подоспело предложение из Харбина приехать туда для культурно-просветительской и журналистской работы. В том же году он прибыл в Маньчжурию, где сразу же занялся активной общественной деятельностью: состоял редактором и членом редколлегий популярных в Харбине газет «Вперед» и «Россия», журнала «Рабочее дело», как один из руководителей принял деятельное участие в организации и работе Общества изучения Маньчжурского края.

В 1922 г. Николай Николаевич получил приглашение из Бурятии на должность консультанта по экономическим вопросам. Осенью 1923 г. он приехал в Верхнеудинск, столицу Бурят-Монгольской автономной области, где в течение двух лет разворачивалась его многогранная практическая и научная деятельность: он работал заместителем наркома земледелия, заместителем председателя Госплана Бурят-Монгольской АССР, членом правления Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова, писал научные труды, активно сотрудничал в журнале «Жизнь Бурятии» и т.д.¹². О характере деятельности в Верхнеудинске (с 1934 г. — Улан-Удэ) дают представления такие его работы, как «Бурятия в географическом и экономическом отношении» (Верхнеудинск, 1924) и «Основы капитального строительства Бурятии» (Верхнеудинск, 1926).

В начале 20-х годов в Верхнеудинске ученый подготовил к изданию работу известного бурятского этнографа М.Н.Богданова, расстрелянного в 1919 г. белогвардейцами атамана Семенова. Для этой работы («Очерки истории бурят-монгольского народа») им был написан ряд глав. Книга была издана в 1926 г. Бурят-Монгольским научным обществом имени Д.Банзарова. Бережное отношение к незавершенной работе коллеги, к увековечению его памяти достойно характеризуют Н.Н.Козьмина как личность. Маньчжурский и бурят-монгольский периоды в жизни Николая Николаевича, несмотря на кратковременность, представляются важными и, безусловно, заслуживают специального рассмотрения.

В 1924 г. Козьмин переезжает в Иркутск, где становится профессором кафедры краеведения в местном университете и педа-

Н. Н. Козьмин. 1925 г.

гогическом институте, заместителем председателя Бурят-Монгольского научного общества имени Д.Банзарова, председателем бурят-монгольской секции Восточно-Сибирского отдела РГО и т.д. Сферой своих научных интересов он называет историю и хозяйство Сибири, историко-этнографические исследования¹³. С Иркутском связан самый плодотворный в научном отношении этап жизни Н.Н.Козьмина. Здесь он не только преподавал в университете и педагогическом институте, но в 1927—1928 гг. состоял директором Иркутского Государственного музея, активно сотрудничал в таких периодических изданиях, как «Сибирские записки», «Сибирская живая старина», «Известия Восточно-Сибирского отдела РГО», «Жизнь Бурятии» и др., работал в местных отделениях РГО и Общества краеведов, написал основные научные труды по различным вопросам науки. Здесь в полной мере проявилась и реализовалась широта научных инте-

ресов этого яркого, самобытного ученого, одного из крупнейших сибирских этнографов, историков, географов, краеведов.

Н.Н.Козьмин явился если не первым, то одним из первых исследователей хакасов, опубликовав свои работы об этой народности уже в первые годы после революции¹⁴. Как известно, в литературе местное разноэтническое тюркоязычное население Минусинского края называли минусинскими татарами или абаканскими турками. «Когда настал момент национального объединения, то туземная интеллигенция обратилась к тому далекому времени, когда, по китайским источникам, туземцы края были объединены в государстве Хакасов. Она так и назвала свой народ»¹⁵. Хотя Козьмин и с осторожностью отнесся к предположению, что термин хакас — китайская транскрипция этнонима кыргыз¹⁶, тем не менее он именно кыргызов рассматривает как предков хакасов. Кыргызы издавна создали свою государственность, которая играла в их истории определенную роль. Козьмин рассматривал противодействие кыргызов попыткам покорить их как борьбу за сохранение независимости¹⁷. Эту точку зрения позднее поддержал С.В.Бахрушин¹⁸, но резко осудил Л.П.Потапов¹⁹.

Можно предполагать, что почти за 70 лет, прошедших после выхода в свет рассматриваемой книги, накоплен немалый новый материал, который дает исследователям возможность обосновать и иные подходы к проблемам происхождения и этнической истории кыргызов, существования их государственности, специфики социально-экономического строя и т.д. Однако несомненно, что книга Козьмина о хакасах заняла достойное место в истории науки. Очевидно, пришло время пересмотреть те негативные оценки этой работы, которые прежде давались в литературе в духе требований времени. Едва ли справедливо обвинять Козьмина в националистическом подходе²⁰. Сегодня уже с точки зрения истории науки исключительный интерес вызывает раздел книги о двух хозяйственных типах: земледельческом на правом берегу и скотоводческом на левобережье. Тонкий анализ специфики хозяйственной деятельности представителей этих двух хозяйственных типов невольно заставляет вспомнить учение о хозяйственно-культурных типах, которое позднее было четко сформулировано в трудах М.Г.Левина и Н.Н.Чебоксарова²¹.

Само собой разумеется, что хозяйственно-культурные контакты разных этнических групп в Минусинском крае Козьмин объясняет в духе существовавших тогда социально-исторических концепций. Хакасы, хотя и «небольшая, но жизнеспособная, даровитая турецкая племенная группа, сумевшая отстоять себя на протяжении 300 лет в чрезвычайно трудной материальной и

культурной обстановке»²², — с этих позиций и создавалась эта книга. Она обращена к широкому читателю и призвана дать самые общие научные представления по истории, этнографии и экономике края. Пожалуй, нелишним будет напомнить, что эта небольшая монография Козьмина о хакасах была издана Иркутской секцией научных работников Рабпроса в краеведческой серии, выходявшей под редакцией проф. М.К.Азадовского²³.

Ряд работ Н.Н.Козьмин посвятил изучению этнографии якутов. Его точка зрения о происхождении этого народа²⁴ встретила негативную реакцию со стороны такого крупного специалиста, как Г.В.Ксенофонов, придерживавшегося иных взглядов на этническую историю якутов²⁵. Интересен его отклик на активно дебатировавшийся тогда вопрос о возможностях расширения границ Якутской автономной республики до Охотского побережья с таким выводом: «Перед нами не историческая и этнографическая, а экономическая проблема»²⁶. В своих исследованиях Козьмин умело сочетал историко-этнографический и географо-экономический подходы.

В советской науке сформировалось устойчивое представление, что проблема феодальных отношений у кочевников впервые выдвинута и разрабатывалась акад. Б.Я.Владимирцовым²⁷. Споры нет, именно этот выдающийся ученый внес заметный вклад в обоснование теории кочевого феодализма, опубликовав в 1934 г. свою монографию «Общественный строй монголов»²⁸. Он критически проработал колоссальный материал, отобрал для обоснования своей концепции наиболее надежные факты. Однако следует иметь в виду, что и до выхода в свет книги Владимирцова появлялись работы, в частности П.Погорельского²⁹, П.Т.Хаптаева³⁰, Л.П.Потапова³¹, в которых на другом материале уже рассматривалась проблема феодальных отношений у кочевников. В тот же год, что и монография Б.Я.Владимирцова, увидело свет исследование по данной проблеме Н.Н.Козьмина³²; оно сразу же было замечено и положительно оценено научной общественностью, о чем свидетельствуют рецензии, появившиеся в печати³³.

В советской историко-этнографической науке в конце 20-х — 30-х годах оживленно дебатировались вопросы формационной принадлежности различных этносов страны. Это, с нашей точки зрения, было связано, во-первых, с практическими задачами социалистического строительства, прежде всего в районах Севера, Дальнего Востока, Южной Сибири и Средней Азии, во-вторых, с подъемом национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока, в-третьих, с утверждением марксистско-ленинской методологии в отечественной науке. Уже тогда большинство наших ученых вставали на позиции безоговорочного

признания пяти поступательно сменяющих друг друга в обязательной последовательности социально-экономических формаций.

Н.Н.Козьмин, доказывая существование феодализма в Монголии и Южной Сибири уже с I тысячелетия н.э. как формации с делением на соответствующие классы, с феодальной эксплуатацией, основанной на владении землей и внеэкономическом принуждении, обоснованно утверждал тезис о переходе рассматриваемых им обществ от доклассовой формации к феодализму, минуя рабовладение. Такая позиция иркутского профессора уже сама по себе заслуживает уважения и высокой оценки, так как она демонстрирует его самостоятельность, последовательность и принципиальность. Его вывод, что эти общества не являются доклассовыми, был особенно важен для решения конкретных задач социально-экономических преобразований в 20—30-е годы. Конечно, этому исследованию присущи определенные недостатки, которые сразу же были замечены рецензентами³⁴. Так, утверждая наличие феодального способа производства в Монголии и Бурятии, автор не уделил внимания анализу надстроечных категорий, по существу уклонился от рассмотрения причин сохранения почти в течение двух тысячелетий феодализма в этом регионе, не разработал вопрос о феодальной ренте и т.д. К работе Козьмина предъявляют претензии и современные специалисты³⁵. Но справедливо ради заметим, что эти вопросы до сих пор остаются дискуссионными в отечественной литературе, даже сама идея формационной принадлежности кочевнических обществ продолжает быть предметом ожесточенных споров. Мы согласны с первым рецензентом труда Козьмина, известным монголоведом В.А.Казакевичем, который не только однозначно приветствовал появление этой книги, но и выделил ее «как явление особого порядка»³⁶. Сегодня нам особенно ясно, что монография Н.Н.Козьмина о турецко-монгольском феодализме стоит в одном ряду с трудами таких исследователей, как Б.Я.Владимирцов, Л.П.Потапов и др., которые впервые в нашей науке разработали концепцию феодализма у кочевых народов Сибири и Центральной Азии, и в этом ее большое историческое значение.

К проблеме классового характера древних кочевнических обществ Козьмин обращался на самом различном конкретном материале³⁷. Можно предположить, что в этом сказывалась общая атмосфера научного поиска в стране, обязанность ученых овладевать марксизмом-ленинизмом как основополагающей научной методологической теорией. Стоять в стороне от этого процесса было почти невозможно, да и опасно, и большинство ученых сознательно шли на применение в своих конкретных исследованиях этого метода, видя в нем прежде всего достоинства.

Вполне отчетливо это проявилось в дискуссии о феодализме у кочевников, организованной в Улан-Удэ в июле 1934 г. Попутно заметим, что эта дискуссия состоялась до знакомства ее участников с известной монографией акад. Владимирцова. Уже во вступительном слове А.В.Шестакова и основном докладе П.Т.Хаптаева «Спорные вопросы исторического процесса Бурято-Монголии» был задан критический тон в отношении тех, кто в той или иной степени сомневался в пятичленном делении исторического процесса, отрицал наличие первобытности или феодализма у монгольских и тюркских народов. Козьмина на этом собрании причислили к тем ученым, которые на огромном этнографическом и отчасти историческом материале по скотоводческому периоду рисовали «совершенно определенно феодальные отношения, развернувшиеся на захвате земельных пастбищ верхушечными слоями общества. Господствующий класс был организован по принципу феодальной иерархии, причем крупные феодалы владели сотнями тысяч голов скота»³⁸.

Н.Н.Козьмин, выступавший первым в дискуссии, подробно изложил свои взгляды на историческое прошлое кочевников. Он безоговорочно отстаивал идею феодализма у местных сибирских народов и доказывал, что «нельзя рассматривать народы, пережившие эту сложную историю, как каких-то первобытных младенцев, вышедших только что из колыбели»³⁹. Вместе с тем Николай Николаевич не только скептически относился «к взглядам на существование родового строя в пределах исторического существования сибирских народностей», но и прямо утверждал: «Нужно категорически сказать, что исторических материалов, относящихся к тем стадиям общественного развития, которые характеризуются укладами доклассовой общественной структуры, мы для турок, монголов и тунгусов не найдем. Все эти группы народов жили на исторической памяти в условиях классового общества. Исторические материалы, относящиеся к ним, отображают сложную классовую структуру, сложные классовые отношения»⁴⁰.

Пожалуй, в этом высказывании содержится даже завышение уровня развития феодальных отношений у аборигенов Сибири. Возможно, это реакция ученого на обвинения историков-марксистов в недооценке им классового деления общества скотоводов. Отвечая своим оппонентам, Козьмин говорил: «Мои ошибки, которые я и признал, заключались вовсе не в том, что я отрицал классовое расслоение, а в неправильных методологических установках, в силу которых я не усваивал в борьбе классов того методологического значения, которое отводится ей в марксистско-ленинском учении»⁴¹. Очевидно, стремление овладеть

этим учением в духе требований времени приводило Николая Николаевича и к таким прямолинейным выводам, как «письменность возникает одновременно с государством»⁴².

Занимаясь историей науки в Восточной Сибири, Козьмин заинтересовался такими яркими личностями, как А.П.Щапов и Д.А.Клеменц, которым он посвятил специальные работы⁴³. Являясь историком широкого профиля, Николай Николаевич включал в круг своих научных интересов и составление библиографических и историографических обзоров по отдельным проблемам. Так, в 1901 г., т.е. в самом начале своей научной деятельности, он собрал и проработал большую литературу по истории пугачевщины в Сибири⁴⁴, в 1926 г. — по истории бурятского народа (200 названий)⁴⁵, в 1928 г. — по истории изучения сибирской промышленности в связи с историей ее развития⁴⁶. Немалый интерес для науки представляют мемуары бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири С.Б.Броневского, которые исследовал Козьмин. Броневский служил в Сибири в 1808—1837 гг., в том числе последние два года — генерал-губернатором. Умер он 14 февраля 1858 г. в отставке. Очевидно, его деятельность в Восточной Сибири не устраивала определенные круги столичной бюрократии. Броневский прекрасно владел ситуацией, поэтому его записки, охватывая значительный период жизни сибирского общества, имеют большой познавательный интерес. Козьмин, заключая рассмотрение мемуаров Броневского, писал: «Перед нами прошла трагедия тяжкого, огромного труда, затраты больших способностей на непосильную борьбу с нестроениями и злом, вызывавшимся несостоятельной административной системой, накопленными веками злоупотреблениями, с тысячами мощных мелочей, трагедия, имеющая такую печальную для действующего лица развязку»⁴⁷. Таким образом, Николай Николаевич интересовался не только судьбами отдельных талантливых личностей, не только историей народных движений, но и историей хозяйства. Все это дает право говорить о Козьмине как о крупном историографе Восточной Сибири.

Одна из ярких работ Николая Николаевича посвящена рассмотрению деятельности ВСОРГО с момента его образования в ноябре 1851 г. в Иркутске⁴⁸. 17 ноября 1851 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев открыл Отдел, собрав в своем доме всех наличных членов Географического общества, живших в Иркутске. Первым председательствующим был избран иркутский губернатор К.К.Венцель. Козьмин в этой юбилейной статье подробно проследил историю деятельности ВСОРГО.

Созданием Отдела были объединены для совместной плодотворной работы ученые-специалисты и исследователи-любители.

Они получили возможность встречаться, обмениваться научными идеями и публиковать свои труды, делая их общим достоянием. Вместе с тем Отдел откликнулся и на нужды администрации Восточной Сибири. «Таким образом... Отдел во многих отношениях, представлял из себя **ученый комитет** при Главном Управлении Восточной Сибири и **научное бюро**»⁴⁹. Одним из типичных представителей этого периода был князь Н.А.Костров, проводивший успешные этнографические, статистические и археологические изыскания и опубликовавший по самым различным вопросам большое количество статей и заметок. Среди ученых, работавших в Восточной Сибири, Н.Н.Козьмин особо выделяет П.А.Ровинского и А.П.Шапова. «Оба ученых явились в Сибирь с вполне сложившимся мирозерцанием и большой научной подготовкой. Это не были простые собиратели сырого материала. В своих исследованиях они искали ответов на определенные вопросы»⁵⁰. Так, Ровинского интересовали вопросы изменения русской народности в Сибири в процессе общения с аборигенами края — носителями другой культуры и выработки нового своеобразного типа. В не меньшей степени эти же проблемы волновали и Шапова. Если первый в целях сбора материала обследовал различные группы, живущие на громадной территории вокруг оз. Байкал, то второй предпочитал стационарный этнологический метод. «Собирать факты и подмечать крупные и мелкие черты народной жизни — и это труд не легкий; но уметь, кроме того, обобщать эти факты и выводить законы из наблюдаемых явлений — это работа одних только недюжинных умов»⁵¹, — так словами Козьмина характеризовали современники метод работы Шапова.

Полевые этнографические исследования проводились на громадной территории края и в сопредельных странах.

Важными для этнографической науки акциями Н.Н.Козьмин называет исследования землепользования и хозяйственного быта населения Восточной Сибири и Якутскую (Сибиряковскую) экспедицию. Последнее предприятие было организовано при активнейшем участии Д.А.Клеменца. Достаточно назвать имена — Э.К.Пекарский, В.И.Иохельсон, В.Г.Богораз, И.И.Майнов, — чтобы понять ее значение. Крупный вклад в изучение этнографии края внесли такие известные ученые, как Н.М.Ядринцев, Н.Н.Агапитов, М.Н.Хангалов, И.А.Подгорбунский, Г.Н. и А.В.Потанины, Д.А. и Е.Н.Клеменц, А.В.Адрианов, М.Н.Мартьянов и многие другие. Отдел способствовал распространению научных сведений о крае и народах, его населяющих, путем чтения публичных лекций.

При Отделе была основана библиотека. Ему был передан созданный в 1782 г. при Главном управлении Восточной Сибири

Музей естественных предметов, к тому времени насчитывавший в своем собрании до 650 экспонатов. Музей успешно осуществлял просветительские функции и стал хранилищем ценнейших коллекций.

Заканчивая обзор деятельности Отдела, Козьмин написал слова, которыми и нам бы не следовало пренебрегать, занимаясь научной деятельностью (*далее курсив ред.*): «Наше Общество никогда не забывало о культе научного знания. *Наука не должна быть рабом преходящих интересов дня и изменчивых настроений. Не всегда может она отвечать на вопросы жизни, — и много ответов у нее приготовлено не для настоящего. Но отзывчивая и чуткая, она прислушивается к биению жизни.*

Зажигая светоч истины для освещения нашей бедной и темной будничной обстановки, она на вопросах повседневности строит свои вечные проблемы. Ведь сама наша жизнь, во всех ее мелочах, не есть ли хотя и ничтожная, часть того великого, охваченного необъятным и необъяснимым движением целого, самым высоким и дивным отзвуком которого является вечно развивающаяся и зиждущая мысль»⁵².

Как отмечалось уже выше, Н.Н.Козьмин и сам активно работал в ВСОРГО. В 1900—1906 гг. он состоял правителем дел Отдела. В дальнейшем неизменно входил в состав его руководства. Когда в Москве 25 декабря 1926 г. проводилось заседание, посвященное 75-летию ВСОРГО, Козьмин был избран в почетный президиум⁵³. Этот факт, безусловно, является свидетельством признания больших заслуг Николая Николаевича перед наукой.

Деятельно трудился Козьмин и на ниве краеведения. Еще в 1924 г. он был избран членом-корреспондентом Центрального Бюро краеведения⁵⁴. В период подготовки к Первому Восточно-Сибирскому краеведческому съезду была выпущена однодневная предсъездовская газета «Краеведческий труд», в которой появилась статья Козьмина «Краеведческая организация Бурят-Монгольской АССР»⁵⁵. На съезде он прочитал два запланированных программой доклада: «О деятельности научных организаций Бурятии (Научное общество им. Д.Банзарова, Верхнеудинский музей, Библиотека при Научном обществе, издательская деятельность и т.д.)» и «Задачи изучения туземных народностей Восточной Сибири», а вне программы — «Методы научной работы в краеведении»⁵⁶. Значительный вклад в изучение бурятского краеведения внес Николай Николаевич как редактор журнала «Жизнь Бурятии» и бурятоведческих сборников. Его статьи появлялись и в журнале «Северная Азия», издававшемся в Москве Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. Козьмин явился организатором и первым председателем Бу-

рят-Монгольской секции ВСОРГО в Иркутске, сыгравшей большую роль в изучении истории и этнографии бурятского народа⁵⁷.

Научные заслуги Н.Н.Козьмина нашли достойное признание в избрании его 19 апреля 1927 г. почетным членом Бурят-Монгольского общества имени Д. Банзарова, позднее — Восточно-Сибирского отдела и Троицкосавского отдела РГО, действительным членом Ассоциаций востоковедения (Москва) и татароведения (Казань), Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете и других научных организаций.

Признание научного авторитета проф. Козьмина проявилось и в привлечении его к созданию различного рода энциклопедий. Особо надо отметить его деятельность в «Сибирской Советской Энциклопедии», издававшейся в конце 20-х — начале 30-х годов в Новосибирске. В томе I (1929 г.) Козьмин — один из редакторов отдела «Население, народности (антропология, этнография и лингвистика)» и один из авторов; в томе II (1931 г.) — член редколлегии всего тома, один из редакторов отделов «Население (народности)» и «История (история и археология)» и один из авторов; в томе III (1932 г.) — редактор отдела «Народности, история классово-борьбы» и один из авторов. К сожалению, последующие тома не вышли⁵⁸. К участию в «Сибирской Советской Энциклопедии» Н.Н.Козьмин привлекал многих видных ученых, например, В.Н.Харузину, В.А.Казакевича, Г.М.Василевич, М.П.Грязнова, Е.П.Орлову и др. Предполагалось участие Козьмина как автора статей по сопредельным областям в создании «Энциклопедии Дальневосточного края»⁵⁹.

Проф. Козьмин обладал недюжинной эрудицией. Он постоянно следил за литературой по специальности, выходящей как на русском, так и на иностранных языках. Ему принадлежат переводы некоторых важных сочинений по истории и этнографии народов Сибири. Будучи не удовлетворен качеством перевода одной из работ акад. В.В.Радлова, Николай Николаевич сделал ее новый перевод⁶⁰. Важно отметить, что современные исследователи отдают предпочтение этому переводу⁶¹. Козьмин ввел в отечественную науку монографию К.Оссона по истории монголов⁶². Пожалуй, это была последняя работа, увидевшая свет при его жизни.

23 августа 1937 г. профессор Иркутского педагогического института Н.Н.Козьмин был арестован УНКВД Восточно-Сибирской области по обвинению в том, что он якобы являлся японским шпионом и участником контрреволюционной белогвардейской организации⁶³. 21 августа 1938 г. Николай Николаевич умер в больнице Иркутской тюрьмы от декомпенсации сердца⁶⁴.

28 августа 1938 г. дело в отношении Н.Н.Козьмина постановлением УНКВД по Иркутской области было прекращено в связи с его смертью. В настоящее время проф. Козьмин признан невиновным и реабилитирован⁶⁵.

В 1997 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Николая Николаевича Козьмина. Он самоотверженно служил Родине и науке. Его имя стоит в одном ряду с именами таких крупных исследователей истории и этнографии Сибири, как Г.Н.Потанин, Д.А.Клеменц, А.В.Адрианов, Б.Э.Петри, Г.С.Виноградов, М.К.Азадовский, и многих других ученых, создавших и поддерживавших высокие традиции отечественного сибиреведения. Его научная деятельность была связана со многими городами Сибири и Дальнего Востока — Иркутском, Верхнеудинском (Улан-Удэ), Красноярском, Читой, Харбином. В том, что Иркутск в 20—30-е годы стал крупным научным центром всесоюзного масштаба, безусловно, есть и заслуга Козьмина. Особо следует отметить его вклад в становление и развитие науки в Верхнеудинске. Как университетский профессор Николай Николаевич в немалой степени способствовал культурному развитию края. Его работы были посвящены проблемам истории и этнографии Бурятии, Минусинского края, Тувы, Якутии, общим проблемам Восточной Сибири и т.д. Для всех его трудов была характерна тесная связь с вопросами экономического строительства и переустройства быта аборигенных народов Восточной Сибири, забота и заинтересованность в их судьбах. К сожалению, сейчас еще не составлен сколько-нибудь полный список его трудов.

Значение научной деятельности Козьмина отмечали и высоко ценили его современники⁶⁶. Конечно, не все его работы и научные концепции выдержали проверку временем, и это естественно: иначе бы не было поступательного движения науки. С накоплением новых данных появилось и новое освещение проблем, разрабатывавшихся в свое время Козьминым. Но и сегодня его исследования, отражающие определенный этап в научном познании истории и этнографии Восточной и Южной Сибири, привлекают внимание ученых⁶⁷.

Вместе с тем в научном наследии Николая Николаевича есть труды, по-настоящему не оцененные или попросту забытые. Такая судьба, к несчастью, постигла, с нашей точки зрения, одно из его интереснейших произведений, посвященных анализу роли производственного фактора в этнических процессах⁶⁸. Он одним из первых этнографов четко сформулировал положение о влиянии хозяйственной деятельности, формируемой под влиянием особых природных условий, на самосознание людей: «Человек

настолько привыкает видеть себя в повседневной хозяйственной обстановке, что по ней часто называет и себя, и своих соседей»⁶⁹. Так, разноэтническое население Алтая и Саян называет себя «пыш-кижи» (чис-кизи), что означает «таежные», «черновые» люди, поскольку все их хозяйство и быт, все аспекты жизни определяются их проживанием в горной тайге. Среди скотоводов четко выделяются земледельцы таряшин у бурятов, тарячин — у халха, таранчи — уйгуры-землепашцы и т.д. Эта работа Козьмина и сегодня заслуживает внимания этнографов не только как факт истории науки, но и как отправная точка для дальнейшей разработки проблемы влияния этнического и производственного фактора на формирование самосознания той или иной группы и хозяйственно-культурной дифференциации в зависимости от природных условий. Как мне представляется, проф. Козьмина вполне можно считать одним из этнографов—предшественников создателей теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. Хорошо понимая комплексный характер проблемы, важное теоретическое и практическое значение этнологических исследований, он предполагал организовать при Иркутском университете Антрополого-этнологический институт⁷⁰.

В своих работах Козьмин неизменно доказывал факт существования богатой самобытной культуры местных народов Сибири. «Огромные собрания эпоса, произведений так называемого народного творчества турецких и монгольских народностей, составленные Радловым, Катановым, Жамцарано, Барадийном и др., разрушили начисто тот научно-литературный предрассудок, согласно которому туземцы были погружены в умственную и нравственную спячку и были лишены творческих сил. Перед взорами европейских ученых вскрылась колоссальная работа поэтического творчества и картины вековых дум над национальным прошлым и народными судьбами»⁷¹. «Моя мысль, что сибирские инородцы не дети природы, с которыми надо нянчиться. Они не менее культурны, чем, скажем, русские. Пропасть между культурной Азией и севером Азии я пытаюсь засыпать»⁷².

Всю свою жизнь, день за днем Н.Н.Козьмин целеустремленно трудился, разрабатывая сложные неизведанные страницы истории Центральной Азии. «Почти каждая моя работа по истории дает что-то новое... Я думаю, что мало сделал, но все-таки моя будет некоторая заслуга в привлечении научного внимания к центральноазиатской истории и попытке связать ее с западноевропейской»⁷³. Сказано с завидной скромностью, но с большим достоинством и точным осознанием сделанного.

Отечественная историография, к сожалению, продолжает видеть в лице Козьмина «одного из видных и оригинальных историков буржуазного направления, во взглядах которого в начале 30-х гг. отчетливо наметился перелом к марксизму», «сибирского буржуазного областника», члена «Сибирского белогвардейского правительства в 1918—1919 гг.», «белоэмигранта в Харбине», «националиста» и т.д.⁷⁴. По-прежнему сильна тенденция давать ему оценки вне контекста того времени, отсутствует стремление провести объективный неполитизированный анализ его научного наследия. Поэтому актуальной задачей отечественной исторической науки является создание специальной монографии, посвященной жизненному пути и творческому наследию Н.Н.Козьмина.

Николай Николаевич Козьмин погиб, когда ему было 66 лет⁷⁵. Для историка и этнографа это еще время расцвета творческой деятельности. Вне всякого сомнения, он бы еще много полезного мог сделать в науке, но судьба и время распорядились иначе.

¹ Центральный государственный архив СПб. Ф. 14, оп. 3, д. № 28410. Дело Императорского С.-Петербургского университета о студенте Николае Николаевиче Козьмине, л. 4. В литературе встречается другая дата рождения — 16 марта. См.: Наука и научные работники СССР. VI. Научные работники без Москвы и Ленинграда. Л., 1928, с. 178. По новому стилю Н.Н.Козьмин родился 6 марта. Вполне вероятно, что в указанное издание вкралась опечатка: 16 марта вместо 6 марта.

² Там же, л. 7—16, 21.

³ Там же, л. 3.

⁴ Там же, л. 1.

⁵ Там же, л. 21, 22.

⁶ Там же, л. 16, 34—35, 41—42, 63.

⁷ Там же, л. 68.

⁸ *Козьмин Н. Н.* — Сибирская Советская Энциклопедия. Т. II. Новосибирск, 1931, стб. 796. Об областничестве в Сибири существует довольно значительная литература, хотя представляется, что в отечественной исторической науке всесторонней оценки это движение до сих пор не получило.

⁹ Подробнее см.: *Козьмин Н. Н.* Областничество. — Сибирские записки. Красноярск, 1918, № 1, с. 40—54; *Степанов Н. П.* А.Словцов (У истоков сибирского областничества). — Известия Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера. Вып. 1. Л., 1935, с. 32—34; *Сесюнина М. Г.* Г.Н.Потанин и Н.М.Ядринцев — идеологи сибирского областничества. Томск, 1974; *Сигалаев А. М., Крюков В. М.* Г.Н.Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991.

¹⁰ Подробнее см.: *Козьмин Н. Н.* Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910.

¹¹ См., например: *Козьмин Н. Н.* Тува. — Сибирские записки. 1918, № 1, с. 23—49.

¹² Об этом периоде см.: Литературное наследство Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1969, с. 264; *Абрамсон М.* Общество изучения Маньчжурского края. — Новый Восток. 1922. № 2, с. 729; *Козьмин Н. Н.* — Сибирская Советская Энциклопедия. Т. II, стб. 796. По вопросу о времени эмиграции Н. Н. Козьмина в Маньчжурию нет единства мнений: 1919 г. («Сибирская Советская Энциклопедия»), 1920 г. («Литературное наследие Сибири») и явно неверная — 1921 г. («Народы Азии и Африки»). 1990, № 4, с. 124). По одним данным («Сибирская Советская Энциклопедия»), он вернулся на Родину в 1922 г., по другим («Литературное наследие Сибири») — в 1923 г.

¹³ Об этом см.: Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1926, вып. 1, с. 80—82; Наука и научные работники СССР. Ч. VI, с. 178.

¹⁴ *Козьмин Н. Н.* Хакасы. Историко-этнографический очерк Минусинского края. Иркутск, 1925.

¹⁵ Там же, с. V—VI.

¹⁶ Н. Н. Козьмин считал, что термин «хакас» является передачей местного слова «карагас», а не «кыргыз». Этой же точки зрения придерживался и такой крупный тюрколог, как С. Е. Малов. См.: *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1954, с. 7. Попутно заметим, что дискуссии об этнониме «хакас» не прекращаются и в наши дни. Подробнее см.: ЭО, 1992, № 2, с. 52—76; *Бутанаев В. Я.* Этническая история хакасов XVII—XIX вв. М., 1990.

¹⁷ Подробнее об этом: *Козьмин Н. Н.* Князь Иренак (Эпизод сибирской истории). — Сибирские записки. 1916, № 1, с. 41—58; *он же.* Хакасы, с. 49—75.

¹⁸ *Бахрушин С. В.* Енисейские киргизы в XVII в. — *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III, ч. II. М., 1955, с. 176—224.

¹⁹ *Потапов Л. П.* Исторический путь развития хакасов. — Известия ВГО, т. 83, № 5. Л., 1951, с. 486—487; *он же.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, с. 4—8.

²⁰ «Небольшая книжка Н. Н. Козьмина "Хакасы" (историко-этнографический очерк), изданная в 1925 г. в г. Иркутске, — утверждает, например, Л. П. Потапов, — написана с антинаучных националистических позиций и извращает историческое прошлое хакасов. Порочная идейно-теоретическая основа, крайне неполный и порою неполноценный фактический материал делают эту книжку совершенно неприемлемой» (*Потапов Л. П.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, с. 3).

²¹ *Левин М. Г.* и *Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. — СЭ. 1955, № 4, с. 3—17.

²² *Козьмин Н. Н.* Хакасы, с. 183.

²³ В этой серии одновременно с книгой Н. Н. Козьмина увидели свет небольшие монографии М. К. Азадовского («Беседы собирателя», изд. 2-е, испр. и доп.) и И. В. Соснина («Торговля и кооперация на Лене»); готовилась к печати работа П. Ф. Требуховского «Краеведение и детский рисунок».

²⁴ *Козьмин Н. Н.* К вопросу о происхождении якутов-сахалар. — Очерки по изучению Якутского края. Вып. 2. Иркутск, 1928, с. 5—14.

²⁵ *Ксенофонтов Г. В.* Ураанхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937.

²⁶ *Козьмин Н. Н.* Какие права имеют якуты на Охотское побережье? — Северная Азия. Кн. 2. М., 1926, с. 85.

²⁷ См., например: *Румянцев Г. Н.* Труды Б. Я. Владимирцова по истории монголов. — Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б. Я. Владимирцова. М., 1958, с. 72.

²⁸ *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. Книга была доброжелательно встречена советской науч-

ной общественностью, и вскоре стали появляться ее переводы на иностранные языки.

²⁹ *Погорельский П. и Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.

³⁰ *Хантаев П. Т.* Оседание бурят Агинского аймака. — Вопросы оседания кочевников. Сб. статей и материалов под ред. С. М. Диманштейна. М., 1932, с. 62—76.

³¹ *Потапов Л. П.* Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск, 1933.

³² *Козьмин Н. Н.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М. — Иркутск, 1934.

³³ См., например: *Казакевич В. А.* Проблемы истории Монголии и Южной Сибири в новом освещении. [Рец. на:] *Проф. Н. Н. Козьмин.* К вопросу о турецко-монгольском феодализме. М. — Иркутск, 1934. — СЭ. 1934, № 5, с. 112—117.

³⁴ В частности, подробнее см. там же.

³⁵ *Кузьмин Ю. Н.* Н. Н. Козьмин (1872—1939). — Новости Монголии. 07.01.1990.

³⁶ *Казакевич В. А.* [Рец. на:] *Проф. Н. Н. Козьмин.* Проблемы...

³⁷ *Козьмин Н. Н.* Классовое лицо «Атасы» Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников. — Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сб. статей. Л., 1934, с. 259—277.

³⁸ К истории Бурят-Монголии. Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ. М. — Л., 1935, с. 7.

³⁹ Там же, с. 53.

⁴⁰ Там же, с. 61. Не исключено, что такие взгляды сложились у Н. Н. Козьмина под влиянием М. Н. Покровского. См.: *Н. К. Бродячие инородцы.* — Сибирская Советская Энциклопедия. Т. 1, 1929, стб. 393—394. Представляется, что автор этой статьи — сам Н. Н. Козьмин.

⁴¹ К истории Бурят-Монголии..., с. 57. Тему своего отношения к марксизму Н. Н. Козьмин затрагивал и в письме к М. К. Азадовскому 19 июля 1934 г.: «По ходу работы над феодализмом, еще и составляя лекции по античной истории (я Вам не писал, что я заделался античником?), я довольно много продумывал схемы Маркса. Маркс был против „отмычек“, и все-таки его теория грубовато подчас, но блестяще отмыкает некоторые вещи, находящиеся "под семью замками" для буржуазной историографии. Я теперь с увлечением в свободные (редкие!) минуты предаюсь этому занятию отмыкания.

Я недооценивал прежде марксистского методологического устоя — классовый борьбы. Конечно, классовая борьба и есть история человечества за исторический период жизни. А доисторической жизни мы, надеюсь, никогда не узнаем.

Все это приобретает в свете этой теории замечательное единство и простоту...

Увлекательная работа. Я перевожу историю Центральной Азии на марксистские рельсы. Есть уже ряд очерков, набросков...» (Литературное наследство Сибири. Т. I. Новосибирск, 1969, с. 270).

⁴² К истории Бурят-Монголии..., с. 61.

⁴³ *Козьмин Н. Н.* Афанасий Прокопьевич Шапов (По поводу 25-летия со дня смерти). Иркутск, 1902; *он же.* Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. — Известия ВСОРГО, 1916. Т. 45. (Иркутск, 1917), с. 35—64.

⁴⁴ *Козьмин Н. Н.* Библиография. Пугачевщина в Сибири. — Известия ВСОРГО. 1901. Т. 32, вып. 1—2, с. 141—146.

⁴⁵ *Козьмин Н. Н.* Библиографический указатель литературы и источников по истории бурятского народа, составленный Н. Н. Козьминым, отчасти по материалам М. Н. Богданова. — *Богданов М. Н.* Очерки истории бурятского народа. Верхнеудинск, 1926, с. 184—191.

⁴⁶ Козьмин Н. Н. История сибирской промышленности и ее изучение. — Известия ВСОРО, 1928. Т. 53, с. 81—85.

⁴⁷ Козьмин Н. Н. Из прошлого Сибири (Бывший генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский и его мемуары). — Известия ВСОРО, 1903. Т. 34, № 1 (Иркутск, 1904), с. 97.

⁴⁸ Козьмин Н. Н. Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — Известия ВСОРО, 1904, Т. 35, № 2 (Иркутск, 1908), с. 1—43.

⁴⁹ Там же, с. 6.

⁵⁰ Там же, с. 13.

⁵¹ Там же, с. 31.

⁵² Там же, с. 43.

⁵³ Северная Азия. Кн. 2. М., 1927, с. 112.

⁵⁴ Жизнь Бурятии. 1924, № 4—5, с. 87.

⁵⁵ Там же, с. 88.

⁵⁶ Там же, 1924, № 6, с. 136—137.

⁵⁷ Подробнее см.: Мункоев И. М. Год работы Бурят-Монгольской секции ВСОРО. — Бурятоведческий сборник. Вып. I. Иркутск, 1926, с. 80—82.

⁵⁸ Корректра IV тома сохраняется в справочно-библиографическом отделе Российской Национальной библиотеки в Петербурге.

⁵⁹ Энциклопедия Дальневосточного края. Проспект словника. Хабаровск, 1930.

⁶⁰ Радлов В. В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Пер. с нем. Н. Н. Козьмина. Иркутск, 1929.

⁶¹ См., например: Вайнштейн С. И., Кляшторный С. Г. В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов. — Тюркологический сборник. 1971. М., 1972, с. 22.

⁶² Осон К. (Д'Оссон). История монголов. От Чингис-хана до Тамерлана. Пер. и предисл. Н. Козьмина. Т. I. Чингис-хан. Иркутск, 1937.

⁶³ В литературе встречается утверждение, что Н. Н. Козьмин был арестован в конце 20-х или в 30-е годы. — Народы Азии и Африки. 1990, № 4, с. 124.

⁶⁴ Данные о времени ареста и смерти сообщены автору Управлением КГБ по Иркутской области. (Письмо начальника подразделения УКГБ В. П. Гаврилова от 25 апреля 1991 г.) Пользуясь случаем, благодарю Управление КГБ (ныне ФСБ) по Иркутской области за помощь в работе. В литературе встречается и другая дата кончины Н. Н. — 1939 г. — Кузьмин Ю. Н. Н. Козьмин (1872 — 1939). — Новости Монголии. 07.07.1990.

⁶⁵ Задержка с реабилитацией Н. Н. Козьмина, возможно, объясняется тем, что к 1950-м годам не осталось в живых его близких родственников. Между тем по поводу реабилитации в прокуратуру или Верховный Совет СССР обычно обращались родственники осужденных и погибших. Инициативу в этом вопросе взял на себя ректорат Иркутского университета, направивший 11 марта 1994 г. в областную прокуратуру запрос о реабилитации проф. Козьмина. 18 мая 1994 г. Н. Н. Козьмин был официально реабилитирован. См. Свинин В. В. Профессор ИГУ Н. Н. Козьмин: его имя и книги вернулись к нам. — Иркутский университет. 25.09.1996 (примеч. ред.).

⁶⁶ См., например: Азадовский М. К. Этнография в Сибири. Обзор этнографических исследований в Сибири за 1918—1925 гг. — Северная Азия. Кн. 5—6. М., 1926, с. 111—132; Сибирская Советская Энциклопедия. Т. I. Новосибирск, 1929, стб. 543—548.

⁶⁷ См., например: История Бурятской АССР. Т. II. Улан-Удэ, 1959, с. 682; Кыласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984, с. 60—61; Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989, с. 586.

⁶⁸ *Козьмин Н. Н.* Хозяйство и народность. — Сибирская живая старина. 1927. Вып. VII. (Иркутск, 1928), с. 1—22.

⁶⁹ Там же, с. 1.

⁷⁰ Там же, с. 22.

⁷¹ *Козьмин Н. Н.* Туземная интеллигенция Сибири. — Сибирская живая старина. Вып. I, (Иркутск, 1923), с. 75.

⁷² Литературное наследство Сибири, с. 268. Н. Н. Козьмина глубоко волновали судьбы сибирских аборигенов. Подробнее см.: *Козьмин Н. Н.* К вопросу о вымирании инородцев. — Сибирские записки. Красноярск, 1916. № 2, с. 99—108; *Ландарма.* По поводу писем Н. М. Ядринцева. — Там же, с. 71—78; *Кузьмин Н. Н.* Кто такие камасинцы? — Сибирская живая старина. 1929. Вып. 8—9, с. 193—197.

⁷³ Литературное наследство Сибири, с. 267.

⁷⁴ См., например: *Шейнфельд М. Б.* Творческий путь Н. Н. Козьмина. — Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981, с. 163—184.

⁷⁵ По понятным причинам сколько-нибудь полный архив ученого не сохранился. Было бы большим счастьем, если бы в других архивах нашлись какие-либо неопубликованные работы, письма Н. Н. Козьмина. Будем надеяться на удачные поиски!

**Трагические страницы кавказоведения:
А. Н. Генко**

Анатолий Несторович Генко не принадлежит к числу забытых имен в истории науки. О нем писали в 60, 70, 80-е годы, однако в предшествующий период, начиная с 1941 г. — года трагической смерти Генко, имя Анатолия Несторовича в отечественной историографии не упоминалось, а труды ученого были преданы забвению. Из научного наследия А. Н. Генко в 1955 г., т. е. через 21 год после завершения (1934 г.), была опубликована только монография «Абазинский язык»¹. Выдающийся русский востоковед В. Ф. Минорский в письме кавказоведу Л. И. Лаврову от 16 октября 1956 г. высоко оценил эту работу². В свою очередь, Л. И. Лавров писал: «Чрезвычайно порадовался, что вышла грамматика абазинского языка Генко — превосходного ученого и терпеливого искателя... Такая работа, как Генко, драгоценна, чтобы показать, что в Союзе производится не только сырье и полуфабрикаты, как (кое-где на Западе) стараются думать»³. Не без влияния А. Н. Генко в 30-е годы Л. И. Лавров занялся этнографией абазин. Впоследствии именно Л. И. Лавров впервые после многолетнего умолчания имени выдающегося ученого опубликовал специальную статью об Анатолии Несторовиче⁴.

Статья Л. И. Лаврова стала одним из первых прорывов в процессе восстановления забытых имен отечественных ученых, вычеркнутых из истории в силу трагических событий нашей истории. Однако в 70-х годах еще не обо всем можно было говорить открыто. Во всяком случае, период жизни А. Н. Генко, связанный с его двумя арестами, их влиянием на его судьбу и творчество, наконец, гибель Генко в статье Л. И. Лаврова уместились в одной строке: «Умер... от голода в декабре 1941 г. в блокированном Ленинграде». Немногим более об этих фактах было сказано в другой статье о А. Н. Генко, подготовленной к 90-летию со дня рождения ученого⁵. Публикация специальной статьи о втором аресте Генко, осуществленная его дочерью Галиной Анатольевной Генко⁶, стала первой вехой на пути раскрытия правды этого

периода жизни ученого, еще одним штрихом в понимании реального положения отечественной науки и ученых во времена сталинских репрессий.

* * *

Анатолий Несторович Генко родился 4 ноября 1896 г. в Петербурге. Его отец Нестор Карлович Генко (1839—1904), дворянин, известный ученый-лесовод и практик, немало сделал для развития лесного дела в России. Член Императорского Лесного института, член Лесного общества, автор статей в «Лесном журнале», в «Известиях Лесного общества», «Известиях Лесного института», он исследовал леса многих губерний Российской империи — Виленской, Гродненской (Беловежская пуца), Воронежской (Шипов лес), Калужской, Оренбургской, Тифлисской и др. По мнению современников, он «выделялся выдающимися знаниями»⁷. Один из братьев А.Н.Генко — Нестор Несторович Генко — был этнограф-краевед и в 20-е годы работал в городах Хвалынске Саратовской губернии, Темир-Хан-Шуре в Дагестане, в Череповце, где состоял членом Череповецкого губернского бюро краеведения⁸.

Закончив гимназию, А.Н.Генко в 1914 г. поступил в Петроградский университет. Здесь он одновременно прослушал курс лекций на двух факультетах — восточных языков (кафедра армяно-грузинской словесности) и историко-филологическом (кафедра классической словесности)⁹. Это был сложный, во многом трагический период в истории России — первая мировая война, Октябрьская революция, гражданская война. Коренные изменения (во многом негативные) происходили в сознании людей, в социальной, экономической, духовной сферах жизни тогдашнего российского общества. Изменения охватили науку, высшие учебные заведения. В то же время в эти годы появилось много новых учебных заведений и научно-исследовательских институтов, создавались новые учебные программы, интенсивно развивалась наука на периферии. В Ленинградском университете усилиями Н.Я.Марра значительно расширилась учебная программа по кавказоведению. На кафедре армяно-грузинской словесности были введены новые курсы: горские языки Кавказа, мегрельский язык, сравнительная яфетическая грамматика, древности Ани и др. Новое направление в гуманитарных науках — культура и языки горского Кавказа — несомненно повлияло на научные интересы и ориентации А.Н.Генко, первоначально изучавшего армянский и грузинский языки, но все более втягивавшегося в горский мир Кавказа. Начало было положено изучением абхазского языка и фольклора.

Трудовая деятельность А.Н.Генко началась в студенческие годы. После окончания Университета он служил переводчиком в Главном управлении кораблестроения и при Политотделе 7-й армии, помощником секретаря газеты «Северная коммуна», преподавал в 29-й Петроградской единой трудовой школе. С 1921 г. А.Н.Генко — научный сотрудник в НИИ сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при Петроградском университете, где он работал в секции яфетического языкознания вместе с Н.Я.Марром, Н.С.Державиным, К.Д.Дондуа, В.И.Абаевым и др. В стенах этого института А.Н.Генко и В.И.Абаев трудились над составлением «Осетино-черкесского словаря». А.Н.Генко был также научным сотрудником РАИМК¹⁰, Кавказского института археологии и истории РАН в Тбилиси (КИАИ), Яфетидологического (Яфетического) института РАН¹¹, который объединял учеников и последователей Н.Я.Марра — И.А.Орбели, В.В.Струве, А.Ф.Розенберга, Л.В.Щербу, И.И.Зарубина, А.А.Бокарева, А.Н.Генко, К.Д.Дондуа, В.И.Абаева (он еще учился в Университете); из Москвы на заседания приезжал лингвист и этнограф Н.Ф.Яковлев.

В 20-е годы А.Н.Генко многократно выступает на научных заседаниях Яфетидологического института с докладами. В течение 1922—1925 гг. им были представлены доклады по широкой тематике: «По поводу гомеровских выражений в связи с проблемой средиземноморской культуры», «К вопросу о языковом скрещении (два случая с греческим языком)»¹², «О соотношении яфетического и индоевропейского языкознания, преимущественно о их расхождениях», «О новом труде М.Цертели по кавказским языкам», «О новых трудах по кавказским языкам», «Яфетидологические заметки: лидийское *palnis*; ликийское *qà*»¹³, «К вопросу о литературе по финно-германским и финно-кельтским взаимоотношениям», «По вопросу о скрещении (К докладу И.И.Зарубина)», «О рецензии М.Цертели на книгу Ф.А.Брауна "Die Urbevölkerung Europas und die Herkunft der Germanen"», «Свидетельство Геродота о колхах», «К фонетике южнодагестанских языков».

В эти же годы А.Н.Генко работал в Институте живых восточных языков, основанном в 1920 г. С 1925 г. в институте были организованы так называемые семинарии. В «Яфетическом семинарии», включавшем три группы — западнокавказскую, волжскую и североазиатскую, занимался Генко, входивший также в Президиум семинариев. Председателем Президиума был Н.Я.Марр, членами — Б.Я.Владимирцов, А.Н.Самойлович, А.Н.Генко¹⁴.

Однако основным местом работы А.Н.Генко стал Азиатский музей РАН — один из главных центров востоковедения и кавка-

зоведения, где в 1924 г. он начал работать в Отделе Кавказа и Христианского Востока. Здесь Генко последовательно занимал должности научного сотрудника, ученого хранителя, заведующего Кавказским кабинетом (ранее Отдел Кавказа и Христианского Востока). С 1930 г. на базе Азиатского музея был образован Институт востоковедения АН СССР, в структуре которого имелся Кавказский кабинет. Именно в Азиатском музее, а затем в Институте востоковедения осуществлялись основные кавказоведческие исследования Генко. Здесь он работал над богатейшим собранием кавказских рукописей (Азиатский архив), отсюда выезжал в длительные экспедиции на Кавказ. В 1936 г. в Институте этнографии АН СССР был образован Кабинет Кавказа, заведовать которым был приглашен А.Н.Генко. Однако его пребывание в институте было недолгим. Приближался трагический для Генко 1938 год.

В 30-е годы политическая ситуация в стране все более осложнялась. Укреплялась тоталитарная государственная система, во все сферы общественной жизни внедрялись определенные идеологические установки, осуществлялась жесткая цензура. Массовые репрессии, происходившие в СССР в этот период, затронули разные слои советского общества, в том числе интеллигенцию, что оказало самое негативное влияние на развитие отечественной науки, искусства, литературы. Данный период отмечен разгромом целых «школ» в исторической науке («дело» выдающегося историка С.Ф.Платонова, разгром «школы» М.Н.Покровского), арестами и ссылкой академиков С.Ф.Платонова, Н.П.Лихачева, Е.В.Тарле, М.К.Любавского, чл.-кор. Ю.В.Готье, историков среднего и младшего поколения — С.Н.Чернова, С.В.Бахрушина и многих других. «Всех перечислить невозможно, — горько замечает В.Б.Кобрин в своих воспоминаниях. — Это был настоящий погром»¹⁵. Специально организовывались гонения, увольнения с работы учеников этих историков. Из Саратовского университета по обвинению в шовинизме был уволен и вскоре арестован проф. С.Н.Чернов. Из того же университета была уволена только что начавшая там работать ученица С.Н.Чернова, в дальнейшем известный кавказовед Е.Н.Кушева. Причина увольнения, говорила нам сама Екатерина Николаевна, в том, что «она не отказалась от своих учителей».

Подобная ситуация начала обостряться уже с середины 20-х годов. Наука в СССР все острее испытывала прессинг тоталитарного режима. Историков, этнографов заставляли «чистить» буржуазную науку, «разоблачать кулацкую идеализацию старины»; этнография, по мысли некоторых новоявленных ученых-марксистов, вместе с другими общественными науками должна

А. Н. Генко. Конец 30-х годов

была «схватиться с врагами марксизма на международном фронте». Такими призывами пестрят журналы тех десятилетий. Постоянно устраивались персональные проработки видных представителей отечественной этнографии. Их систематически обвиняли (в частности, на страницах журнала «Советская этнография») в отсутствии классового подхода, в нежелании увязывать задачи этнографии с целями социалистического строительства, в великодержавном шовинизме (местных ученых — в буржуазном национализме). Широко употреблялись в публичных и печатных выступлениях расхожие в те годы ярлыки: «правый оппортунизм», «буржуазно-кулацкий национализм» и т.п. Такой дискредитации подверглись П.Ф.Преображенский, Д.К.Зеленин, Е.Г.Кагаров, В.Г.Богораз-Тан, М.О.Косвен, Г.А.Кокиев. С.И.Руденко, возглавлявший в начале 30-х годов Отдел этнографии в Русском

музею, был подвергнут специальной «критической проработке». Г.Ф.Чурсина, известного кавказоведа, обвиняли в отсутствии классового подхода¹⁶. Специально назначенные по распоряжению высших партийных властей комиссии осуществляли тотальную цензуру научной литературы. «Вредная» с точки зрения комиссии литература изымалась из библиотечных фондов и фактически становилась недоступной для читателя.

Такие акции осуществлялись не только в Москве и Ленинграде, но и в большинстве городов страны, в том числе на Кавказе. В научных учреждениях, в музеях проводились «чистки», в результате которых изгонялись профессиональные работники, заменявшиеся, как правило, непрофессионалами, обычно из рабочей среды, совершенно неподготовленными к выполнению данной работы¹⁷. Насильственно внедрялись определенные «идеологические установки», спускавшиеся «сверху» и постоянно менявшиеся. Административным путем закрывались многие научные центры, возникшие сразу после Октябрьской революции.

В 1936—1938 г. репрессии в СССР достигли апогея. В 1938 г. с группой востоковедов был арестован А.Н.Генко. Ему предъявлялось обвинение в антисоветской пропаганде и шовинизме. Генко находился в тюрьме около двух лет. Ничего не подписав по предъявленному обвинению (несмотря на пытки), он был освобожден. Многие годы спустя Л.И.Лавров, вспоминая ученого, всегда с неизменным восхищением его мужеством, говорил: «Этот хрупкий интеллигент не был сломлен. И они вынуждены были его выпустить». Л.И.Лавров постоянно отмечал силу духа Генко, его стойкость и принципиальность в науке, в жизни, что проявлялось, в частности, в отношениях А.Н.Генко с акад. Н.Я.Марром, его учителем.

А.Н.Генко высоко ценил Н.Я.Марра как крупнейшего ученого. Но когда дело касалось научных принципов, определенных позиций, взглядов на некоторые проблемы, Генко неизменно отстаивал свою точку зрения. Важную роль в их отношениях, видимо, сыграл отход А.Н.Генко к 1930 г. от яфетической теории Марра, от ее безоговорочного признания и распространения применительно к огромной территории и многим народам. О взаимоотношениях Марра и Генко можно судить по воспоминаниям некоторых ленинградских ученых и немногим сохранившимся письмам А.Н.Генко. О.М.Фрейденберг, ученица Н.Я.Марра, в своих воспоминаниях пишет: «Генко был лингвистом и учился у Марра, который имел в то время (до 1920 г. — *Авт.*) репутацию научного чудака. Мефистофельский ум Генко любил все острое, парадоксальное, антипопулярное; Генко с большим увлечением (он был умен, образован и талантлив) пре-

давался "яфетидологии"... охотно спорил с Жебелевым и, видимо, рад был, что он единственный и любимый ученик Марра... Генко, действительно, был преданным учеником Марра до той поры, как возле его непризнанного, гонимого в научной среде учителя не появился другой адепт... Мещанинов»¹⁸.

Но дело было не столько в Мещанинове, сколько в отношении Генко к новым теоретическим взглядам Марра. Взгляды эти постепенно менялись. Если теоретические позиции Анатолия Несторовича формировались под влиянием Марра и Генко первоначально отдал дань яфетической теории своего учителя, то впоследствии, как вспоминает Л.И.Лавров, Генко во многом отошел от этой теории и вообще «никогда не разделял крайних взглядов своего учителя». А.Н.Генко не пользовался четырехэлементным анализом, который предложил Марр, и «не поверил в учение последнего о так называемом стадильном развитии языков»¹⁹.

Некоторые сложности во взаимоотношениях Марра и Генко возникли в связи с работой над абхазской письменностью, что отмечает А.Н.Генко в своих письмах из Абхазии, адресованных востоковеду А.Ф.Розенбергу. 19 июня 1928 г. А.Н.Генко пишет последнему, что, приехав в Сухум, он попал «в крайне двусмысленное положение — именно абхазские деятели просвещения атаковали меня по части реформы абхазского шрифта, предложенного Ник. Як-чем. Не имея никакой возможности, без ущерба для своего намеченного предприятия, совсем уклониться от этого дела, я должен был давать им разные советы, которые клонились к изменению системы Н.Я. Опасаюсь взрыва ярости по своему адресу, но делать абсолютно нечего»²⁰.

В 20-е годы во многом изменился и сам Марр, что отмечалось многими его учениками и соратниками. Об этом, в частности, пишет И.А.Орбели. «Если вы увидите, что человек ругает марровские элементы и по языку не различает Марра до 1922 г. и после 1922 г., это значит, что он один из тех, которые говорили, что "элементы" идеальны, а все остальное языкознание надо бросить в печку. К этому заключению я пришел потому, что работы Марра и по языку, и по филологии, и по археологии Кавказа за время до 1922 г. — Марра, не омраченного "новым учением о языке", — мне знакомы, и я их высоко ценю... Одной из священных обязанностей наших востоковедов, филологов, лингвистов является размежевание того Марра, который стоял на почве глубочайшего, углубленного исследования в вопросах языка и в вопросах культуры, от того Марра, которого сделали своим знаменем люди, которым это было легче, чем изучать языки. Сделали своим знаменем для того, чтобы затоптать потом это знамя в грязь»²¹.

В 1933 г. А.Н.Генко отмечает большие изменения в отношении к нему Н.Я.Марра, о чем он пишет тому же А.Ф.Розенбергу в письме от 29 сентября 1933 г. из Баталпашинска (ныне г. Черкесск). «Хотел видеть в Тифлисе Н.Я.Марра, но мне это не удалось, так как он пребывал длительно в Аббас Тумане. Если не ошибаюсь, я стал в его глазах настолько далеким от яфетидов, что уже могу рассчитывать на простое деловое внимание, на что отчасти и рассчитываю»²².

Однако Н.Я.Март, несмотря на сложные взаимоотношения с А.Н.Генко во многом в силу разных научных позиций (что особенно проявилось в конце 20-х — начале 30-х годов), высоко ценил Генко как ученого. Он выделял работу Генко по кубинскому диалекту, называя этот диалект «вновь открытым» третьим наречием лезгинского языка. Представляя 28 ноября 1928 г. эту статью на заседании Академии наук по Отделению гуманитарных наук на предмет ее публикации в «Известиях» АН, Март подчеркнул, что это «вновь открытое наречие... лезгинского языка, тщательно составленное А.Н.Генко по лично собранным материалам и имеющимся в литературе данным. Работа представляет большую актуальность»²³. На заседании было «положено напечатать» ее в «Известиях» Отделения гуманитарных наук.

Н.Я.Март представлял к публикации и другие работы А.Н.Генко, в том числе «Абхазские тексты». В отношении этой работы также было принято решение о публикации ее в «Материалах по яфетическому языкознанию»²⁴. Неоднократно Н.Я.Март ссылался в своих трудах на статьи А.Н.Генко. Так, в работе «О кавказской версии Библии в грузинских палимпсестных фрагментах»²⁵ Март упоминает идеи и использует материалы из ранней статьи Генко «По поводу работы проф. И.А.Джавахишвили, касающейся грузинских палимпсестов с библейскими текстами»²⁶.

После своего освобождения в 1939 г. А.Н.Генко продолжал работать в Институте востоковедения. Однако 2 сентября 1941 г. Генко был вновь арестован. Здесь обратимся к публикации дочери ученого Г.А.Генко. Значение этой публикации особенно велико, поскольку архивы КГБ и в настоящее время фактически недоступны исследователям, и лишь родственники репрессированных имеют право ознакомиться со следственным делом.

Арестованному Генко были предъявлены обвинения в антисоветской деятельности, в клеветнических измышлениях о мероприятиях, проводимых ВКП(б) и советским правительством, о действиях органов НКВД (ст. 58—10, 11 УК). В деле имеется допрос свидетеля обвинения Б. «Генко, возвращаясь из поездок по глухим местам Кавказа, — заявлял этот "свидетель", — рассказывал о "бедственном положении", в котором находится их

население вследствие притеснения со стороны сов[етской] власти и бесчисленных произвольных арестов... Уже до ареста был настроен антисоветски, утверждал, что в Сов[етском] Союзе наука не может свободно развиваться, будучи связана с политикой. Колхозный строй, по его словам, привел горцев Кавказа к полному разорению, в результате чего они непременно голодают. Нац[иональная] политика сов[етской] власти создала, по его словам, невыносимое положение для малых народов, страдавших от великодержавного шовинизма грузин и азербайджанцев. Чрезвычайно резко отзывался о грузинской общественности, которая, по его словам, ненавидит все русское, но при этом сама не способна к государственному строительству». При очной ставке свидетеля обвинения и Генко последний заявил, что антисоветской агитацией никогда не занимался и виновным себя в предъявленных обвинениях не признает. В ответ на очередной вопрос следователя о разнице в позициях Б. и Генко последний ответил: «Моя позиция исходила из принципиальности, которая казалась мне правильной в данный момент, в каждом данном вопросе, независимо от тех трудностей, которые возникают». В деле имеются также протоколы допросов еще пяти свидетелей, в том числе востоковеда, арабиста, проф. ЛГУ В.И.Беляева, зам. директора Института этнографии АН СССР С.М.Абрамзона и др. Все эти лица отзывались о Генко как о выдающемся ученом, об антисоветских настроениях которого им ничего не известно. А.Н.Генко содержался в одиночной камере внутренней тюрьмы УНКВД. Скончался 25 декабря 1941 г. в больничном изоляторе той же тюрьмы. Диагноз — сильное истощение, заболевание сердца в форме грудной жабы. Место захоронения неизвестно. В 1954 г. реабилитирован, как и многие тысячи невинно погибших²⁷.

* * *

А.Н.Генко считал себя лингвистом. И действительно, его лингвистические познания были феноменальны. Он владел армянским, грузинским, азербайджанским, абхазским, адыгейским, кабардинским, черкесским, абазинским, убыхским, чеченским, ингушским, бацбийским, лезгинским, табасаранским, рутульским, цахурским, хиналугским, удинским, арабским (он свободно переводил арабские источники), прекрасно знал турецкий, персидский, западноевропейские языки — немецкий, английский, французский, а также древнегреческий и латынь. «Кавказовед широкого диапазона, востоковед и классик по образованию... — пишет кавказовед Р.Р.Орбели, — Генко подошел к изучению Кавказа от изучения классического мира и к специально-

му исследованию северокавказских языков — от филологических исследований памятников письменности Грузии и Армении». Вслед за первой публикацией в 1923 г. «К вопросу о языковом скрещении (два случая с греческим языком)» Генко опубликовал две работы, посвященные памятникам древнегрузинской письменности, — «Грузинская версия "Хосро и Ширин" Хосро Дехлеви» и «Оксфордский фрагмент древнегрузинской версии Иеремии». Последнее исследование особенно высоко ценилось специалистами — гебраистами и грузиноведами²⁸.

Изучая проблемы лингвистики, истории и этнографии Кавказа, А.Н.Генко прежде всего стал одним из первых исследователей горских народов этого региона, которые до 20-х годов нечасто были предметом специальных исследований. Но в 20-е годы интерес к горским народам Кавказа возрос. В известной мере это было связано с необходимостью создания для горских народов письменности. В Москве в 1920 г. при Московской секции РАИМК был организован Комитет по изучению языков и этнических культур народностей Востока (назывался Северокавказским из-за преимущественного внимания к этому региону). В Комитете работали Н.Ф.Яковлев, Л.И.Жирков, Е.М.Шиллинг, А.С.Башкиров, Н.Б.Бакланов и др., т.е. специалисты главным образом по языкам и культуре горских народов Кавказа. В 1926 г. Комитет получил новый статус и стал именоваться НИИ этнических и национальных культур народов Востока. Директором был назначен Н.Я.Марр. Кавказская тематика (особенно по горским народам) была широко представлена в научной деятельности института. Лингвистикой, историей и этнографией горцев занимались Н.Ф.Яковлев, Л.И.Жирков, Е.М.Шиллинг, А.С.Башкиров, Б.А.Куфтин, Б.В.Миллер, Е.Г.Пчелина, Г.А.Кокиев и др. В Ленинграде такую же тематику (помимо А.Н.Генко) разрабатывали Н.Я.Марр, Ф.В.Мегрелидзе, С.Н.Замятин и еще ряд ученых. Вокруг Генко образовалась группа из его учеников и последователей, изучавших языки, историю и этнографию горских народов. К началу 30-х годов Л.И.Лавров начал заниматься этнографией абазин и адыгов-шапсугов. Горские языки Кавказа изучали молодые абхазские ученые, ученики А.Н.Генко — Виктор Кукба и Арсений Хашба. Первым была написана, в частности, статья «Профессор Н.Ф.Яковлев и профессор А.Н.Генко как исследователи горских языков Кавказа». А.Хашба подготовил работу «Проблема изучения горских языков Кавказа». Обе статьи не опубликованы, а их авторы в 30-е годы были репрессированы²⁹.

А.Н.Генко можно считать пионером во многих областях научного кавказоведения; некоторые его исследования поистине

новаторские и поднимают неизученные пласты лингвистики, этнографии и истории народов Кавказа³⁰. Он — первый исследователь абазин, убыхов, хиналугцев, цахур. Несомненно важным является открытие им цахурской средневековой письменности. Анализируя труд арабского географа XIII в. Закарийа аль-Казвини, ученый пришел к выводу о наличии у цахур в средние века своей письменности, основанной на так называемом аджамском алфавите арабского языка. «Мы имеем, — отмечал А.Н.Генко, — факт существования местной письменности, и эта письменность является цахурской. Мы имеем произведения, которые были переведены на цахурский язык»³¹. Открытие Генко трудно переоценить. Оно в корне меняет наши представления о распространении грамотности в средневековом Дагестане.

Годы, проведенные Генко в стенах Петроградского университета, общение с такими выдающимися учеными, как Бартольд, Марр, Крачковский, и многими другими дали ему широкую востоковедную подготовку. Его лингвистические труды отличаются глубоким историческим подходом, сугубо, казалось бы, лингвистические вопросы исследуются в тесной связи с историко-этнографическим материалом. В то же время в своих исторических трудах Генко широко использовал лингвистические материалы, служившие важнейшим источником для исторических реконструкций. Ярким примером подобных исследований являются его работы «О языке убыхов», «Из культурного прошлого ингушей», «Арабский язык и кавказоведение», которые будут рассмотрены ниже.

А.Н.Генко был сторонником комплексного изучения исторических проблем и исследовал культуру народов Кавказа в самом широком понимании этого слова. Его в равной мере интересовали и широкие основополагающие проблемы — фольклор, народные верования, роль мировых религий (ислама и христианства) в истории Кавказа, и более узкие, конкретные — природа обычая атальчества, названия плуга в кавказских языках, характер классовой борьбы в Дигории в XVIII в., новации в общественном быту и песенном творчестве народов Кавказа, средневековый город Татартуп и др.

Первым в этнографической науке А.Н.Генко обратил внимание на некоторые аспекты многоязычия, рассмотрев его на кавказских материалах. Он предложил классификацию местных бесписьменных языков, основываясь на их общественных функциях: многоаульные, аульные, семейные³². Данная классификация и в целом проблема кавказского многоязычия в дальнейшем разрабатывалась на дагестанских материалах Л.И.Лавровым.

Исследуя такой элемент материальной культуры, как кавказский плуг, Генко определил в нем общее и локальное, выявил ареалы его распространения. В статье, посвященной кавказскому плугу у абхазов и адыгов, привлечены главным образом «материалы из неопубликованных личных записей автора», использован обширный, в том числе авторский, материал по восточнокавказским языкам, включая дагестанские, удинский, хиналугский. В этой статье Генко обнаруживает огромный диапазон владения лингвистическим материалом, приводит соответствующую терминологию из всех кавказских языков, а также арабского и персидского, тесно увязывает лингвистические данные с историко-этнографическими. Весьма критически оценивает Генко материалы немецкого лингвиста Р.Эркерта. «Что же касается северокавказской терминологии, то тут сведения Эркерта способны создать ложное представление и о самом существенном — географическом распространении плуга как орудия сельскохозяйственной обработки земли»³³.

В связи с изучением лезгинского языка А.Н.Генко заинтересовался музыкальным фольклором этого народа. Описав существующие среди лезгин Азербайджана музыкальные инструменты и традиции народного исполнительства — народные певцы ашэк приглашались на свадьбы, праздники, народные гулянья, — Генко обратил внимание на постепенное исчезновение лезгинского музыкального фольклора. Певцы чаще пели по-азербайджански и даже на фарси, чем по-лезгински, хотя согласно народной традиции певец должен был иметь хороший голос и уметь исполнять разноязычные песни. А.Н.Генко зафиксировал у лезгин особый вид музыкального творчества — короткие произведения типа частушек, которые исполняли только женщины. Мужчины их знали, но, по обычаю, не могли их петь. Исполняли частушки во время коллективных работ на так называемых *jif iejar* (азерб., букв. «ночные огни», т.е. вечеринки), в которых участвовали одни женщины, весной в поле, во время праздников³⁴.

* * *

Наиболее близки А.Н.Генко были проблемы этнической истории. Тяга к ним отразилась уже в первой печатной научной работе, появившейся в 1923 г., — «К вопросу о языковом скрещении (два случая с греческим языком)». Генко на языковом материале рассматривает вопрос этногенетических связей халдеев с древним населением Дагестана, локализацию некоторых народов Северного Кавказа в древнейшие эпохи. Ученый приходит к выводу, что тогда эти народы расселялись значительно южнее нынешней территории их обитания. В 1924 г. Генко

опубликовал еще две работы по вопросам этнической истории народов Кавказа. Это «Лидийское palmys» и «Ликийское qà». В них автор вновь поднимает вопрос об этногенетической связи древнейшего населения Малой Азии и Кавказа. И в дальнейшем Генко всегда сохранял живой интерес к древнейшим эпохам этнической истории Кавказа, что отразилось, в частности, в цикле его лекций по истории Урарту и античному периоду истории Кавказа, которые он читал в Ленинградском университете в 20-е годы.

Не меньший интерес в творчестве А.Н.Генко вызывал средневековый период этнической истории Кавказа. В цикле работ этой тематики следует назвать «О языке убыхов», «Из культурного прошлого ингушей», «Арабский язык и кавказоведение», «О средневековом городе Тартуп», «О вновь открытой письменности средневекового Азербайджана» (две последние не опубликованы).

В статье «О языке убыхов» А.Н.Генко впервые использовал и обобщил историко-этнографические и лингвистические материалы по убыхам — народу, исчезнувшем с этнической карты Кавказа в 1864 г. в результате поголовного выселения его в Турцию. Это прежде всего сведения турецкого путешественника середины XVII в. Эвлия Челеби, в труде которого Генко выявил самые ранние свидетельства убыхского языка — языка жителей общества Садша (район современного Сочи). В своей статье Генко предложил интересную и вполне убедительную гипотезу этногенетического родства убыхов с брухами, народом, известным из труда византийского автора VI в. Прокопия Кесарийского. Здесь же Генко высказал предположение, что приморские убыхи — это абазины (садзы), утратившие свой язык в результате интенсивных процессов ассимиляции, которые происходили в Восточном Причерноморье. А.Н.Генко высказал также предположение о миграциях абазин на северные склоны Кавказского хребта до XVII в. Впоследствии данная гипотеза получила новые подтверждения (Л.И.Лавров, Е.П.Алексева). Статья Генко «О языке убыхов» важна также и в методическом плане. Генко ставит вопрос о принципах идентификации древних и поздних этнонимов, о возможности соотнесения древних этнонимов с современными этносами³⁵.

Его лингвистические и историко-этнографические исследования абазинского народа обобщены в уже упоминавшейся монографии «Абазинский язык», значение которой выходит далеко за рамки лингвистической проблемы, заявленной в названии. насыщенная ценнейшим материалом, эта работа до сих пор является первым и во многом уникальным исследованием не только

языка, но и истории и этнографии абазин. В сущности вся первая глава монографии — «Общие сведения об абазинах и абазинском языке» — посвящена вопросам этнической истории этого народа, которые изучаются автором на основе собранных им полевых этнографических и лингвистических материалов. Это и расселение абазин, и их численность, абазинская этнонимия и топонимия, сведения об историческом прошлом абазин, их этногенетические связи, история возникновения отдельных селений. Опираясь на свои материалы, Генко делает вывод о самостоятельности абазинского языка и «выделении его из всей массы абазинских наречий», к которым он относил также абхазский и убыхский языки. В результате исследования абхазов, абазин и убыхов А.Н.Генко высказал важную мысль об этнокультурном глубинном единстве названных народов, которые он объединял в единую этническую общность «абаза». «Термин абадза, или абаза, очень давнего происхождения... и имеет собирательное значение: так назывались представителями черкесских племен все племена абхазские (в самом широком смысле, включая сюда и... убыхов), объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов, главным образом в горных долинах Причерноморья... На основе этого-то черкесского термина "абаза"... с XVIII в. упрочился русский термин "абазин"»³⁶. Так что с конца 20-х — начала 30-х годов можно говорить о начале изучения абхазов, абазин и убыхов в этнокультурном единстве, понимая под этим широкий круг проблем их языков, истории и этнографии. Всеми этими вопросами основательно занимался А.Н.Генко.

Изучая ингушский язык, Генко обратился к истории и этнографии этого народа. Результатом его исследований стала статья «Из культурного прошлого ингушей», в которой рассмотрена этническая, социальная и культурная история этого народа в контексте этнической истории других народов Кавказа, прежде всего этнически родственных им чеченцев и бацбийцев, а также соседних кабардинцев и осетин³⁷. Сам А.Н.Генко говорил, вспоминает Л.И.Лавров, что это была попытка широкого использования данных языка для реконструкции истории народа, о котором почти нет известий в письменных источниках³⁸. Один из важнейших выводов работы Генко заключается в определении времени и исходной области миграций бацбийцев в горную Грузию. Исходя из исторических и лингвистических данных, Генко убедительно доказывает, что это была Ингушетия. Другой важный, также новый вывод касался древнейшей этнической территории нахских народов, которая, по мнению Генко, включала часть современной горной Тушетии. Отметим, что данная гипотеза

теза в дальнейшем нашла подтверждение в трудах современных ученых, в том числе этнографов и лингвистов (Ф.Г.Утургаидзе, Т.А.Очаури, Н.Г.Волковой). Этнической историей бацбийцев А.Н.Генко занимался и в другой своей работе³⁹.

Через четыре года после публикации статья А.Н.Генко «Из культурного прошлого ингушей» послужила объектом резкой критики со стороны В.И.Абаева и В.Д.Дондуа. Главный вывод авторов рецензии состоит в том, что статья Генко отрицает ингушскую культуру (!)⁴⁰. Такой вывод кажется более чем странным. Ведь работа А.Н.Генко — первое специальное исследование, посвященное ингушской культуре, основанное на широкой языковой базе (прежде всего с привлечением данных ингушского языка) и материалах письменных и этнографических источников, часть которых впервые вводилась в научный оборот (например, дневник Штедера). Рецензия на работу А.Н.Генко «Из культурного прошлого ингушей» до сих пор не была известна исследователям, занимавшимся творческим наследием ученого.

К этнической истории народов Восточного Кавказа А.Н.Генко вновь обратился позднее. 30 августа 1940 г. на расширенном заседании Института истории Азербайджанского филиала АН СССР он выступил с докладом «О вновь открытой письменности средневекового Азербайджана». В нем Генко анализирует факты этнической истории народов, населявших в раннее средневековье территорию Кавказской Албании. Исследование распространенных на территории Кавказской Албании (в пределах Северного Азербайджана и Южного Дагестана) девяти горских языков — лезгинского, аварского (Джаро-Белаканские вольные общества), цахурского, рутульского, удинского, хиналугского, крызского, будугского, хапутлинского — дало ученому возможность обосновать несколько интересных гипотез.

Одна из них — об этногенетической связи небольшого кавказоязычного народа, живущего в горном Азербайджане, — хапутлинцев с древними албанами. Поддерживая общепринятую точку зрения об этногенетическом родстве современных удин с древними албанами, Генко, однако, не считал первых единственными «этническими наследниками албан». «Я должен возразить против такого увлечения удинами, — отмечал он. — Удин изучать нужно, но не следует забывать, что в том же районе в количестве не меньшем, а большем, чем удины, и южнее, чем удины, и ближе к историческому центру древней Албании находится другой яфетический народ — хапутлинцы»⁴¹. При этом Генко высказал также гипотезу о связи хапутлинцев со средневековым народом хэран (heran), известном в армянских и грузинских источниках, и определил область расселения хапутлинцев⁴².

Изучение этнической и социально-политической истории народов Дагестана и Чечни первой половины XIX в. невозможно без таких работ Генко, как «Арабская карта Чечни эпохи Шамиля» и «Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии».

Публикуя арабскую карту Чечни⁴³, А.Н.Генко сопроводил ее подробным комментарием, включающим чеченские географические названия, приведенные в арабском и русском написании. На карте показана резиденция имама Шамиля в селе Ведено, обнесенная оградой. Здесь имелись мечеть «имама Шамиля и его муридов (мюридов), минарет, жилище Шамиля, келья муридов и отдельная келья Джамаладдина, шейха Дагестана». К некоторым названиям А.Н.Генко дал исторические пояснения, как, например, к названию селения Джавад-хан (в русских источниках Джантемир-юрт), названного по имени известного сподвижника Шамиля, шубутского наиба Джавад-хана (скончался в начале 1840-х годов). Генко определил авторство карты, которая была составлена чеченским наибом Хаджи Юсуфом Сафаровым, «организатором ряда ответственных отраслей военно-административного устройства имамата». «Он выступает перед нами, — пишет далее Генко, — и как дипломат, и как инженер, и как законодатель. Но он же известен нам и в качестве картографа». А.Н.Генко приводит биографические данные Хаджи Юсуфа Сафарова. В детстве с отцом он попал в Турцию, затем жил в Египте, знал арабский, турецкий и до десятка горскокавказских языков, изучал военное и инженерное дело. В 1840 г. вернулся в Чечню, был оклеветан окружением Шамиля, сослан в горное селение Тинди в Северо-Западном Дагестане, откуда бежал в крепость Грозную к русским, где вскоре умер⁴⁴.

Статья «Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии» была написана А.Н.Генко в соавторстве с акад. И.Ю.Крачковским⁴⁵. Фотографические снимки пяти арабских писем Шамиля, хранящихся в Северо-Осетинском музее в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ), были присланы выпускником Ленинградского университета З.К.Мальсаговым. В начале 30-х годов он был директором Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы в Грозном (скончался 21 мая 1935 г.). Свою публикацию авторы посвятили его памяти.

Издание текста и перевод с арабского с некоторыми замечаниями были осуществлены Крачковским. «Реальный комментарий к ним был подготовлен А.Н.Генко и потребовал, — пишет Крачковский, — ряда специальных и кропотливых изысканий». А.Н.Генко приводит историческую справку о политической ситуации в Дагестане и Чечне в 1852 г. (год, к которому относится большинство публикуемых писем), локализует географические

пункты, упоминаемые в письмах, сообщает неизвестные сведения о сподвижниках Шамиля. Один из них — качкалыкковский наиб Бата Шамурзаев, принадлежащий к числу самых образованных и энергичных лиц из ближайшего окружения Шамиля. С изменой Баты Шамурзаева русские связывали успешные военные действия князя Барятинского против Шамиля в 1852 г. Два из опубликованных писем адресованы другому известному соратнику Шамиля — шатоевскому наibu Батуко, о котором Генко сообщает новые сведения. В комментариях приведены также материалы об одном из самых крупных обществ Чечни Шубуде (Шубут, Шатой) — его территории, местоположении, числе воинов и т. п.

Рассмотренные выше работы отражали одно из направлений исследовательских интересов А.Н.Генко, связанных с ролью арабского языка и культуры в истории Кавказа. Анализируя исторический процесс взаимодействия народов региона с арабским миром, ученый писал в одном из своих исследований, что мусульманство, как ни одна другая религия, разрушило «все устои старого доисламского Кавказа... Мусульманский Кавказ потерял или почти потерял во многих отношениях свое лицо»⁴⁶.

В то же время арабский язык и культура, по мнению Анатолия Несторовича, оказали огромное влияние на культуру и языки многих народов Кавказа, прежде всего Восточного. «Высокий уровень интереса к арабскому языку в среде дагестанской интеллигенции, первые заметные проявления которого в Северном Дагестане восходят, судя по скудным сведениям наших источников, к XVII в. и стоят в связи с военными и политическими предприятиями турок в конце XVI — начале XVII в. на территории Восточного Кавказа, держался вплоть до начала XX в.»⁴⁷. Арабский язык, как считал Генко, был распространен в качестве языка дипломатической переписки в некоторых районах Кавказа. Генко подчеркивает необходимость усиления внимания к изучению роли арабского языка на Кавказе, в связи с чем он акцентирует три важных момента. Первый — преподавание восточных языков, второй — деятельность переводчиков, третий — необходимость издания документов арабской письменности Кавказа непременно в оригинале, а не только в русском переводе. Ученый критикует широко принятую практику публикации подлинных документов арабского письма на Кавказе лишь в русском переводе без оригинала⁴⁸.

Прекрасно зная этот язык, Анатолий Несторович плодотворно занимался переводами арабских исторических источников. Так, им был переведен известный труд Закарийя аль-Казвини (XIII в.). Важное направление исследований А.Н.Генко состав-

ляли историко-этнографические и филологические комментарии к переводам арабских источников. Им был подготовлен, например, комментарий к переводу арабоязычной хроники, написанной в Дагестане в середине XIX в. местным ученым Мухаммадом Тахиром Карахским. По воспоминаниям И.Ю.Крачковского, А.Н.Генко составил к рукописи «особый указатель с идентификацией всех географических и племенных названий в их троякой передаче — арабской, местной кавказской на различных языках и русской как официальной, так и ходовой. Смерть не позволила довести работу до печати, и рукопись этого крайне важного пособия после блокады Ленинграда не была найдена»⁴⁹.

Одна из блестящих работ А.Н.Генко — «Арабский язык и кавказоведение» — основана на материалах арабских источников (в переводах автора)⁵⁰. Здесь, как и во многих других работах, он стал первооткрывателем, обратив внимание на арабский этнический элемент на Восточном Кавказе, его роль в этнической и культурной истории местного населения, на этнокультурное влияние последнего на мигрантов-арабов, которые со временем ассимилировались в местной этнической среде. Генко рассмотрел вопрос об участии арабов в этнической истории некоторых народов Южного Дагестана, воссоздал историческую географию расселения арабских мигрантов в Дагестане эпохи арабских походов, наметил этапы исламизации населения Дагестана, отметив этнокультурное влияние арабов на местное население. «Существенно важной для изучения связанных с Кавказом арабских материалов» назвал эту статью акад. И.Ю.Крачковский. «Автор дает суммарную, но продуманную характеристику всех основных категорий арабских источников, связанных в той или иной мере с Кавказом. В некоторых случаях он подвергает углубленному анализу отдельные свидетельства, в комментарии которых голос кавказоведа, близко знакомого не только с книжной литературой, но и с современным положением упоминаемых районов, приобретает исключительное значение. Статья в целом представляет очень важное и богатое содержанием введение в особую, достаточно сложную область арабистики, которая именно для нашего Союза получила за последние десятилетия исключительное значение»⁵¹.

Исследования А.Н.Генко в области арабистики высоко ценились специалистами. И.Ю.Крачковский писал, что годы Великой Отечественной войны «болезненно коснулись арабистики утратой в некоторых сопредельных областях. Особенно это надо сказать о кавказоведе А.Н.Генко, умершем в декабре 1941 г. За последние годы он уделял большое внимание арабским источникам по новой истории Кавказа и дал ряд изданий с очень основа-

тельным комментарием, равно как и вдумчивую программную статью об этих источниках, которая может служить руководящей нитью в дальнейших их изысканиях»⁵².

* * *

Одной из главных проблем кавказоведения, постоянно исследуемой А.Н.Генко, было источниковедение. Широкое знание западноевропейской и восточной литературы, владение многими языками, постоянная работа в архивохранилищах послужили надежным основанием для его глубинных изысканий в этой области исторической науки. Из наиболее ранних это уже упоминавшаяся работа «Оксфордский фрагмент древнегрузинской версии Иеремии», а также статья «По поводу работы проф. И.А.Джавахишвили, касающейся грузинских палимпсестов с библейскими текстами».

Известен еще один источниковедческий труд А.Н.Генко, к сожалению не опубликованный, — это курс лекций по источниковедению Кавказа, который он читал в ряде университетов Союза в 20—30-е годы. О масштабах этого труда в какой-то мере можно судить по письму А.Н.Генко (от 26.12.1934 г.) к известному историку, кавказоведу М.А.Полиевктову, работавшему в те годы в Тбилиси. Письмо было написано в связи с рецензированием Анатолием Несторовичем монографии М.А.Полиевктова «Европейские путешественники по Кавказу XIII—XVIII вв.» (Тбилиси, 1935)⁵³. Даже это одно письмо свидетельствует о поразительном владении А.Н.Генко материалом, о его энциклопедических знаниях. «Совершенно очевидно, — пишет он, — крайняя неполнота как списка самих путешественников, так и той основной литературы, которая подлежала бы использованию».

А.Н.Генко дополняет список представленных в монографии Полиевктова источников работами европейских путешественников, многие из которых в те годы были еще неизвестны в отечественном источниковедении. Среди них немецкий врач Дрешер (XVII в.), швед Бреннер (конец XVII в.), немцы на русской службе — Штедер и Штелин (XVIII в.). Сам Генко широко использовал «Дневник» Штедера (в своих переводах) в работе «Из культурного прошлого ингушей». В сущности это был первый перевод «Дневника» на русский язык⁵⁴. Рекомендуемый Полиевктову список источников Генко дополняет еще несколькими трудами: молдаванина Кантемира (XVIII в.), дневником анонимного спутника Адама Олеария (XVII в.), дневником майора Тарова (XVIII в.) и др.

Из литературы, неполно используемой Полиевктовым, Генко отмечает прежде всего «новейший сводный труд по путешестви-

ям в России В.А.Кордта, изданный в 1926 г. и во многом пополняющий и исправляющий Аделунга» (последний — один из главных источников в труде Полиевктова). «Плохо, чтобы не сказать совсем не учтена, — пишет далее ученый, — богатая картографическая литература (см. работы Норденшельда, Кордта, Л.С.Берга и др.)»⁵⁵.

Письмо-рецензия А.Н.Генко представляет особый интерес, поскольку большинство приводимых фактов открывает новые страницы истории отечественного кавказоведения. Так, о Бреннере Анатолий Несторович пишет, что тот был на Кавказе в 1697 г., затем находился в составе шведского посольства в Персию и на обратном пути на родину в 1700 г. был задержан в России, где провел 22 года. После чего вернулся в Швецию, где умер в 1734 г. «Чрезвычайно важен, — продолжает Генко о Бреннере, — для истории изучения в Европе армянской и грузинской истории... меня лично интересовал уже давно в качестве осведомителя известного Штраленберга по языкам Дагестана». И далее: «Оценка Бреннера (как лингвиста) дана мною в книге по лезгинской диалектологии, написанной более года тому назад (т.е. в 1933 г. — *Авт.*) по заказу Института языка и мышления Ака. наук, но, увы, пока не напечатанной»⁵⁶.

В своем достаточно критическом отзыве Генко привлек неизвестные рукописные материалы, как, например, дневник спутника Адама Олеария. В письме ученый приводит обширную библиографию специальной исторической и картографической литературы по Кавказу, необходимой, по его мнению, для широкого исторического комментария и правильного понимания многих изучаемых вопросов. Рецензируя труд М.А.Полиевктова, А.Н.Генко не просто называет путешественников, их труды, дополнительную литературу о них, различные связанные с их деятельностью публикации, но и сопровождает эти сведения интересными комментариями, критически оценивает источники, обнаруживая при этом знание западноевропейской (немецкой, английской, французской, шведской, на латинском языке) и русской литературы. По существу письмо А.Н.Генко М.А.Полиевктову (помимо официальной краткой рецензии) — интереснейший историографический экскурс в историю мирового кавказоведения.

Труды западноевропейских путешественников он постоянно использовал в своих работах (причем переводил их сам). На сведениях Штедера во многом основывались его выводы не только в статье «Из культурного прошлого ингушей», но и в других исследованиях. «Чрезвычайно интересные данные его (Штедера. — *Авт.*) о классовой борьбе в Дигории в 1781 г., — пишет Анато-

лий Несторович в письме к М.А.Полиевктову, — служили предметом моих (не напечатанных) докладов в Ак[адемии] наук». Подготавливая одну из своих работ, А.Н.Генко целиком перевел с немецкого труд академика Гамеля (Hammel) «Описание путешествия на Кавказ, предпринятого в 1628 г. по приказанию царя Михаила Федоровича для отыскания серебряной руды. Составлено из подлинных документов и читано на заседании Имп. Ак[адемии] наук 10 июня 1829 г. академиком, статским советником Гамелем по случаю отправления ученой экспедиции на Кавказ» (СПб., 1829). Эта работа, основанная на оригинальных документах, содержала сведения о путешествии «рудознатцев», немцев на русской службе Фрича и Герольда. Оба были на службе у царя Михаила Федоровича Романова и прибыли в Москву в августе 1627 г. Задачей их путешествия на Северный Кавказ были разведки рудных залежей. Они прибыли в «Кабардинскую землицу Та-абаста» (так в документе), однако, по мнению Генко, под этим именем «скрывались Садонские рудники» в Северной Осетии⁵⁷. К сожалению, до сих пор и перевод труда Гамеля остался неопубликованным.

Заключая свое письмо-рецензию Полиевктову, Генко пишет: «К сожалению... я не в состоянии пока что в степени большей послужить своим ответом Вам и Вашему труду, выход в свет которого искренне приветствую и значительный труд, затраченный на собиране разрозненных материалов, думаю, могу оценить по достоинству в полной мере, поскольку сам занимался почти аналогичной работой довольно много»⁵⁸.

У А.Н.Генко были и другие источниковедческие работы, не опубликованные к настоящему времени и, видимо, не сохранившиеся, в частности перевод рукописного дневника путешествия Олеария из Персии в русскую крепость на Северном Кавказе Терки (1638 г.). Генко принадлежит также честь открытия двух ценных рукописных источников по Кавказу первой половины XIX в.: третьей части труда С.М.Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (она была найдена в архиве Азиатского музея в анонимной рукописи по Кавказу, более ста лет этот труд считался утерянным), а также подлинной рукописи кабардинской грамматики историка и просветителя Шоры Бекмурзы Ногмова⁵⁹.

А.Н.Генко занимался и общими проблемами этнографической науки. Следует напомнить, в частности, забытую статью «Кавказоведение», в которой впервые в отечественной науке сформулировано само понятие «кавказоведение», намечены основные этапы его исторического развития. Генко обращался и к изучению деятельности отдельных ученых. 13 января 1935 г. на засе-

дании, посвященном годовщине со дня смерти Н.Я.Марра, Анатолий Несторович выступил с докладом «Марр — создатель кавказской филологии». В 1933 г. в энциклопедии им была опубликована статья о русском востоковеде и кавказоведе первой половины XIX в. А.Шёгрене⁶⁰. Генко вообще активно сотрудничал с энциклопедией. Для публикации в ней (помимо названных) им было подготовлено 11 статей по кавказским языкам и этнографии кавказских народов. Среди них статья «Национальная письменность на языках Северного Кавказа». Видимо, арест 1938 г. не позволил издать эти, как и многие другие, работы ученого⁶¹.

* * *

Большим вкладом в этнографическое кавказоведение являются полевые материалы А.Н.Генко, собиравшиеся в 20—30-х годах во многих районах Кавказа — Адыгее, Черкесии, Кабарде, Абхазии, Дагестане, Азербайджане, Грузии. Именно полевые данные чаще всего были основной источниковедческой базой его трудов⁶².

С 1923 г. ученый неоднократно выезжал в Абхазию. Много времени в этих экспедициях А.Н.Генко посвящал практической деятельности, связанной с реформой абхазского языка, он читал также лекции, доклады, встречался с абхазской интеллигенцией.

Летом 1925 г. Археолого-этнографическая экспедиция Этнографического отдела Русского музея под руководством А.А.Миллера совместно с РАИМК проводила экспедиционные работы в Адыгее. А.Н.Генко в составе экспедиции собирал материалы по адыгейскому языку, впоследствии использованные им в занятиях со студентами⁶³.

В 1926 г. Анатолий Несторович осуществил экспедицию в Земю Алвани в Восточной Грузии, где живут бацбийцы — давние выходцы с Северного Кавказа, вайнахи по происхождению, переселившиеся в горы Тушетии, видимо, до XVI в., а позднее спустившиеся на равнину Алвани. Здесь он изучал бацбийский язык, который постепенно исчезает в результате ассимиляции бацбийцев местным грузинским населением (тушинами). Занимаясь ингушами, Генко, естественно, не мог не заинтересоваться бацбийцами, в прошлом составлявшими часть ингушского этноса. Материалы по бацбийскому языку остались неопубликованными и хранятся в Архиве ИВ РАН.

В 1927 г. А.Н.Генко провел длительную экспедицию в Северный Азербайджан. Здесь он собирал материалы по кубинскому диалекту лезгинского языка, который, по существу, был им открыт⁶⁴. Еще ранее, в 1925—1926 гг. он нашел сведения по ахтын-

скому диалекту этого же языка. В азербайджанской экспедиции Генко занялся языком и этнографией малочисленного (одноаульного) народа Кавказа — хиналугцами. Все лето этого года Анатолий Несторович находился в экспедиции в высокогорном селении Хиналуг (Хыналыг) в Северном Азербайджане. Судьба хиналугцев аналогична судьбе бацбийцев. Хиналугцы также интенсивно ассимилируются, их язык вытесняется азербайджанским, традиционная культура заменяется азербайджанской. Однако, как и у бацбийцев, родной (хиналугский) язык еще сохраняется в качестве бытового языка и выполняет функцию языка семейного общения. Вне дома на хиналугском языке общаются в основном женщины и дети, тогда как мужчины вне семьи говорят между собой чаще всего на азербайджанском языке, который является для них также языком межнационального общения в пределах Азербайджана.

По окончании экспедиционной работы в Азербайджане А.Н.Генко выступил в Кавказском историко-археологическом институте в Тифлисе и охарактеризовал собранные им лингвистические и этнографические материалы. Основываясь на полученных данных, ученый высказал предположение, что хиналугский язык «ближе всего стоит к удинскому». Материалы по хиналугцам, как и многие другие, также до сих пор не опубликованы и хранятся в архиве ИВ РАН.

В 1928 г. А.Н.Генко снова едет в Абхазию, где кроме Сухуми работает в течение двух месяцев (июнь, июль) в семи населенных пунктах. В Сухуми Генко был привлечен к работе комиссии по реформе абхазского алфавита. В связи с этой работой им были прочитаны два доклада — «О существующих абхазских алфавитах» и «О принципах лингвистического анализа звуковой системы языка». Из Сухуми Генко выехал в Гальский и Кодорский уезды Абхазской республики, где при участии абхазских студентов Виктора Кукбы и Арсения Хашбы проводил работу по сбору материалов для абхазской грамматики и словаря, а также памятников абхазского народного творчества. В Очамчире, центре Кодорского уезда, ученый прочел лекцию на учительских курсах «Очередные задачи изучения абхазского языка и народной литературы». В Бзыбском уезде Генко продолжил поиск материалов по народной литературе и языку.

Вернувшись в Сухуми, он сделал доклад в Абхазской академии языка и литературы о результатах лингвистической части своей работы в Абхазии. Им было зафиксировано более 100 различных фольклорных текстов и собраны материалы для абхазской грамматики и словаря, что составило около десяти тысяч карточек. Некоторые итоги экспедиции 1928 г. были опублико-

ваны (например, статья «Абхазский вокализм», см. примеч. 62). Статья же, посвященная взаимоотношениям абхазского и абазинского языков, была опубликована лишь в 1957 г.

В 1929 г. А.Н.Генко предпринимает экспедицию в Черкессию, где занимается в основном абазинами, работая, как он пишет А.Ф.Розенбергу, «у своих тапанта»; затем снова едет в Абхазию. В 1930 г. А.Н.Генко вновь в Абхазии. В 1933 г. в течение четырех месяцев он работает в Южном Дагестане у рутульцев и цахур, в 1934 г. экспедиционные работы проходят в Табасарани⁶⁵.

Его экспедиционные поездки по Кавказу длились месяцами, проходили в сложных условиях бездорожья и неустроенного быта. О трудностях своих долгих путешествий он нередко писал А.Ф.Розенбергу, известному востоковеду-иранисту, сотруднику Азиатского музея. В одном из писем А.Н.Генко отмечает: «...полагаю вернуться достаточно потрепанным своими авантурными верховыми переездами...» (из Абхазии, июнь 1928 г.). В другом письме (1933 г.) он пишет: «Пятнадцать дней понадобилось нам, чтобы добраться до рутульцев. Испробовали все средства передвижения, ехали в поезде, на грузовике вместе с керосиновыми бочками, в телеге, верхом и ходили пешком. Нас пероливал дождь, на перевале падал большими хлопьями снег и потом палило жгучее солнце». И далее приписка жены Генко, этнографа-кавказоведа Лидии Борисовны Панек, которая участвовала в экспедиции: «Анатолий работает с семи утра до 10 вечера» (Рутул, июнь 1933 г.). Но сетуя иной раз на трудности, А.Н.Генко в одном из своих писем тому же А.Ф.Розенбергу замечает: «Утешаюсь сознанием, что делал все от меня зависевшее для скорейшего и успешнейшего достижения своих целей, т.е., конечно, *ad maiorem gloriam scientiae*»⁶⁶.

А.Н.Генко обладал огромной работоспособностью. Месяцами собирая в трудных экспедиционных условиях материалы, он находил время и возможности для написания научных статей. Если он не выезжал зимой в «поле», то это время было наиболее плодотворным для творчества. В письме А.Ф.Розенбергу от 14 сентября 1927 г. он пишет, что за зиму написал несколько статей. «Одну написал и сдал уже в ДАН, две близятся к концу и наберется, если пороуху в настроениях хватит, еще несколько»⁶⁷.

* * *

Многие годы А.Н.Генко занимался преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях. В университетах Ленинграда, Москвы, Ростова-на-Дону начиная с 1923 г. он читал специально подготовленный им курс по источниковедению Кавказа. К сожалению, эта ценнейшая рукопись до сих пор не най-

дена и, вероятнее всего, утеряна. Судить об этой работе можно лишь по вышеприведенному письму А.Н.Генко М.А.Полиевктову. Но даже эти краткие высказывания показывают огромный диапазон источниковедческих исследований ученого. В подготовленном курсе им были использованы труды на английском, немецком, французском, латыни, арабском, персидском, турецком и других языках. Широко привлекались также картографические материалы. Утрата рукописи такого масштаба — потеря невосполнимая. В настоящее время мы не имеем подобного труда, а создание его под силу лишь специалисту такого диапазона, как А.Н.Генко. В вузах Генко читал также курс «Введение в этнографию Кавказа» (1940 г.); рукопись этого труда хранится в Архиве ИВ РАН.

Долгое время А.Н.Генко преподавал на кафедре кавказской филологии этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук (создан в 1919 г. на базе объединенных факультетов восточных языков, историко-филологического и юридического) Ленинградского университета. В 20—30-е годы на кафедре кавказской филологии (помимо А.Н.Генко) работали Н.Я.Марр, Е.М.Бокарев, Р.М.Шаумян, К.Д.Дондуа. Л.И.Лавров читал спецкурс по этнографии. А.Н.Генко преподавал также на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ. Л.И.Лавров, бывший студентом этого отделения в 1930 г., вспоминал: «Летом все студенты, как обычно, разъезжались на полевую практику. Я попросился в горы Черноморского побережья Кавказа к адыгейскому племени шапсугов, чтобы изучить пережитки их доисламских верований. Мой выбор определялся двумя причинами. Во-первых, при интересе к прошлому адыгейцев важно было познакомиться с шапсугами, которые одни избежали поголовного выселения с гор в 60-х годах XIX в. после окончания Кавказской войны. Во-вторых, трудно было не поддаться влиянию своих профессоров, особенно Г.Ф.Чурсина, А.Н.Генко и В.Г.Богораз-Тана, прививавших нам вкус к исследованию народных верований, отражающих мышление первобытного человека»⁶⁸.

Обширна была и научно-организационная деятельность А.Н.Генко. Он стоял у истоков Кабинета Кавказа Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН), и его роль в организации кавказоведческих исследований этого Института велика. 16 марта 1936 г., возглавив Кабинет Кавказа, он подает в дирекцию Института этнографии доклад о состоянии и планах Кабинета на предстоящие годы, одновременно составляет план научно-исследовательской работы Северокавказского сектора Кавказского кабинета им. Н.Я.Марра в

ИВАНЕ. В этом же году ученый выступил в журнале «Советская этнография» с программной статьей, в которой сформулировал основные направления отечественного кавказоведения. Главной задачей общеметодического характера он считал решительный переход «от методов простого собирательства, бесконечного нагромождения фактов... к научному социологическому анализу общественной структуры народов Кавказа, выяснению последовательных этапов в развитии семьи, рода, племенной и раннегосударственной (феодальной) организации этих народов...». Он считал необходимым усиление «источниковедческой, библиографической и в особой мере лингвистической работы по кавказским материалам». К числу очередных задач кавказоведческих исследований А.Н.Генко отнес изучение этнического состава населения Кавказа, социального строя (особенно горских народов), создание монографических, исчерпывающих работ по народам Кавказа, а также полного свода по этнографии всех кавказских народов.

В своей статье Анатолий Несторович затронул и другие важные вопросы развития отечественного кавказоведения. Подводя итоги, он сформулировал некоторые практические предложения. В основном они сводились к следующему: 1) необходима выработка единого плана этнографического изучения Кавказа; 2) надо восстановить, а где не было ранее, создать этнографическую специализацию в вузах. «Систематическая подготовка специалистов по кавказской этнографии — предпосылка выполнимости упомянутого единого плана в изучении Кавказа в скольконибудь обозримый срок», — писал в связи с этим А.Н.Генко; 3) необходимо периодичное издание специальных сборников по этнографии Кавказа⁶⁹.

С первых дней создания в Институте этнографии Кабинета Кавказа началась интенсивная работа по осуществлению поставленных А.Н.Генко задач. Ближайшими помощниками Анатолия Несторовича и первыми научными сотрудниками Кабинета стали Л.Б.Панек, занимавшаяся этнографией горцев Грузии и народов Южного Дагестана, и Л.И.Лавров, ученик и последователь Генко, в те годы изучавший этнографию народов Северного Кавказа — абазин, адыгейцев, убыхов, балкарцев. В Кабинете Кавказа Генко начал заниматься подготовкой переиздания трудов М.М.Ковалевского, которые предполагалось выпустить двумя томами. В связи с началом этой работы были подготовлены статьи — «М.Ковалевский. Биография» М.О.Косвена, «М.Ковалевский — исследователь Кавказа» А.Н.Генко, «М.М.Ковалевский — исследователь родового быта народов Западного Кавказа» Е.Г.Кагарова⁷⁰.

К сожалению, деятельность А.Н.Генко в Институте этнографии в качестве заведующего Кабинетом Кавказа была кратковременной. В 1937 г. он уже там не работал, в 1938 г. был арестован и после своего освобождения продолжил научную деятельность только в ИВАНе. Однако, несмотря на уход Генко из Института этнографии, его связи с этнографической наукой не прерывались. Уже не будучи сотрудником этого Института, А.Н.Генко нередко участвовал в его заседаниях.

Отзывы А.Н.Генко охватывали весьма широкий круг научных проблем — от кавказских, тюркских, осетинского языков до этнического картографирования, источниковедения и этнической истории. Все отзывы Анатолия Несторовича отражают его широкие связи с исследователями не только Ленинграда (здесь, в частности, он рецензировал две работы Лаврова — монографию «Убыхи», которая до настоящего времени не опубликована, и статью «Старые верования и религиозный спиритуализм у черкесов», а также «Этнические карты Кавказа», составленные в Институте этнографии), но и Москвы и всего Кавказа. По сохранившимся в архиве А.Н.Генко рукописям известен ряд его отзывов: «О трудах акад. В.Ф.Миллера» (1933 г.), «Осетино-русско-немецкий словарь В.Ф.Миллера под редакцией А.А.Фреймана» (1936 г.), «Матриархат в Осетии» К.Д.Кулова (1935 г.), «О литературных и научных трудах Т.М.Борукаева» (1936 г.), «О научной деятельности С.В.Тер-Аветисяна» (1937 г.), «Диалекты балкарского языка в их отношениях к карачаево-балкарскому языку» А.М.Аппаева, «К истории проникновения христианства и ислама к кабардинцам» А.Тамая (1941 г.) и др.

В Москве еще в 20-х — начале 30-х годов Генко читал кавказоведческие спецкурсы, рецензировал работы кавказской тематики. Один такой отзыв сохранился в Архиве ИВ РАН — на две карты, составленные известными кавказоведами Л.И.Жирковым и Н.Ф.Яковлевым, — «Карта национальностей Кавказа» и «Национально-топографическая карта» (1935 г.)⁷¹.

Важная сторона его научной и научно-практической деятельности была связана с национально-культурным строительством на Кавказе. Как член Всесоюзного центрального комитета нового алфавита при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР он занимался созданием алфавитов для бесписьменных языков Кавказа. Членами ВЦК нового алфавита были также кавказоведы Н.Ф.Яковлев, Л.И.Жирков. На латинской основе А.Н.Генко разработал цахурскую письменность, которая практически применялась в 1935—1936 гг.⁷² Он принимал также участие в создании лезгинской, табасаранской и абхазской письменности. Не только научное, но и практическое значение име-

ли подготовленные им словари и грамматики абазинского, абхазского, лезгинского, табасаранского, цахурского, рутульского, хиналугского языков, материалы и тексты к ингушскому, чеченскому, бацбийскому, кабардинскому словарям.

В 1924—1926 г. А.Н.Генко поддерживал научный кружок студентов-горцев, организованный в те годы в Ленинграде. Теснейшие связи у Генко были с кавказскими учеными, он составляет научные планы многих кавказских институтов, переписывается с Дагестанским НИИ национальных культур по поводу памятников албанской письменности в Дагестане.

А.Н.Генко — постоянный участник научных форумов. В 1924 г. он вместе с Н.Я.Марром и К.Д.Дондуа принимал участие в Первом съезде деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, проходившем в Сухуми. На нем А.Н.Генко (тогда научный сотрудник РАИМК) выступил с двумя докладами: «Свидетельство Геродота о колхах в свете античной и новой этнографии» и «Из истории доисторической этнографии», специально подготовленными для Абхазии⁷³. В 1926 г. А.Н.Генко — участник Первого Всесоюзного тюркологического съезда в Баку. Среди участвовавших в съезде были Р.Я.Ачарян, В.В.Бартольд, И.Н.Бороздин, Л.И.Жирков, Ю.Мессарош, А.А.Миллер, С.Ф.Ольденбург, С.И.Руденко, Г.Ф.Чурсин и др. А.Н.Генко выступил с докладом «Об отношении турецких языков к яфетическим языкам», в котором он определил типы языкового родства — генетическое, субстратное и родство, возникающее в результате заимствований. Говоря о яфетических языках, Генко подчеркнул, что «у нас есть все данные полагать, что яфетические языки были распространены на территории Передней Азии значительно к югу от Кавказа и, быть может, даже гораздо дальше». На востоке, в направлении Средней Азии ареал яфетических языков, по мнению Генко, был также значителен⁷⁴.

* * *

В сравнительно небольшой статье невозможно достаточно полно рассмотреть все аспекты научной деятельности А.Н.Генко, которая несомненно представляет одну из ярких страниц отечественного кавказоведения.

Труды известного ученого по-новому раскрыли проблемы этнической, социальной и культурной истории народов Кавказа.

В отечественной историографии 20-х — начала 40-х годов XX в. А.Н.Генко стал одним из пионеров этногенетических исследований. Велика его роль в организации кавказоведческих работ. В своей программной статье «Задача этнографического изучения Кавказа» Анатолий Несторович отметил важность спе-

циального изучения на кавказских материалах социального и семейного быта, материальной культуры.

Благодаря трудам А.Н.Генко окончательно сформировалось и получило импульс для дальнейшего развития новое, важное направление в кавказоведении — изучение горских народов.

В данной статье ученый предстает главным образом как этнограф. Однако, как было отмечено, его лингвистические исследования также увенчались многими достижениями: это открытие кубинского диалекта лезгинского языка, выявление диалектов в табасаранском языке, первые исследования абазинского, адыгейского, кабардинского, черкесского, хиналугского языков, изучение абхазского, чеченского, ингушского, бацбийского, рутульского, цахурского языков⁷⁵. Блестящий лингвист, он в своих работах вышел далеко за рамки чисто лингвистических исследований, дал пример великолепного использования языковых данных для историко-этнографического анализа, а историко-этнографических материалов — для углубленного понимания культуры народа, в том числе языка. Свой вклад А.Н.Генко внес и в изучение кавказского фольклора⁷⁶.

Но адекватная оценка творческого наследия А.Н.Генко, воссоздание его научной биографии представляются важными не только как восстановление исторической справедливости в отношении одного из выдающихся представителей отечественного кавказоведения. Предпринятое исследование дает возможность более отчетливо понять эпоху 20-х — начала 40-х годов XX в., во многом трагическую, когда жил и работал А.Н.Генко. Уникальная творческая атмосфера, царившая в 20—30-х годах в институтах, университетах, несмотря на тяжелую политическую ситуацию в стране, все более усиливавшийся идеологический пресинг и цензуру, а скорее вопреки всему этому, взрастила А.Н.Генко и целую плеяду отечественных кавказоведов. Огромная роль в этом несомненно принадлежит таким гигантам в науке, как В.В.Бартольд, Н.Я.Март, И.Ю.Крачковский. Благодаря изучению биографии и научной деятельности Анатолия Несторовича Генко, одного из ярких деятелей отечественной науки, появляется возможность осознать глубинные процессы, происходившие в ней, объективно оценить положительные и негативные стороны различных явлений той эпохи.

¹ Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапата. М., 1955. Книга эта вышла в свет, когда уже появились по той же теме работы лингвистов Г.П.Сердюченко и К.В.Ломтатидзе, «причем в работе Г.П.Сердюченко оказались материалы и соображения А.Н.Генко, — пишет Л.И.Лавров, — без соответствующих ссылок... В 1949 г., — пишет он далее, — это было зафиксировано в акте экспертной комиссии в составе проф. Чемоданова, Е.А.Бокарева и автора

настоящей статьи, сверившей докторскую диссертацию Г. П. Сердюченко с рукописью тогда уже покойного А. Н. Генко». См.: *Лавров Л. И.* Памяти А. Н. Генко. — Кавказский этнографический сборник. V. М., 1972, с. 216.

² Большинство писем из личного архива Л. И. Лаврова, по-видимому, не сохранились. Среди них письма выдающихся востоковедов и кавказоведов — Н. Я. Марра, В. Ф. Минорского, Е. Н. Кушевой и многих других. Краткая характеристика писем В. Ф. Минорского Л. И. Лаврову, адресованных последнему в 1956—1965 гг., дана Л. И. Лавровым в докладе: Из писем В. Ф. Минорского. — Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Май 1978 г. Л., 1978, с. 23—24.

³ *Лавров Л. И.* Памяти А. Н. Генко, с. 216.

⁴ Там же. В опубликованной в 1960 г. статье Р. Р. Орбели «Деятельность Кавказского Кабинета Института востоковедения после 1917 г.» (Ученые записки Института востоковедения. Т. XXV. М., 1960) есть немало теплых строк о Генко. Генко упомянут также во введении к специально подготовленному тому «Советское востоковедение» (Т. III. Л., 1945). В предисловии к этой работе акад. И. Ю. Крачковский писал: «Настоящий том... навсегда останется памятником гордости и скорби для ленинградских востоковедов — гордости, потому что он был закончен работой и набором в суровые дни осажденного осенью 1941 г. Ленинграда, скорби, потому что из восемнадцати авторов, участников его, восьми уже нет в нашей среде. На Ленинградском фронте погиб А. М. Барабанов, тяжелой зимы не вынесли А. Н. Генко, П. П. Иванов, А. И. Пономарев, Б. Т. Руденко» (с. 3).

⁵ *Арутюнов С. А., Волкова Н. Г., Сергеева Г. А.* Вклад А. Н. Генко в этнографическое изучение Кавказа. — СЭ. 1987, № 3.

⁶ *Генко Г. А.* Дело № 3433—41 на Генко Анатолия Несторовича. — Уроки гнева и любви. Сборник воспоминаний. СПб., 1992.

⁷ *Морозов Г. Ф.* Нестор Карлович Генко. СПб., 1904.

⁸ Н. Н. Генко [некролог]. — Этнография. 1926, № 1, с. 322.

⁹ *Лавров Л. И.* Памяти А. Н. Генко, с. 213.

¹⁰ В 1917 г., после Февральской революции, при Российской Академии наук была образована Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС), в 1919 г. создана Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК, с 1936 г. — ГАИМК), деятельность которой, как и КИПС, возглавлял академик Н. Я. Марр.

¹¹ Основан в 1921 г. Н. Я. Марром (в обиходе Институт яфетических изысканий). В 30-е годы — Институт языка и мышления им. акад. Н. Я. Марра АН СССР.

¹² *Генко А. Н.* К вопросу о языковом скрещении. — Яфетический сборник (далее — ЯС), II. Пг., 1923.

¹³ См.: Доклады Академии наук. Серия В. (Далее — ДАН). 1924. Июль—сентябрь, октябрь—декабрь.

¹⁴ Справочные сведения по Петроградскому институту живых восточных языков. Л., 1924; ЯС. I. Пг., 1922; II. Пг., 1923; III. Л., 1925; IV. Л., 1926.

¹⁵ *Кобрин В. Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992, с. 144.

¹⁶ *Волкова Н. Г.* Становление советского кавказоведения: традиции и эпоха (1917 г. — 1930-е годы). — Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992, с. 21.

¹⁷ ГАРФ, ф. 2307, оп. 17, д. 46, л. 1, 2.

¹⁸ *Фрейдберг О. М.* Воспоминания о Н. Я. Марре. — Восток — Запад. Исследования, переводы, публикации. М., 1988, с. 198.

¹⁹ *Лавров Л. И.* Памяти А. Н. Генко, с. 217.

²⁰ ПФ АРАН, ф. 850, оп. 3, д. 34, л. 4.

- ²¹ *Орбели И.А.* Воспоминания студенческих лет. — *Юзбашян К.Н.* Академик Иосиф Абгарович Орбели. М., 1986, с. 160—161.
- ²² ПФ АРАН, ф. 850, оп. 3, д. 34, л. 11 об.
- ²³ Известия АН. Л., 1928, № 8—9 (VII сер. Отд. гуманитарных наук), с. 566.
- ²⁴ Там же, с. 552.
- ²⁵ Тексты и разыскания по кавказской филологии. Л., 1923. Т. I, с. 63.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Генко Г.А.* Дело № 3433—41 на Генко Анатолия Несторовича, с. 61, 65, 68, 69.
- ²⁸ ДАН. Серия В. 1924, июль—сентябрь; ЯС. II. Пг., 1923; Записки Коллегии востоковедов. Т. I. Л., 1925; *Орбели Р.Р.* Деятельность Кавказского кабинета..., с. 73.
- ²⁹ ГАРФ, ф. 4655, оп. 1, д. 288, л. 84; Архив А.Н.Генко, хранится в Архиве СПб. филиала ИВ РАН.
- ³⁰ *Лавров Л.И.* Памяти А.Н.Генко, с. 217.
- ³¹ Архив Института истории АН Республики Азербайджан, ф. 1, оп. 2, д. 1024.
- ³² *Генко А.Н.* Литературные языки Южного Дагестана. — Революция и письменность. Сб. 2. М., 1936.
- ³³ *Генко А.Н.* О названии плуга в северокавказских языках. — ДАН. 1930, № 7, с. 129—130.
- ³⁴ *Генко А.Н.* Несколько образцов южнодагестанского словесного творчества. — Восточные записки. Т. I. Л., 1927, с. 185.
- ³⁵ *Генко А.Н.* О языке убухов. — Известия АН СССР. Сер. VII. Л., 1928, № 3.
- ³⁶ *Генко А.Н.* Абазинский язык, с. 7—8.
- ³⁷ *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей. — Записки коллегии востоковедов. Т. V. Л., 1930.
- ³⁸ *Лавров Л.И.* Памяти А.Н.Генко, с. 219.
- ³⁹ *Генко А.Н.* Из области чеченской диалектологии. — Языки Северного Кавказа и Дагестана. I. М. — Л., 1935.
- ⁴⁰ *Дондуа В., Аббаев В.* [Рец. на:] *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей. — Язык и мышление. Т. II. Л., 1934.
- ⁴¹ Архив Института истории АН Республики Азербайджан, ф. 1, оп. 2, д. 1024.
- ⁴² *Генко А.Н.* Сообщение о результатах поездки в Хиналуг. — Бюллетень Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Тифлис, 1928, № 1—3; Об изучении хиналугского языка. Материалы проф. Генко. — Власть труда. 1927, № 170; *он же.* Сообщение о результатах поездки в Хиналуг. Отчет научного сотрудника АМ (Азиатского музея. — Авт.) А.Н.Генко о летней экспедиции на Кавказ. — Известия АН СССР. Сер. VII. Л., 1928, № 8—10, с. 570.
- ⁴³ *Генко А.Н.* Арабская карта Чечни эпохи Шамиля. — Записки Института востоковедения АН СССР. Л., 1931, II, 1.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Крачковский И.Ю., Генко А.Н.* Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии. — Советское востоковедение. М. — Л., 1945, с. 111.
- ⁴⁶ *Генко А.Н.* Несколько образцов южнодагестанского словесного творчества, с. 182.
- ⁴⁷ *Крачковский И.Ю., Генко А.Н.* Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии, с. 57.
- ⁴⁸ Там же, с. 58.
- ⁴⁹ *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. V, М. — Л., 1958, с. 183.
- ⁵⁰ *Генко А.Н.* Арабский язык и кавказоведение. — Труды второй сессии Ассоциации арабистов. М. — Л., 1941.

⁵¹ *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. V, с. 183.

⁵² Там же, с. 171.

⁵³ Центральный государственный исторический архив Грузии (далее — ЦГИА Грузии), ф. 1505, оп. 1, д. 120.

⁵⁴ «Дневник» Штедера на русском языке полностью не опубликован. В 1940 г. Г.А. Кокиевым была издана только часть «Дневника», посвященная осетинам. В отношении дневника Штедера Генко в письме к Полювкову замечает, что над его переводом с комментариями в настоящее время работает «моя ученица, научный сотрудник Ин-та востоковедения К.А. Ракитина». Судьба этой работы неизвестна. К настоящему времени она не опубликована.

⁵⁵ ЦГИА Грузии, ф. 1505, оп. 1, д. 120, л. 270.

⁵⁶ Там же, л. 272 об., 273.

⁵⁷ Там же, л. 275.

⁵⁸ Там же, л. 274 об., 275.

⁵⁹ *Орбели Р. Р.* Деятельность Кавказского кабинета..., с. 72; *Лавров Л. И.* Памяти А. Н. Генко, с. 215.

⁶⁰ Кавказоведение. — БСЭ. Т. 30. М., 1937; Шерген. — БСЭ. Т. 62. М., 1933.

⁶¹ ПФ АРАН, ф. 850, оп. 3, д. 34, л. 2, 3 об.

⁶² Большая часть трудов А. Н. Генко, основанных на полевых материалах автора, его полевые записи не опубликованы и хранятся в Архиве СПб. филиала ИВ РАН. Это рукопись абхазо-русского словаря с предисловием, абхазо-русский аналитический словарь (карточки). Из абхазских материалов А. Н. Генко опубликовано лишь две работы: «Абхазский вокализм» (Известия АН СССР. 1928, № 17. Сер. VII. Отд. гуманитарных наук) и «Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков» (Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Т. XXVIII. Сухуми, 1957), последняя была издана почти через два десятилетия после смерти А. Н. Генко.

В Архиве СПб. филиала ИВ РАН хранятся также материалы Генко по адыгским языкам, в том числе картотека южночеркесского словаря, словарная картотека бацбийского (цова-тушинского) языка, материалы по лезгинскому языку, картотека лезгинско-русского словаря, введение и предисловие к этому словарю, тексты и переводы, правленая корректура словаря (1938 г.). Эта работа не была опубликована, видимо, в связи с арестом Генко. В архиве хранятся также материалы по хиналугскому языку, в том числе тексты с переводами. Материалы по абазинам содержат блокноты полевых записей, тетради с текстами и тексты с переводами, проект абазинской орфографии, различные материалы по вопросам абазинской письменности. Материалы по рутульскому языку включают тексты с переводами, полевые записи, наброски рутульской грамматики, рутульско-русский словарь. Материалы по цахурскому языку содержат полевые записи, цахурско-русский словарь (картотека), цахурский алфавит (рукопись), отчет о работе Рутуло-цахурского отряда Дагестанской экспедиции (1933 г.). В Архиве СПб. филиала ИВ РАН имеются также материалы по лакскому и табасаранскому языкам. Последние включают тексты, материалы для табасаранско-русского словаря, отчеты Табасаранской экспедиции (лето 1934 г.), полевые записи. Часть материалов по табасаранскому языку хранится в Дагестане, в Махачкале, в архиве Института истории, языка и литературы Дагестанского научного центра АН РАН. Это две рукописи — «Табасаранско-русский диалектологический словарь» и «Очерки табасаранской диалектологии».

⁶³ Отчет общества изучения Адыгейской автономной области за 1925 г. Краснодар, 1926, с. 5; *Лавров Л. И.* Памяти А. Н. Генко, с. 215.

⁶⁴ *Генко А. Н.* Материалы по лезгинской диалектологии. Кубинское наречие. — Известия АН СССР. 1929, № 4 (Сер. VII. Отд. гуманитарных наук); Ахтынские тексты. — ДАН. В. 1926, март—апрель; Материалы по лезгинской диалектологии. Ахтынское наречие (рукопись).

⁶⁵ ПФ АРАН, ф. 850, оп. 3, д. 34, л. 10; АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 2, л. 4, 57.

⁶⁶ ПФ АРАН, ф. 850, оп. 3, д. 34, л. 2—3, 7, 10.

⁶⁷ Там же, л. 7—10.

⁶⁸ *Лавров Л. И.* Этнография Кавказа. Л., 1982, с. 19.

⁶⁹ *Генко А. Н.* Задача этнографического изучения Кавказа.— СЭ. 1936, № 4—5.

⁷⁰ Хроника. — СЭ. 1936, № 4 — 5.

⁷¹ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 2, л. 4, 57.

⁷² *Генко А. Н.* Цахурский (цахский) алфавит. Баку, 1934; *Орбели Р. Р.* Деятельность Кавказского кабинета, с. 73.

⁷³ Абхазское научное общество. Бюллетень распорядительного комитета Первого съезда деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, № 3. Сухум, 1924, с. 26; АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 2, л. 28—29.

⁷⁴ *Генко А. Н.* Об отношении турецких языков к яфетическим языкам. — Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 28.11.—5.III.1926 г. Стенографический отчет. Баку, 1926, с. 118—123.

⁷⁵ Помимо упомянутых выше многочисленных лингвистических работ А. Н. Генко, следует упомянуть также большую статью «Кабардинский язык», опубликованную в БСЭ (Т. 30, 1937 г.).

⁷⁶ Почти все фольклорные материалы, собранные А. Н. Генко в экспедициях, до сих пор не опубликованы. Издана лишь одна табасаранская сказка. См.: Лев и Заяц. Пер. с табасаранского. Зап. и пер. А. Генко. — Сказки народов Востока. М. — Л., 1938.

Ю.Д.АНЧАБАДЗЕ

**Кавказовед Г.А.Кокиев:
жизнь, творчество, судьба**

Георгий Александрович Кокиев родился 4 апреля 1896 г. в селе Христиановском (ныне г. Дигора) в Северной Осетии. В многочисленных анкетах и личных листках, которые, как и всякому советскому человеку, Г.А.Кокиеву приходилось заполнять бесчисленное количество раз, он неизменно отмечал свое крестьянское происхождение. Между тем семья Кокиевых была хорошо известна в крае и принадлежала скорее к слою народной интеллигенции, которая на рубеже веков дала немало замечательных деятелей и подвижников осетинской культуры. Отец будущего ученого — Фацбай (в крещении Александр) был весьма уважаемым человеком, слывшим большим знатоком осетинского фольклора. Именно он постарался дать сыну образование, направляя его первые ученические шаги.

Обстоятельства этому благоприятствовали. Село Христиановское было одним из самых значительных культурных центров Осетии того времени. В родном селе Кокиев окончил семь классов местной гимназии, и, хотя впоследствии из-за материальных трудностей учебу пришлось прервать, пытливый юноша упорно занимался самообразованием, что позволило ему в 1915 г. экстерном сдать экзамен в училище при Ардонской духовной семинарии на звание учителя народных училищ.

Трудовую деятельность молодой Г.А.Кокиев начал с огромным желанием принести пользу на ниве просвещения горского населения. Его первые педагогические опыты связаны с сельскими школами Осетии, но в 1916 г. распоряжением директора народных училищ Терской области молодой человек был направлен на работу в балкарское село Урусбиево, где он проучительствовал в течение почти полугода. Именно здесь будущий этнограф получил первые впечатления от живого соприкосновения с иной, неродной бытовой культурой, смог сделать первые сопоставления наблюдаемых фактов и явлений. Впоследствии Г.А.Кокиев писал, что во время пребывания в Балкарии его поразили «сходство в характерах осетина и балкарца», параллелизм

в обычаях и обрядах, наличие общего пласта в лексике и антропонимии¹. Эти наблюдения, фиксируя пока лишь формальные, сразу бросающиеся в глаза реалии двух этнических культур, конечно, были далеки от анализа научного видения материала, тем не менее свидетельствуют о пытливости ума молодого человека, который к тому же не терял времени даром и в другом направлении: Г.А.Кокиев стал усиленно заниматься балкарским языком, преуспев настолько, что к концу пребывания в Балкарии он прекрасно на нем изъяснялся.

Между тем революционные потрясения 1917 г. и гражданская война стали предвестием новой, страшной, но пока неведомой эпохи в истории народов бывшей Российской империи. Г.А.Кокиев возвращается на родину. Он не остался в стороне от бурных политических событий. В 1918 — 1919 гг. Г.А.Кокиев состоял членом осетинской партии «Кермен», программные цели которой были основаны на идеях культурного возрождения и национального самоопределения.

И все же главной целью жизни молодого человека по-прежнему оставались учеба и образование. С окончанием гражданской войны на Северном Кавказе перед Г.А.Кокиевым открылись новые перспективы. В 1920 г. он приезжает в Москву и поступает на исторический факультет Московского археологического института, совмещая учебу с работой школьного учителя. По завершении института (1923 г.) Г.А.Кокиев решает продолжить учебу. Он остается в Москве, зарабатывает на жизнь преподавательской работой в школе, усиленно готовясь к поступлению в аспирантуру.

В 1925 г. Г.А.Кокиев становится штатным аспирантом Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока (ИЭНКНВ). Первоначально аспирант Кокиев числился в составе Кавказской секции. Однако в феврале 1928 г. институт подвергся реорганизации: этнорегиональная структура его подразделений была заменена предметно-тематической, вследствие чего Кокиев оказался в секции истории национального вопроса и национально-революционного движения. Впрочем, списочное прикрепление к конкретной секции было достаточно условным. Аспиранты имели возможность принимать участие в работе не только своей, но и смежных секций, присутствовать на проводившихся там научных заседаниях, чтениях, докладах. Сами аспиранты в соответствии с требованиями учебного процесса также обязаны были выступать с развернутыми научными докладами, которые затем заинтересованно и нелицеприятно обсуждались.

Г.А.Кокиев был весьма активен. Так, в хроникальной информации о деятельности ИЭНКНВ за 1927/28 учебный год упоминается его выступление на одном из заседаний Кавказской секции с докладом «Могильные сооружения в Осетии»². Его доклад «Борьба кабардинских феодалов за власть в первой половине XVIII века» был весьма положительно оценен руководителем семинария Ю.В.Готье. В своем письменном отзыве он писал, что доклад, «основанный исключительно на первоисточниках, дает очень ценные сведения о социальных отношениях Кабарды, вводит в научный оборот совершенно новый материал, хорошо построен с точки зрения метода и архитектоники и, наконец, хорошо написан»³.

Эта краткая, но весьма лестная для молодого исследователя характеристика свидетельствует, что Г.А.Кокиев к тому времени был уже сложившимся ученым, из-под пера которого выходили вполне зрелые и глубокие работы. Большинство его аспирантских штудий были впоследствии переработаны в статьи, увидевшие свет в разных центральных и местных изданиях. Между тем время учебы в аспирантуре подходило к концу, и надо было решать проблему будущего трудоустройства. ИЭНКНВ готовил своих питомцев не только к научной работе, но и к практической управленческой деятельности, связанной с национально-культурным строительством на местах. Но у Г.А.Кокиева, как видно, сомнений не было. Он однозначно выбирает будущую профессиональную стезю и по окончании учебы (1929 г.) становится «научным сотрудником I разряда» в своем же родном институте.

Конец 20-х годов был для Г.А.Кокиева периодом необыкновенной творческой активности. В серии появившихся в этот период разнотематических статей Г.А.Кокиев как бы очертил будущее поле своих исследовательских интересов. Они были достаточно широки уже в самом начале его творческой деятельности, хотя сам молодой ученый, видимо, еще не совсем четко это осознавал.

Так, отвечая на стандартную анкету составителей сборника «Научные работники Москвы», Г.А.Кокиев определил свою специализацию следующим образом — «кавказоведение, осетиноведение, история и материальная культура осетин»⁴. Ответ формален и явно не полон даже для времени составления анкеты, совпавшего с начальными этапами его профессиональной деятельности. Кавказоведение, действительно, являлось основной сферой приложения творческих сил исследователя, но в его пределах Г.А.Кокиев отнюдь не замыкался рамками одного осетиноведения, а в последнем история и материальная культура вовсе не

были единственными проблемными блоками, которые он изучал. Основная направленность исследовательских интересов ученого была очевидна уже с первых шагов его творческого пути, поэтому, отвечая на анкету составителей справочника, Г.А.Кокиев, наряду с осетиноведением, с полным основанием мог бы обозначить, например, свои интересы в области изучения истории и этнографии кабардинцев, а указывая на материальную культуру как на конкретную сферу специализации в рамках этнографического осетиноведения, упомянуть также духовную культуру и общественный быт.

Однако первая увидевшая свет крупная исследовательская работа Г.А.Кокиева была выполнена в рамках его осетиноведческих интересов и посвящена истории родного края⁵. Работа представляет собой весьма примечательный образец исторических сочинений первых лет советской власти. В авторском предисловии молодой ученый весьма решительно «расправляется» с предшествующими исследованиями по теме, объявляя, что «большая часть из них уже устарела для современной науки и готова стать историческим материалом в руках исследователя революционного времени»⁶. Новые концептуальные воззрения «революционного времени», как известно, отринули дореволюционные традиции исторической науки, усмотрев основное содержание социального процесса в экономических движениях эпохи, саморазвитии угнетенных классов и их борьбе за свое социальное освобождение.

В те годы Г.А.Кокиев был безусловным приверженцем концептуальных построений М.Н.Покровского и его школы, что в полной мере отразилось в тексте «Очерков». Пренебрежение апробированными канонами видно уже в нарочитом отрицании принципа хронологической последовательности описания исторической действительности: «Очерки» начинаются почему-то с темы русско-кавказских отношений, и лишь затем автор обращается к древнейшим этапам осетинской истории, начиная их, впрочем, с рубежа I и II тысячелетий н.э. и лишь отдельными сюжетами углубляясь в более ранние хронологические пласты, раскрывая этот материал весьма поверхностно. Более основателен Кокиев при переходе к социально-экономическим вопросам, хотя и здесь упрощенная трактовка многих важных проблем (например, объяснение возникновения у осетин привилегированного слоя как результат абречества) также вполне укладывалась в новые революционные подходы народившейся советской исторической науки.

Таким образом, «Очерки» вряд ли можно отнести к заметным вехам творческой биографии Кокиева, но они оказались сопри-

частны жизненной стезе своего создателя. «Книги имеют свою судьбу» — гласит известная максима. Для многих книг, рожденных в советской стране, судьбой стало цензурное изъятие, запрет, спецхран. Не избежали этой участи и «Очерки», зловеще предвосхитив трагическую судьбу своего автора. Однако развязка наступила позднее, а пока Кокиев продолжил свою деятельность, начавшуюся, казалось бы, весьма удачно.

Одна за другой выходят статьи молодого исследователя, многие из которых представляют собой переработанные варианты его аспирантских студий. Так, Кокиев публикует исследование, посвященное знаменитым погребальным домикам осетин⁷. Автор проанализировал погребальный инвентарь, связав его с комплексом религиозных воззрений, присущих обычаю захоронения умерших в этих склеповых домиках. В статье «Некоторые сведения о древних городищах Татартуп и Дзулата»⁸ Кокиев высказал оригинальную догадку о соотношении этих двух топонимов.

В этот же период появляются работы, обозначившие интерес Кокиева к волновавшей его на протяжении всего творческого пути проблеме истории социальных отношений у народов Центрального Кавказа. В первой печатной работе, посвященной этим вопросам, Кокиев рассмотрел перипетии борьбы кабардинских феодалов за экономическое и политическое господство в регионе⁹. Исследователь показал, что эта борьба протекала в условиях острого соперничества между отдельными аристократическими фамилиями, отражавшего зачастую экономические и политические интересы региональных групп привилегированного сословия кабардинского общества¹⁰.

Весьма интересная работа посвящена историко-этнографическому анализу распространенного у феодализованных горских народов Кавказа обычая аталычества, согласно которому новорожденные дети из привилегированных сословий отдавались на воспитание в семьи, стоявшие на более низких ступенях социальной лестницы, воспитываясь там в отдалении от родных породой до своего совершеннолетия. Отринув выдвигающиеся до него наивные и малообоснованные объяснения происхождения и сущности обычая, Кокиев сосредоточился на социальных аспектах его функционирования, считая, что обычай служил средством установления сюзеренно-вассальных отношений¹¹. В настоящее время именно эта точка зрения становится преобладающей во взглядах на социальные основы аталычества.

В этот период Кокиев своей очередной работой заявляет еще об одной исследовательской теме, к которой и в дальнейшем он проявлял значительный интерес, — русско-кавказские отношения. Свой первый опыт разработки этой темы ученый посвятил

анализу начального периода активного внедрения России на Кавказ, приходящегося на XVIII в.¹². В дальнейшем он расширил хронологические рамки темы, охватив весь многовековой период исторических сношений России с Кавказом, однако основные исследовательские работы этого проблемного блока относятся к более позднему времени его творческой деятельности.

Начало нового десятилетия (30-е годы) ознаменовалось для Г.А.Кокиева тяжелым и незаслуженным ударом. В марте 1932 г. в Наркомпрос РСФСР была переслана официальная бумага из Северо-Осетинского НИИ краеведения. Московское начальство извещалось, что «решением Осетинского обкома ВКП(б) в связи с письмом тов. Сталина* создана специальная бригада по проверке всей изданной литературы Осетинским научно-исследовательским институтом». Далее указывалось, что «часть из просмотренной литературы уже из употребления изъята». В число запрещенных книг попала и работа Кокиева «Очерки по истории Осетии»¹³. Для автора всегда нелегко пережить столь жестокий приговор своему детищу. Но происшедшее могло иметь весьма опасные последствия для личной судьбы Кокиева. Отныне ему приходилось жить и работать со страшным для тех лет клеймом политической неблагонадежности.

К тому времени Г.А.Кокиев уже работал на новом месте. В 1931 г. он становится научным сотрудником Музея народов СССР, оставаясь в его штате до 1939 г. В это же время ярко проявилось еще одно профессиональное призвание Кокиева — педагогическое. Получив предложение сотрудничать от I МГУ, он в 1931—1933 гг. читает там курс лекций по истории народов Кавказа. В 1935—1941 гг. Кокиев ведет кавказоведческий курс в знаменитом МИФЛИ. По воспоминаниям Х.Цаллаева, лекции Г.А.Кокиева «пользовались среди студентов большой популярностью и всегда собирали большие аудитории, причем посещались и студентами других факультетов»¹⁴.

В 30-х годах заметно снизилась публикаторская деятельность Кокиева. Несомненно, это во многом было связано с большой загруженностью его лекционно-преподавательской деятельностью. Но в то же время молчание могло быть связано с гнетущей для автора ситуацией со злополучными «Очерками». Тем не менее Кокиев продолжал исследовательскую работу. Много времени он проводит в архивах, выявляя документы, связанные с историей Осетии. Часть этих документов удалось издать¹⁵, и их выход в свет был встречен доброжелательными рецензиями¹⁶, что

* Имеется в виду опубликованное в конце 1931 г. письмо И.В.Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», направленное редакции журнала «Пролетарская революция».

имело для Кокиева весьма важное значение. Некоторое время спустя Кокиев издает под своей редакцией часть путевых записок немецкого путешественника Штедера, являющихся ценнейшим источником по истории и этнографии Осетии XVIII в.¹⁷.

Проживая в Москве, Кокиев не терял профессиональных связей с научной общественностью родной Осетии, способствуя развертыванию на месте исследований по истории края. В самой Осетии имя профессора Кокиева было широко известно — Георгий Александрович пользовался здесь большим уважением и авторитетом. В начале 1940 г. он принял предложение Северо-Осетинского НИИ возглавить научную и организационную работу по написанию истории осетинского народа. Полный творческих планов Кокиев приезжает в Орджоникидзе. Однако удачно начинавшаяся работа была неожиданно прервана. Дамоклов меч, нависший над жизнью Кокиева, вновь готов был обрушиться.

12 апреля 1941 г. в газете «Социалистическая Осетия» появилась статья под зловещим названием «Темные дела профессора Кокиева». По форме и по стилю статья мало чем отличалась от подобных же опусов, весьма характерных для советской журналистики эпохи борьбы с «врагами народа», кампаний по разоблачению «недобитых и временно затаившихся врагов рабоче-крестьянской власти». Основу жанра при этом составляли хамский тон, бездоказательные обвинения, ссылки на слухи и кулуарные разговоры, что помогало превращать газетные страницы в помост для гражданской казни человека, имя которого подвергалось разнузданной и унижительной травле.

Автор статьи, выступивший, по всей вероятности, под псевдонимом Н.Погребенко, предъявил Кокиеву набор нелепых обвинений, рассчитанных на то, чтобы создать у читателя образ стяжателя и афериста. Впрочем, эти поклепы отнюдь не составляли главную цель автора. В статье содержались обвинения по-серьезней, что сразу придавало ей смысл политического доноса. Кокиева обвиняли в том, что он скрыл некоторые подробности своей биографии. «В 1919—20 гг., — сигнализировал Н.Погребенко, — Кокиев путался с белогвардейцами» и далее добавлял новый криминал: «...будущий профессор активно участвовал в белогвардейских газетках».

Погребенко оказался осведомленным и о другом «слабом» месте биографии Кокиева — факте изъятия цензурой его «Очерков по истории Осетии». Здесь уже можно было метать громы и молнии. Кокиев был обвинен в том, что «пытался фальсифицировать историю, вызвать распрю между народами братских социалистических областей Северного Кавказа. В этих "Очерках" Кокиев нагло клеветал на кабардинский народ, утверждая, что в

бедственном положении осетин в прошлом были повинны... кабардинцы. В другом месте книги Кокиев из кожи вон лезет, чтобы обелить осетинскую аристократию. Он договорился до такого абсурда, что, мол, осетинская аристократия, созданная на основе старых именитых алдарских и таубских фамилий, враждебно относилась к царскому самодержавию и являлась... защитником и руководителем народных восстаний».

Статья завершалась зловещим призывом «дать преступной деятельности "профессора" Кокиева настоящую оценку, назвать его настоящим именем». Призыв, естественно, был адресован прокуратуре, которой «надо заняться этой весьма подозрительной личностью».

Появление в советской прессе того периода подобных материалов никогда не было случайной инициативой самой газеты. Для опытного и внимательного читателя было очевидно, чтоopus санкционирован весьма высокими инстанциями. Так оно и было. По сведениям Х.Цаллаева, статья была помещена в «Социалистической Осетии» по настоянию «высокопоставленных сотрудников» местных органов ГБ. Для тех, кто хорошо знал нравы эпохи, было ясно и другое: появление статьи означает, что жертва намечена, что за газетной прелюдией последует известный финал — арест и расправа. Понимал это и Кокиев. Статью ему довелось прочитать в Нальчике, где он временно остановился, направляясь в те дни в Орджоникидзе. По упомянутым выше воспоминаниям Х.Цаллаева, Кокиев, «не заехав во Владикавказ, в тот же день уехал обратно в Москву» — шаг инстинктивный, естественный и в тех условиях единственно разумный. В фантазмагории сталинских репрессий те, кому удавалось уйти, уехать от всевидящего карательного ока органов имели шанс сохранить жизнь. Кокиеву, правда, скрыться было гораздо трудней — он был слишком хорошо заметной мишенью. Тем не менее в тот период трагическую развязку удалось оттянуть.

Через два месяца началась Великая Отечественная война. Г.А.Кокиев выезжает в эвакуацию в Алма-Ату, где немедленно приступает к работе в качестве заведующего кафедрой истории СССР Казахского государственного педагогического института. Возвратившись в 1943 г. в Москву, он недолго работает научным сотрудником Института истории, а с 1946 г. до периода трагических перемен в его жизни — сотрудником Института этнографии АН СССР.

40-е годы стали временем значительной творческой активности Кокиева. Сохранившийся интерес к социальной истории народов Центрального Кавказа проявился в исследовании условий и конкретного хода крестьянской реформы 1860-х годов в

Осетии и Кабарде. Работа по Осетии была издана¹⁸; что же касается исследования на кабардинском материале, то автору не суджено было увидеть свой труд напечатанным¹⁹.

Уже работая в Институте этнографии, Г.А.Кокиев обратился к этнографическим материалам как источнику для социальной истории народов Кавказа. Рассматривая бытовые особенности системы военного воспитания у кабардинцев, он ярко показал их обусловленность феодальным бытом привилегированных слоев²⁰.

Давно, еще с аспирантских лет, интерес к истории народных движений обусловил внимание Кокиева к эпизодам аграрных волнений в Кабарде, имевших место в ряде сел Нальчикского округа в 1913 г.²¹. Причиной волнений послужило стремление крупных кабардинских коннозаводчиков захватить Зольские пастбища, которые традиционно находились до этого в общинном пользовании. Ответом возмущенных крестьян стали массовые протестующие сходы, а затем и открытое неповиновение властям, вылившееся в продолжавшиеся несколько дней беспорядки. Прибывшие войска рассеяли плохоорганизованные, стихийные крестьянские отряды. Зольские события были закономерной реакцией кабардинских крестьян на радикальную ломку традиционных устоев социально-хозяйственной жизни, начавшуюся как следствие столыпинских реформ. В этом смысле зольские события аналогичны другим крестьянским выступлениям в Кабарде и Балкарии в начале 1910-х годов, хотя, возможно, они были более массовыми.

В то же время у Кокиева явно прослеживается стремление преувеличить значение этих событий: он неизменно называет их «крестьянским восстанием», «грандиозным движением», говорит о их «размахе», «возрастающем и угрожающем характере» и т.п., с явной натяжкой пытается обосновать возможность участия в них С.М.Кирова.

В том же исследовательском ряду, посвященном изучению народных движений, стоит еще одна работа Кокиева, раскрывающая некоторые аспекты событий в Кабарде в последние предреволюционные годы²².

Важной темой, к которой Кокиев возвращался на протяжении всей своей творческой деятельности, были русско-кавказские отношения. В периодизации Кокиева начальный этап русско-кавказских связей отнесен к периоду военных походов русов на Кавказ в IX в. Эпизодические связи сменились тесными и постоянными контактами в период существования Тмутараканского княжества. Монгольское нашествие прервало контакты, возобновившиеся лишь с конца XV в., когда под влиянием не-

благоприятной международной обстановки, в частности экспансии Турции и Ирана, кавказские владетели — первоначально грузинские цари и кабардинские князья — обращаются к Москве с просьбой о покровительстве. XVIII век стал временем активных дипломатических акций России, подбиравшей к Кавказу, окончательное присоединение которого стало возможным лишь после окончания многолетней Кавказской войны²³.

* * *

В эти годы Г.А.Кокиев проявляет интерес к историографическим проблемам. Первый опыт в этом направлении имел вполне понятный идеологический подтекст. В своей работе «Об одной фашистской фальсификации истории осетин»²⁴, вышедшей в 1944 г., Кокиев выступил против получившей некоторое распространение в немецкой историографии теории арийского происхождения осетин. Выдвинутая Августом фон Гакстгаузеном в середине XIX в. гипотеза, основанная на созвучии отдельных немецких и осетинских слов, впоследствии была развита К.Ганном, Фр.Ришелем и В.Шульцем; немалую роль в обосновании теории арийского происхождения осетин сыграл известный белоэмигрант Гаппо Баев, читавший одно время лекции в Берлинском университете. Г.А.Кокиев энергично и доказательно отрицал какую-либо связь между осетинами и «арийскими» предками германских племен.

В дальнейшем Кокиев внес определенный вклад в историографическое изучение этнографического кавказоведения. Здесь его интересовал вклад местных исследователей в изучение культуры и быта горских народов Кавказа. Значительна роль Кокиева в осознании места выдающегося просветителя Шоры Бекмурзина Ногмова в истории изучения адыгов. Его работа о Ногмове²⁵, изданная к 150-летию юбилею автора, была с энтузиазмом встречена в Кабарде. Много сил Г.А.Кокиев отдал и тому, чтобы юбилей Ногмова был достойно отмечен. Это было нелегко, так как имя замечательного деятеля адыгской культуры долгое время замалчивалось. Тем не менее юбилей состоялся. 23 июля 1944 г. в Нальчике было проведено торжественное собрание, посвященное знаменательной дате. «Трудно сейчас представить атмосферу того далекого времени, когда впервые отмечался юбилей незабвенного Ш.Ногмова, — вспоминает Г.Наурузов. — Наш народ воспринял его (это событие. — Ю.А.) восторженно, мы как-то воспряли духом. Можно утверждать, что в июне 1944 г. положено начало ногмоведению»²⁶. Другой очевидец указывал, что «празднование юбилея Ногмова вылилось в национальный праздник кабардинцев»²⁷.

Весьма интересны работы Георгия Александровича, посвященные двум осетинским этнографам — С.А.Туккаеву и С.В.Кокиеву²⁸. Была рассмотрена их собирательская деятельность по фиксации фольклорного и этнографического материалов, проанализирован вклад в научное осмысление проблем осетиноведения. При этом ученый проявил себя великолепным биографом. Он не просто сухо перечисляет основные вехи жизненного пути горских этнографов, а раскрывает яркие и глубокие характеры.

К рубежу 30—40-х годов относится окончательное формирование научных позиций Кокиева, связанных с проблемами социального строя народов Центрального Кавказа. Тема общественного устройства народов региона до присоединения к России не была новой в русском кавказоведении. Наоборот, интерес к ней был глубоким и давним, что породило весьма богатую и разностороннюю историографическую традицию. Если обобщить все высказанные к тому времени точки зрения, то в изучении этих вопросов обозначились три направления, два из которых связаны с фундаментальными попытками исследовательского анализа.

Так, ряд исследователей (М.А.Кулишер, отчасти М.М.Ковалевский, Ф.И.Леонтович) считали, что социальные отношения в регионе не вышли за рамки родового строя. Для других исследователей (С.М.Броневский, И.Л.Дебу) было очевидно, что народы Кавказа давно миновали эпоху первичной формации и к эпохе русского завоевания находились на стадии феодального развития²⁹. Советская историография выдвинула еще одну точку зрения. По мнению Я.Н.Раенко-Туранского, народы Кавказа, в частности адыги, миновали не только родовую, но, по существу, и феодальную стадию развития, которая, по мнению автора, к началу XIX в. переживала глубокое разложение и кризис под влиянием нарождавшихся капиталистических элементов хозяйства³⁰.

На материале осетин и кабардинцев Г.А.Кокиев решительно отстаивал точку зрения о существовании феодальной стадии развития народов Центрального Кавказа³¹. Его исследования углубили и детализировали представления о горском феодализме. Если предшествующая историография лишь обозначила основные социальные параметры феодальной формации на Кавказе, зачастую весьма непоследовательно и поверхностно, то Георгию Александровичу на большом фактическом материале удалось показать наличие у кабардинцев и осетин феодальной собственности на землю, проанализировать многие важные особенности феодального землепользования, рассмотреть систему сословных статусов и классовой структуры общества.

В то же время ученый считал, что феодализм на Центральном Кавказе развит неравномерно, уровень его развития разный даже в среде одного народа. Так, Г.А.Кокиев отметил неравномерность процесса феодализации у осетин. В силу ряда внутренних и внешних причин (к первым он относил более интенсивный рост производительных сил, ко вторым — установление вассальных отношений между кабардинскими и осетинскими феодалами) феодализация Западной Осетии (Дигории) протекала более быстрыми темпами, чем Восточной. Кокиев выделил основные классы и сословия феодального осетинского общества. К привилегированному сословию относились прослойки феодалов, которые в разных осетинских обществах были известны под разными наименованиями — *баделяты*, *царгасаты*, *гагауты*, *тагиаты*, или *алдары*.

Более основателен и подробен Кокиев при характеристике эксплуатируемого класса, который был далеко не однороден.

Он выделяет также четыре прослойки, которые различались степенью личной и экономической зависимости от феодала. *Хехесы*, или *фарсаглаги*, составляли наиболее многочисленную категорию осетинского крестьянства. Формально они были лично свободными, но, проживая на землях феодала, обязаны были нести поземельную повинность. Имели право перехода от одного феодала к другому, однако фактически переход был затруднен, так как в этом случае имущество оставалось у прежнего владельца, а на новых землях было необходимо нести поземельную повинность уже в пользу нового владельца.

Другая категория — *адамихаты*, или *уздоны*, — была немногочисленна. Уздоны несли личную службу при феодале, облагались постоянной и некоторыми видами натуральной повинности. Следующей категорией зависимого населения были *кумаяги*, или *кавдасарды*. Воспитывавшиеся в доме владельца, они были его детьми, рожденными от незаконных жен-наложниц (*номьлус*). Наконец, категория *касагов* представляла собой, по существу, домашних рабов. Основными источниками пополнения этой категории зависимого населения были покупка или плен.

Ученый делает вывод о том, что в «осетинском обществе... господствовал феодальный способ производства со всеми типичными чертами, свойственными данной хозяйственной системе, начиная от натурального хозяйства и кончая личной зависимостью крестьянина от феодала, имевшего над личностью крестьянина неограниченную власть, обеспечивавшую возможность максимальной эксплуатации крестьян»³².

Характеризуя структуру кабардинского феодального общества, Г.А.Кокиев отметил ее большую сложность по сравнению с фео-

дальным строем Осетии, что нашло отражение в сложной иерархической системе социального устройства, на вершине которой находились *пши* — представители родовитейших княжеских фамилий, а в основании социальной лестницы — различные категории зависимого и полузависимого населения.

Таким образом, Г.А.Кокиев считал уровень развития феодализма в Кабарде очень высоким. Основанные, как было отмечено, на фундаментальном анализе архивных источников, его исследования были значительным достижением кавказоведческой науки тех лет. Тем не менее точка зрения Г.А.Кокиева подверглась критике, и, как оказалось, это сыграло впоследствии весьма трагическую роль в его судьбе.

Основные события развернулись 17—18 августа 1948 г. на III научной сессии Кабардинского научно-исследовательского института, где прошла дискуссия по вопросу о феодализме в Кабарде. Инициатором полемики выступила научный сотрудник этого Института А.В.Мамонтова. В своих предшествующих работах она достаточно однозначно высказывалась в пользу наличия феодальных отношений среди адыгов³³. Однако в докладе «К вопросу о феодализме в Кабарде», представленном на сессию сначала в письменном виде, а затем оглашенном на одном из заседаний, позиция докладчика резко изменилась. Теперь она решительно отрицала наличие ярко выраженных черт феодализации в кабардинском обществе дореформенного периода.

Предшествующая историография, как дореволюционная, так и советская, рассматривавшая Кабарду как феодальное этнополитическое образование, отбрасывалась ею как основанная на недоразумении. Все работы, трактовавшие феодализм у горцев вообще и у кабардинцев в частности, основывались на неверной интерпретации адатов — «очень оригинального документа», как называет их Мамонтова, поскольку, по ее мнению, они представляли собой плод воображения авторов записей — офицеров, топографов, географов Генерального штаба, которые и создали концепцию феодализма у горцев. «Именно они положили основание этой концепции, подходя к быту горцев, не зная его, подходя к нему с обычными представлениями феодальных отношений, какие были, в частности, в России»³⁴. Таким образом, концепция феодализма у горских народов Кавказа объявлялась следствием некоей фатальной aberrации, жертвами которой стали многие советские ученые, развивавшие и дополнявшие эту концепцию. Естественно, что одной из «жертв» был Кокиев, критике которого была посвящена большая часть доклада А.В.Мамонтовой.

Основной тезис автора доклада заключался в отрицании феодальной стадии развития для кабардинского общества XIX в., в

котором, по ее мнению, еще господствовали патриархально-родовые отношения. Социальной ячейкой общества была «свободная родовая община», в основе которой лежало «общественное пользование землей на родовом праве и коллективные формы труда». Правда, в рассматриваемое время ей на смену уже приходила другая социальная форма — «сельская община», которая, впрочем, «в хозяйственном отношении почти не отличалась от родовой». В соответствии с этим отрицалось наличие в кабардинском обществе поляризованных социальных классов, феодальной собственности на землю, классовой борьбы.

Большую часть населения Кабарды (по мнению Мамонтовой, две трети) составлял «простой свободный народ». Представители социальной прослойки, которую русские источники называли князьями и дворянами, по автору доклада, являлись не более чем выделившейся родовой верхушкой, богатство которой зиждилось на владении стадами, ибо основу хозяйственных занятий кабардинцев составляло скотоводство, причем в крайне примитивной, пастушеской форме. Наличие черт феодализации кабардинского общества если и допускалось, то в самой зачаточной форме.

Точка зрения А.В.Мамонтовой была подвергнута резкой и единодушной критике практически всеми участниками дискуссии. Выступившая с содокладом В.М.Букалова отвергла как методологические подходы, так и конкретные выводы Мамонтовой. В выступлениях Е.С.Зевакина, Е.Н.Студенецкой, А.И.Першица, Н.Ф.Яковлева, Е.И.Крупнова и др. было высказано несогласие с основным тезисом докладчика. Выступал и Кокиев, который жестко, порой даже резко отстаивал свои позиции.

В заключительном слове А.В.Мамонтова признала ошибочными некоторые из своих положений и отказалась от них. Дискуссия закончилась принятием концепции Кокиева, так как все выступавшие по существу оппонировали Мамонтовой, рассматривая социально-экономический строй Кабарды как феодальный, основные черты которого сложились еще задолго до русского завоевания.

В целом дискуссия была весьма содержательна, хотя, по обыкновению тех лет, содержала немало схоластического, в частности длинных и туманных интерпретаций высказываний классиков марксизма и цитат из партийных постановлений, которые непременно должны были быть «подверстаны» под кабардинский материал и обсуждавшуюся проблему³⁵.

Однако на сессии, как это часто бывало, прозвучали и политические обвинения. Почин опять-таки сделала Мамонтова, обвинившая Г.А.Кокиева в том, что он находится в плену у буржу-

азных ученых, некритически следует за ними, переносит в советскую науку теории, разработанные царскими чиновниками и генералами. Более того, саму кокиевскую теорию феодализма в Кабарде Мамонтова посчитала не только «неверной», но и «вредной».

По ее мнению, эта теория: «1. Искажает историю кабардинского народа до Октябрьской революции, приписывая кабардинскому народу общественную форму, которой народ еще не проходил. 2. Мешает правильному пониманию истории советского периода Кабарды, так как а) оставляет немотивированным участие большинства горцев Северного Кавказа в гражданской войне на стороне контрреволюции, наблюдавшееся именно в силу низкого общественного развития, отсутствия пролетарских слоев, на которые могла бы опереться большевистская партия в 1917 г., и б) снижает роль Октябрьской революции и советской власти, которая ведет эти народы к социализму, минуя капитализм. 3. Может поддерживать у кабардинцев националистические тенденции и высокомерное отношение к другим горским народам Северного Кавказа, отношение, которое культивировалось царизмом, опиравшимся на кабардинцев в борьбе с другими народами Северного Кавказа»³⁶.

Оппонента надлежало бить его же оружием. Подвергнутая критике позиция Мамонтовой была не только названа «нелепой и антинаучной», но и самому автору были предъявлены обвинения также явно политического характера. Подводя итоги дискуссии, проф. Н.А.Смирнов отметил, что у докладчика получилась «чистейшая идеализация общинного строя и бесклассового общества, якобы господствовавшего в Кабарде в середине XIX в. ... Это то, — продолжал Смирнов, — что политически является самым вредным на данном этапе... Вы, — обращался он к Мамонтовой, — попадаете в очень неприятную историю, когда ваш труд могут использовать буржуазные националисты и обязательно используют во вред интересам кабардинского народа»³⁷. Еще более определен был Г.А.Кокиев, заявивший, что Мамонтова «очевидно не подозревает, какую политическую ошибку она допускает, говоря об участии кабардинцев на стороне контрреволюции... не понимает, что, утверждая, что кабардинцы в большинстве стояли на стороне контрреволюции, тем самым она становится на рельсы наших врагов, обвинявших в свое время большевиков в насильственном навязывании народам Октябрьской революции»³⁸.

После завершения сессии, которая, как казалось, укрепила его научные позиции, Г.А.Кокиев уехал в Москву. Ему не дано было знать, что дни, проведенные в жарких баталиях в Нальчи-

ке, были последним его пребыванием на Кавказе. Между тем в Москве Кокиев приступает к своим обычным обязанностям. На историческом факультете МГУ он читает курс по истории проведения крестьянской реформы в Кабарде и Балкарии. В Институте этнографии он участвовал в разработке двух тем — «Аланы на Северном Кавказе», которые рассматривались им в контексте этногенеза горских народов Кавказа, и «Кабардинские поселения XVI—XVIII вв.», изучавшиеся на основе историко-архивных, археологических и этнографических данных³⁹. Кроме того, он заведовал отделом аспирантуры.

Трагическая развязка наступила неожиданно. В апреле 1949 г. Г.А.Кокиев был арестован. Набор обвинений был стандартен, но в условиях тех лет страшен — антисоветская деятельность, подрывная работа, направленная на развал социалистической науки. Среди обвинений — протаскивание антинаучных и политически вредных взглядов о высоком уровне развития феодализма в Кабарде с целью вызвать рост буржуазно-националистических настроений в республиках Северного Кавказа.

Арест Г.А.Кокиева произвел гнетущее впечатление на всех, кто его знал, в том числе студентов из МГУ⁴⁰. Исчезновение человека в недрах НКВД и ГУЛАГа автоматически означало и попытку изъять его из социальной памяти времени. В истории науки это обернулось образованием искусственных лакун, так как книги репрессированных изымались из библиотек и отправлялись в спецхран⁴¹, а на идеи, мысли, достижения накладывалось табу, следствием чего становилось их исключение из нормального научного процесса. Имя репрессированного отныне могло упоминаться лишь для очередного поношения. Не избежал этого и Г.А.Кокиев.

В 1950 г. в Нальчике собралась очередная сессия Кабардинского научно-исследовательского института со специальной целью осудить работы Г.А.Кокиева. Они критиковались как искажающие идеи Сталина при определении уровня социально-экономического развития Кабарды, а также содержащие грубые ошибки при изучении древнего этапа истории кабардинского народа. Отныне развивать кокиевские идеи стало небезопасным.

По мнению В.Х.Кажарова, после необоснованного осуждения научных концепций Г.А.Кокиева «резко затормозилось исследование проблем феодализма и сельской общины в Кабарде»⁴².

Дальнейшая судьба Г.А.Кокиева сложилась трагично и печально. В 1955 г., находясь в одном из гулаговских лагерей, он умер от разрыва сердца. Посмертная реабилитация полностью сняла все наветы с доброго имени Георгия Александровича Кокиева.

- ¹ *Кокиев Г.А.* Очерки по истории Осетии. Ч. I. Владикавказ. 1926, с. 18.
- ² Могильные сооружения в Осетии. — Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Т. I, с. 240.
- ³ ГАРФ, ф. 4655, оп. I, д. 111, л. 159.
- ⁴ Научные работники Москвы. Л., 1930, с. 135.
- ⁵ *Кокиев Г. А.* Очерки по истории Осетии.
- ⁶ Там же, с. 5.
- ⁷ *Кокиев Г.А.* Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1929.
- ⁸ *Кокиев Г. А.* Некоторые сведения о древних городищах Татаргуп и Дзулата. — Записки Ростовского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону, 1929. Т. II.
- ⁹ *Кокиев Г. А.* Борьба кабардинских феодалов за экономическое и политическое господство. — Революция и горец. 1929, № 9, 10.
- ¹⁰ *Кокиев Г.А.* К истории междоусобной борьбы кабардинских феодалов в XVIII в. — Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока. М., 1930. Вып. II.
- ¹¹ *Кокиев Г. А.* К вопросу об атальчестве. — Революция и горец. 1929, № 3.
- ¹² *Кокиев Г.А.* 3 історії російської колоніальної політики. — Червоний схід. Харків, 1930, № 6(15); *он же.* Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. — Известия Юго-Осетинского НИИ краеведения. Сталинир, 1929. Вып. I.
- ¹³ ГАРФ, ф. 2307, оп. 17, д. 14, л. 29.
- ¹⁴ *Цаллаев Х.* Вспоминая профессора Г.Кокиева. — Северная Осетия. 12.08.1992.
- ¹⁵ Материалы по истории Осетии XVIII в. — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1935. Т. 8.
- ¹⁶ *Гарданов Б.* Против великодержавничества и национализма. — Там же.
- ¹⁷ Осетины во второй половине XVIII века по наблюдениям И. Штедера. Документы подготовил к изданию и снабдил введением Г.Кокиев. Орджоникидзе, 1940.
- ¹⁸ *Кокиев Г. А.* Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.
- ¹⁹ В настоящее время рукопись хранится в архиве Кабардино-Балкарского НИИ истории, филологии и экономики (ф. 1, оп. 5, д. 66).
- ²⁰ *Кокиев Г.А.* Военное воспитание у кабардинцев в прошлом. — Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1948. Т. 2.
- ²¹ *Кокиев Г. А.* Аграрное движение в Кабарде в 1913 г. Нальчик, 1946.
- ²² *Кокиев Г.А.* Борьба кабардинской бедноты за советскую власть. Нальчик, 1946.
- ²³ *Кокиев Г.А.* Из истории сношений России с Кавказом (IX—XIX вв.). Нальчик, 1946; *он же.* Русско-кабардинские отношения в XVI в. — Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1949. Т. 4; *он же.* Сношения России с народами Северного Кавказа. — Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.
- ²⁴ *Кокиев Г.А.* Об одной фашистской фальсификации истории осетин. — Исторический журнал. 1944, № 2—3.
- ²⁵ *Кокиев Г.А.* Шора Бекмурзин Ногмов — выдающийся кабардинский просветитель. Нальчик, 1944.
- ²⁶ *Наурузов Г.* Два юбилея. — Кабардино-Балкарская правда. 16.06.1994.
- ²⁷ *Гарданов Б.А.* Из биографии Ногмова. — Ученые записки Кабардинского НИИ. 1946. Вып. 1, с. 318.
- ²⁸ *Кокиев Г.А.* Этнограф осетинского народа С.Туккаев. Дзауджикау, 1949; *он же.* С.А.Туккаев — этнограф осетинского народа. — СЭ. 1946, № 2; *он же.* С. В. Кокиев — этнограф осетинского народа. — СЭ. 1946, № 3.

²⁹ *Косвен М. О.* Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии. — *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.

³⁰ *Раенко-Туранский Я. Н.* Адыгея до и после Октября. Ростов-на-Дону, 1927.

³¹ *Кокиев Г. А.* Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. — Исторические записки. 1938. Т. 2; *он же.* Исторический очерк. — Кабардинская АССР. Нальчик, 1944.

³² *Кокиев Г. А.* Кабардино-осетинские отношения, с. 163.

³³ *Мамонтова А. В.* Социально-экономический строй у нижних черкесов (адыгов) накануне крестьянской реформы 1867 года. — Ученые записки Кабардинского НИИ. Нальчик, 1946. Т. 1; *она же.* Восстание закубанских кабардинцев в 1868 г. — Там же. 1947. Т. 2.

³⁴ Архив Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики, ф. 1, оп. 5, д. 50, л. 2.

³⁵ В этом отношении характерно признание А. В. Мамонтовой о том, что одно время она сама являлась приверженцем неверных, по ее мнению, взглядов на уровень социально-экономического развития Кабарды. Однако ей удалось от них избавиться, причем докладчик не скрыла от коллег, что послужило основным толчком к эволюции ее концептуальных взглядов. «Для разрешения этого вопроса, — говорила Мамонтова, — для уточнения его для себя, для получения поддержки в дальнейшей работе я, естественно, обратилась к классикам марксизма-ленинизма, прежде всего обратилась к "Краткому курсу истории ВКП(б)", обратилась к высказываниям Иосифа Виссарионовича Сталина». См.: Архив Кабардино-Балкарского НИИ, ф. 1, оп. 5, д. 50, л. 13, 14.

³⁶ Там же, л. 174.

³⁷ Там же, л. 202, 203.

³⁸ Там же, л. 177.

³⁹ АРАН, ф. 142, д. 91, л. 1.

⁴⁰ *Обушенков Н. Г.* «Дело» молодых историков. — Вопросы истории. 1994, № 4, с. 117.

⁴¹ Результаты других методов расправы можно воочию наблюдать и сегодня. В ряде изданий, просмотренных мною в Государственной публичной исторической библиотеке Российской Федерации, страницы с текстами статей Г. А. Кокиева аккуратно вырезаны, а его имя в перечне содержания тщательно вымарано.

⁴² *Кажаров В. Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX века. Нальчик, 1994, с. 52.

Б.Х.КАРМЫШЕВА

**От тропических лесов Амазонки
до центральноазиатских степей:
жизненный путь Ф.А.Фиельструпа**

Этнографа Федора Артуровича Фиельструпа с полным основанием можно отнести к числу тех счастливых людей, кто еще в юности находит свое призвание и в течение всей отпущенной ему жизни следует по избранному пути. Только, увы, зрелая пора его жизни пришлось на жестокое время сталинских репрессий, прервавших реализацию его творческих научных устремлений. Архив Ф.А.Фиельструпа хранился у его жены, известного этнографа, исследователя народов Средней Азии, Елены Михайловны Пещеревой (1897—1985)¹ и ею был передан в архив Института этнографии АН СССР. Сведения о Ф.А.Фиельструпе биографического характера были записаны от Е.М.Пещеревой автором данного сообщения и Ф.Д.Люшкевич. На основе этих записей, а также знакомства с архивом Ф.А.Фиельструпа еще при жизни Е.М.Пещеревой мною была опубликована статья о полевых исследованиях Ф.А.Фиельструпа в Казахстане и Средней Азии и там же сообщены о нем краткие сведения биографического характера².

Федор Артурович Фиельструп родился 19 января 1889 г. в Петербурге, на Васильевском острове. Рос он и учился в разноязычной среде, рано начал путешествовать по дальним странам, поэтому неудивительно, что увлекся этнографией. Отец его, датчанин Артур-Фредерик Фиельструп, родившийся в 1856 г. в Копенгагене и там же получивший образование, после окончания технического института приехал в Россию, в Петербург. Начал он работать в Большом телеграфном обществе в должности старшего механика. По долгу службы был командирован на срок более года в штат Тифлисского телеграфного округа для ремонта кабеля, проложенного через Каспийское море. В 1890 г. он принял подданство России (в архиве Ф.А.Фиельструпа сохранился документ о принятии присяги как отцом, так и им самим). Отец после этого проработал всего восемь лет: в 1898 г. он был уволен по болезни и вскоре умер в возрасте сорока двух лет.

Мать Федора Артуровича, Флоренция Мэри Фиельструп (англичанка, до замужества Флоренция Стерн), оставшись с двумя сыновьями, Эмилем и Теодором (Федором), без средств к существованию, начала давать уроки английского языка и вскоре стала считаться одним из лучших преподавателей этого языка в Петербурге, в частности у нее обучались будущий академик П.Л.Капица и его старший брат Л.Л.Капица. Благодаря этой работе мать сумела вырастить сыновей и дать им образование. Рано начали зарабатывать и сыновья. Федор, еще будучи гимназистом, давал частные уроки английского языка, которым с детства владел в совершенстве. Однажды мать устроила его на время летних каникул в семью русского посла в Болгарии, чтобы дети последнего совершенствовались в английском языке. В студенческие годы Федор Артурович занимался переводческой работой, в частности, его как переводчика приглашали в английское посольство в Петербурге во время приемов, когда штатных переводчиков не хватало. По словам Е.М.Пещеревой, он был желанным участником этих вечеров еще потому, что прекрасно танцевал.

В качестве переводчика Фиельструп еще в юности совершил два интересных путешествия с американскими учеными в 1912—1913 гг.: на Кавказ с ботаником Миллером, изучавшим масличные растения с целью разведения их в Америке, и с антропологом, куратором вашингтонского Национального музея, А.Хрдличкой в Монголию. От последней поездки в архиве Фиельструпа сохранились фотоснимки, присланные Хрдличкой.

Оба брата окончили коммерческое училище. Старший избрал себе деятельность по коммерческой части, а младший, Федор, в 1908 г. поступил в Петербургский университет. Сначала он подал заявление на факультет восточных языков, но затем в том же году он перешел на романо-германское отделение историко-филологического факультета. Именно в годы учебы в Университете под воздействием лекций проф. Л.Я.Штернберга по антропологии и этнографии (он читал эти курсы студентам в географическом кружке при Петербургском университете) и созрело у Фиельструпа решение посвятить себя этнографии. Закончил он Университет в 1916 г.

Пребывание Ф.А.Фиельструпа в университете затянулось в связи с тем, что он в числе пятерых молодых ученых в апреле 1914 г. отправился в Южную Америку изучать индейские племена и природу тропических лесов. В экспедиции участвовали также лингвист-этнограф Г.Г.Манизер, экономист С.В.Гейман, зоологи И.Д.Стрельников и Н.П.Танасийчук. В организации экспедиции принимали участие петроградские академические музеи: Музей антропологии и этнографии и Зоологический музей, а

также Русское антропологическое общество при Петроградском университете, антропологический отдел ОЛЕАЭ при Московском университете и частные лица. Как справедливо отметила Н.А.Смирнова, «несмотря на большой интерес к предполагавшейся экспедиции, материальная база ее была незначительна»³. По этой причине предполагалось вернуться через семь-восемь месяцев, но в связи с начавшейся первой мировой войной участники экспедиции вернулись в Россию спустя полтора года — осенью 1915 г.

Эта вынужденная задержка дала возможность расширить круг исследований, в частности продолжить этнографическое изучение индейских племен Бразилии (кадиуэо, терена, шавантов и каингангов), проводившееся Фиельструпом и Манизером. Обзор накопленных ими материалов и коллекций содержится в статье Н.А.Смирновой, которая пришла к следующим выводам: «Итак, несмотря на крайне ограниченные денежные средства и трудности самого путешествия, чуть не стоившего жизни двум его участникам [Манизеру и Фиельструпу во время шквала и крушения лодки на (реке. — Б.К.) Парагвае], благодаря энтузиазму и беспредельной преданности науке молодых исследователей были собраны ценные материалы. Наличие антропологических, лингвистических и фольклорных материалов наряду с этнографическими — свидетельство комплексности изучения, понимания необходимости координации ряда наук в процессе исследования»⁴.

Однако оставшихся средств хватало только для одного исследователя. По жребию Манизер продолжил исследования, а Фиельструп был вынужден вернуться в Буэнос-Айрес, где ему на помощь пришел проф. Х.Амбросетти, постоянно опекавший русских студентов: он предоставил возможность Ф.А.Фиельструпу совершить морское путешествие на аргентинском военном учебном фрегате вдоль берегов Южной Америки с заходом в некоторые порты США, а затем обратно в Рио-де-Жанейро.

Фиельструп писал Л.Я.Штернбергу: «...в общем это скорее предлог, чтобы дать мне возможность не даром терять здесь время»⁵. Молодой ученый интересовался раскопками на Огненной Земле и в Перу, а также стремился установить связи с музеями и учеными других стран Латинской Америки. Всюду, где судно останавливалось, Фиельструп собирал этнографический материал. Во время длительной стоянки побывал в Лиме, осмотрел развалины древних городов Кахамаркилья и Пачакамак, произвел здесь небольшие раскопки. Уже по возвращении в Россию Фиельструп послал в Буэнос-Айрес проф. Амбросетти составленный по-английски подробный отчет об этом плавании, длившемся восемь месяцев, сопроводив его благодарственным письмом⁶. За

время этого длительного плавания он освоил испанский язык, постоянно общаясь с командой корабля.

Результаты студенческой экспедиции были доложены 13 мая 1916 г. в Отделении этнографии РГО. Г.Г.Манизер, Ф.А.Фиельструп и И.Д.Стрельников были награждены малыми серебряными медалями Общества. Представляя их к награде, Л.Я.Штернберг отмечал, что «в их лице русская этнофафия найдет в будущем ревностных и серьезных исследователей»⁷.

Сын участника экспедиции, зоолога Николая Парфентьевича Танасийчука, с грустью писал пятьдесят с лишним лет спустя: «Результаты полугодовой "экскурсии" петроградских студентов были очень значительны. Со времен путешествия академика Лангсдорфа в начале прошлого века это была первая и до настоящего времени единственная русская научная экспедиция, доставившая столь богатый и разнообразный зоологический, этнографический и ботанический материал, охвативший малоисследованные области Бразилии, Аргентины, Парагвая и Боливии. Коллекции были переданы в научные учреждения Петрограда и Москвы. В первые послереволюционные годы при деятельном участии Стрельникова, Танасийчука и Фиельструпа было организовано "Общество изучения Южной Америки" и разработаны планы организации большой советской экспедиции в тропическую Америку. Для этой экспедиции даже было выделено судно — одна из царских яхт. Но в те трудные годы такая экспедиция, конечно, не могла осуществиться. Материалы экспедиции 1914—1915 годов так и не были опубликованы полностью — опубликовано было только несколько статей этнографического характера. Достаточно полных сводок о работе и результатах экспедиции так и не появилось»⁸.

Сказанное В.Н.Танасийчуком в полной мере относится к материалам, собранным Фиельструпом. Его научное наследие, связанное с южноамериканской экспедицией, довольно значительно, но изучено еще недостаточно, опубликована лишь небольшая его часть. Это статья о шавантах (без имени автора)⁹, несколько писем из Южной Америки¹⁰, очерки о Буэнос-Айресе и северо-востоке Бразилии¹¹, а также фрагменты путевого дневника, касающиеся Аргентины и Чили¹².

После окончания Университета в 1916 г. Ф.А.Фиельструп был принят на работу в МАЭ.

Вскоре после Октябрьской революции Российская Академия наук была привлечена к решению срочных задач государственного строительства. Уже в 1917 г. при Российской Академии наук была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран — КИПС, а с 1925 г.

она стала называться Комиссией по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран Академии наук СССР. Материалы этой Комиссии должны были послужить основой для проведения национального размежевания нового советского государства. Одним из активных членов этой Комиссии был Сергей Иванович Руденко (1885—1969), выдающийся этнограф и впоследствии известный археолог, знавший Фиельструпа со студенческих лет. С.И.Руденко окончил Петербургский университет на год раньше Ф.А.Фиельструпа.

В 1918 г. Руденко предложил Фиельструпу включиться в работу КИПСа, чтобы, объездив Приуралье, а затем и ряд других областей, как можно точнее определить этнический состав населения и расселение каждого этноса и его подразделений на этой обширной территории. Оба они прекрасно осознавали, какая ответственность лежит на них. Источником для их исследований служили статистические данные, поступающие с мест в административные органы. Чтобы проконсультировать работников на местах и убедиться в достоверности отдельных сведений, нередко приходилось объезжать многие районы.

Согласно официальным документам, сохранившимся в личном архиве Ф.А.Фиельструпа, в КИПС он был зачислен 1 августа 1921 г. В то же время в рекомендательном письме Руденко пишет, что Фиельструп работает там с 1918 г.¹³. Видимо, тогда он был внештатным сотрудником, привлеченным для участия в экспедиционных исследованиях по линии КИПСа, в частности для работы в Приуралье.

Достоверность его работы в КИПСе начиная с 1918 г. подтверждает и его дневник. На титульном листе общей тетради карандашом написано самим Фиельструпом: «Дневник. Пребывание на Няшевском кордоне на Миассовом озере, 1918 год» и затем проведена карандашом разделительная линия и под чертой написано: «На Миассовом кордоне. 1919 год». Именно здесь, на Южном Урале, у Миассова озера, на Няшевском кордоне Руденко и Фиельструп основали базу, где Ф.А.Фиельструп работал над картой этнического состава населения обширных областей Приуралья, и именно здесь он написал свою первую отдельно изданную работу «Этнический состав населения Приуралья»¹⁴. Фиельструп изредка покидал кордон только ради добывания или уточнения полученных в районных и областных центрах статистических данных. Время от времени заезжал на кордон поработать и Руденко после очередных объездов остальных сотрудников, работавших в других районах. Руденко, детство и юношеские годы которого прошли в Приуралье, знал и любил эти края¹⁵.

В первый год Руденко и Фиельструп занимали избу, а на следующий построили себе небольшой дом, завели огород, посадили яблони, подружились с местными жителями. С.И.Руденко приходилось постоянно бывать в разъездах, поскольку он курировал работу сотрудников и в других регионах. Оба они очень любили этот тихий уголок на берегу Миассова озера, и позже, много лет спустя, при малейшей возможности они навещали свою уютную усадьбу.

В 1920 г. Руденко и Фиельструп обосновались в Томске. Как и прежде, Фиельструп изучал материалы, доставленные Руденко со всех районов Томской области, и составлял карты этнического состава населения этого обширного края. Кроме того, Фиельструп в местном университете читал курс географии. А университет на время летних каникул организовал для студентов Минусинско-Абаканскую экспедицию, в работе которой участвовали и Фиельструп, и Руденко.

В личном архиве Фиельструпа сохранились две толстые тетради: «Дневник. Лето 1920 г. Минусинский и Ачинский уезды Енисейской губернии» и «Записки лета 1920 г. Минусинские татары». Дневник начат 1 июня, в день выезда экспедиции из Томска, и завершен 27 сентября, в день возвращения в Томск. В нем содержатся не только события дня, но и ценные этнографические и археологические материалы. Этнографические материалы этой поездки были частично использованы Фиельструпом в середине 20-х годов при написании двух работ обобщающего характера: о свадебном жилище тюркских народов и о молочных продуктах тюрков-кочевников¹⁶, а фольклорные были опубликованы в соавторстве с С.Е.Маловым¹⁷, который, по свидетельству Е.М.Пещеревой, относился к ее супругу с большой симпатией.

Вернувшись в Томск, Фиельструп продолжил чтение лекций в университете и одновременно изучал свои полевые записи, сделанные в последней экспедиции. Он надеялся на следующий год еще раз побывать у хакасов и только после этого вернуться домой. Тем более что кругом полыхала гражданская война, и не было уверенности в том, что если даже удастся добраться до Петрограда, то на следующий год будет возможность оттуда снова поехать к хакасам.

Но вскоре в Томске Фиельструпа постигла беда: по выражению его жены, этнографа Е.М.Пещеревой, Фиельструп «попал под Колчака». Поскольку Фиельструп уже довольно длительное время находился в Томске, то состоял там на учете в военкомате. Когда Колчак занял Томск, Фиельструпа вызвали в военкомат и приставили в качестве переводчика к французскому генералу.

присланному Антантой в помощь Колчаку. Генерал оказался человеком очень спесивым и неприятным. Фиельструп всю сибирскую зиму проходил в солдатской шинели и очень мерз. Когда Колчак отступил в Иркутск, Фиельструпу удалось остаться в Томске и он продолжил преподавание в университете, а затем при первой возможности вернулся в Петроград.

В ноябре 1921 г. Руденко, будучи хранителем Этнографического отдела Русского музея (ныне Российский этнографический музей), рекомендовал Совету этого отдела пригласить Ф.А.Фиельструпа на «должность аспиранта», свидетельствуя его «достаточную эрудицию в этнологических вопросах и опытность в исследовательской работе». Руденко, в частности, отметил участие Фиельструпа в студенческие годы в экспедициях в Южную Америку, в Монголию и на Кавказ, а позже — в Приуралье и в Минусинский край. В своем рекомендательном письме в Совет Этнографического отдела Русского музея С.И.Руденко отметил участие Фиельструпа в Минусинско-Абаканской экспедиции Томского университета, «где тот и занимался главным образом изучением быта минусинских инородцев, а в настоящее время, состояя сотрудником Комиссии по изучению племенного состава населения России при Академии наук, находится в командировке в Киргизском крае, где занимается изучением быта киргиз»¹⁸.

В эти же годы в Русском музее наряду с С.И.Руденко работал палеоантрополог Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский, одноклассник и друг Фиельструпа по Университету. В 1923 г., ведя раскопки в Крыму в знаменитом гроте Киик-Коба¹⁹, он тяжело заболел и просил Фиельструпа приехать в Крым, чтобы приобрести для Русского музея предметы быта крымских татар. Фиельструп откликнулся на просьбу друга и, отложив на время свои материалы, приехал в Крым и пробыл там целых четыре месяца (30 июня — 30 октября). Во время исследований он особое внимание уделил коренному населению горной зоны, тогда еще почти неизученному. Для Русского музея Фиельструп подобрал богатую коллекцию предметов быта крымских татар. Особенно он был доволен покупкой двухколесной арбы и не без трудностей перевез ее по железной дороге в Петроград.

Во время пребывания Фиельструпа в Крыму очень обострилась болезнь Бонч-Осмоловского в результате длительного пребывания в сырой и холодной пещере, где он обнаружил скелет стопы и голени ископаемого человека эпохи нижнего палеолита. Он просил Фиельструпа продолжить некоторое время раскопки в пещере, так как труд рабочих был оплачен на несколько дней вперед. Когда Бонч-Осмоловский поправился,

Фиельstrup продолжил приобретение вещей как для Русского музея, так и для Центрального музея Тавриды по просьбе его сотрудников. Большое значение Фиельstrup придавал описанию коллекций, что свидетельствует о присущем ему чувстве ответственности.

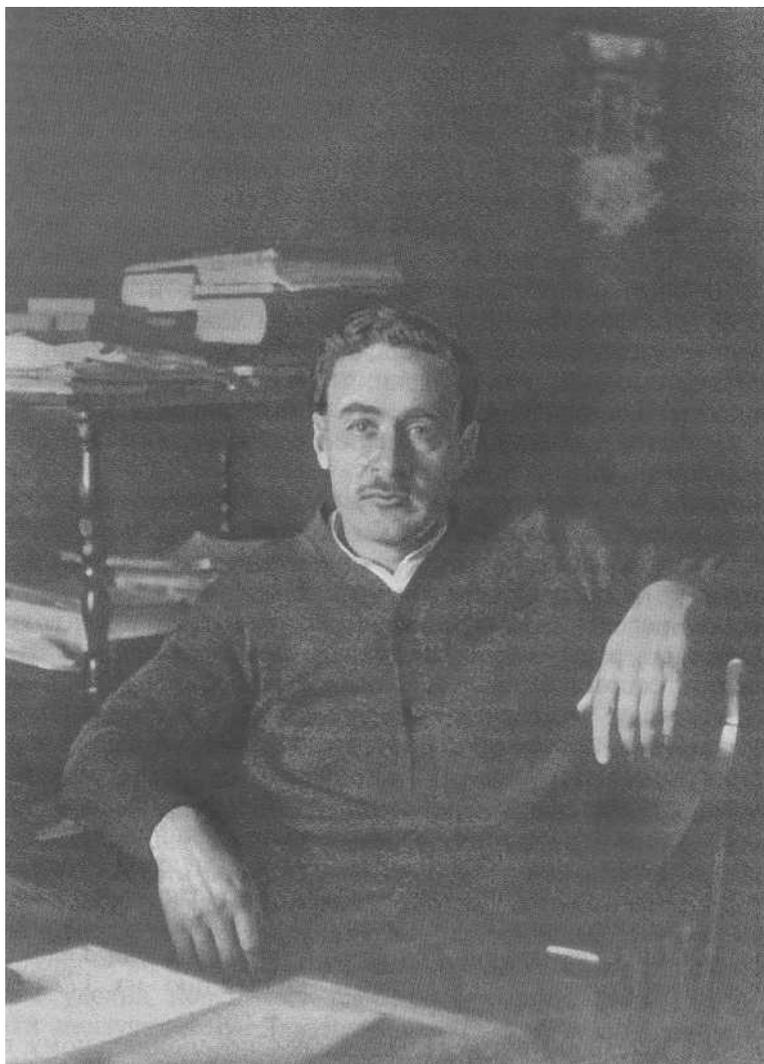
Работа Фиельструпа в КИПСе и Русском музее, продолжавшаяся полтора десятилетия (1918—1933), оставила заметный след в изучении этнического состава, а также традиционного хозяйства и быта преимущественно тюркоязычных народов, особенно казахов и киргизов. Страстный путешественник и увлеченный этнограф, Фиельstrup за этот период почти каждый год выезжал на полевые исследования (в составе экспедиций или один). Во время поездок он выполнял задания КИПСа, приобретал вещи для пополнения коллекций Русского музея, а также изучал хозяйство и быт населения путем непосредственных наблюдений, расспросов и фотографирования.

Сочетание этих трех направлений в работе обеспечивало основательность его исследований. Выполняя поручения КИПСа, он досконально изучал на местах (в уездных и волостных центрах, а также непосредственно в кочевьях и кишлаках) этнический состав населения, вникая во все неясные и спорные вопросы. Сложность этой работы состояла в том, что при изучении этнического состава было необходимо фиксировать и родо-племенной состав, и расселение отдельных племен и родов. Приобретая музейные коллекции, он изучал традиционные занятия населения, его материальную и духовную культуру. Фиксируя отдельные детали каждого предмета, стремился выяснить не только его утилитарное, но и символическое значение.

Примечательно, что Фиельstrup во время своих поездок нередко добывал коллекции и для среднеазиатских музеев, в частности ташкентского и бишкекского. Так, в 1925 г. во время поездки на Сусамыр он приобрел у киргизов для Главного Среднеазиатского музея в Ташкенте коллекцию из 172 предметов²⁰.

Полевые исследования Фиельstrup вел по специальному вопроснику, составленному им самим. Вопросник охватывал все стороны традиционного хозяйства и быта. Некоторые темы, связанные с кочевым скотоводством и семейными обрядами, его интересовали особо, и он изучал их углубленно. В результате он накопил сопоставимые материалы, чтобы разработать их в сравнительно-историческом аспекте. Успел же опубликовать только две такие статьи: о свадебном жилище тюркских народов и о молочных продуктах²¹.

Излюбленной темой исследователя было скотоводство, особенно его трансформация в связи с начавшимся оседанием. Этой

Ф. А. Фиельstrup в последние годы жизни

проблеме посвящена одна из его лучших работ — «Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казахстана»²².

Интересовали Фиельструпа и вопросы, относившиеся к жизненному циклу, — обрядам и обычаям, связанным с началом и концом человеческой жизни, а также с вступлением в брак. Не

остались вне поля его зрения и проблемы этногенеза, социальной организации, фольклор и многие другие компоненты духовной культуры.

Взятые в целом, киргизские материалы Фиельструпа представляют исключительную научную ценность, так как он был одним из первых специалистов-этнографов, изучавших киргизов Центрального Тянь-Шаня еще в те годы, когда их хозяйство и быт в значительной степени сохраняли традиционные особенности. Ценность его киргизских материалов еще более возрастает в связи с тем, что они содержат много таких деталей, которые может заметить далеко не каждый исследователь. Те же черты характерны и для его материалов по казахам.

Последней экспедицией Фиельструпа была поездка вместе с А.Н.Генко в 1933 г. на Кавказ к цахурам и рутульцам, живущим в Южном Дагестане и Северном Азербайджане. Эта поездка, видимо, привлекла Фиельструпа тем, что основным занятием цахуров и рутульцев было овцеводство. Основной целью поездки было приобретение коллекций для Русского музея²³. По Кавказу только эта группа не была представлена в музее.

30-е годы были, как известно, особо тяжкими для народов СССР, особенно для крестьянства (раскулачивание, коллективизация, насильственные переселения с родных мест в другие области) и для интеллигенции (разоблачения «врагов народа», репрессии). Под маховик репрессий попали как скромные музейные работники (С.И.Руденко, Ф.А.Фиельструп, Г.А.Бонч-Осмоловский, М.П.Грязнов и многие другие), так и выдающиеся ученые с мировым именем (А.Н.Самойлович, Е.Д.Поливанов и др.).

Ф.А.Фиельструп к концу 1933 г. переписал все свои полевые записи по киргизам и наконец приступил к работе над монографией, о чем он так мечтал. Как рассказывала Елена Михайловна, он был рад и воодушевлен и в то же время оба они не могли унять тревогу. Елена Михайловна вспоминала: Федор Артурович дома, в уютной комнате, сидел за своим письменным столом, разложив в нужном порядке свои полевые записи, а Елена Михайловна сидела напротив и была счастлива, что наступил долгожданный день. Но, увы, таких дней оказалось немного. Вскоре, 26 ноября 1933 г., явились ночью на «черном вороне» и увезли Фиельструпа. От тех трагических дней сохранилась до сих пор не опубликованная большая статья «Охота с ловчими птицами у киргизов и казахов», которую исследователь, по-видимому, не успел считать после перепечатки.

Через несколько дней Елена Михайловна, взяв очередную передачу, отправилась в дом, местонахождение которого, увы, уже знали многие. В невзрачной комнате, простояв некоторое время

в очереди, подошла к маленькому окошечку. Когда дошла очередь, ей сказали, чтобы она немного подождала. Вскоре к окошку подошел врач и сообщил, что Фиельструп во время ночного допроса попросил пить. Ему в кружку налили кипяток из только что принесенного чайника, он выпил, обжег горло, задохнулся и тут же скончался. Ей сказали, что Фиельструп находится в морге на обследовании и, чтобы забрать его, нужно прийти через столько-то дней²⁴.

Елена Михайловна шла по Невскому проспекту, ничего не видя, ничего не слыша. Когда шла по Дворцовому мосту, хотела кинуться в Неву, но вспомнила старую мать, которая жила в Ташкенте и у которой, кроме Елены Михайловны, уже никого не было, а переехать к дочери она не хотела, не желая оставить без присмотра родные могилы. Елена Михайловна больше в тот страшный дом не пошла.

С тех пор она не открывала ни сундучок из красного дерева с личным архивом мужа, ни чемодан с его полевыми материалами. И в архив их не стала сдавать, опасаясь, что материалы могут использоваться без ссылки на автора, поскольку он репрессирован. И только много лет спустя, когда Фиельструп был реабилитирован, она передала его материалы в архив Института этнографии АН СССР в Москве, и ныне эти материалы готовятся к изданию²⁵.

Содержащиеся в архиве Фиельструпа материалы — неисчерпаемый источник не только для этнографов, но и для фольклористов, ономастов и лексикологов. Публикация их заполнит многие лакуны в наших знаниях по традиционной культуре киргизов, казахов и ряда других тюркоязычных народов. Настоящее место Федора Артуровича Фиельструпа в науке будет определено лишь после введения в научный оборот его материалов.

¹ О Е. М. Пещеревой и ее трудах см.: *Лукин Б. В.* Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. II. Ташкент, 1977, с. 23—25; *Милибанд С. Д.* Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Кн. 2. М., 1995, с. 232—233; *Синицина Л.* Татабаррук. — Звезды смотрят вниз. Душанбе, 1986, с. 1—175.

² *Кармышева Б. Х.* Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (Полевые исследования Ф. А. Фиельструпа). — ОИРЭФА. Вып. 10. М., 1988, с. 38—62.

³ *Смирнова Н. А.* Вторая русская экспедиция в Южную Америку 1914—1915 гг., ее материалы и коллекции. — СЭ. 1966, № 6, с. 98.

⁴ Там же, с. 112.

⁵ *Лукин Б. В.* Из материалов русской научной экспедиции 1914—1915 гг. в Южную Америку. — Латинская Америка. 1977, № 1, с. 169.

⁶ *Танасийчук В. Н.* Русские студенты в Южной Америке. — Наука и жизнь. 1966, № 1, с. 123; *Лукин Б. В.* Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами (К столетию со дня рождения). — СЭ. 1965, № 4, с. 135.

⁷ Лукин Б. В. Из материалов..., с. 185, 186.

⁸ Танасийчук В. Н. Русские студенты..., с. 125.

⁹ Шпринцин Н. Г. Шаванты (Из материалов русской экспедиции в Южную Америку). — КСИЭ. 1952. Вып. 17, с. 47—55.

¹⁰ Лукин Б. В. Из материалов..., с. 168—169, 175—176, 178—179.

¹¹ Буэнос-Айрес, начало века (Записки путешественника). — Латинская Америка. 1992, № 7/8, с. 119—125; По северо-востоку Бразилии (Записки путешественника). — Там же. 1993, № 3, с. 110—116. В обоих случаях введение, подготовка текста и коммент. А. Д. Дридзо.

¹² Дридзо А. Д. Аргентина и Чили в путевом дневнике Ф. А. Фиельструпа. — Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1996. Вып. 4/5, с. 262—275.

¹³ Докладная записка С. И. Руденко хранится в личном деле Ф. А. Фиельструпа в Архиве РЭМ (ф. 2, оп. 3, д. 286).

¹⁴ Фиельструп Ф. А. Этнический состав населения Приуралья. С этнографической картой и дополнениями к ней. — Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР. Т. 2. Л., 1926.

¹⁵ О С. И. Руденко см.: Бикбулатов Н. В. Руденко и башкирская этнография. — Археология и этнография. V. Уфа, 1973, с. 9—16.

¹⁶ Фиельструп Ф. А. Свадебные жилища турецких народностей. — Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. 3. Вып. 1, с. 111—122 (изд. Государственного Русского музея); *он же*. Молочные продукты туркок-кочевников. — Казаки (казахи. — Б. К.). Сборник статей антропологического отряда Казакстанской экспедиции АН СССР. Исследование 1927 г. (Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 15). М., 1930, с. 263—301.

¹⁷ Малов С. Е., Фиельструп Ф. А. К изучению турецких абаканских наречий. — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук. Л., 1928. Т. 3. Вып. 2, с. 289—304.

¹⁸ См. примеч. 13.

¹⁹ Бонн-Осмоловский Г. А. Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. — Палеолит Крыма. Вып. 3. Ред. и доп. В. В. Бунака. М. — Л., 1954.

²⁰ Миронов А. М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (бывшего Турккомстариса) за пятилетие его существования. — Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). Вып. 1. Таш., 1926, с. 30.

²¹ См. примеч. 16.

²² Фиельструп Ф. А. Скотоводство и кочевание в части степей Западного Казакстана. — Казаки. Антропологические очерки. Л., 1927, с. 78—107. См. также его заметку о «черном кумысе»: Фиельструп Ф. А. Каракосмос Рубрука. — Этнография. 1926, № 1/2, с. 259—261.

²³ См. об этом: Кармышева Б. Х. Этнографическое изучение..., с. 57—58.

²⁴ Ф. А. Фиельструп был арестован по так называемому делу Российской национальной партии, иногда также именуемому «делом славистов»*. Как видно из материалов следственного дела, хранящегося в архивах КГБ, Фиельструп умер 7 декабря 1933 г. мучительной смертью: не предупрежденный охраной, он выпил крутого кипятку, обжег ротовую полость и гортань и в шоковом состоянии задохнулся. Историки, изучавшие «дело славистов», задаются вопросом, было ли это несчастным случаем, происшедшим по халатности охранников, или самоубийством. Реабилитирован Фиельструп 8 мая 1958 г. См.: Ашин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994, с. 40, 86, 206.

²⁵ Часть личного архива Фиельструпа, касающаяся экспедиции в Южную Америку, хранится в Архиве МАЭ.

* Подробнее см. с. 265—268 данной книги (примеч. ред.).

М.М.КЕРИМОВА, О.Б.НАУМОВА

**Алексей Николаевич Харузин —
этнограф и антрополог**

Алексей Николаевич Харузин (1864—1932) принадлежал к уникальной в своем роде семье талантливых российских ученых. Выходцы из богатого купеческого рода, три брата — Михаил, Николай, Алексей — и их сестра Вера¹ выбрали нелегкую стезю науки. Все они связали свою судьбу с этнографией и антропологией и внесли неоценимый вклад в сокровищницу русской научной мысли. О каждом из них можно написать исследование, что до сих пор, к сожалению, не сделано. Харузины заслуживают обстоятельной монографии также и потому, что их жизнь и творчество были тесно связаны с историей России и свидетельствовали об их глубоком интересе к русскому и другим славянским народам, а также к многочисленным нерусским народам и этническим группам, населявшим Российскую империю.

Исследователь вряд ли пройдет и мимо факта знакомства братьев и сестры с такими видными русскими политическими и культурными деятелями, как П.А.Столыпин, В.К.Плеве, М.М.Ковалевский, В.Ф.Миллер, Д.Н.Анучин, А.Н.Пыпин, М.Н.Сперанский, М.П.Погодин, А.Н.Веселовский, А.А.Шахматов, А.В.Висковатов и др. Большая и дружная семья Харузиных всегда была в центре культурной жизни Москвы, где они родились и где прошла большая часть их жизни.

Научное наследие Харузиных насчитывает более трехсот опубликованных работ, а их библиотека, хранящаяся в Отделе редких книг научной библиотеки Московского университета, содержит 7449 единиц хранения, среди которых — научная литература по разным отраслям знаний, художественные произведения на русском, французском и немецком языках, русские и иностранные журналы, оттиски из разных периодических изданий².

Огромную ценность представляют архивные документы разных лет, принадлежавшие Харузиным (воспоминания, переписка и т.д.), которые хранятся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 81). В 1995 г. авторами был обнаружен личный архив А.Н.Харузина³,

который до этого времени в неразобранном виде находился в Отделе редких книг библиотеки Московского государственного университета (он был передан сюда в 1906 г. А.Н.Харузиным; имеется акт о его передаче). Нами была проведена работа по подготовке материалов архива А.Н.Харузина к составлению описи (эта работа велась параллельно с реставрацией архивного фонда и последующей обработкой его сотрудниками Российского государственного архива литературы и искусства — РГАЛИ)⁴.

К занятиям этнографией Алексея Харузина приобщил его старший брат Михаил. Михаил Николаевич Харузин (1860—1888) за свои 28 лет жизни сделал немало. Он увлеченно занимался изучением обычного права народов России, оставил несколько значительных печатных работ. Еще во время учебы в Московском университете Михаил стал секретарем Этнографического отделения Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ).

Младший брат Алексея Харузина — Николай (1865—1900) был также человеком выдающихся способностей и разносторонних интересов. Почти все его труды, а их немало, посвящены изучению археологии, быта и нравов народов российского Севера, Закавказья и Северного Кавказа. Золотую медаль ОЛЕАЭ получила монография Николая Харузина «Русские лопари. Очерк прошлого и современного быта» (1890), которая во многом была открытием русской этнографической науки. Вместе с В.Ф.Миллером он стоял у истоков создания журнала «Этнографическое обозрение» (с 1889 г.), был его техническим редактором (первые выпуски журнала издавались на личные средства Н.Н.Харузина). Будучи инициатором введения курса этнографии в высших учебных заведениях России, он первым читал курсы по этнографии народов мира и истории первобытного общества в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков. Трудно переоценить влияние этнографических интересов рано ушедших братьев Михаила и Николая Харузиных на научную деятельность Алексея.

Жизнь Алексея Николаевича Харузина была яркой и многотрудной. После окончания Московского университета А.Н.Харузин поступает на государственную службу. Его послужной список очень разнообразен. Начиная с 1890-х годов он был чиновником особых поручений при губернаторе Эстляндии, управляющим канцелярией Виленского генерал-губернатора, губернатором Бессарабии и почетным мировым судьей Аккерманского уезда, директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, товарищем министра внутренних дел России

А.А.Макарова (с 1911 г.), сенатором, имел придворное звание гофмейстера императорского двора (с 1913 г.). А.Н.Харузину было присвоено звание почетного гражданина многих городов Бессарабской губернии; он имел российские, болгарские и бухарские ордена и медали. По свидетельству недавно умершей родственницы Харузиных — И.Е.Огневой⁵, за несколько лет до революции Алексей Николаевич подал в отставку из-за «несогласия с царской политикой того времени, и в частности с политикой министра Макарова» и ушел с государственной службы. После революции А.Н.Харузин работал в Тульской губернии на Шатиловской опытной сельскохозяйственной станции, одним из организаторов которой он сам и был. Он проводил исследования и написал несколько книг по огородничеству. Из-за болезни жены, баронессы Наталии Васильевны фон дер Ховен (дочери контр-адмирала В.Ховена), А.Н.Харузин в 1924 г. возвратился в Москву. Здесь он устроился на работу в Сельскохозяйственный политехникум автором-преподавателем в садово-огородное отделение и составил несколько учебных пособий для учащихся.

В 1927 г. А.Н.Харузин был арестован ГПУ в числе так называемых «бывших» — людей, в прошлом связанных с царской администрацией: бывших крупных купцов, бывших офицеров царской армии, фабрикантов, а из интеллигенции... адвокатов, врачей, инженеров» (из записок И.Е.Огневой). Через некоторое время его отпустили, так и не предъявив обвинения. Вторично А.Н.Харузин был арестован 21 февраля 1932 г. вместе с сыном Всеволодом по обвинению в антисоветской агитации. Желая выяснить судьбу ученого, мы обратились в Центральный архив Федеральной службы контрразведки Российской Федерации (ЦАФСР). В ответе из архива говорилось о том, что до ареста в 1932 г. А.Н.Харузин работал консультантом в Сельхозгизе по огородничеству. 3 апреля 1932 г. постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ он был осужден по статье 58—10 УК к высылке на 3 года и 8 мая этого же года умер от сердечной недостаточности в больнице при Бутырском изоляторе⁶. Реабилитирован в 1989 г. Каких-либо документов и рукописей в деле А.Н.Харузина, хранящемся в Архиве ФСБ, не значится.

Беды семьи А.Н.Харузина не завершились после его трагической смерти. Его сын Всеволод был выслан 5 мая 1932 г. на три года в лагерь Беломорско-Балтийского канала, освобожден досрочно «за ударную работу», а в 1935 г. вновь арестован. И.Е.Огнева, присутствовавшая на суде над Всеволодом Харузиным, пишет, что ему вменяли в вину и «прошлое» его отца — «зубра контрреволюции», «участника заговоров» и т.п. В частности,

говорилось о том, что, будучи губернатором Бессарабии, он устроил кровопролитный еврейский погром в Кишиневе. Однако в другом месте своих воспоминаний И.Е.Огнева упоминает, что жена А.Н.Харузина во время его ареста представляла в ОГПУ документы, свидетельствующие, что он «строжайшими мерами не допустил еврейского погрома» во время своего губернаторства. Всеволод Харузин, мужественно защищавший своего отца на суде, сказал, что он гордится им, что все обвинения против отца специально подтасованы, что он был научным работником по призванию и занимался только наукой до последнего дня перед арестом. В.А.Харузина как «закоренелого контрреволюционера» приговорили к высшей мере наказания, но после ходатайств матери заменили на 10-летнее тюремное заключение. В 1939 г. Н.В.Харузина получила в ответ на свои многократные запросы извещение, что ее сын выслан без права переписки. Вероятно, он погиб в лагерях еще в 1937 г. Подверглась репрессиям и сама Наталия Васильевна. В 1932 г. у нее был отобран паспорт и назначена ее высылка за стокилометровую зону от Москвы. Болель Н.В.Харузиной, а также хлопоты И.Е.Огневой за нее в ОГПУ несколько отдалили отъезд из Москвы. Осенью 1937 г. Н.В.Харузина как «мать врага народа» была выслана в Малоярославец, где и скончалась в 1943 г. (Трагично сложилась судьба и старших сыновей А.Н.Харузина. Старший, Мстислав, после участия в гражданской войне на стороне белых, оказался в эмиграции, а Олег в двадцатидевятилетнем возрасте умер от туберкулеза.)

* * *

Таковы вехи биографии А.Н.Харузина. А его научная деятельность началась вскоре после окончания естественного отделения физико-математического факультета Московского университета (1889 г.) и получения степени магистра зоологии Дерптского университета (1892 г.). Еще будучи студентом первого курса Университета, А.Н.Харузин участвовал в научной экспедиции в Закавказье по поручению ОЛЕАЭ и РГО. Летом 1886 г. зоологическим отделением Общества любителей естествознания при Московском университете он был командирован в Крым, на Босфор и Эгейское море. В следующем году Общество любителей естествознания при Московском университете направляет Харузина в киргизскую Букеевскую степь с целью изучения этнографии и антропологии населяющих ее казахов*, а также природы края (привезенный из этой экспедиции наглядный матери-

* В конце XIX — первой четверти XX в. казахов в литературе обычно называли киргизами.

ал по птицам, пресмыкающимся и насекомым до сих пор хранится в зоологическом музее МГУ, а также в Государственном Дарвиновском музее). В 1888 г. он вторично посещает Букеевскую степь, а в 1889 и 1891 гг. — Крым и Кавказ.

Конец 1880-х — первая половина 1890-х годов — период плодотворной научной деятельности А.Н.Харузина. С 1888 по 1895 г. он опубликовал около 30 работ, посвященных главным образом трем темам: 1) антропологии и палеоантропологии разных народов России, 2) антропологии и этнографии казахов, 3) вопросам истории и антропологии Эстляндской губернии.

В этот период А.Н.Харузин серьезно увлекся антропологией. Осенью 1889 г. 25-летнего Алексея Харузина избирают секретарем Антропологического отдела ОЛЕАЭ, и в 1890—1891 гг. он редактирует «Дневник Антропологического отдела». В 1890 г. вышло 10 выпусков «Дневника», и почти в каждом из них читатель найдет одну-две статьи или небольшие заметки А.Н.Харузина. Он откликается практически на все вопросы, обсуждавшиеся в Антропологическом отделе. Особенно его интересует антропология тюркских народов. Так, во втором выпуске «Дневника» была опубликована статья П.С.Назарова об антропологии башкир, и тут же, в этом выпуске А.Н.Харузин публикует собственные вычисления, предпринятые им на основании материалов Назарова. Сравнивая данные по отдельным башкирским родам с имеющимися у него антропологическими данными по казахам, киргизам, узбекам, сартам и крымским татарам, он определяет степень антропологической близости башкирских родов с этими народами⁷. Так же незамедлительно отзывается он на работу Н.В.Гильченко по антропологии осетин⁸, публикуя свою статью через несколько месяцев после выхода книги. «Интересуясь вообще, — пишет он, — типом тюркским и его влиянием на другие типы, я лично заинтересовался этим вопросом и у осетин. Предпринимая известные вычисления по материалу Н.В.Гильченко и сопоставляя цифры с имеющимся у меня цифровым материалом, я пришел к некоторым очень определенным заключениям». В частности, А.Н.Харузин увидел «влияние тюркской крови» в цвете волос и глаз, брахицефалии, отчасти — волосатости, межглазничном пространстве и форме ноздрей осетин⁹.

В «Дневниках» же А.Н.Харузин публикует несколько заметок об антропологии татар Южного побережья Крыма, написанных им на основе собственных измерений 35 человек, а также данных, которые он получал от своих крымских корреспондентов¹⁰, и небольшую заметку по антропологии казахов¹¹. И когда в 1890 г. в Москву в составе выставки «Первобытная Америка» прибыли индейцы группы племени сиу, А.Н.Харузин, конечно

же, не мог упустить возможности произвести над ними антропологические измерения¹².

В это же время Алексей Харузин публикует несколько палеоантропологических работ. После поездки 1889 г. на Южный берег Крыма, где он вместе с братом Николаем провел разведочные раскопки могил в дер. Гурзуф и урочище Гугуш, А.Н.Харузин пишет солидную работу¹³, в которой подробно анализирует показатели по 20 найденным черепам, сопоставляя их с опубликованными материалами В.Ф.Миллера и Д.Н.Анучина. Антропологический тип черепов, характер захоронения и вещи из могил дают ему основание предположить, что раскопанные могилы принадлежали готам. А.Н.Харузин обрабатывал и отдельные черепа, полученные Антропологическим отделом из разных мест — Дьяковского городища и с. Троицкое Московского уезда, Кудярова обрыва Саратовской губернии и др.¹⁴. Он публиковал результаты своих замеров, определял антропологические типы черепов, сопоставлял их с другими краниологическими данными.

С 1890 по 1895 г. А.Н.Харузин опубликовал 15 работ по антропологии разных народов. Он придавал большое значение непосредственным антропологическим измерениям и публикации абсолютных цифр, но, кроме того, настаивал на необходимости вычисления и сравнения соотношений отдельных размеров, что существенно расширяло возможности сравнительной антропологии. А.Н.Харузин сам стал производить такие вычисления на основании и собственных, и чужих материалов. За время «антропологического» периода своей деятельности он составил, выражаясь современным языком, банк антропологических данных и в своих работах привлекал их в качестве сравнительного материала для определения антропологической близости народов. Так, антропологические данные по казахам Букеевской орды он сравнивает с материалами почти по 120 народам, в том числе не только по близким им тюркским народам Средней Азии и Поволжья, но даже по индейцам сиу, которых он в свое время обследовал (см. выше). Анализируя полученные им антропологические замеры новобранцев Эстляндии, он сопоставляет их с аналогичными показателями 70 народов России. По-видимому, А.Н.Харузин собрал в своем «банке данных» весь накопленный к этому времени антропологический материал. Огромная работа, проделанная Алексеем Харузиным на поприще антропологической науки, была очевидна уже его современникам. В 1890 г. он получил золотую медаль ОЛЕАЭ за «энергичную и полезную деятельность в качестве секретаря Антропологического отдела, выразившуюся в заботах об изданиях и научных собраниях Отдела, и за многочисленные научные труды в области антрополо-

гии»¹⁵ и был избран в действительные члены Общества. Современные антропологи также высоко оценивают точность измерений и добросовестность публикаций А.Н.Харузина и продолжают использовать их в своих работах¹⁶.

* * *

Поездки 1887 и 1888 гг. в Букеевскую степь, в междуречье Волги и Урала, к казахам Внутренней (Букеевской) орды дали А.Н.Харузину материал для серии работ по этнографии и антропологии казахов. Он опубликовал семь работ по этой теме, начиная с небольших «Заметок о карте Букеевской степи» и до солиднейшей многостраничной двухтомной монографии «Киргизы Букеевской орды». ОЛЕАЭ наградило А.Н.Харузина за эти поездки большой серебряной медалью. За свой труд «Киргизы Букеевской орды» он получил премию А.П.Разцветова от Антропологического отдела ОЛЕАЭ, золотую медаль от РГО и малую серебряную медаль за антропологические и этнографические снимки от фотографического отдела Московского общества распространения технических знаний.

Увлеченный антрополог, А.Н.Харузин во время своих поездок не мог обойти вниманием курганы Букеевской степи. Он со своими помощниками раскопал 36 курганов, найдя в них 29 черепов. Тщательные описания курганов, способа погребения и вещей, антропологические замеры скелетов и черепов опубликованы им в «Известиях» ОЛЕАЭ¹⁷. Анализ материала привел его к заключению, что раскопанные курганы относились к XIV в. и «принадлежали кочевому народу тюркского типа с незначительно выраженными монгольскими чертами, но племени не чистому, а состоявшему из представителей разных антропологических групп, стоящих то ближе к монгольству, то дальше от него»¹⁸. В дальнейшем эти выводы послужат А.Н.Харузину для его этногенетических построений. Как это обычно для его работ, А.Н.Харузин привлекает большой сравнительный материал «на север и на запад от Букеевской степи лежащих областей» — он сопоставляет способы погребения, антропологический тип погребенных и форму курганов Донской степи, Херсонской губернии, Башкирии и Сибири и приходит к выводу, что исследуемый им материал имеет с ними мало общего, а сходство «следует ожидать в восточных степях, т.е. собственно в Казахстане, где палеоантропологические исследования в то время не проводились».

Примечательно, что некоторые русские журналы сочли необходимым ознакомить читателей с этой, казалось бы, узко специ-

альной работой, опубликовав ее более или менее подробное изложение¹⁹.

Свои непосредственные впечатления от поездки в Букеевскую степь А.Н.Харузин описал в «Степных очерках»²⁰. Это — беглые путевые заметки, ироничный рассказ о провинциальной жизни Ханской Ставки — столицы Букеевской орды, описание охоты на птиц и сбора другого зоологического и ботанического материала и т.д. Для этнографа интересны вскользь брошенные замечания о малой религиозности казахов и увеличении ее под влиянием татар, о постепенной утрате казахами традиционного образа жизни и их работах на соляных промыслах. По всей книге разбросаны краткие описания казахского аула, интерьеров богатых и бедных юрт, их конструкции и типов, отдельных элементов одежды, некоторых обычаев и обрядов и еще многих других деталей и черточек быта казахов Букеевской орды. Один из рецензентов остроумно назвал эту книгу А.Н.Харузина «небольшой прелюдией на киргизские темы», предвещающей «громкую симфонию» — его двухтомную монографию о казахах^{20а}. И действительно, в ней краткими зарисовками обозначены темы, которые подробно анализируются в «Киргизах Букеевской орды».

Шестисотстраничный первый выпуск «Киргизов Букеевской орды» посвящен в основном этнографии букеевских казахов. А.Н.Харузин сознательно уходит от простого описания их быта, подчинив изложение своего материала одной проблеме, которую он сформулировал так: «О распадении старинного быта киргизов, замечаемом в Букеевской орде». Это «распадение старинного быта» он прослеживает в родовом, сословном и семейном устройстве казахов, их религиозных представлениях, образе жизни и т.д. Опорой, на которой держалась традиционная культура казахов, был кочевой образ жизни. Постепенный переход к полукочеванию и оседлости, а также меры Российского государства по проведению новых административных границ, не совпадающих с родовым устройством казахского общества, привели к размыванию родо-племенной структуры, положили начало утрате многих обычаев и обрядов. Процесс разложения традиционных институтов шел так интенсивно, что А.Н.Харузин констатировал: «Букеевская орда... теряет старинный быт с невероятной быстротой»²¹.

Большое внимание А.Н.Харузин уделяет личности хана Джангира (правил с 1824 по 1845 г.), европейски образованного правителя Букеевской орды, который положил начало оседлости букеевских казахов, а также насаждал, иногда насильственными методами, ислам в степи; призвав мулл из татар, он усилил татарское влияние на казахов.

Татарское влияние рассматривается А.Н.Харузиным не столько в научном, сколько в политическом плане. Он считает усиление ислама и укрепление положения татар среди казахов крайне нежелательным: «Не следует потакать враждебному нашим государственным началам направлению магометанско-татарскому»²². Резко отрицательно относится он к татарским школам — «рассадникам татарской, враждебной для русских, культуры»²³. Такое негативное отношение А.Н.Харузина к татарскому влиянию связано, видимо, с его идеей о желательности «слияния» казахов с русскими²⁴, чему, по его мнению, препятствуют татары, укрепляющие среди казахов магометанство. Идея эта А.Н.Харузиным четко не сформулирована, и под «слиянием» он, очевидно, понимает процесс культурной ассимиляции казахов русскими. Однако ему приходится признать, что влияние русских на казахов невелико, влияние же татар «распространяется более успешно... на стороне последних стоит язык, а главное, религия»²⁵.

В своей монографии А.Н.Харузин поднимает вопросы, которые лишь спустя десятилетия стали предметом научного обсуждения, — пути модернизации доиндустриальных обществ, ощутивших экономическое, политическое и культурное воздействие европейских государств. Процесс перехода от традиционных к модернизированным обществам оказался настолько значительным и специфичным, что современные востоковеды выделяют целый исторический период, который требуется для перестройки и трансформации компонентов, унаследованных от традиционного общества, в новое, модернизированное²⁶. Этот исторический период переживается сейчас большинством азиатских и африканских государств. А начался он в колониальную эпоху. Начало этого процесса у казахов и увидел А.Н.Харузин. Он описал типичные черты переходного периода — маргинализацию части населения, лишенной возможности вести традиционный образ жизни, появление частично европеизированной верхушки общества, изменения в психологии бывших кочевников и т.п. К сожалению, он не оценил по достоинству роль татар как посредников между европейской и восточной культурами, хотя и верно и образно описал ее: «Цивилизующийся киргиз сбрасывает свой киргизский халат и надевает кафтан татарского покроя... сбрасывает свою шапку... и надевает татарскую, он забывает свое, стыдится обычаев своих, предками завещанных, и льнет к татарину как к умственному и нравственному авторитету»²⁷. Как раз более европеизированные, чем казахи, татары, на наш взгляд, смягчали для последних резкость начавшегося перехода, делая более постепенным и менее болезненным проникновение новых элементов в культуру казахов.

Новый период в историческом развитии казахского общества, зафиксированный А.Н.Харузиным, не протекал безболезненно. Анализируя экономическое состояние казахских хозяйств, ученый отмечает ухудшение их положения, а также ухудшение здоровья и питания казахов. Понимая, что основа прежнего благосостояния казахов — кочевое скотоводство — подорвана, он не видел, что может помочь казахам выжить в новых для них условиях. Происходящие перемены были, видимо, так резки, а упадок традиционного быта так стремителен, что А.Н.Харузин говорит даже о «падении», о «вымирании» казахов, которые пойдут, по его мнению, «по общему пути вымирания инородцев, и букеевцы сделают этот шаг первые. Вымрут... в силу жизненных условий, которые их сначала оторвали от их старого строя и сблизили с иным, им чуждым, затем поставили их в конкуренцию с другими народностями, имеющими за собой более древние культурные традиции, — вымрут все, кто вовремя не сольется с элементом или русским, или татарским»²⁸. К счастью, казахи как народ не погибли даже после насильственного перевода их на оседлость, против которого провидчески предупреждал А.Н.Харузин²⁹, и коллективизации, хотя людские потери от этих кампаний были огромны — два миллиона человек.

Первый выпуск «Киргизов Букеевской орды» содержит также и антропологические сведения. А.Н.Харузин определяет здесь антропологический тип казахов как «продукт смеси различных народностей, как монгольской, так и европейской рас», а с течением времени, по его мнению, образовался и продолжает образовываться «средний антропологический тип», свойственный только казахам³⁰, что соответствует современным представлениям об антропологии казахов.

Второй выпуск «Киргизов Букеевской орды» вышел в 1891 г. и полностью посвящен антропологии. Он содержит огромный цифровой материал по 150 букеевским казахам, которых измерял сам А.Н.Харузин, сравнивая с несколькими десятками представителей других народностей. Объяснения антропологическим таблицам автор намеревался дать в продолжении своего труда, которое, как он сообщал в предисловии, уже печатается. Однако вторая часть второго выпуска «Киргизов Букеевской орды» так и не вышла в свет. Эта загадка научной биографии А.Н.Харузина еще не разгадана. Возможно, ответ надо искать в событиях его жизни 1891 — 1893 гг. — отъезд из Москвы, женитьба, рождение сына. Но не исключено, что были другие причины. Переписка А.Н.Харузина и материалы личного архива, находящиеся в настоящее время в процессе изучения и подготовки к публикации, вероятно, смогут пролить свет на этот вопрос.

Исследование А.Н.Харузина получило широкий отклик в российском обществе. Почти все видные журналы того времени («Этнографическое обозрение», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское обозрение», «Русский вестник» и др.) сочли необходимым опубликовать рецензии на первый выпуск «Киргизов Букеевской орды». В них были отмечены новизна исследования, «масса свежего чрезвычайно ценного материала», добросовестность автора и его редкая эрудированность. В целом труд А.Н.Харузина оценивали как «капитальное приобретение для антрополого-этнографической науки»³¹. «Вестник Европы» и «Русская мысль» не обошли вниманием и второй выпуск «Киргизов». Ознакомив читателей с основным содержанием книги, автор рецензии в «Русской мысли» оповещал их, что в своем следующем, заключительном выпуске А.Н.Харузин сделает «выводы первостепенной важности» — о новом разделении народностей на группы, не совпадающие с обычным делением по языку³². К сожалению, второй части второго выпуска не последовало.

Занимаясь проблемами этнографии казахов, А.Н.Харузин подробно изучал работы предшественников. Уже оба выпуска «Киргизов Букеевской орды» содержат обширнейший список литературы, а в 1891 г. А.Н.Харузин публикует в «Этнографическом обозрении» «Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов, с 1734 по 1891 г.» (каракиргизами в дореволюционной литературе именовали киргизов), вышедший и отдельным изданием³³. Указатель содержит около 760 названий книг, статей и заметок в сборниках и периодике того времени. Публикации расположены в хронологическом порядке, что несколько затрудняет пользование указателем. Большинство наименований снабжено аннотациями, в которых А.Н.Харузин приводит краткое содержание работы, упоминает особенно интересную информацию, дает сведения об авторе и используемых им источниках, о переизданиях или перепечатках публикаций.

Поражает количество газет и журналов, публиковавших статьи о казахах, и тот огромный труд, который проделал А.Н.Харузин, просматривая и аннотируя эти издания. В «Библиографическом указателе» учтены статьи не только из тех периодических изданий, которые в то время нередко печатали интересные материалы о быте казахов (Туркестанские, Оренбургские, Саратовские, Томские, Тобольские и другие губернские ведомости). Кроме них А.Н.Харузин использует еще более 80 наименований газет и журналов, которые с разной степенью регулярности публиковали информацию, связанную с казахами. И хотя в 1900 г. вышел из-

вестный «Указатель» А.Е.Алекторова³⁴, затмивший полнотой представленных публикаций и подробностью аннотаций к ним «Библиографический указатель» А.Н.Харузина, последний оставался до 1900 г. практически единственным трудом такого рода³⁵. Несмотря на недостатки, харузинский указатель послужил, как отмечалось в одной из рецензий на него, «настолюной книгой для всякого, желающего заняться изучением быта киргизов и каракиргизов»³⁶.

Занятия историей, антропологией и этнографией казахов, знакомство с исследованиями ведущих востоковедов своего времени позволили А.Н.Харузину перейти к наиболее сложному вопросу казахской этнографии — проблеме этногенеза. Его брошюра «К вопросу о происхождении киргизского народа» (М., 1895) стала одной из первых специальных работ в российской науке, посвященных этногенезу казахов³⁷. Она содержит два основных положения: 1) казахи сложились в единый народ к середине XV столетия, 2) казахи имеют «конгломератное» происхождение.

А.Н.Харузин отстаивает позднее происхождение казахов, споря с известным венгерским ориенталистом А.Вамбери, настаивавшим на древности их этногенеза, и аргументированно опровергает все его доказательства. И хотя сегодня среди ученых нет единого мнения на этот счет, но большинство их, как и А.Н.Харузин, полагает, что процесс образования казахской народности в основном завершился в XIV—XV вв. и даже позднее — в XV — начале XVI в.³⁸.

Излагая свою мысль, А.Н.Харузин подробно останавливается на истории входящих в состав казахов племен и родов, которые некогда были самостоятельными народами. Ученый считает, что такое «конгломератное строение» говорит о том, что «в киргизском народе нет ничего коренного и цельного», что в нем «отсутствует этнологическая и антропологическая цельность»³⁹. Однако сам же он выше признает «цельность» обычаев, обрядов, характера и языка казахов, настаивая лишь на отсутствии «общего физического типа киргизов»⁴⁰, а далее приходит к выводу, что «элементы слились в одно целое настолько, что вправе носить общее племенное название киргизов ("казаки"), но не настолько, чтобы составить стройную антропологическую группу»⁴¹. Таким образом, под «отсутствием этнологической цельности» А.Н.Харузин имеет в виду лишь все то же дробное родо-племенное строение казахов.

Что касается вопроса об «антропологической цельности», то современные антропологи считают, что казахи представляют собой единый консолидированный антропологический тип,

имеющий, однако, отчетливые локальные различия, вызванные в первую очередь «неоднородностью антропологического состава непосредственно исходных групп популяций»⁴². Видимо, в пылу полемики А.Н.Харузин несколько преувеличивал антропологические различия внутри казахов, так как выводы, сделанные им в первом выпуске «Киргизов Букеевской орды», полностью совпадают с приведенными оценками современных антропологов.

А.Н.Харузин, как многие его предшественники и современные ему ученые, занимавшиеся проблемами этногенеза, большое значение придавал политической истории в процессе сложения народа. Однако он пытался смотреть и глубже, поставив вопрос о том, «какие условия окружали эти племена, которые могли обусловить их сплачивание в нечто однородное и цельное, разросшееся до таких громадных размеров, как племя современных киргизов?.. Причина этого, — отвечает он, — лежит в степи — арене этих кочевых народов. Степь не знает преград... степь сама по себе есть объединяющий элемент»⁴³. Более обстоятельный ответ на поставленный сто лет назад А.Н.Харузиным вопрос пытаются найти сегодня этнографы и экологи в рамках концепции этнизации хозяйственно-культурных типов⁴⁴.

В 1891 г. А.Н.Харузин был назначен чиновником особых поручений при эстляндском губернаторе. Он переезжает в Ревель (Таллинн), который был ему хорошо знаком по юношеским годам — с 1873 по 1883 г. он, как и его старший брат Михаил, учился в Ревельской гимназии. В дальнейшем Алексей Харузин занимает должности секретаря Крестьянской комиссии, секретаря Губернского статистического комитета и секретаря Губернского по крестьянским делам присутствия. Эстляндский период его жизни заканчивается в 1895 г., когда он переходит на службу в Государственную канцелярию.

На государственной службе в Эстляндии А.Н.Харузин не оставляет занятия наукой. Напротив, в 1892 г. в Дерптском университете он получает степень кандидата зоологии, а свои дерптские впечатления отражает в трех публикациях о жизни дерптских студентов⁴⁵. Будучи секретарем Губернского статистического комитета, он редактирует издаваемый комитетом «Временник Эстляндской губернии» (Ревель, 1894), отбирая для него статьи по археологии, истории, антропологии и этнографии Эстляндии. Во «Временнике», в частности, была опубликована большая работа Николая Харузина о доисторической археологии Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний. Сам А.Н.Харузин тоже пишет в этот сборник несколько статей.

Служебное положение помогает ему обретать необходимые для работы материалы, иногда довольно неожиданные. Так, он

получает цифры измерения новобранцев 1892 г. из всех уездов Эстляндии и на их основе пишет для «Временника» большую статью «К антропологии населения Эстляндской губернии». Несмотря на то что измерения включали всего три показателя: рост, объем груди и длину ног, ученый придает им «весьма важное антропологическое значение, так как частному наблюдателю невозможно получить для измерения такое большое количество субъектов... Мы взялись тем охотнее за обработку и опубликование имеющегося у нас цифрового материала... что большая часть его приходится на долю эстонцев, народа в антропологическом отношении совсем не исследованного»⁴⁶. Это замечание А.Н.Харузина говорит о его неравнодушном отношении к науке, стремлении использовать любую возможность для пополнения данных об антропологии населения России. В этой работе он обработал антропологические измерения 2643 «субъектов», привлекая для сравнения огромный материал по 70 народам России.

В этом же «Временнике» А.Н.Харузин публикует палеоантропологическую «Заметку о черепях Пюхтицкого могильника» и несколько статей, написанных им на основе статистических материалов, — о народном продовольствии, статистике волостных должностных лиц, о состоянии посевов в Эстляндской губернии, а также об истории деятельности Губернского статистического комитета⁴⁷.

В следующем, 1895 г. выходит в свет большая работа А.Н.Харузина, также основанная на статистическом материале. Состоя на службе в Эстляндском по крестьянским делам присутствии и Губернском статистическом комитете, он обработал и опубликовал собранные по всей территории Эстляндии сведения о крестьянском землевладении — о количестве проданной крестьянам и арендованной ими земли, количестве душ на всех земельных участках разных категорий землевладения. Эти данные, сведенные в таблицы, заняли 500-страничный первый том его историко-статистического исследования «Крестьянское землевладение в Эстляндской губернии»⁴⁸. Второй том посвящен анализу цифрового материала. На основе обработанных им данных А.Н.Харузин дает общую характеристику крестьянского землевладения в Эстляндии, определяет его типы, показывает его динамику роста с 1860-х годов и ставит вопрос об обеспеченности крестьян землей. По его подсчетам, 58,6% крестьян были безземельными. Основной вывод работы состоял в том, что «свыше половины всех крестьян к землевладению не причастны и представляют безземельный рабочий класс»⁴⁹. Разобрав несколько вариантов исправления такого положения и не признав ни один удовлетворительным, А.Н.Харузин предлагает ограничиться ускоренной

продажей крестьянам участков земли при контроле властей за их ценами и переселением избытка безземельных крестьян в другие регионы России.

В середине 1890-х годов завершается большой и плодотворный этап в научной деятельности А.Н.Харузина, посвященный проблемам этнографии и антропологии народов Российской империи. Он знаменателен не только тем, что ученый накопил огромный конкретный этнографический и антропологический материал и овладел обширными знаниями в интересующих его областях науки, но и тем, что метод сравнительного анализа истории, быта и культуры, а также антропологии этносов на территории России и других народов и этнических групп мира позволил Харузину прийти к более широким обобщениям и гипотезам, многие из которых до сих пор представляют интерес для этнологов и антропологов.

* * *

В конце 1890-х годов в творчество Харузина входит славянская тема, и это не случайно.

Последняя четверть XIX — начало XX в. представляют собой период значительной активизации и углубления научных и культурных взаимоотношений между русским и зарубежными славянскими народами. Объяснение этому следует искать прежде всего в усилении интереса широких кругов русского общества к подъему национально-освободительного движения в югославянских землях.

В российской периодической печати и научных изданиях появляются многочисленные отклики на события, происходящие в югославянских землях. Широкий общественный резонанс получают, в частности, последствия оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878 — 1908).

В 1899 г. А.Н.Харузин обращается в РГО с просьбой выделить ему пособие на поездку в Боснию, Герцеговину, Далмацию и Черногорию⁵⁰. Ученый убежден, что «вековая жизнь Балканского полуострова и связанная с нею сложность этнологических факторов издавна вызывали научный интерес в Европе к этой части нашего материка»⁵¹. Харузин считает, что судьба балканских славян, находящихся на рубеже западного и восточного культурных миров, не лишенная аналогий с судьбой российского государства и «сложения нашей народности», требует тщательного исследования. «Интерес России к балканским славянам, — настаивает Харузин, — естественен и необходим»⁵². В связи с вышеизложенным ученый просит Совет РГО оказать ему материальную помощь в размере 500 рублей на командировку в Чер-

ногорию, Далмацию и славянские провинции Австрийской империи летом 1899 г. «в видах изучения названных местностей в этнографическом и антропологическом отношениях»⁵³, и эта помощь была ему оказана.

В результате поездки А.Н.Харузина в Боснию и Герцеговину в 1899 г. появился его труд «Босния—Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии». Написанию этой книги предшествовала огромная работа по изучению обширной русской и западноевропейской литературы и журналистики, посвященной этому региону. Опирается ученый и на материалы вышедшего с 1888 г. в г. Сараево журнала «Гласник земаљског музеја у Босни и Херцеговини». Кроме того, А.Н.Харузину удалось собрать ценнейшие сведения по антропологии, этнографии и статистике Боснии и Герцеговины, в частности, «благодаря содействию русского консула в Сараеве» (Г.Игельстром. — М.К.)⁵⁴.

Первая часть книги написана в жанре путевых записок (6 глав). Проезжая города и местечки в Боснии (Яйце, Травник, Високо, Сараево), а затем из Боснии в Герцеговину через Ябланицу, долину Неретвы и Дрежанки, в Мостар, А.Н.Харузин описывает историю этих мест, все их достопримечательности, особо останавливаясь на антропологических и этнических особенностях населения Боснии и Герцеговины и т.д. Вторая часть книги состоит из семи глав, посвященных истории и средневековой культуре, особенностям феодальной системы, состоянию сельского хозяйства, промышленности и бюджета этого региона до и после оккупации его Австро-Венгрией, а также религии и церкви, народному образованию.

Наибольшую ценность в книге Харузина представляет для нас глава «Религии и церкви», в которой приводится характеристика этноконфессиональной ситуации в Боснии и Герцеговине с X по конец XIX в. Особо интересны размышления автора о соотношении трех конфессий в Боснии и Герцеговине: православия, католицизма и ислама, а также о причинах исламизации населения этих земель. Повод для перехода славян Боснии и Герцеговины в ислам Харузин справедливо видел в политических и экономических выгодах разных слоев населения. «Ислам принимали все те, которым мирские расчеты казались более важными, чем спасение души. И от того в их числе встречаются все вероисповедания...»⁵⁵.

Автор обращает большое внимание и на конкретную роль богомилства в этом процессе. При этом он не считает достаточно обоснованным утверждение ряда ученых о том, что «в современной магометанской части населения страны следует видеть потомков богомилов»⁵⁶. На самом деле, по мнению Харузина, не-

возможно с абсолютной достоверностью определить число богومیлов, православных и католиков, принявших ислам. И сейчас этот вопрос остается дискуссионным.

Развивая отдельные положения А.Ф.Гильфердинга⁵⁷, Харузин приводит яркие этнографические материалы. Он, например, пишет: «Мусульманство, перенесенное на сербскую почву Босны-Герцеговины, приобрело своеобразные оттенки, резко отличающие босняка-"турчина" от "османлия"»⁵⁸. Под «османлием» Харузин подразумевал турок-завоевателей, а также мусульман, переселившихся из других стран. Отмечая, что часть «босняков» признавала себя «народностью особого рода», А.Н.Харузин в то же время отрицал возможность существования «боснийской народности» в условиях оккупационного режима⁵⁹.

Православные славяне Боснии и Герцеговины, принявшие ислам, сохранили свой сербский язык, не переставали пользоваться кириллицей, к многоженству относились с отвращением, девушки не закрывали лица. Они глубоко чтили своих национальных героев, не забывали народные песни, продолжали помнить народные праздники, в том числе семейную Славу (*Крсно име*). Харузин делает справедливый вывод о том, что законы ислама достаточно медленно проникали в славянскую среду, а сохранение ряда древних обрядов и обычаев «с наглядностью доказывает общность происхождения христианского и мусульманского населения Босны-Герцеговины».

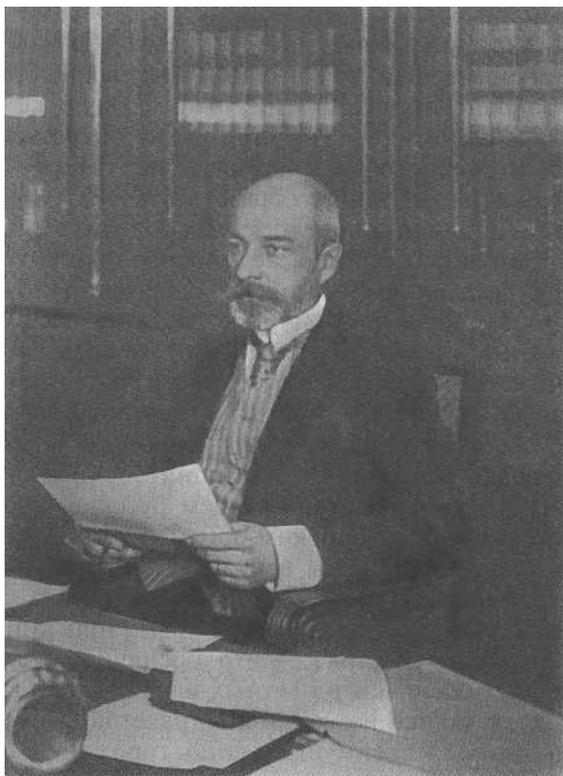
Особо останавливается А.Н.Харузин на положении православных, католиков и мусульман в период после оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Опираясь на огромный статистический материал (он отсутствовал у российских предшественников Харузина), автор приходил к выводу, что магометанское население, медленно возрастая, относительно уменьшалось, в то время как католическое, напротив, значительно увеличивалось. «В частности, — пишет он, — в период с 1885 по 1895 г. католики увеличились на 25,7%, или на 2,6% в средний год». При этом он не считает, что прирост католиков можно было приписывать переходу населения в лоно католической церкви, напротив, оно больше связано с иммиграцией в страну уроженцев Австро-Венгрии и других стран⁶⁰. Рост католического населения поддерживался австрийскими и венгерскими властями. Это выражалось, например, в постройке католических церквей там, где проживало исключительно православное население; в направленной в пользу католиков аграрной политике, субсидировании преданных правительству священников, содержании митрополитов за счет казны, распространении пропагандистской литературы и закрытии православных школ и т. п.

Неравенство православия и католицизма в Боснии и Герцеговине, считал Харузин, заключалось главным образом в степени образования и просвещения. Католики получали образование в школах Австро-Венгрии и Хорватии, православное же население, предоставленное самому себе, не могло даже опереться на соседние Сербию и Черногорию, которые не имели достаточно средств для развития народного образования.

Весьма ценный для этнолога материал содержится в той части очерков А.Н.Харузина, где он касается особенностей традиционного костюма населения Боснии и Герцеговины. Не отрицая турецкого влияния на этнокультурное развитие населения этого региона, особенно в городах, ученый в то же время справедливо утверждал, что «как православные, так и католики удержали свой национальный костюм, частью в совершенно чистом его виде, частью же изменившимся под влиянием мусульманских течений». Нередко встречал он женщин-босниец в головном уборе славянского типа, напоминающем русские кокошники, в безрукавке, отделанной славянским орнаментом, но в шароварах. У некоторых головы украшены венками из цветов, как у малороссийских девушек. «Наряду с этим попадаются закутанные, как бы зашитые в мешок, женские фигуры, столь типичные для всего мусульманского Востока, — это боснячки мусульманской веры. Тут же идут боснячки в цветных шароварах, в кофте с обхваченной поясом талией и с кокетливо надетой феской на голове — это христианки, преимущественно горожанки, не закрывающие своего лица»⁶¹.

Разнообразие в нарядах, как справедливо замечает Харузин, «стоит в связи с местностью и религией». Правда, пишет он, установить принадлежность к той или иной конфессии или части страны вполне точно для всякого вида одежды почти невозможно, хотя эти два фактора имеют в костюме преобладающее значение. Региональные различия замечаются и в народном мужском костюме. Весьма разнообразны орнаменты в разных местностях, но в целом костюм боснийца утратил свой первоначальный славянский облик и менее консервативен, нежели костюм женщин.

Книга Харузина получила широкий отклик в российской и сербской периодической печати. Появилось множество рецензий и аннотаций, подчеркивающих новизну, актуальность и научную значимость очерков А.Н.Харузина о Боснии и Герцеговине. Так, известный славист П.А.Ровинский в рецензии на книгу Харузина отмечает не только точность описаний его как очевидца, живой интерес к наблюдаемому, но и «самостоятельный, критический взгляд, который автор проявляет на каждом шагу»⁶².

А. Н. Харузин. Начало XX в.

Умелое сочетание в очерках Харузина исторического, этнографического, антропологического и археологического материала, богатство используемых источников отмечал не только П.А.Ровинский, но и А.Н.Пыпин, выдающийся русский историк и этнограф. «Книга г. Харузина, — писал он, — принадлежит к лучшему, что было написано у нас о современной жизни славянства. Автор с большою старательностью изучал свой предмет, дав живые картины страны и населения, состояние народа, который своим восстанием семидесятых годов снова поднял славянский вопрос»⁶³.

Интерес А.Н.Харузина к славянской проблематике не угасает и в последующие годы. На основании изученных нами «Дневников» В.Н.Харузиной, хранящихся в ОПИ ГИМа, стало известно, что А.Н.Харузин вместе с сестрой Верой Николаевной побывал в Словении в августе—сентябре 1901 г.⁶⁴. Вторично А.Н.Ха-

рузин посетил словенские земли в 1902 г. Результатом двух его поездок явились следующие статьи: «Национальная эволюция словинцев»*, «Австрийская Крайна», «Краинский кряж и его чудесные явления», «Крестьянин Австрийской Краины и его постройки», «Жилище словинца Верхней Краины».

Все эти статьи вышли в 1902 г. в журналах «Живая старина» и «Русский вестник» и свидетельствовали о живом интересе А.Н.Харузина к истории и культуре словенцев.

Написание очерка «Австрийская Крайна» ученый мотивирует тем, что о словенцах в России написано мало. Видимо, это связано с известной недооценкой того вклада, который внесли в изучение словенских земель российские предшественники Харузина. Этнокультурные зарисовки о словенцах периодически появлялись в российских изданиях XIX в. и принадлежали перу известных славистов — И.И.Срезневского, И.С.Аксакова, В.И.Ламанского, И.А.Бодуэна де Куртенэ и других ученых, в разное время посетивших словенские земли.

В последующие десятилетия XIX — начала XX в. расширились научные контакты русских и словенских ученых. Это было связано с участием словенского ученого Матии Маяра в Этнографической выставке 1867 г. в Москве и посылкой им в комитет выставки фотографий и рисунков словенцев, а также записки, которая, по мнению М.Н.Сперанского, представляла собой трактат, посвященный обычаям и прошлому словенцев. Восторженные отклики о выставке прозвучали, как со стороны словенцев (М.Маяр, Я.Майцигер, Й.Вошняк), так и со стороны русских (П.А.Лавровский, В.И.Ламанский и др.). На рубеже веков укрепились связи и переписка М.Маяра с М.Ф.Равским, М.П.Погодиным, Н.А.Поповым, Я.Трдины с И.С.Аксаковым; В.И.Ламанского с Д.Трстеньяком, Ф.Левстиком; Г.Крека с А.Н.Пыпиным; Ф.Целестина, Я.Пайка, О.Цафа с И.А.Бодуэном де Куртенэ и др.⁶⁵.

Крайна заинтересовала Алексея и Веру Харузиных, как и их российских предшественников, тем, что из всех словенских земель, входивших в монархию Габсбургов, именно она была менее всего онемечена, и большинство ее населения составляли словенцы, бережно хранившие свой язык, нравы и обычаи⁶⁶.

Очерк Харузина «Австрийская Крайна» содержал краткое описание истории словенцев, их религии, особенностей их хозяйства, географических условий, климата в Нижней, Верхней и Внутренней Краине. Останавливается ученый и на положитель-

* В русской науке XIX — начала XX в. термины «словинцы», «словинский» употреблялись как равнозначные терминам «словенцы», «словенский».

ных чертах характера словенских крестьян, отмечая их трудолюбие, предприимчивость, упорство в достижении намеченной цели.

Интересуется он и отношением словенцев Крайны к русским. «Относятся (словенцы. — *М.К.*) к русским как к единоплеменному и единокровному народу и всегда стараются всеми средствами выразить русским братьям свои искренние симпатии и свою привязанность»⁶⁷.

А.Н.Харузин знакомит русских читателей и с культурным развитием словенцев. Уже в XVIII в., отмечает он, в Крайне заметны проявления «народного возрождения», «крутого поворота от старого к новому»⁶⁸. Автор пишет и о первых печатных трудах на словенском языке, первой типографии в Любляне, о словенской Матице и ее издании «Летопись». Он приводит сведения о творчестве словенских писателей — В.Водника, Ф.Прешерна, А.Ашкерца, И.Цанкара и многих других, подчеркивая, что средоточием общественной и культурной жизни Крайны является ее столица Любляна.

Очерк сопровождается 39 фотографиями видового и этнографического характера, что не только его украшает, делая более наглядной общую картину страны, но и представляет большую ценность для российской науки.

А.Н.Харузин, как и его сестра, очарован красотой Крайны. О ней он повествует в статьях «Краинский кряж и его чудесные явления» и «Национальная эволюция словинцев»⁶⁹. Последняя интересна тем, что ученый пытается обрисовать в ней современное экономическое и этнокультурное положение Крайны, которая является «центром словинской народности», где «креп национальный дух словинца и зрели элементы для политической борьбы, увенчавшейся в настоящее время значительным успехом»⁷⁰. А.Н.Харузин считает нужным подробно познакомить российского читателя с историей словенских земель, в первую очередь Крайны. Начиная с VI в. немецкая колонизация словенских земель приводит, по мнению ученого, к уменьшению территории, занимаемой предками современных словенцев, а также их численности.

Порабощение и угнетение порождали народные восстания и бунты, которые происходили в XVI и XVII вв. Разъединение Каринтии, Крайны и Приморья, произошедшее в 1849 г., еще более ухудшило положение народа. Подробно описывает А.Н.Харузин борьбу краинского крестьянина-земледельца с суровой природой. Ему помогает то, что он является собственником своей земли, а земледелие издавна составляло основу богатства страны⁷¹; добыча железной руды и транзитная торговля приумножают его.

По мнению ученого, Крайна начала XX в. переживает тяжелый экономический кризис. Конкуренция немецких промышленников и торговцев, уменьшение числа рабочих, падение кустарной промышленности — таковы основные «приметы времени». Крестьяне вынуждены продавать свои и без того небольшие наделы земли, уходить в наемные рабочие или эмигрировать, А.Н.Харузин отмечает и процесс онемечивания части словенской интеллигенции, ремесленников и крестьян, что, по его мнению, пагубно сказывается на складывающейся нации и народном сознании. Однако ученый замечает, что словенцы не прекращают борьбы за свои права, создают сельскохозяйственные, торговые и промышленные товарищества, а австрийскому правительству «не удастся даже задержать национальное саморазвитие славянских народностей»⁷², подвластных империи Габсбургов. Важным представляется и следующий вывод российского ученого: «Ни изгнание словинского языка из делопроизводства правительственных учреждений и школы, ни давление на народную литературу не приостановили самобытного развития» народа. Однако А.Н.Харузину хочется выдать желаемое за действительное. Ему представляется, что в конце XIX — начале XX в. немецкий язык был вытеснен из народных школ — в Крайне в то время их насчитывалось уже около трехсот. По его мнению, словенский язык вводится в гимназиях, суде и административных органах. Преувеличением звучат и мысли Харузина о том, что «в Крайне, строго говоря, уже нет словенско-немецкой борьбы», хотя она еще существует в Каринтии и Штирии. Подробно пишет Харузин о положении словенцев в Приморье. Ему кажется, что здесь замедлилась романизация словенского населения, возможно открытие словенского или южнословенского университета в Триесте.

Отметив, что А.Н.Харузин пишет о словенцах как «добросердечный друг» и что он знакомит русских со словенским народом, словенский поэт и общественный деятель Антон Ашкерц резко критикует российского ученого за то, что он создает идеализированную картину культурного развития Крайны, преувеличивая роль словенского языка в средних школах и люблянкой учительской школе, где на самом деле господствовал немецкий язык⁷³.

Н.Н.Харузин, написавший несколько работ о жилище у тюркских и монгольских народностей России и жилище финнов, «заразил» Алексея Николаевича этой проблемой. В 1902 г. последний составил и опубликовал «Руководство для собирания сведений о крестьянских постройках»⁷⁴. Во введении автор пишет, что Этнографическое отделение РГО «признает необходимым собрать и обработать материалы по истории развития кре-

стьянских построек в России (как коренного ее населения, так и инородческого), а равно в других землях, заселенных славянским племенем»⁷⁵. Этнографическое отделение в лице А.Н.Харузина обращается ко всем интересующимся этой проблемой с просьбой присылать собранные материалы. «Руководство» должно своими вопросами облегчить этнографу описание жилища по разным местностям, «в связи с особенностями почвы, климата, строительного материала, условий быта, благосостояния и т.п.»⁷⁶. Характер той или иной постройки, замечает А.Н.Харузин, запечатлевает народные вкусы и привычки, вынесенные из времен, предшествовавших новейшим культурным воздействиям. Важным представляются ученому и термины — названия, обозначающие отдельные части жилища каждой народности. По мнению Харузина, необходимо при описании отмечать их функциональную роль, материал, из которого они сделаны, следует обращать внимание на фундамент (или его отсутствие), входную дверь, на число и расположение окон, на рамы и их украшения (последние имеют большое значение для характеристики художественного вкуса населения), на форму крыши, способ установки стропил, особенности оград и т.д.

Важно, считал Харузин, дать подробное описание жилого здания, хозяйственных и временных построек (шалаш, землянка, сторожка, навес). При этом он считал, что рисунки, планы или фотоснимки делают описания более точными и наглядными. «Руководство» А.Н.Харузина содержало 27 конкретных вопросов, облегчающих будущим исследователям их нелегкую работу. В приложении давались образцы планов жилых помещений и хозяйственных построек. Это была, по существу, первая российская программа, посвященная конкретно жилищу.

Здесь уместно отметить и то, что на рубеже веков РГО ставит своей целью создание специализированных программ по разным проблемам этнографической науки. Появляется необходимость создавать программы РГО, посвященные каким-либо специальным проблемам. Отметим, в частности, «Программу для собирания сведений о юридических обычаях» (М., 1887) М.Н.Харузина и «Программу для собирания сведений о родильных и крестильных обрядах у русских крестьян и инородцев» (М., 1905) В.Н.Харузиной.

«Руководство» А.Н.Харузина свидетельствует о том, что он был тщательно подготовлен к исследованию жилища славянских народов, и, в частности, словенцев. В журнале «Живая старина»⁷⁷ за 1902 г. он публикует статьи «Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки» (с рисунками) и «Материалы по истории славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны». Эти

статьи различаются по целям и характеру. Первая — обзорная, задачей которой было выяснение положения крестьян Крайны и особенностей жилых и хозяйственных строений в разных ее областях. Вторая, пространная (более сотни страниц), имеет целью исследование (в сравнительном плане) истории славянских жилищ на материале словенских построек в одной только Верхней Крайне.

Краинский крестьянин, справедливо считает А.Н.Харузин, дал своему народу торговое сословие, представителей духовенства и светской интеллигенции. В отличие от крестьян других европейских стран словенский крестьянин — не арендатор, а полный собственник земли (ему принадлежало 80% всего пространства Крайны). Богатством крестьян являются громадные лесные массивы, три четверти которых находится либо в собственности крестьянских общин, либо в руках отдельных крестьянских хозяйств⁷⁸. Мелкое землевладение, скотоводство и садоводство преобладают в хозяйственном развитии Крайны. Однако, несмотря на богатства краинской земли, ее крестьяне беднеют (в постраничных сносках ученый дает расчеты доходов и расходов крестьянина в разных типах хозяйств, очевидно сделанные им самим). В крестьянских постройках, как верно указывает А.Н.Харузин, выражается «творческое начало всякого народа»⁷⁹. Поэтому он и пытается разобраться в своеобразии словенских жилых и хозяйственных строений, подробно останавливаясь на сопоставлении словенских построек более раннего и новейшего времени (деревянные, каменные, однокамерные, двухкамерные, одноэтажные и двухэтажные). При этом Харузин приходит к выводу, что более древним типом крестьянского дома является деревянный с очагом и пристроенными к нему хозяйственными помещениями. В дальнейшем его в большинстве районов Крайны вытесняют каменные постройки, которые обычно декорируются зеленью или росписью религиозного содержания. А.Н.Харузин стремится подчеркнуть своеобразие построек в Нижней и Внутренней Крайне, в карстовых районах Верхней Крайны, а также в Истрии, показывая при этом воздействие на их характер и стиль особенностей рельефа и климата.

В первой статье, посвященной словенскому жилищу, А.Н.Харузин изучает и весьма распространенные современные ему дома из пяти-шести помещений (он приводит план такого дома со словенскими названиями его частей)⁸⁰. Кропотливо и тщательно ученый создавал подробные планы домов разного типа в деревнях Верхней Крайны, учитывая при этом сословный признак. Статья была снабжена 19 рисунками и планами домов с изображением разных их типов во всех частях Крайны.

Вторую статью «Материалы по истории развития славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны»⁸¹ А.Н.Харузин предваряет 57 фотографиями жилых и хозяйственных построек в разных селениях. При этом в ряде рисунков помечен и год постройки, что очень важно для исследователя. В примечании ученый указывал, что в основу второй статьи легли его личные наблюдения, сделанные в 1901 и 1902 гг. в 34 селениях и местечках Верхней Крайны, начиная от Битне (Bitnje) и кончая горной деревней Стол (Stol). А.Н.Харузин старается не повторять материал, представленный в первой статье. По его мнению, села Верхней Крайны, в отличие от русских деревень имеющие нередко до тысячи жителей, как правило, состоят из нескольких десятков домов, находящихся на незначительном расстоянии друг от друга. Жилой дом, сарай, колодец и другие хозяйственные постройки расположены рядом с садом. Нередко в деревнях есть своя гостиница с харчевней и комнатами для ночлега. Почти в каждой деревне имеются продуктовая лавка, кузница, водяная мельница, иногда лесопильня⁸².

В горных селениях сохранились архаичные постройки, в которых обычно живут пастухи, молочники, сыровары. Расположенные на высоте тысячи метров, они представляют огромный интерес для изучения истории жилищ вообще⁸³. Временным жилищем для пастухов служат *кочне*, *стан* или *байта* (ко́чне, stan, bajta) — хижины почти одинакового вида, названия которых зависят от местности. Простейшей формой жилой постройки, притом древнейшей, служит у словенцев *кочне* — бревенчатый сруб, не превышающий роста человека. Словенец различает и слова *ко́са* (ко́пне) и *ку́са*. Первое означает хижину, второе — дом. В иностранном примечании Харузин анализирует слова, имеющие общий корень у сербов, черногорцев и боснийцев. Ученый приводит и известные во многих губерниях России термины: *кут*, *куть*, *кутник*. Все эти термины, по предположению Харузина, отражают понятие о древнейших жилищах всех славян⁸⁴.

Описывая дома, а также хозяйственные постройки (hlev, nadhlev, kevder, paštba, šupa, drvnica и др.), Харузин опирался на сделанные им самим чертежи-планы (всего 36 планов), приводя их в самом тексте статьи и делая, таким образом, особенно наглядными представления о разных типах построек в разных частях Верхней Крайны. Размышляя об эволюции словенского крестьянского дома и хозяйственных построек от наиболее примитивных (шалаш, хижина и др.) до многокамерных и двухэтажных строений, ученый стремится выявить связь этой эволюции с природными и климатическими условиями, с развитием семьи и

ее хозяйства. Эта статья, более обширная, чем предыдущая, содержит и более разнообразные сведения.

А.Н.Харузин рассматривает разные двухкамерные постройки в селах Зазеро (Zazero), Млино (Mlino) и Ратече-Белапечь (Rateče-Belapeč), обращая при этом внимание на связь благосостояния хозяина и внутреннего строения дома. Ученый приводит и подробные планы разных типов трехкамерных домов в деревнях Блед (Bled), Верхнее Горье, Нижнее Горье (Spodnje Gorje, Zgodnje Gorje), Речица (Rečica) и др., а четырехкамерных — в деревнях Бегунье (Begunje), Сламник (Slamnik), Тржич (Tržič) и др. При этом его внимание привлекают дома, выстроенные в 1748, 1766, 1783 и последующих годах. Он дает подробное описание их особенностей, что очень важно для понимания позднейшей архитектуры и интерьера крестьянских домов словенца.

А.Н.Харузин наблюдал в Верхней Крайне жилые одноэтажные постройки с двухскатной крышей. Он приводил и мнение своего знакомого словенца Людевита Енко⁸⁵ о том, что типичным для словенских крестьян было двухэтажное строение (внизу хлев, наверху комната) с четырехскатной крышей. Помещение хлева на первом этаже типично не только для Верхней Крайны, но и для Боснии, Герцеговины, Черногории и Далмации. Сравнительный материал, приводимый А.Н.Харузиным, весьма ценен для понимания принципов строения крестьянского жилища по типу шалаша с четырехскатной крышей, что было характерно и для первичных словенских и шире — славянских построек.

В начале XX в. большинство словенских крестьянских домов строилось из камня. Но его введение происходило постепенно: вначале из камня возводился фундамент, затем уже хлев, конюшня, кладовая, тогда как верхний этаж оставался деревянным (такие дома русский ученый видел в селениях Нижнее и Верхнее Горье). Новый момент второй статьи А.Н.Харузина о словенском жилище в том, что он характеризует не только их внешнюю архитектуру, но и интерьер со всеми деталями. Подробности внутреннего строения жилищ очень важны для исследователей. Они дают возможность сопоставлять детали жилища у разных народов и делать выводы о времени их введения, значимости, об архайческих и новых чертах. Именно поэтому Харузин считает нужным остановиться на *хише* (hiša), которая означает «жилой дом», а в переносном смысле — «очаг». В подробном примечании ученый рассматривает этимологию слова хиша (хижа — у сербов, *chyža* — у словаков, хижина — у русских). Он предполагает, что у словенцев хиша появилась в период оседлости, хотя неизвестно, каким путем шло ее становление. В начале XX в. словенская хиша была пристройкой к *веже* (veža) — основному поме-

щению, имеющему очаг. С присоединением хиши постройка становилась двухкамерной. В хише обычно имеется обеденный стол и распятие (*križ*); в ней почти всегда два окна, выходящие на фронтоны, и два — со стороны входной двери. Исключения, считает Харузин, очень редки⁸⁶.

Характерным для старых домов Верхней Крайны является *лева* (*leva*) — ниша в стене, которая к печи не примыкает и отделяет хишу от вежи. Нижний ее край образует подобие полки; над нишей имеется навес, а под ним отверстие в стене для *дымника* (*dimnik*).

Печь (*peč*) в словенском доме Верхней Крайны всегда топилась или в кухне или в веже. В современном быту словенцев *вежа* — это помещение с очагом в двухраздельной или более сложной постройке. Первоначально она означала сени без очага. В дальнейшем вежа обустроивалась очагом. А хиша становилась собственно жильем⁸⁷. Размер печи зависел от размеров дома. Нижняя кирпичная ее часть больше изразцовой; между ними — заре́сек, служащий зимой как постель. Изразцы почти всегда темно-зеленого цвета и представляют собой плоские четырехгранные пирамидки⁸⁸.

Иногда дом словенца расширялся за счет *камры* (*kamra*), делается трехкамерным. По наблюдению А.Н.Харузина, во многих домах Верхней Крайны камра — это часть избы, отделенная от последней перегородкой, не доходящей до потолка. Русский ученый предполагает, что камра возникла путем пристройки нового помещения к хише (у мораван — *камога*, у словаков — *котага*, у черногорцев — *камара*). При этом камра обычно ниже хиши на одну-две ступени. Характерная черта камры — одно окно со стороны фронтона и то, что она не отапливается. Во многих домах, даже у богатых крестьян, камры нет. Харузин полагает, что причиной тому — развитие словенского дома в двух направлениях: со стороны избы (*hiša*) пристраивалась камра, а со стороны вежи (*veža*) — помещения с пристенным очагом — жилая комната (*čumnata*; у русских — комната, украинцев — *кімната*, у словаков — *komnata*). С помощью чумнаты дом не расширялся (как в случае с камрой), а удлинялся. Она обычно служила спальней и отдавалась молодоженам. Камра, в отличие от чумнаты, более позднего происхождения. Она появилась в словенском доме в связи с введением камня как строительного материала. В Крайне даже в деревянных домах она пристраивалась из камня и встречалась в трех- и четырехкамерных домах⁸⁹.

Ученый считает нужным остановиться и на значении верхнего этажа в общей архитектонике дома. Он обычно отдается взрослым детям или сдается внаем. Верхний этаж состоит из одной

или нескольких комнат, носящих название *верхняя хиша* — *gornja hiša*. Эта часть дома представляет собой сруб, в котором очаг встречается редко. Если в доме нет верхнего этажа, то лестница из вежи ведет прямо на *чердак* (*podstrežje*, *podstrešina*). В большинстве случаев чердак не имеет своего потолка, а идет прямо под крышу. Чаще всего на чердаках стоят длинные *лари* (*skrinja*) для хранения одежды (в сербском языке скринья — шкаф или сундук). Обычно они выкрашены в зеленый или красный цвет и имеют роспись, изображающую, как правило, розы.

Развитие словенского дома от простой двухкамерной постройки до четырехкамерной и двухэтажной зависело, по мнению Харузина, от развития семьи. Ютясь первоначально в хише, часть семьи пользовалась для ночлега и хлевом, и занявшей его место *клетью* (*klet*). Последняя, как и у русских, служила у словенцев помещением для новобрачных (позже эту функцию стала выполнять *чумната*). Взрослые дети в многолюдных семьях ночевали на чердаке, что привело к возникновению *горней хиши*. Комнатами верхнего этажа, очевидно, пользовались и женатые сыновья, оставшиеся в семье родителей и образовавшие с ними *задругу*⁹⁰. По мере отделения молодой семьи наверху строился очаг (или 2—3 очага). Обычно верхний этаж появлялся в четырехкамерном доме. Подробно, с рисунками и планами, А.Н.Харузин дает описание четырехкамерных двухэтажных домов и показывает их эволюцию, в процессе которой верхний этаж получал очаг, а разросшаяся семья делилась на два обособленных хозяйства⁹¹. Дом в деревне Блед, насчитывавший около четырех столетий, населяли две разные семьи, предки которых, возможно, имели родственные связи.

В заключении к статье ученый приходит к выводу, что в Верхней Крайне сохранились постройки разных ступеней развития: и однокамерные, часто лишенные даже окон, потолка и пола, и помещения (в частности, *сырварня* — *siřarnica*) с очагом и жилой частью с нарами, и современные постройки с двумя или четырьмя комнатами, имеющие вход с длинной стороны дома. В основу дома начала XIX в. в Верхней Крайне, по мнению Харузина, легло древнее жилище с двухскатной крышей и входом со стороны фронтона⁹².

Заключает статью сравнительный материал по постройкам в Австрии (Зальцбург), Боснии, Моравии, Галиции, Литве, где автор тоже побывал во время своего путешествия в 1901—1902 гг. А.Н.Харузин не оставляет без внимания и немецкое влияние на словенское жилище (особенно на краинский трехкамерный дом), но главными для него остаются как генетически общие славянские черты жилых и хозяйственных построек, так и «национально-особенные свойства» именно словенских построек.

В процессе развития хозяйственных помещений (shramba, klet, kevder) — кладовых и погреба для хранения сухих и иных припасов — происходила централизация; они подводятся под одну крышу. Однако их эволюция у разных народов не шла синхронно. Это важное замечание Харузина выявляет присущий ему исторический подход к проблеме развития славянского жилища.

Статьи А.Н.Харузина о словенском жилище вызвали одобрение словенских ученых. Так, Ф.Илешич писал, что русский ученый подметил и подробно описал то, чему сами словенцы не уделяют должного внимания. Он, по мнению Илешича, точно описал словенское крестьянское жилище; словенцы должны быть благодарны «Харузину не только за описание нашего дома, но и показ его в рисунках всему миру»⁹³.

Синхронный и диахронный подход к исследованию жилища характерен и для более позднего фундаментального труда А.Н.Харузина «Славянское жилище в Северо-Западном крае. Из материалов по истории развития славянских жилищ». Этот труд, по словам самого ученого, основан на шестилетних «личных наблюдениях над жилищами белорусов, великороссов, малороссов и поляков в губерниях: Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Могилевской и Минской, а равно в разных великоросских и малоросских губерниях, затем в Привисленском крае, в Галиции, Силезии, Штирии, Каринтии, Крайне, Истрии, Австрийском и Венгерском Приморьях, Хорватии, Боснии, Герцеговине, Далмации и Черногории»⁹⁴.

В своем труде А.Н.Харузин опирался также на предоставленные ему материалы от разных лиц, которых он благодарит в предисловии. При этом ученые или просто любители работали по программе, выработанной самим же Харузиным (см. выше о его «Руководстве») и разосланной РГО или лично им самим. Использовал ученый и коллекции моделей славянских построек Дашковского этнографического музея Москвы, этнографического музея Варшавы, национальных музеев Любляны, Загреба, Сараева. Материалы, собранные разными лицами по программе князя В.Н.Тенишева, также помогли Харузину в создании его исследования. Неопубликованные статьи безвременно умершего брата, Н.Н.Харузина, дополнили все эти и другие сведения о жилищных условиях всех славянских народов.

Источники, на которые опирался А.Н.Харузин, принадлежали перу таких ученых, как В.В.Суслов, Н.И.Костомаров, Н.Д.Чечулин, И.Е.Забелин, С.В.Максимов, Н.А.Янчук, П.В.Шейн, П.А.Ровинский, а также В.Матлаковски, Р.Мерингер, Д.Маринов и многие другие. Словари русского и славянских языков использовались для «пополнения номенклатуры построек и отдельных

частей, собранных нами при личных обследованиях на местах или извлеченных из доставленных нам материалов и литературных источников»⁹⁵. Далее А.Н.Харузин отмечает, что пользуется, в частности, словарями И.И.Срезневского, П.А.Лаврова, И.И.Новосича, В.И.Даля, Е.К.Тимченко, Н.Герова, Дж.Поповича, А.Янезича и многих других авторов. Весь труд А.Н.Харузина насчитывает 337 страниц и имеет 60 планов различных жилищ в тексте и 202 фотографии, выполненные автором. Его цель — выявление как общих по происхождению и развитию черт жилищ славянских народов, в том числе и взаимовлияния, так и своеобразных, национально-самобытных его свойств у каждого народа⁹⁶. Очень важным моментом исследования является алфавитный указатель терминов (в русском и латинском регистре).

Книга построена своеобразно: автор отказался от суммарной характеристики жилища отдельного народа, его больше привлек сравнительный анализ элементов жилых и хозяйственных построек славянских и иных европейских народов. Первый раздел монографии посвящен статистике населения Северо-Западного края, второй — постройкам. В нем он выделяет параграфы, посвященные строительным материалам, фундаменту, срубам, крыше, окнам, жилому дому, гумну и овину, сеновалу, клети и подвалу, бане и т.д.

Один из разделов книги называется «Деревня и усадьба» и состоит из подразделов: деревня, двор, изгородь, ворота, усадьба. Следующий посвящен анализу развития жилища. Он включает характеристики составных частей жилого дома, таких, как хата, сени, кладовая, комната и светелка, спальня, кухня, чердак, а также типы жилого дома (однокамерный, двухкамерный, трехкамерный, выделение спальни, кухни; сложный дом, фронтонное развитие дома).

Материалы по истории жилища югославянских народов, в том числе словенские, широко используются в книге. Можно утверждать, что они составляют одну из основ исследования Харузина, помогая ему строить гипотезы и делать важные научные выводы. Не случайно рецензенты указывают, что главное достоинство книги Харузина — это богатейший материал по сравнительному анализу всех типов славянского жилища. Известный российский ученый Д.К.Зеленин в своей рецензии на книгу А.Н.Харузина пишет: «Книга г. Харузина принадлежит к числу... редких в наше время обобщающих исследований». По обилию рисунков и чертежей (планов) жилищ, отмечает рецензент, его книга единственная в своем роде. Ее «с удовольствием и пользой прочтет всякий, кто только интересуется бытом русского народа, первобытной славянской культурой и народной архитектурой»⁹⁷.

Книга Харузина действительно шире своего названия — она содержит сравнительный анализ важнейших компонентов материальной культуры многих славянских народов, основанный на новых материалах, которые дали автору возможность сделать интересные для славянской этнографии выводы о развитии славянского жилища, об общности происхождения многих его элементов и взаимовлияниях. Этот материал до сих пор используется российскими этнологами. Важно, что уже в начале XX в. А.Н.Харузин брал за основу систематики жилища его горизонтальное и вертикальное развитие, определял при этом функцию и место первоначального ядра в общей планировке традиционного жилища. Нужно отметить также, что русский ученый пытается наметить типологию славянского жилища, выделяя типы построек от архаичных однокамерных до четырехкамерных. При этом он учитывал не только конкретные природные условия изучаемого региона (рельеф местности, климат, наличие разных строительных материалов), но и влияние хозяйственного уклада, имущественного расслоения (богатые и бедные), изменения жилища в связи с эволюцией форм семьи.

* * *

Научная деятельность А.Н.Харузина становится менее интенсивной после 1907 г., когда он занимает такие государственные посты, которые, по-видимому, не оставляли времени для научной работы. Будучи директором Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий он редактирует «Очерки сектоведения» (1911 г.). За несколько лет до революции он оставляет государственную службу. Однако возобновил ли он занятия наукой, неизвестно; каких-либо публикаций А.Н.Харузина в этот период нет. Лишь в конце 20-х — начале 30-х годов, работая на опытной станции в Тульской губернии, а затем консультантом по огородничеству в Сельхозгизе в Москве, он публикует около 20 работ по семеноводству и огородничеству. Это свидетельствует не только об огромном трудолюбии А.Н.Харузина и разнообразии его научных интересов, но также и о том, что он, вероятно, искал такое поле для своей научной деятельности, которое бы не соприкасалось с официальной идеологией.

Труды А.Н.Харузина, посвященные множеству важнейших проблем, недостаточно изучались, а его вклад в историю российской научной мысли XIX—XX вв. явно недооценивался, что было связано с предъявленными ему необоснованными обвинениями в конце 20-х и начале 30-х годов и его трагической судьбой. Между тем даже приведенные в нашей статье материалы о разносторонней научной деятельности Алексея Николаевича

дают представление о содержании и значении многих его работ и о том большом вкладе, который, несомненно, внес русский ученый в эволюцию этнографических и антропологических знаний о мире.

¹ У Харузиных было еще две сестры — Елена Николаевна Харузина (в браке — Арандоренко) и Ольга, умершая в 4 года. — ОПИ ГИМ, ф. 81, д. 77, 78. — *Харузина В. Н.* Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет (в печати).

² Вероятно, часть библиотеки Харузиных сгорела при пожаре особняка Харузиных в Москве на углу Кречетниковского и Борисоглебского переулков в 1922 г. (этот дом № 3 был построен архитектором О. И. Бове в 1812 г. В настоящее время не сохранился).

³ Между тем в книге «Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь» (М., 1979), в статье о А. Н. Харузине указывается, что его архив вообще не обнаружен (с. 352—354).

⁴ Предварительные сведения о содержании архива А. Н. Харузина в библиотеке МГУ приводятся нами в заметке: *Керимова М. М., Наумова О. Б.* Архив А. Н. Харузина в библиотеке МГУ. — ЭО. 1995. № 6.

⁵ Инна Евграфовна Огнева (в первом браке Харузина) — жена Олега Харузина, сына А. Н. Харузина. Е. П. Крюкова — племянница И. Е. Огневой любезно предоставила материалы (записи и фотографии) из семейного архива Харузиных, за что выражаем ей огромную благодарность.

⁶ Во всех справочных изданиях дата смерти А. Н. Харузина или вообще не указана, или приводится ошибочно — 1931 год. См., например: *Славяноведение в дореволюционной России...*, с. 352; *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966, с. 424.

⁷ *Харузин А. Н.* Заметка к статье П. С. Назарова «К антропологии башкир». — Дневник Антропологического отдела (далее — ДАО). Вып. 2. М., 1890, с. 54—59.

⁸ *Гильченко Н. В.* Материалы для антропологии Кавказа. I. Осетины. СПб., 1890.

⁹ *Харузин А. Н.* О влиянии тюркской крови на иранский тип осетин. — ДАО. Вып. 5. М., 1890, с. 191—197.

¹⁰ *Харузин А. Н.* Заметка о татарах Южного Берега Крыма. — ДАО. Вып. 2, 1890, с. 59—62; *он же.* О росте татар Южного Берега Крыма. — ДАО. Вып. 3. М., 1890, с. 80—87; *он же.* Татары Гурзуфа (Кефалометрические наблюдения над татарами Южного Берега Крыма). — ДАО. Вып. 7. М., 1890, с. 249—270.

¹¹ *Харузин А. Н.* О некоторых соотношениях размеров головы и лица по возрастам у киргизов. — ДАО. Вып. 3. М., 1890, с. 74—80.

¹² *Харузин А. Н.* К антропологии индейцев племени сиу. — ДАО. Вып. 9. М., 1890, с. 373—381.

¹³ *Харузин А. Н.* Древние могилы Гурзуфа и Гутуша. М., 1890.

¹⁴ *Харузин А. Н.* Череп с «Кудеярова обрыва». — ДАО. Вып. 3., с. 94—97; *он же.* Два калмыцких черепа. — ДАО. Вып. 4. М., 1890, с. 117—124; *он же.* Черепа из курганов села Троицкого-Кайнарджи Московского уезда. — ДАО. Вып. 5. М., 1890, с. 186—191; *он же.* Черепа из раскопок В. И. Сизова в Московском уезде. — ДАО. Вып. 6. М., 1890, с. 212—220.

¹⁵ ДАО. Вып. 9. М., 1890, с. 389—390.

¹⁶ См.: *Исмагулов О.* Этническая антропология Казахстана (Соматологические исследования). А.-А., 1982; *Исмагулов О., Сихимбаева К. Б.* Этническая одонтология Казахстана. А.-А., 1989.

¹⁷ *Харузин А. Н.* Курганы Букеевской степи. — Известия ОЛЕАЭ, т. 64 (Труды антропологического отдела. Т. 11, вып. 2). М., 1890.

- ¹⁸ Там же, с. 106.
- ¹⁹ Русский вестник. 1890, № 5, с. 287—289; Русская мысль. 1890, № 6, с. 265—266.
- ²⁰ Степные очерки (Киргизская Букеевская орда. Странички из записной книжки). М., 1888.
- ^{20а} [Рец. на:] *Харузин Алексей*. Киргизы Букеевской орды. — ЭО. 1889. Кн. 2, с. 172.
- ²¹ *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. М., 1889, с. 14.
- ²² Там же, с. 102.
- ²³ Там же, с. 160.
- ²⁴ См. там же, с. 101, 260.
- ²⁵ Там же, с. 91.
- ²⁶ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984, с. 288.
- ²⁷ *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды. Вып. 1, с. 83.
- ²⁸ Там же, с. 260.
- ²⁹ Там же, с. 257—259.
- ³⁰ Там же, с. 286.
- ³¹ ЭО. 1889. Кн. 2, с. 175.
- ³² Русская мысль. 1891, № 8, с. 351—352.
- ³³ *Харузин А. Н.* Библиографический указатель статей, касающихся этнографии киргизов и каракиргизов с 1734 по 1891 г. М., 1891.
- ³⁴ *Алекторов А. Е.* Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань. 1900.
- ³⁵ До «Библиографического указателя» А. Н. Харузина на русском языке вышли два списка литературы о казахах в «Туркестанском сборнике» и «Туркестанском ежегоднике», страдающие неполнотой и отсутствием аннотаций (см.: *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды. Вып. 1, с. 16).
- ³⁶ Русская мысль. 1891, № 12, с. 539.
- ³⁷ *Масанов Э. А.* Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. А.-А., 1966, с. 166.
- ³⁸ История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 2. А.-А., 1979, с. 255; Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. А.-А., 1985, с. 558.
- ³⁹ *Харузин А. Н.* К вопросу о происхождении киргизского народа. М., 1895, с. 87.
- ⁴⁰ Там же, с. 55.
- ⁴¹ Там же, с. 91.
- ⁴² *Исмагулов О.* Этническая антропология Казахстана, с. 167—168; см. также: *Исмагулов О., Сихимбаева К. Б.* Этническая одонтология Казахстана, с. 221.
- ⁴³ *Харузин А. Н.* К вопросу о происхождении киргизского народа, с. 90.
- ⁴⁴ *Масанов Н. Э.* Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности nomадного общества). А.-А., 1995, с. 242.
- ⁴⁵ *Харузин А. Н.* По поводу брошюры о студенческой жизни в Дерпте. Ревель, 1891; *он же.* Город студентов. Ревель, 1891; *он же.* К вопросу о корпоративном строе студентов в Дерпте. Ревель, 1893.
- ⁴⁶ *Харузин А. Н.* К антропологии населения Эстляндской губернии. — Временник Эстляндской губернии. Под редакцией А. Харузина. Ревель, 1894, с. 2.
- ⁴⁷ См. статьи А. Н. Харузина: Беглый взгляд на деятельность Эстляндского Губернского статистического комитета за 30 лет его существования (с 1863 по 1893 г.); Фактическое положение вопроса о народном продовольствии в Эстляндской губернии; К статистике волостных должностных лиц Эстляндской

губернии за 1893 год; Состояние посевов, ход урожая и результаты урожая хлебов и картофеля по умолоту сравнительно с высеванным зерном в Эстляндской губернии за 1893 год. — Временник Эстляндской губернии. Ревель, 1894.

⁴⁸ Харузин А. Н. Крестьянское землевладение в Эстляндской губернии по данным 1892—1894 г. Вып. 1, 2. Ревель, 1895.

⁴⁹ Там же, с. 194.

⁵⁰ Харузин А. Н. В Совет Императорского РГО. Заявление [действительного] ч[лена] А. Н. Харузина... — Известия РГО. СПб., 1899, т. 35, вып. 7.

⁵¹ Там же, с. 760.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Отчет РГО за 1899 г. СПб., 1900, с. 19.

⁵⁵ Харузин А. Н. Босния—Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австрийской империи (с картой). СПб., 1901, с. 247.

⁵⁶ Там же, с. 246.

⁵⁷ Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина, Старая Сербия. — Записки РГО, СПб., 1859, кн. 13; *он же*. Славянские народности Австро-Венгрии и Турции. — Собр. соч. Т. 2. СПб., 1868.

⁵⁸ Харузин А. Н. Босния—Герцеговина, с. 250.

⁵⁹ Там же, с. 35.

⁶⁰ Там же, с. 266.

⁶¹ Там же, с. 90.

⁶² Ровинский П. А. [Рец. на:] А. Н. Харузин. Босния—Герцеговина. — Известия Имп. АН. Отдел русского языка и словесности. СПб., 1902, т. 7, кн. 1—2, с. 401.

⁶³ Пытин А. Н. [Рец. на:] А. Н. Харузин. Босния—Герцеговина. — Вестник Европы. СПб., 1901. Т. II. № 3, с. 402. См. также рецензии анонимных авторов: Русская мысль. М., 1901, № 9; Мир Божий. СПб., 1902, № 10.

⁶⁴ ОПИ ГИМ, ф. 81, д. 67, л. 113 (Дневник В. Н. Харузиной).

⁶⁵ Чуркина И. В. Русские и словенцы. М., 1986, с. 74—126.

⁶⁶ Харузин А. Н. Австрийская Крайна. СПб., 1902, с. 1. А. Н. Харузин приводит данные общей численности словенцев на начало XX в. — 1 млн. 200 тыс.

⁶⁷ Харузин А. Н. Австрийская Крайна, с. 12.

⁶⁸ Там же, с. 23.

⁶⁹ Харузин А. Н. Краинский кряж и его чудесные явления. — Русский вестник. СПб., 1902, № 3—4; *он же*. Национальная эволюция словинцев. — Русский вестник. СПб., 1902, № 7.

⁷⁰ Харузин А. Н. Национальная эволюция словинцев, с. 78.

⁷¹ А. Н. Харузин считает, что из 500 тыс. жителей Краины 360 тыс. заняты земледелием (там же. с. 81).

⁷² Харузин А. Н. Национальная эволюция словенцев, с. 87, 88—99.

⁷³ См.: Рыжова М. И. Письма Антона Ашкерца А. В. Суворову, Ф. Е. Коршу, А. Л. Волинскому, Д. Н. Вургуну. — Литература славянских народов. М., 1960. Вып. 5, с. 212; на отзывы А. Ашкерца в журнале «Ljubljanski zvon» (1902, № 9 и 1903, № 12) ссылается и И. В. Чуркина: Русские и словенцы, с. 126.

⁷⁴ Руководство для собирания сведений о крестьянских постройках. Издание РГО. СПб., 1902.

⁷⁵ Там же, с. 3.

⁷⁶ Там же, с. 5.

⁷⁷ Журнал являлся периодическим изданием Отделения этнографии РГО и выходил под редакцией проф. В. И. Ламанского.

⁷⁸ Харузин А. Н. Крестьянин Австрийской Краины и его постройки. — Живая старина. СПб., 1902, вып. 1, с. 6.

⁷⁹ Там же, с. 11.

⁸⁰ Там же, с. 25.

⁸¹ См.: *Харузин А. Н.* Материалы по истории развития славянских жилищ. Жилище словинца Верхней Крайны. — Живая старина. СПб., 1903. Отд. I. Вып. III, IV, с. 259—357. В ЭО за 1903 г. (№ 3, кн. LVIII, с. 213) помещена анонимная аннотация этой статьи.

⁸² Там же, с. 259—336.

⁸³ Там же, с. 263.

⁸⁴ Там же, с. 264, прил., с. 345.

⁸⁵ Людевит Енко — словенский филолог, создатель Русского кружка в Любляне в 1899 г. Вел в нем бесплатное преподавание русского языка.

⁸⁶ *Харузин А. Н.* Жилище словинца Верхней Крайны, с. 300—301.

⁸⁷ Там же, с. 349.

⁸⁸ Там же, с. 303.

⁸⁹ Там же, с. 306.

⁹⁰ Задруги у словенцев существовали в период раннего средневековья, но социально-экономическое развитие этого региона привело к их исчезновению в большинстве областей значительно раньше, чем в других югославянских землях. См.: *Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.* Брак и семья у народов Югославии. М., 1982, с. 86.

⁹¹ *Харузин А. Н.* Жилище словинца Верхней Крайны, с. 334.

⁹² Там же, с. 338.

⁹³ *Ljubljanski zvon.* 1904. № 10.

⁹⁴ *Харузин А. Н.* Славянское жилище в Северо-Западном крае. Из материалов по истории развития славянских жилищ. — Виленский временник. Вильна, 1907, с. 163.

⁹⁵ Там же, с. 169.

⁹⁶ Там же, с. 172.

⁹⁷ *Зеленин Д. К.* [Рец. на:] *Харузин А. Н.* Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907. — Исторический вестник. СПб., 1908. № 4, с. 353.

Р. Ш. ДЖАРЫЛГАСИНОВА, М. Ю. СОРОКИНА

**Академик Н. И. Конрад:
неизвестные страницы биографии
и творческой деятельности**

Творческая деятельность академика Н. И. Конрада (1891 — 1970), его выдающиеся достижения в области изучения филологии, истории культуры и этнографии народов Восточной Азии, в первую очередь Японии, Китая и Кореи; его оригинальные сравнительно-культурологические исследования по проблеме «Запад—Восток»; его вклад в развитие теории и истории мировой культуры — блестящие страницы нашей науки.

Между тем полная научная биография Н. И. Конрада пока еще не написана¹. Перипетии судьбы ученого неотделимы от истории духовных взлетов и падений, прозрений и ошибок, борьбы и примирения того поколения российской интеллигенции, на долю которого выпало труднейшее испытание — испытание жизнью на переломе эпох, культур, систем. За внешним благополучием его научной карьеры — доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент, академик АН СССР, основатель и глава советской школы японистики, автор многочисленных книг и статей, получивших широкое признание в отечественной и мировой науке, по-прежнему кроется еще много неизвестного. Хотя необходимо отметить, что список работ, посвященных Конраду, значителен². Важным этапом в изучении его творческой биографии стал выпуск книги «Н. И. Конрад. Неопубликованные работы. Письма», подготовленный Архивом Российской Академии наук³.

И все же о многом в непростой, а порою трагической судьбе Н. И. Конрада сегодня приходится только догадываться. Некоторым неизвестным или малоизвестным страницам биографии и творческой деятельности Н. И. Конрада и посвящают авторы свою работу.

* * *

Н. И. Конрад родился 1(13) марта 1891 г. в Риге в семье железнодорожного служащего⁴. Еще в гимназические годы (а учился

он в гимназии Императора Николая I) у него пробудился интерес к Востоку, к Китаю и Японии. В отличие от многих других востоковедов петербургской школы, импульс к изучению Востока пришел к молодому Конраду не из книжных древности, а из остроты современных ему социальных коллизий. «Все же почему меня заинтересовали именно языки Дальнего Востока — китайский и японский? — вспоминал Н.И.Конрад. — Ответ простой: Китай и Япония были теми двумя странами, которые властно вошли в мое сознание с первого же момента, когда это сознание стало играть свою роль в моей жизни... В моей семье бывали "Нива", "Вокруг света", "Природа и люди", последние два журнала считались юношескими и выписывались для меня. И вот в 1900 г. эти журналы были заполнены... Китаем: это был год "Боксерского восстания", "Пекинского сидения", т.е. осады восставшими посольского квартала, когда дипломаты и члены иностранных колоний вынуждены были строить баррикады и учиться держать в руках оружие. Журналы, помещая, конечно, военные снимки, гораздо больше места отводили "географии и этнографии", т.е. описаниям жизни и быта Китая того времени. Так я уже на самой заре своей сознательной жизни узнал про Китай.

За Китаем последовала Япония. Это случилось скоро — через четыре года: в 1904 г. началась русско-японская война... В связи с этой войной о Японии стали писать не только "тонкие" иллюстрированные журналы, но и "толстые"; начали издаваться книжки о "Японии и японцах", как многие из подобных изданий назывались. С окончанием войны эта литература не только не исчезла, но даже стала расти, главным образом — за счет переводов... Тем самым к окончанию гимназического курса, т.е. к тому моменту, когда должен был произойти выбор дальнейшего пути, вопрос для меня был решен: буду изучать Японию и Китай⁵.

Осенью 1908 г. Н.И.Конрад поступил на японско-китайское отделение Факультета восточных языков Петербургского университета. Здесь преподавали его будущие старшие коллеги — тогда еще приват-доцент, в дальнейшем академик (1929 г.) В.М.Алексеев, профессор (академик, 1921 г.) И.Ю.Крачковский, уже академики Н.Я.Мартр и В.В.Бартольд. Параллельно юноша слушал лекции на Историко-филологическом факультете Университета. С 1909 г. Н.И.Конрад стал также заниматься японским языком в Практической восточной академии, где одним из его руководителей был выдающийся русский японист Д.М.Позднеев (1865 — 1937)⁶.

В 1912 г. Н.И.Конрад оканчивает Факультет восточных языков и Практическую академию. «И тут вмешался тот самый

"случай", а может быть — и "судьба", — вспоминал ученый. — Русско-японское общество — полуофициальное, полублаженное учреждение — решило послать в Японию для изучения этой страны двух "подающих надежды" молодых людей из числа окончивших факультет⁷. Всего два месяца провел Н.И.Конрад в Японии в 1912 г., но они заложили солидный практический фундамент его будущей деятельности.

По возвращении из Японии в 1913 г. Н.И.Конрад опубликовал первую научную работу, посвященную японской начальной школе⁸. В том же году началась его педагогическая деятельность: в Киевском коммерческом институте он читал лекции по китайскому и японскому языкам, по этнографии народов Китая и Японии. В 1914 г. Н.И.Конрад вернулся в Петербург и начал подготовку к профессорскому званию при Университете.

Накануне первой мировой войны, в июле 1914 г., он снова был командирован в Японию. Первоначально предполагалось, что командировка продлится только летние месяцы. Но возвратился он только через три года — в июле 1917-го. Во время этого пребывания в Японии Н.И.Конрад несколько раз посетил Корею, а также побывал в Китае⁹. Вернувшись в Петроград, Н.И.Конрад сдал магистерские экзамены по японской, китайской и корейской филологии, что открыло ему путь к преподаванию в Университете.

Однако уже к середине 1918 г. Конрад оказался довольно далеко от обеих революционных столиц — в провинциальном, хотя и губернском Орле, где жили его родители. Если осенью 1917 г. когда-то «милюковствующее и кадетствующее сердце» молодого япониста склонялось к поддержке эсеров — так сам Конрад в письме Н.А.Невскому определял направление своей политической эволюции¹⁰, — то с начала 1918 г., по-видимому под влиянием Е.Д.Поливанова, он тесно сотрудничает с Китайским советом рабочих депутатов в Петрограде, располагавшимся совсем близко от Университета и Академии наук — на 2-й линии Васильевского острова, а также работает с НКИД Л.Д.Троцкого — переводит на японский язык «Обращение к народам Востока» и «Обращение к трудящимся и угнетенным всего мира»¹¹. «Мы ведь теперь живем в стадии творчества, — убеждал он остававшегося в Японии Н.А.Невского, — творчества не только государственной жизни, но и личного индивидуального бытия, поскольку оно теснейшим образом связано с государством. И вот в этом творческом процессе необходимо, если участвовать и не активно, то мыслить, ибо в конце концов только она и творит действительное, действительное для всего своего существа. Без преувеличения могу сказать, что мы перерождаемся и я в том числе»¹².

Сам Н.И.Конрад так никогда и нигде не объяснил, что же именно заставило его покинуть Петроград в конце лета 1918 г. — отставка ли Е.Д.Поливанова из НКВД, начинавшийся красный террор или просто материальные трудности. Возможно, не последнюю роль в этом сыграла и атмосфера в Университете. Состав Факультета восточных языков в 1917/18 уч. г. был очень силен: здесь еще два раза в неделю преподавал современный японский язык и грамматику разговорного и письменного японского Сергей Григорьевич Елисеев (1889—1975) — первый европеец, получивший высшее образование в Японии (в 1912 г. он окончил Императорский университет в Токио со степенью бакалавра литературы, представив работу «О поэзии Басё, великого народного поэта Японии»), с которым Конрад провел вместе несколько лет в Японии; приват-доцент Евгений Дмитриевич Поливанов (1891—1938) читал курс исторической грамматики японского языка, а Оттон Оттонович Розенберг (1888—1919) — введение в японскую филологию, историю религии и религиозно-философской литературы в Японии; китайский же разряд всецело находился в руках Василия Михайловича Алексеева (1881—1951) и Алексея Ивановича Иванова (1877—1937). При таком преподавательском раскладе место и перспективы Конрада в Петроградском университете были весьма неопределенны; он даже собирался снова уехать в Японию, но поездка расстроилась.

Зато в Орле, где было пока еще спокойнее и сытнее, он стал интенсивно преподавать в Пролетарском (позднее — Государственном) университете, а в 1920 г. даже возглавил его, став ректором (до 1922 г.). Под грифом Орловского университета в 1921 г. вышла вторая большая научная работа Н.И.Конрада — перевод и комментарии к японскому литературному памятнику «Записки из кельи» Камо-но Тёмэя¹³, многие темы и образы которого в исполнении Конрада были вполне созвучны переживаемому Россией лихолетью. Сохранившиеся в архиве Конрада планы и конспекты лекций, читанных им в Орле, — «Этническая психология», «Об истории культуры», «Об истории христианства», «Об истории философии», «Положение народоведения в ряду других наук», «Мифология животных», «Народоведение» и даже «Римское самодержавие и церковная жизнь Востока»¹⁴ — наглядно фиксируют совпадение культурологических и культуртрегерских склонностей Конрада-ученого с романтически-глобальным революционным настроением и духом времени и интересами его провинциальных слушателей. Кажется, к ним — этим рвущимся к знаниям представителям «новой» культуры — он был даже душевно более расположен, чем к людям своей «среды».

В это же время в Орле жили и работали М.М.Бахтин и М.И.Каган, но Конрад не только не сблизился с ними, а скорее разошелся. М.М.Бахтин, отвечая на сетования М.И.Кагана, писал ему в марте 1921 г.: «...мне кажется, что Вы слишком требовательны к русскому провинциальному Университету. Конечно, Орловский университет — авантюра, это ясно было с самого начала и не могло быть иначе; но уверяю Вас, что авантюрой, по существу, являются все без исключения русские провинциальные университеты, и это совершенно неизбежно, ибо настоящих академиков в России не хватает и на столичные университеты, в провинциальных же сидели в прежнее время чиновники с «гражданскими», но отнюдь не научными заслугами, которым до науки было не больше дела, чем орловскому Конраду, но были они даже зловредны и нетерпимы»¹⁵.

Между тем административные навыки, полученные в Орле, способность слушать и объединять людей очень пригодились Конраду, когда он вернулся в 1922 г. в Петроград. К этому моменту положение в японистике оказалось весьма драматическим. В 1919 г. умер О.О.Розенберг; оставался в Японии еще с дореволюционных времен Н.А.Невский; молодые коллеги Конрада по учебе и японской стажировке не приняли новую власть: Мартин-Готгард-Теодор Рамминг (1889—?), в сентябре 1917 г. став драгоманом русского посольства, уехал в Японию, оттуда в Германию (здесь он стал доцентом и профессором Берлинского университета, возглавлял Институт Японии; после войны руководил отделением японологии в университете им. Гумбольдта, избран членом немецкой АН); Орест В. Плетнер (1892—?), занимавшийся вопросами морфологии японского языка, также после сдачи в апреле—мае 1917 г. магистерских экзаменов поступил в МИД и уехал в Японию, где всю жизнь преподавал русский язык (в Осаке, Кобэ, Киото); С.Г.Елисеев после ареста в мае—июне 1919 г. через год — в сентябре 1920 г. бежал в Финляндию, став впоследствии профессором Гарварда и Сорбонны; Е.Д.Поливанов, не поладив со старой профессурой и новыми советскими хозяевами, уехал в Ташкент. Из известных специалистов-японистов помимо Конрада в Центральной России оставался только Олег В.Плетнер (1893—1929), профессорствовавший в Московском институте востоковедения. В соавторстве с Поливановым он написал первую научную грамматику японского языка, которая вышла в 1930 г. Кадров японистов — преподавателей, переводчиков, исследователей — практически не было; фактически институциональную структуру дисциплины надо было создавать заново.

Это оказалось тем более непросто, что петроградские востоковеды — классики старой школы вообще не очень-то признавали

японистику самостоятельным предметом. В.М.Алексеев вспоминал, что как-то С.Ф.Ольденбург, услышав от него об оставленном при Университете японисте, которого Алексеев усердно расхваливал, — а им был не кто иной, как Н.А.Невский, — скептически произнес: «У этого человека дурной вкус, ибо, пройдя курс китайской культуры, он увлекается лишь ее вариантом»¹⁶. Отношение ко «вторичной» японской культуре явно переносилось и на тех, кто ею занимался.

Кроме того, отрыв Конрада от Петроградского университета дистанцией почти в десять лет (Япония, гражданская война) сказывался и в том, что он как бы выпал из петербургского востоковедного клана в момент формирования там новых школ. «Это был тогда, — вспоминал Б.Филиппов, — очень замкнутый, очень своеобразный мирок, еще никак не разбавленный пришельцами из кругов марксизма-ленинизма»¹⁷. И в 1923 г. В.М.Алексеев констатировал, что «Петроград, собирающий в себе лучшие востоковедные силы, доселе совершенно лишен японологов»¹⁸, так и не упомянув Конрада. Между тем В.М.Алексеев прекрасно знал, что с 1922 г. в Петрограде возобновилось университетское преподавание японского языка и литературы. На кафедре японской словесности Университета Конрад читал курсы «Введение в японский язык», «Формы современной японской литературы», преподавал грамматику разговорного языка, вместе со своим помощником по кафедре — Кэмэй Тойдзуми — вел занятия по практической живой речи. В 1926 г. Конраду присвоили звание профессора, а в 1927 г. его первые ученики, будущие выдающиеся японисты Е.М.Колпакчи и А.Е.Глускина, отправились на стажировку в Японию.

Параллельно Конрад пытался реанимировать работу по переводу японской классической и современной литературы в рамках горьковского издательства «Всемирная литература». Впервые его имя появляется в протоколах заседаний коллегии экспертов Восточного отдела 9 июня 1922 г.: по предложению В.М.Алексеева решено «просить г. Конрада принять участие в сотрудничестве в издательстве»¹⁹. Через несколько месяцев, 3 октября того же года Алексеев уже сообщает коллегам о поступлении первых переводов с японского, сделанных Конрадом, по мнению Алексеева, «очень хорошо, художественно и ритмично»²⁰, он же огласил список готовых для издания переводов Конрада. При поддержке С.Ф.Ольденбурга «Рассказы из Исэ» в переводе Конрада были приняты сразу во 2-й номер «Востока», одновременно он получил заказ на переводы корейских сказок и статью о корейской литературе для 3-го выпуска «Литературы Востока»²¹. Активность Конрада была столь велика, что в июне 1923 г. он предлагает

посвятить один из номеров «Востока» исключительно Японии, одновременно кладя на стол и список возможных материалов (к сожалению, он в протоколах не сохранился). Не отвергая идеи в целом, все же осторожная редколлегия решила пока такого номера не выпускать, мотивировав тем, что «вряд ли удастся составить такие же номера по другим странам»²². Не менее настойчиво, чем классические памятники японской литературы, Конрад пытался «продвигать» в «Востоке» современную тематику. 26 июня 1923 г. Б.Я.Владимирцов представлял перевод Конрада «Из писем современного японского толстовца» Токутоми Рока²³, побывавшего в Ясной Поляне в 1906 г., однако само произведение, проникнутое антитолстовским пафосом, пониманием ложности примитивно-мужицкого опрощения, было признано «неинтересным и неподходящим» для журнала. Зато когда в сентябре 1923 г. Конрад предложил в журнал перевод «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу, он был одобрительно принят после рецензии И.Ю.Крачковского²⁴ и опубликован в 1924 и 1925 гг. На протяжении 1924 г. каждый месяц Конрад предлагал редколлегии «Востока» свою «продукцию» в самых разных жанрах — перевод рассказа «Мика», драматической легенды «Сакурака», рецензию на Ляо Чжая, переводы из «Японских сказаний» и японских рассказов, статью «Театр Но»²⁵ и др.

Театр особенно привлекает в эти годы ученого, и он начинает читать лекции по истории японского театра в знаменитом «Зубовском институте» — Институте истории искусств на Исаакиевской площади; сотрудничает с С.Радловым и В.Э.Мейерхольдом. «Будущий маститый академик-марксист, — вспоминал все тот же Б.Филиппов, — был тогда отнюдь не марксистом, но склонным к мистике полуправославным-полуантропософом, не только талантливым востоковедом, но и неплохим пианистом, не только историком и лингвистом, но и горячо увлекающимся медиумизмом и спиритизмом, а также полуголыми девушками-танцовщицами из студии "Гептакор" на Большом проспекте»²⁶.

Этот явно пропитанный иронией портрет Конрада «кисти» все того же Б.Филиппова тем не менее очень точно воспроизводит еще сохранявшуюся в 20-е годы традиционную «многоукладность» научной среды. Интеллигентский Петроград—Ленинград 20-х годов был переполнен разнообразными кружками и «академиями» (кстати, пока никто еще не задался вопросом, откуда такая тяга в самоназваниях того времени именно к «академии»). В тогдашних «академиях» — художественно-литературно-религиозно-философской (Хельфернак), собиравшейся по средам на бывшей Церковной ул., «Космической» (о ней писал Д.С.Лихачев), «Мещаниновской» (созданной вокруг того, кого

называли то тенью, то жертвой «сумасшедшего» академика Н.Я.Марра, — Ивана Ивановича Мещанинова, и куда входили Л.Башинджаган, Б.Латынин, Т.Пассек, А.Рифтин, захаживал к ним и И.Г.Франк-Каменецкий) и, наконец, «Малой Академии», или Малака «азмузов»²⁷, т.е. Азиатского музея Академии наук, — особую конструирующе-конструктивную роль имел игровой элемент, своим «частным, домашним» характером охранявший автономность профессиональной среды и противостоявший разрушению традиций.

Помимо Хельфернака Конрад приходил в кружок А.Мейера (Н.В.Пигулевская, М.В.Юдина, А.Гизетти, С.А.Алексеев-Аскольдов). Его имя упоминается и в связи с деятельностью «Кантовского семинара» (М.Бахтин, А.Франковский, Б.Энгельгардт, Б.Залесский, М.Тубянский)²⁸. Трудно судить о степени реальной интегрированности Конрада в эти общности, его участие в них скорее похоже на поиски своего пути, однако несомненно, что многие историософские размышления Н.И.Конрада 50—60-х годов своими корнями уходят в «кружковую философию» Ленинграда 20-х годов.

Широта и многогранность исследовательских интересов Н.И.Конрада далеко не всегда встречали понимание в собственно востоковедной среде. Зимой 1932 г., когда он выдвигался Институтом востоковедения в члены-корреспонденты АН СССР, против его кандидатуры с завидным единодушием выступили и арабист И.Ю.Крачковский, и синолог В.М.Алексеев. Причем Крачковский посчитал кандидатуру Конрада «недостаточно научно обоснованной» как раз потому, что «научный характер работы Н.И.Конрада производит впечатление поверхностности благодаря слишком широкому размаху его работы и кругозора»²⁹. Такая мотивация тем более казалась странной, что сам И.Ю.Крачковский немало времени отдал изучению современной арабской литературы. Через много лет именно в очерке, посвященном Крачковскому, Конрад вспоминал, явно имея в виду свою нетрадиционную для «классического» востоковеда научную проблематику, что «в те времена начинающий ученый мог рассчитывать на самую активную поддержку своих учителей, когда они его видели сидящим над средневековой арабской рукописью. И не так просто было тогда молодому ученому сказать, что он с вниманием читает и недавно вышедший роман какого-нибудь современного сирийского, ливанского или египетского писателя. И не только читает, но и считает возможным писать о нем. И не только писать, но и считать изучение творчества современного арабского писателя наукой»³⁰.

Раскол в стане востоковедов — между ведущими специалистами классической ориенталистики, сосредоточенными преимущественно в Петрограде—Ленинграде, и большой группой молодых, начинающих, в основном московских востоковедов, чьи интересы были связаны исключительно с изучением современной им экономической и политической обстановки на Востоке, — наметился буквально сразу после Октября. Процесс поляризации и конфронтации этих двух направлений и составил основу драмы отечественного востоковедения 20—30-х годов. Н.И.Конрад — и в силу характера, и в силу «естественного монополизма» в японистике и необходимости заниматься всем спектром японоведческих проблем — оказался меж теми и другими.

Волна критики ведущих академиков-востоковедов, часто переходящая в откровенную травлю, возникла вовсе не в 30-е годы, а значительно раньше, с начала 20-х. Достаточно вспомнить полугодовой арест и предполагавшуюся ссылку в 1922—1923 гг. И.Ю.Крачковского, неоднократные задержки и отказы в выдаче ему заграничного паспорта, всякий раз благополучно завершившиеся лишь благодаря дипломатии неперменного секретаря АН СССР акад. С.Ф.Ольденбурга, которому, впрочем, удавалось добиваться положительных решений о выезде И.Ю.Крачковского за границу лишь ценой угрозы своей отставки.

Не менее сложная ситуация складывалась и вокруг В.М.Алексеева, достигшая «точки кипения» в 1937—1938 гг., когда его «реакционно-буржуазные установки» рассматривались и на активе Академии наук в мае 1937 г., и на заседании Президиума АН в июне того же года. А уж после появления 31 мая 1938 г. в «Правде» статьи «Лжеученый в звании советского академика», подписанной ученым секретарем ИВАНА Х.Муратовым, все лето 1938 г. прошло в бесконечных обсуждениях и осуждениях, что, впрочем, не помешало всего через семь лет — в 1945 г. наградить академика В.М.Алексеева орденом Ленина «за большие достижения в науке».

Почти всегда метод решения всех проблем у нападавшей стороны был прост и незамысловат — апелляция к высшим партийным властям. Когда в 1929 г. в очередной раз был поднят вопрос о слиянии учебных востоковедных вузов Москвы и Ленинграда в единый центр, коммунистическая фракция Ленинградского восточного института (ЛВИ) направила докладную записку в Комиссию ЦК ВКП(б), возглавлявшуюся наркомом просвещения РСФСР А.С.Бубновым, с выражением своей точки зрения, заключавшейся в том, чтобы создать такой центр в Москве, на базе Коммунистической академии. В записке-доносе проводи-

лась четкая «классификация» преподавателей института по принципу, уже хорошо отработанному в литературе на «попутчиках», — «кто не с нами, тот против нас», что подытоживалось выводом о нецелесообразности востоковедного вуза в Ленинграде — «цитадели идеалистической профессуры». По этой «классификации» Н.И.Конрад попал в категорию «чуждых»³¹.

О том, чем грозили такие «ярлыки», он мог догадываться. Все 20-е годы питерские чекисты активно «прочищали» интеллигенцию в городе, а разгром мейеровского «Воскресения» и аресты многих хороших знакомых Конрада в 1929—1930 г. вынуждали, по-видимому, задумываться и о своей судьбе.

Возможно, именно эти события, с одной стороны, вызвали некоторую паузу в научной работе Конрада в 1930—1931 г., а с другой — подтолкнули его к решительному шагу, знаменовавшему совершенно определенное изменение тематики его научных исследований, — теперь в них все чаще мелькает проблематика нового и даже новейшего времени. А в сентябре 1933 г. в газете «За социалистическую науку» появляется статья Н.И.Конрада под красноречивым названием «Я не мыслю своей работы без участия коммунистов»³². Что это — попытка отвести беду от своего дома или сознательный конформизм? Можно по-разному отвечать на этот вопрос, но взгляд из 90-х годов, обладающий преимуществом ретроспективного видения, вряд ли сможет в полной мере различить все оттенки внутренней драмы ученого.

Когда же всего через два года в японистике разразится настоящая «гроза», его позиция будет тверда. В ноябрьском номере журнала «Литература национальностей СССР» за 1935 г. была опубликована рецензия в недавнем прошлом проф. Дальневосточного университета Н.П.Мацокина на вышедшую в 1934 г. первую часть «Учебника японского языка» П.Гушо и Г.Горбштейна. Рецензия была написана «с марксистских позиций» и, кажется, в большей степени представляла собой попытку «реабилитации» самого автора рецензии, в 1932 г. осужденного на 10 лет лишения свободы и в марте 1934 г. освобожденного «условно-досрочно». Учебник квалифицировался в рецензии как собрание терминологического хлама, а авторы обвинялись в протаскивании японского национализма, пособничестве британскому империализму и даже в насаждении феодализма в советской науке. Обвинения вполне в духе времени! Но вот ответ, напечатанный в 1936 г. в «Библиографии Востока» — органе Института востоковедения — и подписанный 37 ведущими японистами страны, почти беспрецедентен как пример открытого коллективного профессионального выступления. «Наш протест, — писали ученые (среди них Н.И.Конрад, Н.А.Невский, Е.М.Колпакчи,

А.Е.Глускина и др.), — направлен против рецензии Н.П.Мацокина как таковой, поскольку она направлена по существу против всего советского японоведения... При этом эта рецензия как по своему содержанию, так и по тону стоит полностью вне приемов научной критики»³³. Отвергая «жанр» политической рецензии на научно-учебное издание, японисты тем самым выражали свое отношение к подобному стилю ведения полемики, к системе навешивания политических ярлыков, господствовавшей в обществе, и фактически подписывали себе приговор...

Аресты 1936—1937 г. захватили все научные академические учреждения Ленинграда: институты, Главную астрономическую обсерваторию, библиотеку, типографию, издательство и т.д. Но особенно тяжело пострадал Институт востоковедения, где были репрессированы А.И.Востриков, Ю.К.Щуцкий, Ц.Ж.Жамцарано, А.Ф.Искандеров, М.С.Троицкий, П.Е.Скачков, Д.П.Жуков, М.И.Тубянский, Б.А.Васильев и многие другие³⁴.

В той или иной форме каждому из них инкриминировалась «связь» с западными и японской разведками. О смысле и последствиях подобных обвинений никто в НКВД вопросом не задавался; цель же — проста и ясна, а главное, соблазнительно легко достижима, ибо многие востоковеды неоднократно бывали за границей и просто созданы были для роли шпионов.

Кульминацией разгрома ИВАН стал арест в октябре 1937 г. его директора академика А.Н.Самойловича. Впрочем, на этом не успокоились. В течение зимы 1937 — первой половины 1938 г. шел интенсивный процесс сбора компрометирующих материалов на ведущих академиков института — И.Ю.Крачковского и В.М.Алексеева. Особенно старался ученый секретарь ИВАН Х.И.Муратов (1905 — 1942?), регулярно составлявший «научно-общественные отзывы»³⁵, не отличимые от доносов. Именно этим человеком, свежее испеченным выпускником Ленинградского института красной профессуры, «по разверстке культпропа ЦК партии и горкома партии» направленным в ИВАН, незадолго до того были написаны «заявления» в Отдел науки ЦК ВКП(б) на А.И.Вострикова и М.С.Троицкого, погубившие обоих ученых.

Не менее тяжелая обстановка сложилась и в ЛВИ, где Н.И.Конрад возглавлял кафедру японского языка с 1922 г. ЛВИ, ориентированный на подготовку специалистов-практиков, имел специфику в своей работе. Его выпускники занимали, как правило, достаточно высокое служебное положение в Коминтерне, Профинтерне, КИМе и т.п. Кроме того, наличие в институте с 1934 г. особого (японского) сектора, готовившего кадры для НКВД, создавало для преподавателей как иллюзию относительной безопасности — «важности» для органов, так и еще более

усиливало нервозность, ибо каждое «неудачное» слово могло стоить жизни...

О том, что тучи над головой проф. Н.И.Конрада собирались, ясно говорили события, происходившие в ЛВИ с осени 1937 г., когда началась бесконечная чехарда смены директоров института. Наконец 22 апреля 1938 г. появился приказ по институту, вносящий существенные изменения в список заведующих кафедрами: кафедру японского языка теперь возглавил доц. Д.И.Гольдберг.

А 28 июля 1938 г. по ложному обвинению был арестован чл.-кор. АН СССР, заведующий японо-корейским кабинетом ИВАНА проф. Н.И.Конрад. «Меня взяли прямо из-за стола», — вспоминал Н.И.Конрад в одном из писем 60-х годов Б.Б.Вахтину³⁶. Через полтора месяца, не дожидаясь решения судебных органов, 5 сентября 1938 г. его исключают из состава научных сотрудников ИВАНА³⁷.

Арестом Конрада замыкалась одна из бесчисленных цепочек арестов «по специальности», когда «вычищались» целые научные учреждения — от дворника до директора института, от аспиранта до академика и члена-корреспондента. Такой участи подвергся и Институт востоковедения — бывший Азиатский музей, гордость отечественной науки, где концентрация специалистов мирового уровня была едва ли не наибольшей во всей Академии. Сегодня то, что произошло с востоковедением в 30-е годы, признано катастрофой³⁸.

Больше года провел Н.И.Конрад в ДПЗ — Доме предварительного заключения на Шпалерной. Ведшие «дело» Конрада зам. начальника отдела Управления НКВД по Ленинградской обл. Голуб, следователь Трухин, начальник отдела Соловьев, сотрудники Гаркавенко, Слепнев и др. систематически избивали его, держали по несколько часов в «стойке». Конрад дважды отказывался от данных ранее под пытками показаний. Через год, 10 ноября 1939 г., решением Особого совещания при НКВД СССР он был осужден по статье 58, п. 1-а на 5 лет исправительно-трудовых лагерей³⁹. «Измена Родине» — так квалифицировалась в понятиях Уголовного кодекса многолетняя работа ученого. Н.И.Конрад получил «всего» 5 лет... Значит ли это, что на него так и не удалось подготовить серьезных показаний и признаний, или же сыграло свою роль то обстоятельство, что он находился под следствием в период «от Ежова к Берии», обусловившее сравнительную мягкость приговора?

Сразу после осуждения, 12 декабря 1939 г., в «вагзак» ученый был отправлен в лагерь в Красноярский край. Теперь местом его «работы» стала производственная зона Канского лагерного пунк-

та № 7 КРАСЛАГа НКВД СССР. Вспоминает его товарищ по лагерю Н.И.Воротынцев: «...Н[иколай] И[осифович]... ходил с нами в рабочую зону, на лесосклад. Сперва кору и сучья жег, потом стал понемногу втягиваться в более тяжелую работу. И пайку хлеба стали давать уже до 600—700 грамм [...].

Я видел, как трудно Н[иколаю] И[осифовичу] ладить с рычагом-стежком в раскатке бревен. Ветви нашей узкоколейки часто давали сбои: мусором и снегом забивались рельсы, да и сама "вертушка"-разминовка далеко не всегда срабатывала. И я после согласования с бригадиром снял Н[иколая] И[осифовича] с раскатки и поставил его путевым рабочим на узкоколейку и "вертушку" [...]. Однажды, лежа на нарах, Н[иколай] И[осифович], отдохнувши после ужина, сказал: "А я хочу признаться, что работа путевого обходчика мне внутренне импонирует. Во-первых, я один. Никто не мешает поразмышлять. К тому же не слышу блатного жаргона. А во-вторых, и это главное, я с пешней, эмблемой трудового процесса, направленного на расчистку путей. И, как ни странно (пусть не покажется это суеверием), это не только внутренне импонирует мне сейчас, но интуитивно вселяет надежду, что цель моей жизни — Восток, Япония — будет закончена. Я с большой охотой тружусь на линии моей теперешней узкоколейки по азимуту Вост-Ост!"

Прошло некоторое время. Однажды ночью в наш лагерный барак пришел рассыльный из комендатуры, разбудил рядом спящего со мною на нарах Н[иколая] И[осифовича], приказал собраться с вещами и следовать за ним [...]. Слышно было, что по ходатайству В.Л.Комарова Н.И.Конрада из лагпункта "ОЛП" № 7 в г. Канске перевели в спецбюро... для завершения работы по Японии»⁴⁰.

Лагерный слух оказался верным. 20 апреля 1940 г. в связи с пересмотром дела Н.И.Конрада направили в Бутырскую тюрьму (Москва), а решением того же Особого совещания при НКВД СССР от 8 сентября 1941 г. дело прекратили за недоказанностью вины. Существует версия, что часть этого времени ученый работал в Саратовской «шарашке». Но доподлинно известно только то, что освобожден он был 6 сентября 1941 г. и большую роль в этом сыграл президент АН СССР В.Л.Комаров, которому Н.И.Конрад писал: «Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич! Считаю своим долгом сообщить Вам как своему Президенту, что с 6-го сего сентября я освобожден с прекращением дела. Таким образом, моя всегдашняя уверенность в том, что истина в конечном счете должна восторжествовать, полностью оправдалась... я был переведен в Москву, где сразу же, еще до окончания дела, получил возможность возобновить свою научную работу [...] я

сделал перевод и комментировал два классических китайских трактата по военному искусству, лежащие в основе всей теории и практики войны как в Китае, так и в Японии. Это трактаты китайских стратегов — Сунь-цзы и У-цзы. Насколько мне известно, они изучаются, не говоря уже о Китае, во всех высших военных учебных заведениях Японии. Мне удалось дать не только широкий филологический и исторический комментарий, но и проиллюстрировать отдельные положения трактатов примерами из военной истории Китая и Японии. Думается, что знакомство с основами классической стратегии Востока может быть небесполезным и у нас. Размер этих работ — 35 п.л. и 15 п.л.

Наряду с этими готовыми работами я закончил вчерне историю японской литературы, подводящую итог моему университетскому курсу. Мне была предоставлена далее возможность вернуться к работе над японо-русским словарем, оборвавшейся в 1938 г. За это время я сделал следующее: систематически читая современную японскую газетную и журнальную прессу, я собрал весьма значительный материал по лексике 1939—1941 гг., весьма специфической в соответствии со спецификой исторической обстановки тех лет. Это даст возможность вооружить словарь словами новейшего происхождения, что я и намерен сделать вместе с просмотром того, что было сделано без меня»⁴¹.

Добавим к этому, что в личном архиве Н.И.Конрада сохранилась рукопись большого обзора истории китайской литературы — одной из значительных работ ученого в области синологии, написанная в июле—августе 1941 г. во внутренней тюрьме НКГБ на Лубянке⁴².

Начало Великой Отечественной войны, угроза нападения со стороны Японии заставили власти вернуть многих японистов из мест заключения, лагерей. Фактически война спасла их. Возвращавшиеся ученые использовались как переводчики, а некоторые из них работали и в военной разведке.

Чудом выжившие люди, истосковавшиеся по любимой работе ученые с удвоенной энергией стремились помочь своей стране. Война разбросала их по всему Союзу, но к 1943—1944 г. многие из тех, кто оказался в эвакуации, стали приезжать в Москву, где под председательством и руководством академика И.Ю.Крачковского сформировалась московская группа Института востоковедения. Очень скоро, после отъезда И.Ю.Крачковского в Ленинград, ее возглавил Н.И.Конрад, официально числившийся профессором Московского института востоковедения им. Нариманова. Группа постепенно становилась серьезным исследовательским центром, объединявшим, по сути, всех востоковедов, по тем или иным причинам находившихся в Москве.

Вот как вспоминал об этом периоде выдающийся отечественный китаист Р.В.Вяткин: «...в 1943 г., временно, на военный период объединились московские и ленинградские востоковеды. На ее (группы) заседаниях, проходивших на Волхонке, 14, заслушивались отдельные доклады, научные сообщения. Проходил обмен мнениями по актуальным проблемам востоковедения. В обсуждениях принимали участие такие знатоки Востока, как арабист акад. И.Ю.Крачковский, китаевед акад. В.М.Алексеев, тюрколог акад. В.А.Гордлевский, японовед, тогда еще чл.-кор. Н.И.Конрад, историк акад. В.В.Струве, а также большая группа востоковедов следующего поколения — А.А.Губер, В.И.Беляев, А.Ф.Миллер, Б.Н.Заходер, Л.В.Симоновская и многие другие... На общем фоне этих — всегда интересных заседаний — меня особенно впечатляли выступления Николая Иосифовича Конрада. Они всегда отличались каким-то особым изяществом, широкой проблем по истории восточных культур, связи цивилизаций Востока и Запада и других аспектов обсуждаемых тем. Его выступления были своеобразным фейерверком ума и знаний, они были, как правило, недлинные, но предельно ясны и логичны»⁴³.

В Москве Н.И.Конрад также предпринимает энергичные попытки для того, чтобы восстановить прежний высокий статус востоковедной науки: он один из главных организаторов в первые послевоенные годы индийской, китайской, японской сессий Института востоковедения, получивших признание в кругах научной общественности.

Однако нормальное развитие науки было вновь трагически подорвано кампанией по борьбе с космополитизмом на рубеже 40—50-х годов. Академические институты принуждают принимать воинственные резолюции, на практике выливавшиеся в изгнание из научных учреждений многих неугодных и неудобных специалистов, в новую волну арестов и ссылок.

Не обошли они и востоковедов. Летом 1950 г. акад. И.Ю.Крачковский, вернувшись из отпуска, не обнаружил ни одного сотрудника своего Арабского сектора — все они были уволены в связи с реорганизацией института. Как и осенью 1947 г., после предпринятого акад. И.Ю.Крачковским демарша — заявлении с просьбой об отчислении и его из ИВАНа, сотрудники были восстановлены, но 24 января 1951 г. И.Ю.Крачковский скончался. В мае того же года умер акад. В.М.Алексеев. В Москве из Института востоковедения был уволен близкий друг Н.И.Конрада, историк науки Т.И.Райнов. И подобных фактов было множество. В такой ситуации поистине безумным выглядел поступок Н.И.Конрада, уже прошедшего лагеря и прекрасно знавшего об арестах «повторников»: на засе-

Н. И. Конрад. 1961 г.

дании бюро Отделения литературы и языка АН СССР он осмелится возражать против увольнения из Пушкинского Дома известного литературоведа Б.М.Эйхенбаума, единственный из всего состава бюро!⁴⁴.

В 1955 г. Н.И.Конрад предпринимает попытку помочь А.А.Ахматовой вызволить из лагеря ее сына, востоковеда Л.Н.Гумилева. Не дожидаясь его освобождения, Н.И.Конрад пытается привлечь Льва Николаевича к работе над многотомной «Всемирной историей». Как вспоминает Э.Г.Герштейн, «особенно горячо отнесся Конрад к Гумилеву, когда прочел его рукопись (20 листов) по истории Срединной Азии, которую Лев написал в лагере и ухитрился переслать мне в октябре 1955 года. Перепечатав на машинке, я отнесла ее Конраду. С какой нежностью он держал в

руках, как будто взвешивал каждую, четыре красные папки, в которые я вложила рукопись!»⁴⁵.

Немало способствовал Н.И.Конрад освобождению известного япониста В.М.Константинова (1903—1967), затем переводу его в Москву, зачислению в Институт востоковедения АН СССР, защите докторской диссертации, публикации книг. Недавно впервые опубликованные письма Н.И.Конрада к В.М.Константинову свидетельствуют о заботе, искреннем участии, о готовности прийти на помощь, о дружеском отношении учителя (В.М.Константинов в 1927 г. стал первым аспирантом Н.И.Конрада), старшего коллеги. Вот один из фрагментов письма Н.И.Конрада от 31 марта 1964 г.: «Много-много лет назад мы встретились с Вами, и тогда уже завязались наши с Вами дружеские отношения. Потом наступил долгий-долгий провал. Исчезли мы оба: я — на более короткий срок, Вы — на очень длинный. Прошли десятилетия, и судьба снова свела нас вместе, даже в одном городе, в одном Институте»⁴⁶.

В 1958 г. Н.И.Конрад избран действительным членом Академии наук СССР, а в 1969 г. он первым из советских японистов удостоен правительством Японии Ордена Восходящего Солнца. Одним из важнейших направлений деятельности Н.И.Конрада в эти годы становится работа по сохранению и публикации творческого наследия погибших ученых, помощь оставшимся в живых. И эта непростая работа, требовавшая в 50—60-х годах большого человеческого мужества, проходила через его сердце.

Память об ушедших учителях, друзьях и коллегах, помощь тем из них, кому удалось выжить, пройдя сквозь ад сталинских тюрем и лагерей, материализовались в жизни Николая Иосифовича Конрада в многолетний, каждодневный труд по изданию самого ценного для ученого — их научного наследия. Пожалуй, трудно назвать имя другого академика, столь же много сделавшего в этой области в 50—60-е годы. «Я ждал восемь лет, пока добился издания посмертного труда двух своих погибших товарищей, но дождался», — писал он в одном из писем в 1961 г.⁴⁷ — это о «Тангутской филологии» Н.А.Невского (М., 1960) и «Китайской классической "Книге перемен"» Ю.К.Щуцкого (М., 1961). Позже с его помощью вышли труды М.М.Бахтина и Я.Э.Голосовкера, Е.Д.Поливанова и Ф.И.Щербатского.

Н.И.Конрад оказался последним из плеяды великих отечественных ориенталистов XX в.; драматизм и трагичность эпохи глубоко отразились на его судьбе, но не сломали ученого, видевшего свой долг в сохранении традиций, преемственности, неразрывности связей научного сообщества вне зависимости от социальных коллизий века. Именно Н.И.Конрадом в 50—

60-е годы открыто исповедовался и публично защищался примат общечеловеческих ценностей, их первенство в системе духовных приоритетов общества. «Диалог культур» был для него не только диалогом разных цивилизаций, Востока и Запада, но и имел большой внутренний смысл, утверждая единство отечественной культуры.

«Ужасы и кровь не могут быть оправданы... они только могут быть искуплены. Сейчас я, пожалуй, добавил бы... или прощены. Конечно, теми, кто имеет право прощать и внутреннюю силу прощать. Вспомнил бы и слова Февронии в "Китеже": "Всякий грех простится, а который не простится, тот забудется"⁴⁸, — размышлял Н.И.Конрад незадолго до смерти...

* * *

Творческое наследие Н.И.Конрада огромно. За подготовку двухтомного «Большого японско-русского словаря» (М., 1970) в 1972 г. ему посмертно была присуждена Государственная премия. После смерти Н.И.Конрада усилиями его вдовы Н.И.Фельдман-Конрад были подготовлены и опубликованы три тома «Избранных трудов»⁴⁹, среди которых немало работ, увидевших свет впервые, а также сочинений, давно ставших библиографической редкостью. Значительным вкладом в изучение научного наследия Н.И.Конрада стал выход уже упоминавшейся книги «Н.И.Конрад. Неопубликованные работы. Письма».

И все же необходимо признать, что некоторые аспекты исследовательской, творческой деятельности Н.И.Конрада еще до сих пор не получили должного освещения. Это в первую очередь касается его вклада в изучение этнографии, культуры и истории Кореи.

В «корейском наследии» Н.И.Конрада особое место занимают материалы его этнографических исследований, проведенных в Корее в 1914—1917 гг. Они сохранились в виде рукописного отчета о работе в Корее в конце 1914 — начале 1915 г., а также двух тетрадей, содержащих, очевидно, второй большой отчет за 1914—1917 гг. В круг этих материалов входит также машинописный текст монографии «Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX—XX веков» (139 машинописных страниц)⁵⁰ и отдельные статьи, тематически связанные с этой монографией. Некоторые из этих материалов до сих пор не опубликованы. Они хранятся в Архиве РАН, в Москве и в Санкт-Петербурге. Вышеназванная монография впервые опубликована в 1996 г.⁵¹

Будучи прежде всего японистом, Н.И.Конрад на протяжении всей жизни обращался и к проблемам культуры, филологии,

истории и этнографии корейского народа. Интерес к Стране Утренней Свежести пробудился у него рано. Годы учебы Н.И.Конрада в стенах Петербургского университета (1908—1912) на японско-китайском отделении Факультета восточных языков совпали с пробуждением интереса русской общественности к культуре и истории стран Дальнего Востока, в том числе и Кореи. Появляются многочисленные научные публикации, популярные очерки, записки путешественников, посещавших страну, еще недавно считавшуюся «страной-отшельником». Широкой популярностью пользовались «Корейские сказки и легенды», собранные в Корее в 1898 г. русским писателем и путешественником Н.Г.Гариным-Михайловским⁵². В 1900 г. вышел в свет фундаментальный труд «Описание Кореи», в котором были систематизированы знания об этой стране в русской, западноевропейской, американской и корейской науке на начало XX в. Эта книга — своеобразная энциклопедия русского корееведения⁵³. К Корее было привлечено внимание и в связи с политикой России на Дальнем Востоке, соперничеством с Японией на Корейском полуострове, с трагическим для России периодом русско-японской войны 1904—1905 гг.

Еще будучи студентом Факультета восточных языков, Н.Конрад познакомился с экспозицией и материалами Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого, в фонды которого корейские коллекции и отдельные предметы стали поступать с середины XIX в.

Однако несомненно решающим моментом в познании Кореи, в приобщении к ее культуре и этнографии были поездки Н.Конрада в Корею в 1914—1917 гг.

В настоящее время пока невозможно составить детальную, целостную картину пребывания Н.И.Конрада в Корее, восстановить маршруты его путешествий, экспедиций по стране. Слишком мало сохранилось об этом свидетельств. Попробуем наметить контуры этой картины по доступным нам сегодня материалам.

Как мы уже говорили, в июле 1914 г. Н.И.Конрад был командирован в Японию Русско-японским обществом на летние месяцы, однако он пробыл в Японии до июля 1917 г. Первоначально основной целью научной командировки были занятия в Токийском университете по специальностям: японский язык, японская литература, а также японская и китайская философия.

Однако еще весной 1914 г. руководство одного из крупнейших востоковедных центров России того времени — Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях⁵⁴ — стало рассматривать его кандидатуру для

командирования в Корею с целью проведения этнографических исследований. Кандидатура Конрада была названа известным русским синологом, проф. Петербургского университета А.И.Ивановым и поддержана В.В.Радловым, Л.Я.Штернбергом, В.А.Котвичем. Об этом свидетельствует сохранившийся в делах Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии машинописный текст докладной за подписями этих ученых. Судя по протоколам Русского комитета, документ может быть отнесен к первым месяцам 1914 г. (до 29 марта)⁵⁵. Характеризуя Конрада, его старшие коллеги отмечали, что он в 1912 г. окончил Факультет восточных языков и успешно выполнил две (?) командировки в Японию. «Зная практический японский и отчасти китайский язык, Н.И.Конрад занимался уже корейским языком и знаком с литературой о Корее. Лето текущего года (имеется в виду 1914. — *Авт.*) он намерен провести в Японии для занятий корейским и японским языками, а осенью, получив надлежащие указания, он мог бы отправиться в Корею и приступить к историко-этнографическим и антропологическим исследованиям, занимаясь и изучением языка»⁵⁶.

Сам факт командирования русского этнографа в Корею в 1914 г. — явление примечательное. В 1910 г. Корея стала колонией Японии. Над традиционной культурой корейского народа нависла угроза исчезновения. Поэтому русские ученые видели одну из главных задач исследований Н.И.Конрада в изучении этнографии корейцев.

Необходимость этнографической работы в Корее обосновывалась Русским комитетом следующим: «Со времени аннексии Японией Кореи многое уже сделано для изучения экономического положения этой страны, но этнографические, лингвистические и археологические исследования подвинулись сравнительно мало вперед. Корейский язык, например, в Японии изучается преимущественно практически. Между тем научное изучение Кореи в историко-этнографическом, лингвистическом, антропологическом и археологическом отношениях важно не только для общих научных задач Дальнего Востока, но и для проблем Приамурского края, особенно тесно связанного с соседней Кореей»⁵⁷. Примечательна рукописная вставка, сделанная в продолжение этого текста: «При этом нужно иметь в виду, что при современном японском управлении и интенсивном [нрзб.] реформами страноведческие, этнографические особенности (корейцев. — *Авт.*) исчезают с необычайной быстротой»⁵⁸.

Определяя цели и задачи этнографической работы в Корее, руководство Русского комитета отмечало также: «Наиболее важной в этнографическом, как и в археологическом отношении

областью следует считать Северную Корею, граничащую с Южной Маньчжурией и Приморской областью. Эта область входила в состав различных владений со времени династии Хань и даже ранее, если основываться на сведениях китайских источников. Представляется поэтому весьма желательным начать исследование Кореи именно с северной ее части». В предварительном порядке определялся маршрут экспедиций и поездок Конрада по Корею: «Прежде всего ему надлежало бы отправиться в Сеул, где возможно получить необходимые справки и нужные сведения, а также подготовиться в практическом знании корейского языка. Затем могли бы быть намечены следующие пункты, представляющие этнографический и исторический интерес: Кайцзио⁵⁹ (кор. Кэсон), место пребывания династии Гао-ли (кор. Корё), Хэй-цзио (кор. Пхеньян), Кай-сю (кор. Хэчжу), Канко (кор. Хамхын), Кай-сю (кор. Кёнджу), столица владения Синра (кор. Силла).

Этнографические же наблюдения желательно сосредоточить в одной из северных провинций: Хэй-ян (кор. Пхёнан), Канкио (кор. Хамгён), Кокай (кор. Чолла). Вся командировка должна продолжаться около года»⁶⁰.

В задачу Н.И.Конрада входили историко-этнографические и антропологические исследования, а также изучение корейского языка. Считалось желательным, чтобы он ознакомился с корейскими источниками о Приморской области. Перед Н.И.Конрадом ставилась также задача сбора этнографических материалов и составление коллекций этнографических предметов для МАЭ при Академии наук. На это ему Музеем выделялись специальные средства. Об этом, в частности, свидетельствует протокол заседания Русского комитета от 29 марта 1914 г., в 31-м параграфе которого записано: «Разрешить Н.И.Конраду во время выполнения командировки (имеется в виду и командировка в Корею. — *Авт.*) собирать сведения по этнографии для С.Ф.Ольденбурга и составлять коллекцию этнографических предметов для Музея антропологии и этнографии при Академии наук на средства, назначенные музеем»⁶¹.

Вот как писал об этом периоде своей жизни Н.И.Конрад: «Уже находясь в Японии, я получил предложение от Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии поехать в этнографическую экспедицию в Корею, а с 1915 г. Факультет восточных языков "оставил меня при университете для подготовки к профессорскому званию", как тогда именовалось оставление в аспирантуре»⁶².

Первый этап этнографической работы в Корею для Конрада начался 1 сентября 1914 г., как это и было предусмотрено Рус-

ским комитетом. Затем, очевидно, последовал небольшой перерыв — и работы были продолжены в 1915 и в 1916 гг. Недолго Н.И.Конрад был в Корее и в 1917 г.

Из сохранившегося фрагмента письма А.И.Иванова известно, что перед поездкой в Корею Н.И.Конрад летом 1914 г. занимался в Японии корейским языком, а также воспользовался консультациями, «надлежащими указаниями японских ученых и необходимыми рекомендациями»⁶³.

О маршрутах своих первых поездок по стране Конрад сообщал в письмах А.И.Иванову, который в это время находился в Пекине. Так, в конце 1914 г. А.И.Иванов писал в докладной, направленной в Русский комитет: «В настоящее время мною получено уже три письма от Н.И.Конрада, находящегося в Корее». И далее он сообщает, что Н.И.Конрад, прибыв в Корею из Японии, «отправился в провинцию, после того как ему удалось оплатить нужные приобретения для путешествия»⁶⁴.

Сохранился удивительный документ — фрагмент автографа письма Н.И.Конрада, которое было адресовано им А.И.Иванову. Написанный черной тушью на рисовой бумаге, сохранившийся фрагмент письма Н.И.Конрада, очевидно, может быть датирован концом 1914 или началом 1915 г. Из этого письма мы узнаем о первом этапе его этнографической работы в Корее.

Прибыв из Японии в Сеул и оформив соответствующие документы, Конрад отправился на юг страны. Конечной точкой его экспедиции был город Пусан. Однако предоставим слово самому: «Теперь позволю себе коснуться своей поездки по Корее. Оставляя подробные описания до следующего письма, я ныне укажу лишь главные пункты, которые я проехал: это Кванджу, Чхунджу, Чхонджу, Чочхивон, Конджу, Кунсан⁶⁵ — я называю только крупные города. Все это пространство пройдено мною частью пешком, частью верхом. Во многих деревнях останавливался на более или менее продолжительные сроки. По пути старался делать возможные наблюдения и производить различные записи, вроде легенд, сказок, песен, поговорок, преданий исторического характера и т.п. Несмотря на то что маршрут мой по заранее намеченному плану этим не заканчивался, мне пришлось сесть в [Пусане] на поезд и вернуться в Сеул». О причинах, вынудивших его прервать маршрут, Н.И.Конрад писал далее: «Причины тому следующие: наступили уже значительные холода и жизнь в корейских домах оказалась очень затруднительна при их системе отопления в постройках; в силу этих условий у меня получилось катаральное воспаление дыхательных путей, требовавшее значительного отдыха; наступление сезона, который крайне мало мог дать наблюдателю-этнографу; осущес-

ствление дальнейшего маршрута потребовало бы очень больших затрат, произвести которые я не был в состоянии, и, наконец, я ясно осознаю необходимость большего знакомства с языком для такого рода путешествия»⁶⁶.

Наверняка можно сказать, что, несмотря на отмеченные трудности, экспедиция Н.И.Конрада, проходившая по территории провинций Кёнгидо, Чхунчхондо, Чолладо, была научным подвигом молодого ученого. Известно, что во время своего путешествия, да и вообще во время пребывания в Корее, Н.И.Конрад вел дневники, которые, к сожалению, не сохранились (или, может быть, пока не найдены).

Возвратившись в Сеул, Н.И.Конрад возобновил занятия корейским языком. Много внимания он уделял сбору и систематизации этнографического материала.

Время, когда Н.Конрад посетил Корею, пришлось на трагический для этой страны и народа период. В 1910 г. Корея — страна с пяти тысячелетней историей лишилась своей государственности, потеряла свою независимость и стала колонией Японии. Годы 1910—1919 характеризуются установлением японцами в Корее жесточайшего террора и национального порабощения; в истории этот период получил название «сабельного». Из уже цитированного письма Н.И.Конрада А.И.Иванову видно, что японские власти в Корее недоброжелательно относились к его работе, препятствовали проникновению сведений о Корее за пределы страны. Так, пытаясь понять причины задержки своих писем, отправленных в Россию, Конрад упоминает о «цензуре», о сложностях движения почты по Сибирской железной дороге. И далее Конрад, намекая на какие-то осложнения с японскими властями, пишет: «Но даже в этом последнем случае я не понимаю причин, почему японское посольство вдруг заинтересовалось мною? По всей вероятности, вся эта история создана в Сеуле самим полицейским бюро, и никем другим»⁶⁷.

В этих непростых условиях Н.И.Конрад занимался изучением традиционной культуры корейского народа. Идея изучения историко-этнографического облика корейцев, как мы видели, была предопределена широкой научной программой Русского комитета. Молодой ученый воспринял ее и отдал ее осуществлению немало сил и энергии. Возможно, не все пожелания программы Русского комитета были осуществлены Конрадом. В условиях колониальной Кореи для этого не было достаточных условий. В то же время по некоторым другим вопросам корейской этнографии ученый значительно расширил поле исследования, вводя новую проблематику.

О ходе своей работы Н.И.Конрад продолжал сообщать в письмах. Его главными корреспондентами были проф. А.И.Иванов и один из руководителей Русского комитета, известный этнограф Л.Я.Штернберг. Как следует из официальных документов Русского комитета, исследования Н.И.Конрада оценивались положительно. Более того, руководство Русского комитета решило продлить пребывание Н.И.Конрада в Корее и на 1915 г.

В «Отчете о деятельности состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении за 1914 г.» читаем: «Из культурных областей Дальнего Востока в отчетном году в круг деятельности Комитета впервые была включена Корея. Решение произвести этнографические исследования в этой области было вызвано исчезновением ее этнографических особенностей после присоединения страны к Японии. Производство исследований было возложено на Н.И.Конрада, причем имеется в виду продолжать эти работы до сентября 1915 года. О работах, уже выполненных исследователем, было доложено Комитету в заседании 22 ноября»⁶⁸.

Результатом первого этапа этнографической работы в Корее в течение четырех последних месяцев 1914 г. (сентябрь — декабрь), а также, возможно, и первых (или первого) месяцев 1915 г. явился уже упоминавшийся выше рукописный отчет Н.И.Конрада, который был прислан им в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии. Он написан на 22 больших линованных листах (текст на двух сторонах каждого листа — всего 41 страница) черными чернилами, изящным четким почерком. В правом углу первого листа почерком Н.И.Конрада написана дата «1915 г.». Одной из особенностей рукописи является ее насыщенность иероглифической терминологией. Все корейские понятия, термины записаны Н.И.Конрадом иероглифами. В нескольких случаях автор использует корейскую графику. Отчету в основном присущ лапидарный характер изложения. Ознакомление с отчетом позволяет очертить круг интересов молодого этнографа. Это социальный состав населения (этнографическая характеристика классов и сословий корейского общества на конец XIX — начало XX в.); родственные отношения, системы родства; антропонимия; траурные предписания; семейная обрядность («четыре церемонии»); храмы, святилища, религии; календарные обычаи и обряды (в первую очередь обычаи и обряды, связанные с празднованием Нового года, а также некоторых осенних и зимних праздников); развлечения и музыкальные инструменты. Даже этот краткий перечень основных аспектов ис-

следования Николая Конрада свидетельствует о том, что молодой ученый поставил перед собой задачу дать всестороннюю историко-этнографическую характеристику традиционной культуры корейского народа⁶⁹.

Об этом отчете в протоколах Русского комитета за 2 мая 1915 г., под параграфом 42, записано следующее: «Доложено о получении от Н.И.Конрада, через посредство Императорского Русского консульства в Корее и Министерства иностранных дел, подробного письма на имя Л.Я.Штернберга о выполненных г. Конрадом работах и рукописи с изложением собранных им сведений о населении Кореи, его классовом составе, родовом строе, религиозных верованиях и обрядах»⁷⁰.

Свою этнографическую работу в Корее Н.И.Конрад продолжил и в 1915 г. В документах Русского комитета сохранились свидетельства о финансовом обеспечении его командировки до сентября 1915 г. В Протоколе № IV Русского комитета за 22 ноября 1914 г. записано: «Должены сведения о работах Н.И.Конрада (подчеркнуто здесь и далее в тексте. — *Авт.*) в Корее, полученные через проф. А.И.Иванова, и сведения о коллекциях⁷¹, присланных Н.И.Конрадом в Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого. Вместе с тем сообщено, что по распоряжению бюро на основе § 10 правил его деятельности Н.И.Конраду, в дополнение к разрешенным ему по постановлению Комитета от 29 марта 700 р., высланы еще 500 р. для продолжения его работы в 1915 году. Определено: 1) утвердить распоряжение Бюро; 2) ввиду того, что работы Н.И.Конрада предложено вести в течение 1915 г., в течение восьми месяцев по 1 сентября, назначить ему из суммы Комитета, сверх высланных по распоряжению Бюро 500 р., еще 700 р., считая по 150 р. в месяц, как было предусмотрено постановлением Комитета от 29 марта; 3) к этим 700 р. присоединить еще 700 р. на возмещение потери, вызванной понижением курса при уплате по переводам через Русско-Китайский банк»⁷².

Сохранились данные о том, что Н.И.Конраду был отправлен и фотоаппарат (11 февраля 1915 г.)⁷³ для сбора фотоматериала. Часть иллюстративного материала, собранного Н.И.Конрадом, хранится в фотоархиве МАЭ (кол. № 2685)⁷⁴.

К сожалению, у нас нет пока сведений о ходе работы, о маршрутах экспедиций Н.И.Конрада в течение 1915 г. Можно предположить, что на протяжении этого года ученый совершал поездки в северные провинции Кореи, и не исключено, что на какой-то срок он возвращался в Японию. В отчете Русского комитета за 1915 г. отмечалось: «Из стран Дальнего Востока в район деятельности Комитета входила Корея, где продолжались

работы Н.И.Конрада, и Японии, куда был командирован для лингвистической работы Е.Д.Поливанов. Сведения о ходе работы Н.И.Конрада были доложены Комитету в заседаниях 14 марта и 2 мая, отчет о работах Е.Д.Поливанова в заседании 24 октября»⁷⁵. Отдельный отчет Н.И.Конрада о работах за 1915 г. не сохранился.

Трудно пока точно установить время, объем и направление работы Н.И.Конрада в Корее в 1916 г. Есть свидетельства, что он находился в Корее весной—летом 1916 г.⁷⁶. Очевидно, значительное внимание, как и в предыдущие годы, Н.И.Конрад уделял сбору корейских этнографических коллекций. В архиве Русского комитета сохранился текст телеграммы от 26 апреля 1916 г., отправленной А.И.Ивановым в Русское посольство в Токио на имя Николая Конрада. Вот ее содержание: «Телеграфируйте результаты сборов Корее согласие продолжать сборы какая сумма — Иванов»⁷⁷.

Как известно, Н.И.Конрад собрал большую коллекцию по этнографии корейцев, в том числе и по шаманству. Эта коллекция была отослана им в Токио, а оттуда на хранение в г. Цуругу. Однако в фонды МАЭ она не попала. О возможных причинах пропажи коллекции и отчета, содержавшего материалы по корейскому шаманству, Н.И.Конрад в 1962 г. рассказал в письме Ю.В.Ионовой. Вот полный текст этого письма, отправленного 4 июня 1962 г.: «Многоуважаемая Юдвига Васильевна! Думаю, что тот мой отчет, в котором содержатся сведения о шаманстве, просто не дошел до Л.Я.Штернберга. Он был, как я думаю, направлен вместе с некоторыми предметами этнографического характера из Токио в г. Цуруга — в агентство Русского Добровольного флота, которое должно было отправить все в Петербург. Но была уже война (первая мировая), и все пароходы Добровольного флота стали перевозить только военные грузы, все же прочие были положены на длительное хранение в склады г. Цуруга. По возвращении домой я осенью 1917 г. передал все документы на отправку груза Л.Я.Штернбергу. Через несколько лет он поехал на этнографический съезд в Японию и взял с собой все документы, чтобы получить этот груз, если он найдется. Конечно, в 1925 г. (т.е. через 11—12 лет) не только груза, но и самого агентства Добровольного флота в Цуруга не было. Так и пропало все, в чем убедился сам Л.Я.Штернберг. Поэтому продолжать поиски бесполезно. Вероятно, отчет был отправлен вместе с коллекцией. С приветом, Н.Конрад»⁷⁸.

Комментируя это письмо, Ю.В.Ионова полагает, что «отчет, в котором содержатся сведения о шаманстве», идентичен отчету Н.И.Конрада, датируемому началом 1915 г. и сохранившемуся в ПФ АРАН.

В 1915—1916 гг. Н.И.Конрад собирал также материалы по семейной обрядности, по народной медицине, по корейским приметам, связанным со сновидениями. Значительно расширились его познания по традиционным верованиям и культам.

Оценивая этот период своей научной деятельности, Н.И.Конрад спустя полвека писал: «Трехлетнее пребывание в Японии с периодическими поездками в Корею и один раз — в Китай и стало для меня периодом новой и на этот раз подлинной востоковедной учебы. Я узнал то, что никакой Восточный факультет — при тогдашнем составе его японоведов и китаеведов — дать мне не мог. Я вернулся в свой родной университет уже совсем другим человеком — на этот раз ученым; начинающим, конечно, совершенно неопытным, но все-таки ученым»⁷⁹.

Время работы в Корее было периодом интенсивного творческого поиска, неустанного труда по изучению культуры и этнографии корейского народа. Отдельные замечания, косвенные указания в сохранившихся работах и письмах позволяют утверждать, что в Корее Н.И.Конрад вел подробные дневники, записывал и переводил фольклор, составлял детальные описания убранства храмов, коллекционировал поздравительные новогодние открытки, благопожелательные надписи. Как нам представляется, им была написана специальная работа о корейском шаманстве. К сожалению, эти труды не сохранились или пока не найдены (а может быть, они пока скрыты от нас).

Материалы, собранные Н.И.Конрадом в 1915—1917 гг., были систематизированы в большой работе, которая со временем была озаглавлена им как «Очерки социальной и духовной культуры корейцев на рубеже XIX—XX веков»⁸⁰. Именно эта работа, как уже упоминалось, была опубликована в 1996 г. По своему характеру это сочинение принадлежит к исследовательскому, а не к дневниковому жанру, хотя в работе немало упоминаний и ссылок на личные полевые наблюдения автора. Так, например, характеризуя корейское дворянство, а также среднее сословие, низшие группы и париев *пэжчон*, Н.И.Конрад подчеркивает, что он обращал главное внимание на этнографический аспект их изучения. Определяя задачи своих наблюдений и своей работы, он писал, что постоянно стремился проследить жизнь этих сословий с точки зрения их быта, прав и привилегий, не юридических, а бытовых; показать, как эти права проявляются в укладе повседневной жизни и во всем обиходе населения. В случае необходимости Н.И.Конрад давал объяснения исторического характера.

Среди материалов, к которым обращается ученый в этом труде, — свидетельства по этнографии корейцев, проживавших в северо-западных провинциях страны. Возможно, эти данные были собраны им во время поездок в эти районы и в Китай. Так, например, характеризуя свадебные обычаи и обряды корейцев, проживавших в бассейне р. Амноккан, на границе с Китаем, он обращает внимание на бытование «обряда имущества», состоявшего в посылке брачных подарков невесте, который был символом и даже фактическим актом покупки невесты. По мнению Н.И.Конрада, обряды и обычаи покупки невесты появились у корейцев этого региона под влиянием китайцев. Он обращает внимание на то, что в этих районах вместо слов «отдать дочь замуж» говорят «продать дочь замуж»⁸¹.

Неоднократно Н.И.Конрад подчеркивает, что в основе его исследования — полевые этнографические материалы. Он сообщает, например, о том, что ему довелось присутствовать при совершении обряда совершеннолетия⁸². Автор описывает костюм юноши, который совершает этот обряд: «Что касается одежды, то совершеннолетний одевает холстинную одежду с рукавами и подпоясывает сверх нее большим, широким поясом из материи, напоминающей чесучу. Руки скрыты в ветках душистой дафны, перевязанной белыми веревками, на ноги надеваются вышитые матерчатые башмаки»⁸³. Наблюдал Н.И.Конрад корейские свадьбы, похоронные и поминальные обряды. Во время своего путешествия по провинции Чхунчхон он был свидетелем камлания шаманки. При описании корейских (конфуцианских) храмов ученый замечает, что посетил и подробно изучил 21 храм. Беседы с информантами наряду с личными наблюдениями были для него также важнейшими источниками. Так, например, характеризуя обряды в честь предков, Н.И.Конрад отмечал, что описания обрядов были составлены им на основании многократных расспросов. Россыпь подобных замечаний, как бы незаметных пометок на полях, придает особую ценность работе. Их значимость особенно возрастает для нас и в силу того, что дневники его путешествий по Корею утрачены.

Н.И.Конрад использовал также исторические и литературные источники, о некоторых из них он упоминает в сочинении. Очевидно, автор пользовался семейными родословными и конфуцианскими книгами. Словом, круг источников был разнообразным и широким. Но, несомненно, наиважнейшими были личные полевые этнографические наблюдения.

Работа Н.И.Конрада отличается широтой проблематики и включает исследования родственных отношений, корейских имен, основных классов и сословий корейского общества в на-

чале XX в. Характеризуя семейную обрядность корейцев, он наиболее детально рассматривает обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка, а также «четыре церемонии»: обряды совершеннолетия, свадебный, похоронный и обряды, сопровождающие поминание предков. Религиозные воззрения корейцев Н.И.Конрад прослеживал на примерах святилищ, памятников, он исследовал народный религиозный пантеон, культ тигра; его внимание привлекали игры и развлечения и календарные обычаи. Богатейшие материалы были им систематизированы по народной медицине. Уникальными представляются собранные Н.И.Конрадом приметы корейцев, связанные со сновидениями, а также отражавшие их отношение к различным явлениям природы.

Словом, несомненно, что свидетельства по исторической этнографии корейцев, систематизированные Н.И.Конрадом, имеют непреходящую ценность. Труд Н.И.Конрада — ценнейший источник по культуре, быту и исторической этнографии корейцев на рубеже XIX—XX вв.

Значение корейских материалов Н.И.Конрада особенно возрастает сегодня. И для такого утверждения есть несколько причин. Во-первых, с глубоким сожалением необходимо констатировать: Н.И.Конрад был последним из русских этнографов, работавших в Корее. С тех пор и в дореволюционное время, и в годы советской власти, вплоть до сегодняшнего дня, наши отечественные этнографы не имели возможности проводить полевые исследования в Корее. Во-вторых, монография Н.И.Конрада, созданная в значительной своей части на полевых материалах, запечатлела важный этап в развитии традиционной культуры корейцев.

К своим корейским этнографическим материалам Н.И.Конрад на протяжении жизни обращался неоднократно. Несомненно, он осознавал ценность собранного им полевого этнографического материала. Он имел также возможность видеть, что на многие десятилетия изучение традиционного быта и культуры корейцев было отодвинуто в советском корееведении на второй план. Возможно, в разные периоды жизни (наверное, в 50—60-х годах) Н.И.Конрад стремился подготовить к публикации всю рукопись или ее отдельные фрагменты, оставаясь при этом все время в контексте первоначального основного текста «Очерков». Так, им была написана работа «Социальная организация в Корее», рукопись которой также хранится в Архиве РАН. Машинописный вариант статьи насчитывает 32 страницы. Статья охватывает материалы, частично представленные в первых разделах «Очерков»⁸⁴.

В эпистолярном наследии Н.И.Конрада сохранились высказывания, свидетельствующие о том, с какой симпатией он относился к Корее и корейцам, с каким ностальгическим чувством и нежностью он вспоминал о годах, проведенных в Стране Утренней Свежести; воспоминания о его стремлении вновь заняться этнографией корейского народа, о желании увидеть публикацию «Очерков».

Знакомство с корейскими материалами Н.И.Конрада помогает восстановить трагически разорванную, насильственно порушенную «связь времен». И вновь молодой Николай Конрад передает нам эстафету, полученную им от титанов русского этнографического востоковедения, от своих учителей, среди которых были А.И.Иванов, С.Ф.Ольденбург, В.В.Радлов, В.А.Котвич, Л.Я.Штернберг, определившие его путь этнографа, востоковеда, философа истории культуры, ученого-гуманиста.

С того времени, когда Н.И.Конрад собирал этнографические материалы в Корее, прошло не одно десятилетие. За эти годы, особенно начиная с 50-х годов, советские ученые-корееведы обратились к изучению этнографии, мифологии, культуры корейского народа. Сделано немало. Но даже в контексте сегодняшнего дня корейские записи Николая Конрада не утратили своей значимости, научной новизны — и как этнографические источники, и как исследования. Более того, представляется несомненным, что дальнейшее, более глубокое знакомство с этими материалами станет настоящим открытием, нашим приобщением к дотолем от нас сокрытым, но столь необходимым для нашей науки знаниям.

Глубокий интерес и симпатии Н.И.Конрада к Корее, к ее истории, культуре, этнографии сохранялись у него всю жизнь. Примечательно его письмо (от 6 мая 1956 г.), адресованное А.А.Ахматовой, по случаю выхода книги «Корейская классическая поэзия» (М., 1956) в ее переводе. «Глубокоуважаемая Анна Андреевна! От души благодарю Вас за "Корейскую поэзию". Этот Ваш подарок мне дорог вдвойне: поэзия эта создана народом, среди которого я прожил несколько очень хороших лет и который я очень люблю, русский же облик этой поэзии создан Вами, творчество которой уже давно и прочно вошло в мое сознание, как, вероятно, и очень, очень многих людей, особенно — тех, кому выпало счастье быть Вашим современником. Спасибо. Н.Конрад»⁸⁵.

Еще в 40-х годах Н.И.Конрадом была написана работа «Очерки по истории стран Восточной Азии в средние века», впервые опубликованная посмертно только в 1974 г.⁸⁶. «Очерки» состоят из двух самостоятельных разделов: «IV и VII вв. в истории наро-

дов Восточной Азии» и «Из истории средних веков Восточной Азии». В центре исследования история трех стран (и их народов) — Китая, Кореи и Японии. Основная идея работы — показ многосторонних связей между народами Китая, Кореи и Японии, столь значимых, что они могут быть поняты только в контексте истории региональной. Впервые в нашей науке средневековая история Кореи рассматривалась в столь полном объеме, а также, что очень важно, в контексте региональной политической, этнической и культурной истории народов Восточной Азии. Подобный подход получил высокую оценку в отечественном корееведении⁸⁷.

Только в 1974 г. был опубликован и отзыв-рецензия Н.И.Конрада (конец 1955 — начало 1956 г.) на рукопись М.Н.Пака «О характере социально-экономических отношений в Силла в период Трех государств», в которой он дает не только высокую доброжелательную оценку работы М.Н.Пака, но и излагает свое видение истории Кореи периода Трех государств (I в. до н.э. — VII в. н.э.)⁸⁸. Положительная рецензия Н.И.Конрада способствовала публикации новаторской статьи М.Н.Пака в журнале «Вопросы истории» (1956, № 7). Более того, как нам представляется, она дала «зеленый свет» развитию послевоенной отечественной корееведческой исторической науки.

В архиве М.Н.Пака сохранилось адресованное ему письмо Н.И.Конрада, написанное в связи с выходом в свет (1959 г.) перевода на русский язык корейской летописи «Самгук саги» (XII в.) Ким Бусика⁸⁹. Н.И.Конрад писал: «18.1.60. Многоуважаемый Михаил Николаевич! Благодарю Вас за "Самгук саги". Вот — настоящая капитальная работа. Поздравляю Вас с исполнением того замысла, который возник у Вас, как помнится, много лет назад. Желая, чтоб и другие Ваши научные замыслы столь же успешно осуществлялись. Думаю, что Ваша работа во всех ее частях получит большой отклик в Корейской Республике. С приветом Н.Конрад»⁹⁰.

Знакомство с «корейским наследием» ученого открывает нам еще одну грань его светлого таланта, помогает понять историю развития отечественного востоковедения. Мы узнаём Н.И.Конрада — и как этнографа, и как корейста.

* * *

Академик Н.И.Конрад оказался в числе немногих уцелевших востоковедов старшего поколения. Через всю жизнь он пронес в себе память и боль о погибших друзьях. Сила его духа, возможно, по-настоящему раскрывается перед нами только сейчас — через официальные документы, воспоминания, письма. «Такие

люди, как Николай Иосифович, важны для нас — как образец важны, и не частностями только, а самой сутью, той — в глазах многих — старомодной сутью, в основе которой любовь к человеку и вера в него, — писал о своем учителе Б.Б.Вахтин. — Он был из тех людей, самый тип которых почти совершенно исчез, а возродится ли когда — неведомо»⁹¹.

¹ Отметим автобиографические зарисовки-воспоминания Н.И.Конрада: Когда и как я стал востоковедом. — Народы Азии и Африки. 1967, № 5, с. 237—241; О встрече с Такахаси Тэммин. — Там же. 1979, № 2, с. 148—153.

² См. последние работы: *Алпатов В.М.* Николай Иосифович Конрад. — Восток. 1991, № 2, с. 69—83; Н.И.Конрад — В.М.Константинову. Из писем. Вступит. ст., сост. и примеч. С.З.Чугрова. — Восток. 1991, № 2, с. 84—88; *Сорокина М.Ю.* Памяти Н.И.Конрада. — Известия Отделения литературы и языка РАН (далее — ОЛЯ РАН). 1991, № 6, с. 569—572; *Чигринский М.Ф.* Забытый энциклопедист. — Наука и религия. 1991, № 8, с. 5—7; *Алпатов В.М.* Три япониста. — Знание — сила. 1992, № 1, с. 105—113; Из истории филологической науки: письма Н.И.Конрада. Публ. В.М.Алпатов и М.Ю.Сорокиной. — Известия ОЛЯ РАН. 1992, № 6, с. 69—96; *Вяткин Р.В.* Из переписки академика Н.И.Конрада. — Проблемы Дальнего Востока. 1993, № 3, с. 148—152; Николай Иосифович Конрад, 1891—1970. Автор вступит. ст. И.А.Воронина. Сост. Р.И.Кузьменко. М., 1994 (Материалы к биобиблиографии ученых России. Сер. лит-ры и языка. Вып. 20); *Тамашишвили А.О.* К столетию Н.И.Конрада. — Япония. Ежегодник. 1991—1992. М., 1994, с. 195—212; *Сорокина М.Ю.* Н.И.Конрад: жизнь между Западом и Востоком. — Трагические судьбы членов АН СССР. М., 1995, с. 128—143; К истории одной не состоявшейся публикации (Переписка Н.И.Конрада с Б.Б.Вахтиным). Публ. М.Ю.Сорокиной. — In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М. — СПб., 1995, с. 292—336; *Джарыгласинова Р.Ш.* Вклад Н.И.Конрада (1891—1970) в изучение корейской культуры и этнографии. — Major Issues in the History of Korean Culture (Proceedings of the 3-rd International Conference on Korean Studies. Moscow, December 17—20. 1996). М., 1997, с. 165—171 (резюме на кор. яз.).

³ *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. Отв. ред. В.М.Алпатов, А.И.Клибанов. Сост. М.Ю.Сорокина и А.О.Тамашишвили. М., 1996.

⁴ По другим данным, в д. Жуковка Орловской губернии.

⁵ *Конрад Н.И.* Когда и как я стал востоковедом, с. 240.

⁶ Практическая восточная академия существовала в Петербурге с 1909 по 1917 г.

⁷ *Конрад Н.И.* Когда и как я стал востоковедом, с. 240—241.

⁸ Современная начальная школа в Японии. — Журнал Министерства народного просвещения. 1913, авг., с. 129—199; сент., с. 1—44; окт., с. 145—185; отд. отт. СПб., 1913.

⁹ *Конрад Н.И.* Когда и как я стал востоковедом, с. 241.

¹⁰ Впервые письма Н.И.Конрада Н.А.Невскому опубликованы: *Biblia. Bulletin of the Tenri Central Library.* 1974. March, № 56; цит. по: *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы, с. 255.

¹¹ *Новогрудский Н., Дунаевский А.* По следам Пау. М., 1962, с. 76, 77; *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988, с. 55—56.

¹² *Конрад Н. И.* Неопубликованные работы, с. 256—257.

¹³ Записки Орловского университета. Сер. общ. наук. Вып. 1. Орел, 1921, с. 315—376. Об орловском периоде жизни Н. И. Конрада см.: *Саран А. Ю.* Н. И. Конрад в Орле. — Орловщина: Время и бремя реформ (прошлое, настоящее, будущее). Материалы научно-практической конференции. Орел, 1992, с. 153—162; *он же.* Проблемы биографических исследований Орловщины. — Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994, с. 284—292.

¹⁴ См.: АРАН, ф. 1675.

¹⁵ *Бахтин М. М.* и *Каган М. И.* По материалам семейного архива. Публ. К. Невельской [Ю. М. Каган]. — Память: Исторический альманах. Вып. 4. М., 1979 — Париж, 1981, с. 258.

¹⁶ *Алексеев В. М.* Наука о Востоке. Л., 1982, с. 29—30.

¹⁷ *Филиппов Б.* Всплывшее в памяти. Л., 1990, с. 143.

¹⁸ См.: Восток. 1923. Кн. 2.

¹⁹ Архив А. М. Горького. ИМЛИ РАН. Фонд А. Н. Тихонова, № 70615.

²⁰ Там же, № 70630.

²¹ Там же, № 70630, 70632.

²² Там же, № 70661.

²³ Там же, № 70659.

²⁴ Там же, № 70648.

²⁵ Там же, № 70690, 70691, 70694, 70700, 70786, 70788.

²⁶ *Филиппов Б.* Всплывшее в памяти, с. 143.

²⁷ Подробнее см.: *Баньковская М. В.* «Малая Академия» в Азиатском музее. — Народы Азии и Африки. 1985, № 3.

²⁸ *Гуревич П., Махлин В.* Пророк в своем Отечестве. — Советская культура. 22.07.1989, с. 6.

²⁹ ПФ АРАН, ф. 208, оп. 2, д. 128, л. 1 — 1об.

³⁰ *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1972, с. 488.

³¹ ГАРФ, ф. 7668, оп. 1, д. 218, л. 34.

³² *Конрад Н. И.* Неопубликованные работы, с. 173—174.

³³ Библиография Востока. Вып. 8—9. М.—Л., 1936, с. 139.

³⁴ См.: Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20—50-е годы. — Народы Азии и Африки. 1990, № 4, 5.

³⁵ АРАН, ф. 402, оп. 1—1938, д. 6, л. 71—79.

³⁶ Личный архив Б. Б. Вахтина.

³⁷ ПФ АРАН, ф. 7, оп. 1, д. 247 (п. 28). Постановление Президиума АН СССР об исключении Н. И. Конрада из состава сотрудников Института востоковедения АН СССР.

³⁸ См.: *Иванов Вяч. Вс.* В поисках утраченного. — Наше наследие. 1989, № 1, с. 4.

³⁹ Сведения об аресте и заключении Н. И. Конрада приводятся на основании справки б. Управления КГБ по г. Ленинграду, полученной М. Ю. Сорокиной в сентябре 1991 г.

⁴⁰ Текст записки находится в личном архиве д-ра филол. наук В. М. Алпатов. В. М. Алпатов любезно предоставил возможность М. Ю. Сорокиной познакомиться с ним и опубликовать его фрагменты (см.: *Сорокина М. Ю.* Николай Конрад: жизнь между Западом и Востоком, с. 137—138).

⁴¹ *Конрад Н. И.* Неопубликованные работы, с. 274—275.

⁴² Там же, с. 119—168.

⁴³ *Вяткин Р. В.* Из переписки академика Н. И. Конрада, с. 148.

⁴⁴ АРАН, ф. 456, оп. 1, д. 241, л. 44 — 51.

⁴⁵ Герштейн Э. Мемуары и факты: Об освобождении Льва Гумилева. — Горизонт. 1989, № 6, с. 60.

⁴⁶ Н. И. Конрад — В. М. Константинову. Из писем..., с. 86.

⁴⁷ Конрад Н. И. Неопубликованные работы, с. 336.

⁴⁸ Из письма Н. И. Конрада Б. Б. Вахтину (1970 г.). — Личный архив Б. Б. Вахтина.

⁴⁹ Конрад Н. И. Избранные труды. Т. 1. История. М., 1974, 469 с; т. 2. Синология. 1977, 621 с; т. 3. Литература и театр. 1978, 461 с.

⁵⁰ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 80, л. 22 — 41 об.; ф. 1675, оп. 1, д. 9, 139 с.

⁵¹ Конрад Н. И. Очерки социальной организации духовной культуры корейцев на рубеже XIX—XX веков. Подготовка текста, послесловие и комментарии Р. Ш. Джарылгасиновой. — Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996, с. 17 — 107, 449 — 464.

⁵² Гарин Н. Г. Карандашом с натуры. — Мир Божий. 1899. № 2—7, 10—12; он же. По Корее, Манчжурии и Ляодунскому полуострову. Карандашом с натуры (с очерками «Вокруг света»). СПб., 1904; Корейские сказки. СПб. 1904.

⁵³ Описание Кореи. Ч. I—III. СПб., 1900.

⁵⁴ Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях был создан в Петербурге в 1903 г. Закончил свою деятельность в 1918 г. Подробнее см.: Скачков П. Е. Очерки истории..., с. 273—278.

⁵⁵ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 76, л. 23, 23 об.

⁵⁶ Там же, л. 23.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Здесь (и далее) в цитируемом документе использованы японские чтения корейских топонимов. Поэтому в скобках нами приведены исконные корейские наименования географических пунктов и историко-географических понятий.

⁶⁰ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 76, л. 23, 23 об.

⁶¹ Там же, д. 81, л. 10.

⁶² Конрад Н. И. Когда и как я стал востоковедом, с. 241.

⁶³ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 76, л. 37.

⁶⁴ Там же, л. 38.

⁶⁵ Все эти корейские топонимы записаны Н. И. Конрадом иероглифами.

⁶⁶ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 76, л. 38.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, д. 81, л. 41.

⁶⁹ У этого рукописного отчета Н. И. Конрада непростая судьба. Как известно, он хранится в ПФ АРАН в фонде Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии среди материалов, относящихся к 1915 г. Текст формально не имеет заголовка, не названо имя автора, т. е. рукопись продолжает оставаться анонимной. Конечно, и Н. И. Конрад и его близкие друзья знали, что рукописный отчет, датированный 1915 г., хранится в АРАН, знали они и о том, что работа принадлежит Н. И. Конраду. Но, очевидно, с конца 30-х годов, в силу известных обстоятельств, о ней как бы «забыли». Работа попала в зону умолчания. Только во второй половине 50-х годов в научной литературе появляется первое упоминание о ней. О том, что эта работа принадлежит Н. И. Конраду, в послевоенные годы одной из первых написала О. П. Петрова. Во «Введении» к труду «Описание письменных памятников корейской культуры. Выпуск I» (М.—Л., 1956, с. 12) при характеристике традиционной корейской антропонимии О. П. Петрова цитировала небольшой фрагмент из этой рукописи Н. И. Конрада,

которую она определяла как «Отчет за 1915 г. Н. И. Конрада Русскому комитету по изучению Средней и Восточной Азии о его командировке в Корею». В сноске к приведенному фрагменту о корейских именах О. П. Петрова обозначает цитируемую работу как «рукопись Н. И. Конрада» (!). Так было восстановлено, подтверждено в научной публикации авторство Н. И. Конрада, в течение почти двух десятилетий сокрытое от исследователей. И в этой связи хочется высказать предположение, что, возможно, титульный лист с названием отчета, а также с именем автора в конце 30-х годов, после того как в 1938 г. Н. И. Конрад был арестован, а затем сослан в лагерь, был кем-то изъят и спрятан для того, чтобы сохранить всю работу... С начала 60-х годов к рукописному отчету Н. И. Конрада, датированному 1915 г., неоднократно обращалась Ю. В. Ионова, которая именует его как «Заметки о народных обычаях корейцев на основании личных наблюдений 1914—1915 гг.» (например: *Ионова Ю. В.* Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в. М., 1982, с. 216). В авторстве Н. И. Конрада Ю. В. Ионова уже не сомневалась. В 1974 г. по просьбе вдовы ученого Н. И. Фельдман-Конрад с рукописи была снята ксерокопия, которая в настоящее время хранится в Москве в АРАН. Однако необходимо отметить, что хотя в ряде работ этот рукописный отчет Н. И. Конрада неоднократно цитируется, полностью он до сих пор не опубликован.

⁷⁰ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 81, л. 52.

⁷¹ Очевидно, речь идет о японских коллекциях, собранных Н. И. Конрадом в Японии для МАЭ.

⁷² ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 81, л. 29 — 30.

⁷³ Там же, д. 85, л. 9.

⁷⁴ *Ионова Ю. В.* История формирования и характеристика корейского фонда Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. — Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ. — Сб. МАЭ. Т. 41. Л., 1987, с. 15.

⁷⁵ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 88, л. 7.

⁷⁶ *Ионова Ю. В.* История формирования..., с. 14.

⁷⁷ ПФ АРАН, ф. 148, оп. 1, д. 93, л. 44. Русский текст телеграммы написан латиницей, адрес — на англ. яз.

⁷⁸ *Ионова Ю. В.* История формирования..., с. 14—15. Письмо хранится в личном архиве Ю. В. Ионовой.

⁷⁹ *Конрад Н. И.* Когда и как я стал востоковедом, с. 241.

⁸⁰ АРАН, ф. 1675, оп. 1, д. 9. Знакомство с этой работой свидетельствует о том, что перед нами полный текст исследования Н. И. Конрада по этнографии корейцев, который включает как составную, органическую часть и первоначальный отчет, так и новые главы и разделы. Объем работы по сравнению с первым отчетом увеличился по крайней мере в три раза. При описании отдельных корейских обрядов Н. И. Конрад сопоставлял их с японскими и китайскими традициями. Именно эта рукопись позднее была оформлена Н. И. Конрадом в монографию, получившую название «Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев на рубеже XIX—XX веков». После его смерти Н. И. Фельдман-Конрад обратилась к известному кореевед-лингвисту Л. Б. Никольскому (1924—1997) с просьбой дать корейскую транскрипцию на русском языке к многочисленным терминам, записанным иероглифически. Эта просьба была удовлетворена. Текст был заново перепечатан и предложен к публикации. Однако работа вышла в свет только в 1996 г.

⁸¹ *Конрад Н. И.* Очерки социальной организации и духовной культуры корейцев, с. 53—54.

⁸² Там же, с. 51.

⁸³ Там же, с. 51—52.

⁸⁴ АРАН, ф. 1675, оп. 1, д. 9, л. 32.

⁸⁵ *Конрад Н. И.* Неопубликованные работы, с. 322.

⁸⁶ *Конрад Н. И.* Очерки по истории стран Восточной Азии в средние века; *он же.* Избранные труды. Т. 1. История, с. 325 — 460.

⁸⁷ Например: *Пак М. Н.* Проблемы корейского и японского феодализма в работах Н. И. Конрада. — Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1988, № 4, с. 22—23.

⁸⁸ *Конрад Н. И.* О работе М. Н. Пака «О характере социально-экономических отношений в Силла в период Трех государств». — *Конрад Н. И.* Избранные труды. История, с. 170—180.

⁸⁹ *Ким Бусик.* Самгук саги («Исторические записи Трех государств»). Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М. Н. Пака. М., 1959 (Серия «Памятники литературы народов Востока». Тексты. Большая серия. I).

⁹⁰ Личный архив М. Н. Пака.

⁹¹ АРАН, ф. 1676, оп. 1, д. 277, л. 1.

**Петр Федорович Преображенский:
жизненный путь и научное наследие**

В одном из старинных районов Москвы, в Мерзляковском переулке, вблизи Большой Никитской улицы стоит храм преподобного Федора Студита во имя иконы Смоленской Божьей матери, или в московском просторечии — Федоростудитская церковь, что у Никитских ворот. В 1626 г. патриарх Филарет (отец Михаила Романова) на своей земле основал Федоровский Смоленский Богородицкий мужской монастырь. При нем и был возведен этот храм. В 1709 г. монастырь был упразднен, а храм стал приходской церковью. В истории города она известна тем, что в ней покоится прах родителей генералиссимуса Суворова¹. С этим храмом связана история семьи Преображенских.

Сама фамилия эта воскрешает память о знаменательных временах российской истории — о молодых петровских полках, с причтом которых была связана священническая семья: она жила на Поварской, в слободе, принадлежавшей Нарышкиным, где ютилось много люда Преображенского полка.

Петр Алексеевич Преображенский (1828—1893) еще мальчиком был определен на место дьячка с тем, чтобы он мог кормить большую семью и одновременно учиться в семинарии. Способного мальчика в числе других лучших семинаристов отправили в Петербург во вновь открытую Духовную академию.

На дворе стояла эпоха Николая I. Российскую церковь возглавлял митрополит Филарет, человек волевой с папистскими замашками. После потрясений декабрьских событий 1825 г. правящая верхушка государства и церкви была озабочена формированием когорты просвещенных богословов, способных противостоять влиянию Запада. В Духовную академию приглашали для чтения лекций европейских профессоров.

После окончания Академии и нескольких лет профессорской деятельности Петр Алексеевич Преображенский вернулся в Москву. Он получил место протоиерея Федоростудитской церкви. Вместе с протоиереем Сергиевским и Смирновым-Платоновым основал в 1860 г. богословский журнал «Православное обозре-

ние», который выходил в Москве в течение 30 лет, до 1891 г. Журнал имел характер преимущественно публицистический: знакомил читателя с лучшими образцами иностранной богословской литературы. Кроме лиц духовного звания в журнале сотрудничали известные славянофилы — Ф.И.Тютчев, Ю.Ф.Самарин, И.С.Аксаков и др.².

Петр Алексеевич Преображенский был редактором «Православного обозрения» с 1875 по 1891 г. Ему принадлежат оригинальные статьи, например «Ориген и его заслуги как апологета христианской религии», «Апологетическая деятельность древней церкви», и многие другие. Занимался он и переводами (к примеру — Иринаея Лионского)³.

Место священника той же церкви унаследовал сын Петра Алексеевича — Федор Петрович (год его рождения неизвестен, умер в 1905 г.), учившийся в Московской духовной академии⁴. Он тоже не чужд был творчеству; известна, например, его брошюра «К вопросу о счастье. Мнимый пессимизм ветхозаветной "суета сует"» (М., 1898). Федор Петрович был удостоен звания потомственного почетного гражданина⁵.

Семья Преображенских была связана обязательными внутрисловными браками со служителями церкви. Федор Петрович был женат на Наталии Александровне Виноградовой — учительнице церковноприходского училища.

Преображенские были известны в своем кругу как яркие публицисты, прирожденные педагоги, красноречивые ораторы, легко возбудимые и увлекающиеся. Вот в такой семье и родился будущий ученый Петр Федорович Преображенский. Несомненно, он унаследовал от своих предков пылливость ума и азарт исследователя.

Сын Федора Петровича и Наталии Александровны появился на свет 21 апреля (3 мая) 1894 г. Крещен 29 апреля (11 мая) во Введенской церкви Сергиева Посада. Крестил его священник этой церкви Александр Николаевич Воскресенский.

Усидчивость, работоспособность, любовь к знаниям проявились в будущем ученом еще в стенах гимназии имени И. и А.Медведниковых (она находилась на углу Тверской улицы и Тверского бульвара). Любопытное совпадение: когда осенью 1903 г. маленький Петр Преображенский подымался со своей мамой по ступеням этого престижного для своего времени училища, рядом, тоже с мамой, шел другой мальчик — Яков Рогинский, будущий известный антрополог. Так судьба свела вместе двух человек, которым суждено было продвинуть вперед смежные, во многом переплетающиеся науки — этнографию и антропологию. Младший брат П.Ф.Преображенского — Сергей Федо-

рович, о котором речь впереди, стал антропологом и работал в том же институте, что и Яков Яковлевич Рогинский.

Петр Преображенский учился в гимназии блестяще, снискав уважение товарищей (если кто-нибудь из них что-то не знал, забывал, ему обычно советовали: «А ты спроси у Пети»). Гимназию закончил с золотой медалью⁶. Но еще раньше ему довелось пережить тяжелое горе: в 1905 г. умер отец, и юный Петр оказался «старшим мужчиной» в большой семье. Гимназист бегал по урокам, и все свои заработки отдавал матери.

Окончив гимназию в 1912 г., Петр Преображенский поступил в том же году на Историко-филологический факультет Московского университета. Перечень языков, которые изучал молодой студент (древнегреческий, латинский, немецкий, французский, английский, итальянский), указывает на высокую степень его подготовки к научной работе. В эти годы на факультете читали лекции Р.Ю.Виппер, А.И.Савин, М.Н.Богословский. Под руководством Богословского написано студенческое сочинение «Севернорусская община». К сожалению, осталось неизвестным, за что студент Преображенский получил премию им. Внуковского⁷.

В студенческие годы состоялась первая публикация молодого Преображенского. Но это была не научная работа, а стихи. Изящно изданная маленькая книжечка под названием «Semper idem» («Неизменно тот же») содержала лирику в духе Серебряного века русской литературы⁸. Неизвестной осталась личность дамы, которой посвящены эти тонкие зарисовки грустной природы и метания молодой души. Ее фамилия — Салёрева — заставляет вспомнить одноклассника по гимназии Петра Преображенского, впоследствии эмигрировавшего за границу. Возможно, что к этой семье Салёревых и принадлежала муза молодого поэта.

В 1916 г. Петр Федорович окончил Университет и был оставлен на два года (как тогда выражались, «без содержания», т. е. без стипендии) для подготовки к профессорскому званию при кафедре всеобщей истории под руководством проф. Р.Ю.Виппера. В 1917 г. экзамены были успешно сданы, прочитана публичная лекция⁹.

В 1916—1919 гг. П.Ф.Преображенский состоял приват-доцентом Московского университета, а в 1919 г. уехал в Самару, где занял профессорскую кафедру западной истории тамошнего университета (25 лет от роду!). В Самаре П.Ф.Преображенский написал свой основной труд по истории раннего христианства — «Тертуллиан и Рим» (издан в Москве в 1926 г.). Выбор темы не был случаен, он явно продолжал традиции отца и деда, которые переводили и издавали источники времен первоначального христианства. Но эта работа была не богословским сочинением, а историческим исследованием.

П. Ф. Преображенский. В последние годы жизни

В 1921 г. Петр Федорович вернулся в Москву. С этого года и вплоть до рокового 1937-го он был профессором Московского университета¹⁰.

Начался период жизни, насыщенный до удивления разнообразной научной, педагогической и просветительской деятельностью. Это было время бурного расцвета высшего образования, поисков его форм и принципов. На этом фоне особенно ярко проявилась огромная работоспособность Петра Федоровича и его незаурядный организаторский талант. П.Ф.Преображенский сотрудничал с В.П.Волгиным в Главпрофобре Наркомпроса. В феврале 1921 г. Петр Федорович стал профессором Факультета общественных наук МГУ, одновременно он был профессором Нижегородского университета (1921—1923), в 1922—1929 гг. состоял членом РАНИОН и в это же время (с 1925 по 1930 г.) — членом Института этнических культур, в 1928—1929 гг. — про-

фессором Промышленной академии, а затем (1929—1930) — ученым специалистом Института истории при Коммунистической академии.

П.Ф.Преображенский сотрудничал в Большой Советской Энциклопедии (1926—1932), где редактировал разделы всеобщей и древней истории, антропологии и этнографии (это была чрезвычайно напряженная работа: ежегодно выходили в свет два-три тома)¹¹. Этот обширный послужной список отражает не только кипучую деятельность проф. Преображенского, но и особенности организации научных учреждений того времени: они создавались, реорганизовывались, упразднялись. Например, Институт красной профессуры был переименован в Коммунистическую академию, а затем в Институт им. Свердлова, где Преображенский продолжал читать лекции. Одновременно он был лектором Военно-педагогической академии. В 1924 г. был расформирован Румянцевский музей, выделились самостоятельные музеи — Западной живописи и Изящных искусств, археологические и нумизматические коллекции переданы в Государственный Исторический музей, а этнографический отдел положил начало Центральному музею народоведения (впоследствии Музей народов СССР). Директором его был Б.М.Соколов, П.Ф.Преображенский — ученым хранителем (с 1931 г.), он также ведал Отделом зарубежных стран (в это время в музее работали С.А.Токарев, Н.Н.Чебоксаров, Е.М.Шиллинг, Б.М.Куфтин и другие впоследствии известные этнографы).

Профессор Преображенский читал различные курсы: историю древнего Востока и античного общества, историю общественных форм, лекции по колониальной политике; руководил аспирантами не только в учебных заведениях, но и в Государственном Историческом музее (1933—1934).

П.Ф.Преображенскому как деятелю науки была присуща необычайная эрудиция. Он обладал не просто обширными, но всегда точными и выверенными знаниями, владел огромным объемом информации, почерпнутой в источниках самого различного характера, использовал новейшие библиографические данные.

В издании *Academia* вышел под его редакцией и при его непосредственном участии ряд публикаций античных авторов. Было предпринято издание серии «Памятники мировой литературы» под общей редакцией Д.А.Гербова, В.О.Налендера, П.Ф.Преображенского. Каждой (или почти каждой) книге предпослано предисловие Преображенского, в котором не только характеризуется творчество и личность древнего автора, но и воссоздается историческая эпоха, к которой относится публикуемое сочинение.

Отдельные публикации проф. Преображенского о культуре древнего мира можно расположить в хронологическом порядке сюжетов и понять, как ученый осмысливал цельную панораму исторического развития культуры¹². В предисловии к «Илиаде» Гомер назван символом культурного единства, на основе которого складывались сюжеты и каноны греческой литературы¹³. «Одиссея» признана исследователем своеобразным новеллистическим отображением колонизации Восточного Средиземноморья IX—VII вв. до н.э.¹⁴. Литературное наследие комедиографа II в. до н.э. Публия Теренция определено как римское отражение греческого искусства¹⁵. «Спартак» Рафаэлло Джованьоли¹⁶ — произведение, главный тезис которого оспаривается современными историками: они не приемлют характеристику восстания под руководством Спартака как революцию рабов¹⁷. Впрочем, и сам Петр Федорович иногда в этом определении сомневался¹⁸. В длинном списке произведений на темы античной истории хотелось бы упомянуть «Миф о Каталине»¹⁹ — вступительную статью к изданию текстов Гая Саллюстия — римского историка I в. до н.э.; статью, посвященную анализу творчества римского поэта I в. до н.э. Квинта Горация Флакка²⁰; исследование творческой манеры «Вольтера античности» — древнегреческого сатирика Лукиана, жившего во II в. н.э.²¹.

От внимания ученого не ускользнули и романы авторов новейшего времени, написанные на сюжеты античной истории: им были написаны вступительные статьи к романам Г.Флобера «Саламбо» и «Искушение святого Антония», к книге Ч.Кингсли «Ипатия»²².

Во всех исторических работах проф. Преображенского выдерживается главный принцип: единство исторического потока, постоянное взаимодействие, взаимопроникновение культур (например, он возражал против мнения об изолированном развитии цивилизаций древнего Востока)²³.

Но не только древний мир привлекал ученого: он уделял внимание событиям новой истории. Талант популяризатора, который ярко проявился при чтении публичных лекций, сказался еще в первую пору работы в Московском университете. Образцом популярного стиля может служить маленькая брошюра о сущности Учредительного собрания, адресованная самому широкому читателю, не искушенному ни в истории, ни в политике²⁴.

Десять лет спустя вышла в свет более обширная популяризаторская работа «Очерк истории современного империализма»²⁵. Начертав основные исторические вехи от середины XIX в. до конца первой мировой войны и Версальского мира, создания Лиги Наций, исследователь задается вопросом: что же дальше?

Оказывается, «...империалистические антагонизмы, которые послужили причиной мировой войны, после ее окончания возникли лишь в новой форме»²⁶, и они, как предсказывает ученый, приведут к новой мировой войне.

С 1925 по 1931 г. проф. Преображенский сосредоточил свою деятельность на Этнологическом факультете МГУ. После ликвидации этого факультета и восстановления в 1934 г. Исторического факультета он работал на кафедре истории Древнего мира.

Некоторые его ученики стали впоследствии известными учеными, среди них — античник Н.А.Машкин, специалист по истории империализма А.С.Иерусалимский и др.

В 1923 г. Петр Федорович был направлен в научную командировку в Германию. К сожалению, не известны ни цель, ни результаты этой поездки. В семейном архиве сохранилось его письмо от 31 августа 1923 г., адресованное матери — Наталии Александровне. Острая наблюдательность, разговоры с немецкими и английскими собеседниками (напомним, что языками он владел свободно) позволили русскому гостю охарактеризовать Германию тех лет как страну, переживавшую катастрофический развал — валютный кризис, безработицу. Тогдашнего канцлера Штреземана он сравнивал с Керенским и предсказывал политический переворот — «революцию справа», которая принесет стране страшные последствия.

В 1928 г. состоялась поездка в Норвегию в составе делегации ученых СССР на Международный конгресс историков (первый Конгресс был в Париже в 1889 г.). На этом конгрессе впервые были представлены деятели советской исторической науки. Участие проф. Преображенского в столь важном мероприятии, имевшем не только научное, но и политическое значение, убедительно говорит об его авторитете в научном мире.

21 — 28 августа 1933 г. в Варшаве собрался очередной международный конгресс историков. Делегацию ученых СССР возглавлял акад. В.П.Волгин, в ее состав входили проф. А.М.Панкратова, академики Н.С.Державин и Н.М.Лукин, президент АН Белоруссии П.О.Горин и проф. П.Ф.Преображенский, который выступил с докладом «Русско-японская война и ее влияние на образование Антанты»²⁷. В нем были раскрыты сложные переплетения интересов России, Германии, Англии и Франции. Доклад был встречен с большим одобрением многочисленной аудиторией, «...что не помешало "Газете варшавской" аттестовать т. Преображенского специально посланным Москвой "опытным агитатором"»²⁸.

Этой поездке предшествовало событие, ныне не до конца еще проясненное: 4 января 1933 г. Петр Федорович был арестован органами ОГПУ СССР. В обвинении значилось: «...являлся

организатором антисоветской группы научных работников, проводил линию на дискредитацию вождей ВКП(б) и мероприятий советской власти». 27 апреля 1933 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ вынесло решение о высылке обвиняемого на три года в Северный край, однако условно. Из-под стражи он был освобожден²⁹. По всей вероятности, обвинение вскоре было снято, так как конгресс в Варшаве состоялся через несколько месяцев. Ясно, что авторитет профессора не был поколеблен.

Надвигался роковой 1937 год. В мае 1936 г. был арестован Г.С.Фридлянд, занимавший пост декана Исторического факультета МГУ с момента его восстановления (с 1 июля 1934 г.). Ученик и ближайший сотрудник М.Н.Покровского, он был удручен тем, что историческая наука все более попадала в зависимость от чиновников, выполнявших специальный заказ ЦК ВКП(б). В марте 1937 г. Фридлянд был расстрелян³⁰. В должности декана его сменил П.О.Горин, тоже ученик М.Н.Покровского, к тому времени переехавший из Белоруссии в Москву, ставший членом комиссии ЦК ВКП(б) и СНК СССР по историческим учебникам, председателем ее подкомиссии по изданию исторической литературы. Он не успел даже приступить к обязанностям декана, был арестован и в апреле 1938 г. расстрелян³¹.

Петр Федорович Преображенский был арестован 14 апреля 1937 г. органами НКВД «за проведение контрреволюционной деятельности». 4 октября 1937 г. Особое совещание при НКВД СССР вынесло приговор: «...за контрреволюционную агитацию и террористические высказывания» направить в трудовые лагеря сроком на восемь лет. Выпал на долю Ухто-Ижемский лагерь НКВД в Коми АССР³².

Среди документов, переданных семье после реабилитации, сохранилась фотография подследственного П.Ф.Преображенского. Удивительная фотография! Как правило, тюремный фотоаппарат фиксирует напряженные лица с испуганными либо потухшими глазами. Петр Федорович смотрит в объектив ясным, зорким взглядом, волевое лицо отражает усмешку, если не сказать — сарказм. Неизвестно, как складывалась жизнь в лагере, возможно, возникали какие-то конфликтные ситуации: в октябре 1941 г. последовало постановление — по статье 58, § 11 Уголовного кодекса Преображенский приговаривался к 10 годам, а потом по статье 58, § 10, часть II УК, — «за антисоветскую агитацию в лагере» — к высшей мере наказания. П.Ф.Преображенский был расстрелян 3 декабря 1941 г. Реабилитирован определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 27 апреля 1956 г.³³

П. Ф. Преображенский. Фотография из следственного дела

Всего 47 лет отпустила судьба Петру Федоровичу Преображенскому. Короток был период его научной деятельности — только 18 лет (1919—1937). За этот срок написаны и изданы две книги, десятки (около 80) статей в самых разных изданиях, прочитано много учебных курсов, популярных лекций, выращены ученики, отредактированы многие тексты. В обширном и многообразном научном наследии профессора Преображенского можно выделить три главных направления: этнография (этнология), религиоведение и история культуры античного времени. В соответствии с тематикой книги мы остановимся подробнее на первых двух.

* * *

Конец 20 — начало 30-х годов, когда Петр Федорович, по существу, возглавил в Москве этнографическое направление в университетском образовании, был сложным, переломным периодом в истории российской этнографической науки³⁴. В Московском университете подготовка специалистов началась еще в 1860-х годах (основание Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии), в 1884 г. была открыта кафедра географии и этнографии под руководством Д.Н.Анучина. Этот знаменитый ученый и его последователи в основной принцип научного ис-

следования возвели органическое сочетание антропологии, археологии и этнографии (знаменитая «анучинская триада», к сожалению, ныне не опровергнутая, но забытая!)³⁵. Этнография сочеталась с географией населения, поэтому в послереволюционное время Д.Н.Анучин читал курс этнографии на кафедре географии Физико-математического факультета, а в 1919 г. создал кафедру антропологии (с 1923 г. ее возглавлял В.В.Бунак), которую закончили известные впоследствии ученые-антропологи Я.Я.Рогинский, Н.Н.Чебоксаров, М.Г.Левин, С.А.Токарев, ставший одним из ведущих этнографов, а также С.П.Толстов, который, завершив антропологическое образование, поступил на Этнологический факультет³⁶.

В Петрограде этнографическое отделение было создано в 1918 г. в Географическом институте при Петроградском университете. Позже оно функционировало на Восточном факультете этого университета. Журнал «Этнография», издававшийся с 1926 г., возглавлял акад. С.Ф.Ольденбург — маститый ученый, который еще в 1910 г. был председателем Комиссии по составлению этнографических карт России. Журнал отражал мнения специалистов относительно предмета этнографии как науки.

Еще в начале века при большом различии в формулировках практически все сходились на том, что предметом ее служат законы развития человечества на низших ступенях культуры и описание конкретных народов, их культурных особенностей³⁷. Такого же мнения придерживались ученые и в последующие десятилетия³⁸. Наряду с этнографией признавалось существование и науки этнологии. Ей придавалось более широкое содержание: она была призвана изучать историю культуры человечества в целом, включая и гражданскую историю.

На основе этих принципов в Московском университете (I МГУ, как тогда назывался этот вуз) был создан Факультет общественных наук (1919 г.), в его рамках — Этнологическое отделение (1922 г.) с кафедрой этнологии и социологии, которая в 1923 г. была переименована в кафедру этнологии. С 1925 г. факультет назывался Этнологическим (просуществовал до 1931 г.); в его составе было этнографическое отделение — наряду с литературным, историко-архивным и изобразительных искусств. При факультете работали Этнографо-археологический музей (заведующий — А.И.Некрасов) и Историко-этнологический кабинет³⁹. Таким образом, понимание сути смежных наук — истории, археологии, этнологии, этнографии, истории первобытного общества и их соотношения было довольно сложным и во многом отличалось от нынешнего.

15 мая 1925 г. Научно-политическая секция (ее подсекция вузов) Государственного ученого совета утвердила П.Ф.Преображенского в должности профессора Этнологического факультета МГУ по специальности «Этнология». 1 сентября того же года он был назначен председателем Этнографического отделения и заведующим Кафедрой общей этнологии⁴⁰. О целях и задачах Этнографического отделения проф. Преображенский сделал специальный доклад. С начала 1926 г. Отделение стало функционировать⁴¹. Петр Федорович одновременно заведовал Историко-этнологическим кабинетом, а также участвовал в издании «Трудов Этнографо-археологического музея I МГУ».

В этнографию Петр Федорович пришел как зрелый историк. Обладая обширной эрудицией во многих областях знания, мысля масштабно, он пытался охватить всемирную историю как историю всех континентов и всех народов, их населяющих⁴², например мог позволить себе такое выражение, как «этнологическая часть истории»⁴³. Такая концепция не находила (а может быть, не полностью находила) отклика в среде тогдашнего научного мира: особенно она вызывала раздражение у музейных работников — знатоков конкретных, отдельно взятых этнических культур.

Этнографическое отделение старалось дать студентам широкое образование, построенное на междисциплинарном подходе, прикладные знания, подготовить их к научной работе и к практической деятельности в качестве краеведов, музейных и издательских работников, архивистов, а также (что для нас самое интересное) — работников культуры и политпросвещения среди национальных меньшинств нашей страны.

Верный своим принципам, стараясь избегать европоцентризма, проф. Преображенский вел семинар по этнографии народов Средней Азии (1929—1930) и принял участие в организации Среднеазиатской комплексной экспедиции РАНИОН, работавшей в низовьях Амударьи в районе Древнего Хорезма (1928 и 1929 гг.), он руководил этнографической частью экспедиции. Во втором сезоне в этой работе принимал участие его брат — антрополог Сергей Федорович Преображенский⁴⁴ и несколько молодых людей, в их числе будущие известные ученые С.А.Токарев и С.П.Толстов. В организации экспедиции, возможно, участвовала и Комакадемия: в ее стенах в 1929 г. были доложены результаты экспедиции и представлена выставка добытых материалов. Отчеты об экспедиции были опубликованы в научной периодической печати.

Огромное значение памятников Древнего Хорезма для исследования среднеазиатских цивилизаций было понято специалистами того времени. Первым начал исследования А.И.Теренож-

кин (позже он уехал, кажется, на Украину). Продолжили братья Преображенские. После Отечественной войны в Хорезме вел успешные раскопки С.П.Толстов.

На Этнологическом факультете проф. Преображенский читал курс «История развития общественных форм». Надо полагать, что на основе стенограмм этого курса (которые записывала Б.И.Шаревская, ставшая впоследствии известным исследователем-этнографом) им был написан учебник «Курс этнологии».

До него лучшим учебным пособием была книга В.Г.Богораз-Тана «Распространение культуры на земле». Проф. Преображенский называл эту книгу существенным произведением, трактовавшим проблемы этнографии с широтой и размахом. Однако он не мог согласиться с применением естественнонаучного метода при изучении социальных явлений⁴⁵.

Еще раньше вышла книга В.К.Никольского «Очерк первобытной культуры», которую проф. Преображенский оценил положительно, ибо в ней был преодолен тезис о линейной эволюции человеческой культуры и вся история первобытного общества предстала как смена нескольких культурных комплексов⁴⁶.

Главный теоретический тезис проф. Преображенского состоял в признании этнологии как части единого процесса познания человечества — его истории и культуры. Этим, по его мнению, подтверждалась идея Гегеля о всемирной истории: «История есть часть этнологии, или наоборот, а самое правильное: поставить здесь просто знак равенства. Недаром отец истории, Геродот, был в то же время и с таким же правом отцом этнологии»⁴⁷.

Будучи ответственным историографом⁴⁸, П.Ф.Преображенский не отказывался без подробного критического анализа от теоретических построений минувших эпох: «...только из синтеза классической эволюционной школы (Морган, Тэйлор) с достижениями школы культурно-исторической может возникнуть построение, базирующееся на месте истории как науки, — историческом материализме»⁴⁹. Впоследствии эти попытки использовать рациональные зерна из учений предшественников были названы эклектизмом, и упреки такого рода содержались во всех критических высказываниях в адрес ученого.

П.Ф.Преображенского часто причисляют к сторонникам теории «культурных кругов» Ф.Гребнера. Это не совсем так: Петр Федорович находил понятие «культурный круг» крайне неплодотворным. В построениях Гребнера, как и Ф.Ратцеля, он видел механическое соединение фактов. Для самого ученого предметом исследования служил «культурный комплекс», внутри которого его части, его элементы взаимозависимы и поддаются ретроспективному анализу. В его научном арсенале сформулировано

такое понятие, как «техничко-хозяйственный ареал». Исследование комплекса культуры, сопряженного с конкретной территорией — ареалом распространения, должно подводить к решению проблемы формирования этноса. Это весьма логичное построение очень близко к современному понятию этнической культуры.

В соответствии с установками своего времени П.Ф.Преображенский ограничивал поле этнографических исследований культурами первобытного общества. Но он считал недопустимым употребление таких слов, как «первобытность», «дикость», возражая против деления народов на *Kulturvölker* и *Naturvölker*, настаивал на признании единства психофизических особенностей людей разных культур на различных ступенях общественного развития. Например, ученому не нравилось упрощенное описание социальных группировок австралийского общества, которое допустил в свое время В.К.Никольский. Он упрекал коллегу в недооценке «...несомненно длительной и своеобразной истории австралийских культур»⁵⁰.

В этом смысле ученый высоко ценил книгу Ф.Боаса «Ум первобытного человека», в которой американский исследователь защищал единство человеческого рода⁵¹. Тех, кто составлял главный объект этнографических наблюдений, Петр Федорович предлагал называть «малокультурными» или «инокультурными» народами.

В духе этих теоретических построений и принципиальных тезисов написан главный этнографический труд проф. Преображенского «Курс этнологии»⁵². Книга делится на пять глав: 1. История науки. 2. Материальная культура. 3. Хозяйство. 4. Общество и его формы. 5. Идеологические связи общества.

В первой главе (с. 5—29) с академической скрупулезностью рассказано обо всех этапах развития знаний о культурах человечества, начиная от эпохи Древней Греции, от времени Великих географических открытий, деятельности католических миссионеров и колониальной администрации до становления научных теорий в XIX в., когда этнология оформилась в истинную науку.

Схемы эволюционистской этнологии не были поддержаны Преображенским. К построениям Л.Г.Моргана он отнесся весьма скептически, находя в его периодизации конкретные ошибки и слишком гипотетические построения. Труд Э.Тэйлора «Первобытная культура» назван им классическим, его схема духовной эволюции человечества кажется ему логически обоснованной и приемлемой для науки XX в., хотя и Тэйлор, по мнению ученого, не избежал упущений, характерных для эволюционистской школы этнологов вообще. «Никакая религия, — утверждает П.Ф.Преображенский, — еще не сводилась к одной метафизике,

к одному объяснению мира. Наоборот, во всякой религии элементы чувства и воли имели гораздо большее значение, нежели элементы объяснения»⁵³. Разбирая последовательно работы В.Вундта, Дж.Фрэзера, Э.Лэнга, ученый заключает, что эволюционистская теория чересчур узка и смотрит на предмет исследования предвзято, что она несостоятельна и с точки зрения исторического материализма, так как явления духовной культуры не связывает с материальной стороной быта и с хозяйством.

Гораздо больше импонируют профессору работы Ратцеля, которого он считает провозвестником нового для конца XIX в. исторического метода, а его книгу «Народоведение» — одним из образцовых произведений описательной этнографии. Однако Преображенского не могли вполне убедить ни Гребнер, ни Ратцель с его теорией культурных заимствований, ни Л.Фробениус с его культурной морфологией, которую ученый назвал рискованной метафизикой культуры. Как было сказано выше, он довольно жестко критиковал теорию «культурных кругов», указывал на слабость ее методологической основы, на недостаточно полную характеристику культурных комплексов, из которой выпадали сведения о хозяйстве изучаемых народов.

В заключение первой главы «Курса этнологии» проф. Преображенский сформулировал проблемы современной ему этнологии, которые он считал наиболее существенными. Первой проблемой он назвал выявление культурного единства. Резко расходясь как с Ф.Гребнером, так и с В.Шмидтом, указывая на отсутствие внутренней связи между культурными элементами в их построениях, ученый предложил свое понимание «культурного единства» (правда, этот термин он употреблял как уточненный синоним «культурного круга», что и ставилось ему в вину некоторыми критиками). Культурное единство «...не совпадает ни с единством лингвистическим, так как данная культура может выходить за пределы данной языковой группы или, наоборот, заключать в себе несколько языковых групп; это единство не совпадает также и с группой расовой, так как культура может совпадать или не совпадать с распространением данного расового типа»⁵⁴. Этнографы нашего времени не могут не ощущать в этом пассаже близкого подхода к концепции историко-этнографических областей.

Второй существенной проблемой проф. Преображенский считал механизм культурного взаимодействия (в отличие от этнологов времен Ратцеля, которые представляли перенесение культурных благ слишком механически). Он говорил о внедрении в культуру новых элементов разными путями и способами, о степени готовности данной культуры к восприятию нового. В более

ранней публикации он писал: «Необходимо... считаться с историчностью этнографических культур, возможностью заимствований и регрессивных явлений»⁵⁵. Если применять наши термины, то речь шла о соотношении традиций и инноваций, об информационных связях и о роли референтной группы.

Лишь при изучении и фиксировании отдельных культурных единств, соответствия отдельных культурных элементов и взаимодействия между отдельными культурами можно получить достаточные данные для построения необычайно сложной системы общей культурной эволюции человечества⁵⁶. Какой современный этнограф не подпишется под этим тезисом, выдвинутым Преображенским? Правда, этот тезис служил основой для вывода, нам непривычного: «В этом смысле этнология как наука включает в себе всю историю, которая является лишь частью в общей сумме этнологического знания»⁵⁷. Но если вспомнить идеи Гегеля, который объединял в едином процессе весь естественный, исторический и духовный мир, и если учесть, что в то время в науке и учебных планах МГУ была принята знаменитая «анучинская триада» — единство этнографии, антропологии и археологии, то заключение проф. Преображенского не выглядит столь неожиданным.

Вторая глава («Материальная культура. Техника орудий. Жилище. Одежда и украшения. Керамика. Средства передвижения», с. 30—69) дает связную картину человеческой деятельности по всей эйкумене, показывает развитие предметов труда и быта, причем в соответствии с установками того времени все факты касаются только жизни малокультурных народов.

Третья глава («Хозяйство. Вопрос о первобытном коммунизме. Вопрос об эволюции хозяйства. Собираательство. Охота и рыболовство. Земледелие. Скотоводство. Человеческое хозяйство и его конкретность. Обмен. Деньги», с. 70—106) не только анализирует перечисленные в заглавии темы, но и сообщает мнения всех авторов, начиная с XVII в. писавших на эти сюжеты⁵⁸.

Современному читателю очень полезно познакомиться с теми страницами книги, которые посвящены проблеме первобытного коммунизма. Учения мыслителей XVII в. (Томас Гоббс) и XVIII в. (Ж.-Ж.Руссо) Преображенский называет философской утопией. В XIX в., по мнению ученого, произошло смешение фактов разных исторических эпох: были исследованы аграрные учреждения древних германцев, кельтов и славян; при этом оказалось, что земля у них являлась собственностью общины, рода, племени; возникли представления об аграрном коммунизме, они были механически перенесены на более ранние эпохи, в первобытные времена (в частности, так характеризовал П.Ф.Преоб-

раженский положения книги И.Бахофена «Материнское право»). Эти утверждения о первобытном коммунистическом строе в раннем обществе были восприняты классиками научного социализма и перешли в учение Маркса и Энгельса, не подвергшись предварительному исследованию и проверке. Стало общим местом, что в начале истории хозяйственного и общественного развития стоят социальные учреждения, которые следует называть первобытно-коммунистическими. «...Весь процесс представлялся в виде трехчленной формулы развития... тезис — первобытный коммунизм, антитезис — частная собственность, синтез — коммунистическое общество»⁵⁹. Далее наряду с объективной критикой авторов, писавших на указанные темы (русского экономиста Н.И.Зибера, германского исследователя К.Бюхера, классиков английской политической экономии А.Смита и Д.Рикардо и др.), следуют собственные размышления ученого, где все факты строго привязаны и к месту, и ко времени их бытования, рассмотрены в аспекте уровня развития общества.

Основные положения П.Ф.Преображенского: 1) труд создает индивидуальную собственность, хотя бы и временную, это правило обычно действует на ранних ступенях культуры⁶⁰; 2) «...коллективные и индивидуальные черты в человеческом хозяйстве выявляются в различной пропорции в определенные исторические эпохи. В прошедшей жизни человеческого общества они находятся в тесном сплетении, причем то одни из них, то другие выступают резче»⁶¹; 3) «...идеологические стороны культуры иногда влияют на хозяйственные»⁶²; 4) не все виды хозяйства развиваются в строго прогрессивной последовательности, иногда прогресс сменяется регрессом. Как вывод из всего исследования делается заключение о многообразии, сложности (по выражению автора — «эластичности») экономических связей. В этом выводе отразилась огромная эрудиция ученого-историка, владевшего обширными знаниями и о древнем мире, и о развитии общества, и о законах человеческого бытия в целом⁶³.

Четвертая глава «Курса этнологии» называется «Общество и его формы. Теория Фрейда. Критика Моргана. Брачно-групповые отношения в Австралии. Формы семьи. Проблема родового быта. Экзогамия. Системы родства. Тотемизм. Территориальные организации. Орда. Племя. Распадение племенной организации. Первобытная государственность» (с. 107—163). Из этого развернутого заглавия достаточно ясно видно, какие стороны общественной жизни подвергнуты в ней описанию и осмыслению. Привлечены мнения, гипотезы и теории всех известных авторов, начиная от самого Аристотеля. Следует заметить, что теория З.Фрейда не принята и охарактеризована как искус-

ственная. Работы Л.Моргана подвергнуты тщательному рассмотрению. Главное его положение о том, что род появился раньше, чем семья, которая представляется продуктом сравнительно позднего общественного развития, принято автором учебника.

Такой универсальный подход был присущ всем работам Преображенского. Например, раскрывая историческую последовательность изменений положения женщины в первобытном и классовом обществах, он убедительно показал связь между развитием хозяйственной деятельности и соотношением прав и обязанностей женщин и мужчин. Эту связь ученый проследил на всех исторических этапах от первобытности к современному классовому обществу и от земледельческих культов («мать-земля») к развитым религиям⁶⁴.

В другой работе, касающейся семейно-брачных отношений, Преображенский раскрыл сущность гомосексуализма с точки зрения этнографии: обрисовано развитие этой формы отношений в пастушеских сообществах, связь их с особенностями полигамии, с характером морали и воспитания в военно-аристократической среде Древней Греции; наконец, рассказано о шаманской практике народов Сибири. Так, в короткой статье на конкретных материалах раскрыта социальная сущность явления, которое зачастую воспринимается как чисто биологическое⁶⁵.

Возникновение ранней государственности на основе разложения родового и племенного строя «...происходит на почве присвоения себе чужих благ. В этом отношении война является как бы неизбежным спутником организации государственной власти»⁶⁶.

В последней, пятой главе «Курса этнологии», названной «Идеологические связи общества. Религия. Искусство. Язык. Письмо. Счет. Раса и культура» (с. 164—212), значительное место занимает проблема происхождения религии. Это неудивительно: Петр Федорович в своих исторических работах уделял большое внимание ранним формам религии, а также первоначальному христианству. Как и в предыдущих главах, он добросовестно познакомил читателя со всеми существовавшими на этот счет теориями и проанализировал их. Анимизм Тэйлора, по мнению автора, неприемлем ни с точки зрения анализа человеческой психики, ни с методологической стороны. П.Ф.Преображенский оспаривает теорию Дж.Фрэзера, хотя признает, что она оказала очень большое воздействие на умы исследователей его времени и в значительной степени опровергла анимистическую теорию. По мнению русского ученого, магию нельзя отделять от религии: «...ни одно религиозное действие не лишено магизма. Даже идеально чистые молитвы, идеально чистые жертвы всегда показы-

вают желание человека воздействовать на волю божества»⁶⁷. Такому же беспристрастному обзору подверглись работы и других исследователей.

Проф. Преображенский полагал, что раннее религиозное сознание, носившее вполне реалистический характер, базировалось на трех основах: на почитании мертвецов, применении магических приемов, а также на представлениях о культурных героях и творцах мира. Дальнейшее развитие религии — символизация религиозного творчества. Религиозные верования порождаются, по мнению ученого, наличием напряженностей в жизни данной человеческой группы: внутри самой группы, между группой и внешним миром, а также между группами: «...в ранних формах религиозных представлений человек стремится хотя бы мнимым способом удовлетворить те свои желания, которые он реально удовлетворить не может»⁶⁸. Ради этого удовлетворения, в первую очередь хозяйственных нужд, человек совершает ряд магических действий и «для выполнения этого ритуала создает себе его объект... вначале было не слово, а дело, как хотел гётевский Фауст. Лишь действие человека творило объект этого действия»⁶⁹.

Происхождение христианства П.Ф.Преображенский выводит из аграрных культов Передней Азии и дополняющих их солярных верований.

Переходя к другим разделам этой главы, важно отметить, что проф. Преображенский высказывает несогласие с теорией Н.Я.Марра: «...нельзя без целого ряда насилий над реальной действительностью связать... результаты лингвистической палеонтологии с данными материальной культуры и этнологии. Этим, может быть, объясняется то обстоятельство, что под термином яфетической теории в настоящее время кроется необычайно пестрый конгломерат идей, противоречащих друг другу»⁷⁰. Ученый-этнолог, владевший огромным запасом фактов и привыкший к их добросовестной интерпретации, обращал внимание на то, что язык так называемых «малокультурных» народов был богат, связан с целым рядом изобразительных средств, поэтому, настаивал он, «...чрезвычайно трудно строить какую-либо классификацию языков, следуя степени их совершенства»⁷¹. Как видим, мнение П.Ф.Преображенского вполне соответствует тезису современной лингвистики: такую классификацию принципиально невозможно построить⁷². Однако в те времена — в пору жесткой увязки научных теорий с государственной политикой — возражение акад. Марру ставило под угрозу саму безопасность оппонента. В последующие годы между «марризмом» и марксизмом ставился прямой знак равенства: этого мнения придерживались многие ведущие ученые в области гуманитарных наук, в том числе и

С.П.Толстов, вскоре сменивший П.Ф.Преображенского в качестве теоретика и отчасти организатора этнографической науки в СССР.

Основные принципы этнологии, как понимал их проф. Преображенский, были им изложены на совещании этнографов Москвы и Ленинграда, состоявшемся 5—11 апреля 1929 г. в Ленинграде (оказывается, в то время в научных учреждениях обоих городов работало около 100 этнографов). Это знаменательное событие в истории нашей науки определило на годы вперед ее судьбу.

В президиуме совещания находились ученые, имена которых вошли в историю науки: В.Г.Богораз-Тан, Д.К.Зеленин, А.Н.Максимов, А.А.Миллер, С.Ф.Ольденбург и другие, в числе их П.Ф.Преображенский и С.П.Толстов. В списке секретариата мы также находим хорошо нам известные имена Н.М.Маторина, С.А.Токарева, М.С.Плисецкого и др.

Первый доклад был поручен П.Ф.Преображенскому, он был озаглавлен «Этнология и ее метод». В этом установочном докладе Петр Федорович сформулировал основные положения, известные нам из текста его книги: принципиальной разницы между этнологией и этнографией он не признал, видел в них метод пространственного расширения исторической перспективы за счет специфических источников (вне писаной истории), как этнографических, так и археологических. Таким образом, подтверждалась «анучинская триада».

П.Ф.Преображенский повторил свою критику теории «культурных кругов» и обосновал свое видение «культурного комплекса». Обмен культурными достижениями между этническими общностями был для ученого очевидным фактом, он называл это явление «культурным скрещением», что являлось в его понимании синонимом аккультурации⁷³.

Второй доклад на конференции, прочитанный В.Б.Аптекарем, «Марксизм и этнология», прозвучал резким диссонансом первому выступлению. Марксистская социология (для докладчика это было то же самое, что и исторический материализм) призвана, по его мнению, решать все проблемы происхождения и развития культуры. Следовательно, иная наука, а именно этнология, оказывается попросту ненужной. «Этнические культуры» так же, как и «культурные круги», в понимании докладчика, составляют область конкретного приложения сил этнографов, это не что иное, как «...социологическое исследование конкретных во времени и пространстве отдельных человеческих обществ...», т.е. опять понятие «социология» покрывает понятие «этнология» и делает его ненужным⁷⁴.

В резолюции, принятой по докладам Преображенского и Аптекаря, в разных вариантах проводилась одна и та же мысль: «...не существуют и не должны существовать (весьма характерное для того времени выражение — не должны! — Ю.И.) такие области общественных явлений, в частности такие культурные факты, которые не могли бы и не должны были стать объектом для изучения историка и социолога»⁷⁵. И далее: советская этнография «...должна строиться как исследование конкретных обществ, главным образом тех из них, которые и поныне находятся на ранних стадиях развития...»⁷⁶. Определения наук «социология», «история», «этнография» в этой резолюции даны настолько нечетко, что понять суть дискуссии (кроме многократного подтверждения приверженности принципам марксистского диалектического материализма) современному читателю весьма трудно. Не случайно Петр Федорович не смог согласиться с такой резолюцией и записал особое мнение: «...я считаю, что в данной резолюции дана расплывчатая и неточная оценка этнологических учений... и поэтому не могу присоединиться к резолюции в данной ее форме»⁷⁷. Позже эта принципиальная позиция ученого, отстаивавшего свои взгляды, выработанные годами, и не умевшего быстро «поворачиваться по курсу», не раз ставилась Преображенскому в вину.

Последующие доклады на конференции — В.Г.Богораз-Тана, Б.А.Куфтина и др. — касались организации полевой и музейной работы этнографов и не затрагивали принципиальных формулировок. Н.М.Маторин и С.П.Толстов говорили об изучении современного общества, в частности советской деревни.

В наши дни историографы придают совещанию 1929 г. большое значение как поворотному моменту в истории этнографической науки. «Совещание 1929 г., хотя и не заблокировало принципиально саму возможность продолжения теоретической дискуссии, ограничило круг обсуждавшихся проблем, а главное — изменило тон дискуссии, поскольку существенным коррективом подверглось понятие "этики научной дискуссии"; его подновили за счет представлений о пресловутой политической целесообразности и классовом подходе»⁷⁸.

Уже из столкновений мнений на первой конференции этнографов становится очевидным, что огромная эрудиция проф. Преображенского, соединявшего знания историка и этнолога, давала ему возможность видеть мир во всей совокупности событий и фактов и в то же время не позволяла безотчетно следовать за признанными авторитетами. Такая позиция не могла быть понята и принята теми, кто без особых размышлений придерживался догм марксизма и марризма, — так было проще существовать в то время в научной среде.

Представители молодого поколения, считавшие себя проводниками марксистских принципов в науке, не могли поддерживать сугубо научные споры: на это у них не хватало эрудиции. Но их раздражали «...терминологическая разногласица, расплывчатость формулировок, неустановленность методов этнографической работы»⁷⁹.

Не лучше обстояло дело и в учебном процессе. Петр Федорович, будучи сам широко образованным человеком⁸⁰, проявлявшим живой интерес ко многим отраслям знания, наделенный аналитическим умом и литературным даром, стремился и молодым своим ученикам привить вкус к многосторонним знаниям и теоретическим обобщениям. Его поддерживали и ведущие преподаватели факультета. К сожалению, подготовленность тогдашнего студенчества не отвечала требованиям наставников. Студенты и аспиранты, особенно из числа «выдвиженцев», предпочитали «прорабатывать» своих профессоров, считая, что в их работах недостаточно высок уровень марксистской методологии⁸¹, а если говорить по существу — отсутствует входивший в силу марксистский догматизм. Что правда, то правда: догматизма в работах проф. Преображенского нет. Касаясь любой научной проблемы, он самым добросовестным образом рассматривал мнения всех писавших на эту тему специалистов (Маркса, Энгельса и их последователей наряду со всеми остальными) и только после этого высказывал свою точку зрения.

В 1930 г. в Ленинграде начал издаваться новый журнал «Советская этнография», орган АН СССР и Сектора науки Народного комиссариата просвещения РСФСР. Место акад. С.Ф.Ольденбурга в качестве ответственного редактора занял Н.М.Маторин — директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Его установочной статьей «Современный этап и задачи советской этнографии» открывался первый сдвоенный номер журнала за 1931 г.⁸². Спор о содержании науки этнографии был решен: «...этнография растворяется нацело в истории и специальных или частных исторических дисциплинах. Термин "этнография" может поэтому сохранить условное значение для той части исторического знания, которая связана с доклассовым обществом и его пережитками, поскольку они должны изучаться путем непосредственного наблюдения комплексно»⁸³. Мнение о том, что этносы могут существовать в капиталистической системе, кажется Маторину «анекдотическим».

Н.М.Маторин строго отчитывал проф. Преображенского за то, что тот ставил знак равенства между этнологией и этнографией, назвав такую позицию «эkleктической». Равным образом он отрицал обоснованность понятий, вводимых Преображен-

ским, — «культурный комплекс», «технично-хозяйственная площадь», «ареал», видя в них скрытую приверженность принципам культурно-исторической школы. Ответвлением этой школы он назвал «группу Преображенского»⁸⁴. Равным образом досталось Преображенскому и за критическое отношение к теории первобытного коммунизма⁸⁵.

Итоги дискуссии известны: в 1931 г. был закрыт Этнологический факультет (историческое образование, как уже отмечалось, было восстановлено в 1934 г. открытием в МГУ Исторического факультета). В Большой Советской Энциклопедии появилась статья «Этнология», в которой говорилось: «Этнология — термин буржуазной этнографической науки, отвергнутый марксистско-ленинской этнографией»⁸⁶. Статья «Этнография» в этом же томе не имеет авторской подписи. Вот ее начало: «Этнография, наука, изучающая экономику, общественно-политический уклад, быт и проч. народов, стоящих на различных, часто довольно ранних ступенях докапиталистического развития...»⁸⁷. В этой же статье осуждена «группа идеологов либеральной буржуазии», к которой, в частности, причислены П.Ф.Преображенский, Б.А.Куфтин, В.В.Богданов. Им ставился в вину «...лозунг некритического восприятия буржуазного наследства (от классиков к марксизму)». В списке литературы к этой статье работы П.Ф.Преображенского не указаны.

* * *

Научное наследие П.Ф.Преображенского разбросано по множеству периодических изданий. Если проанализировать публикации, касающиеся истории и философии религиозных верований, то окажется, что их объединяет общая концепция материалистического подхода к проблеме.

Журнал «Этнография» в 1930 г. предложил для обсуждения статью П.Ф.Преображенского «Реализм примитивных религиозных верований (к вопросу о происхождении религии)»⁸⁸.

Главный тезис: религия — явление социальное, общественный институт; методология: философская оценка этого института включает представление о начале и конце (как и всякого другого).

Ученый работает своим привычным методом: анализирует все известные к тому времени теории возникновения религии. Теория Тэйлора о «дикаре-философе» была отвергнута как несостоятельный миф, ибо «...религия, как социальный феномен, будучи теснейшим образом сплетена с другими явлениями социальной жизни, получила в теории Тэйлора самодовлеющее существова-

ние как особое явление, развивающееся по своим собственным законам. Ткань исторического процесса была безнадежно разорвана»⁸⁹.

Весьма характерно в этой цитате философское осмысление истории как единого цельного процесса, из ткани которого нельзя изъять отдельные институты без нарушения целостности. Этот тезис важен не только в споре с анимистической теорией Тэйлора: в нем — преодоление богословского подхода к истории религии, отповедь ученого традиционному мышлению — взглядам своего отца, деда, своего сословия⁹⁰.

По мнению самого историка, анимизм возник на почве представлений о живых силах природы и культа мертвецов. «Только начатки классового расчленения в обществе, индивидуализации его отдельных членов создают представления о самостоятельной и отдельной душе каждого человека»⁹¹. По его утверждению, мнение Тэйлора опровергают такие понятия, как «мана» у меланезийцев, «оренда» и «вакона» у североамериканских индейцев. Под этими названиями подразумевается колдовская сила, которую нельзя отнести ни к материальной, ни к духовной субстанции.

Как и в других своих работах, здесь Преображенский убедительно показал, как анимистические понятия вошли в развитые религии мира, в том числе и в христианство⁹². Анимистические представления, по мнению ученого, не должны приниматься за единственный источник возникновения религии.

Несколько страниц анализируемой статьи посвящены магии. Разумеется, каждый исследователь, касающийся этого предмета, должен определить свое отношение к трудам Дж.Фрэзера. П.Ф.Преображенский был редактором первого издания «Золотой ветви» на русском языке, вышедшего в 1928 г.⁹³. Он ценил громадный труд английского ученого, выявившего множество магических действий, но видел недостаток этого материала в отсутствии четкой классификации. Для самого Преображенского такая классификация была ясна. Первичный ее слой связан с трудовыми процессами, т.е. имеет вполне реалистические формы. Это подтверждают исследования Б.Малиновского, Р.Фэрса и того же Дж.Фрэзера. Отсюда и устойчивость магических приемов в аграрных культах. «...Магия есть огромная тень, которую бросает крошечный карлик — человеческая техника в своем младенчестве, и чем больше карлик становится великаном и подчиняет себе противостоящую ему природу, так эта тень уменьшается в своих размерах»⁹⁴. Реальные объекты магической деятельности заменяются схематическими и символическими формами этих объектов. И тут возникает интереснейшая догадка: «...не является ли

понятие человеческой души своего рода символическим объектом, заменившим самого человека»⁹⁵. Опять спор науки с богословием! И здесь проявляется основной принцип исследователя: систематизировать этнографические факты и осмысливать их в неразрывной их совокупности.

По убеждению проф. Преображенского, корней происхождения религии несколько. В целях научной систематизации они сведены автором к такому обобщенному понятию, как «напряженность» между первобытным обществом и природой в эпоху присваивающего хозяйства, во-первых, и «напряженность» внутри самого общества в пору намечавшихся социальных различий между его членами, во-вторых. Реакция людей на эти напряженности была всегда реалистической. Первая из названных напряженностей (природа—человек) вызывала обилие магических приемов при трудовых процессах. Сюда же включается и особое отношение к смерти члена коллектива (что нарушало шансы простого воспроизводства) — непосредственно к его мертвому телу, «...выливаясь в специфические формы культа мертвого тела с амбивалентной психологической окраской этого культа»⁹⁶.

Выражением другой напряженности (внутри общества) Преображенский считал культы «всеотца» и культурного героя, которые закрепляли намечавшееся выделение личности в каждом конкретном первобытном сообществе (удачливого охотника, колдуна). Они давали «...готовый ответ на вопрос о происхождении природного и общественного космоса»⁹⁷. Постепенно, особенно вследствие контактов с другими человеческими группами, в результате скрещения культур⁹⁸, возникали стимулы к нарушению установившихся социальных норм, и тогда «первобытный творец» получал качества законодателя и даже карателя. Однако, подчеркивает ученый, идея первобытного творца, возникшая из разных представлений, имеет мало общего с монотеизмом высоких религий (вопреки мнению патера Шмидта и его школы).

Итак, П.Ф.Преображенский отстаивает тезис о материальных корнях возникновения религиозных верований. Но, выявляя земные корни христианской религии, Петр Федорович сумел избежать вульгарно-материалистических построений, коими грешили некоторые его современники. Если он и критически оценивал так называемые буржуазные взгляды и суждения (характерное для того времени выражение), то эта критика основывалась на надежной источниковедческой базе.

Для основного тезиса Преображенского-религиоведа явно неприемлема концепция Дж.Фрэзера о трехчленной схеме развития человеческой мысли: магия — религия — наука. Он всегда настаивал на признании синкретизации, которая, по его мне-

нию, была сложна и динамична. Эту мысль он проводил и в специальных религиоведческих работах, и в небольших библиографических заметках. Оценивая книгу В.Г.Богораз-Тана о христианстве, проф. Преображенский счел уместным заметить, что сходство христианской мифологии, ритуала и фольклора с соответствующими элементами других религий давно стало общим местом в религиоведении⁹⁹. Он лично предпочел бы вместо этих общеизвестных фактов «...установить подлинно историческую филиацию религиозных идей, образовавших то синкретическое целое, которое покрывается именем христианства»¹⁰⁰.

Христианству предшествовали синкретические культуры Римской империи до III в. н.э. с их культом цезарей, культ персидского бога Митры (отсюда персидские элементы в христианстве, переданные через иудаизм), религиозная система иудаизма с ее монотеизмом.

Глубокие познания в области истории античной культуры позволили Петру Федоровичу создать ясную концепцию возникновения христианства и дать свое толкование литературных памятников первых столетий существования христианства.

Как было упомянуто, в 1926 г. вышла в свет первая книга Петра Федоровича «Тертуллиан и Рим»¹⁰¹ — о христианском теологе и писателе конца II — начала III в. н.э., жившем в африканских владениях Римской империи. С материалистических позиций в ней изложены взгляды «руководителя Карфагенской церкви» (в то время она была весьма влиятельна и соперничала даже с Римской), использовавшего в своем учении тексты, не только принятые церковью, но и не вошедшие в канон. Книга сразу же с одобрением была встречена научной общественностью¹⁰², так как в ней автор с присущим ему полемическим пылом опровергал как построения католических теологов, так и вульгарно-материалистические подходы к теме.

Свой основной тезис о материальных корнях происхождения религии, о синкретической основе христианства Петр Федорович не раз отстаивал в критико-библиографических заметках. Особенно это касалось сочинений русских философов. Таков, например, его отзыв на книгу Н.Бердяева¹⁰³. Историк не мог импонировать тезис философа о божественном прологе, о внутреннем отношении между богом и человеком, о свободе человека в его отпадении от бога.

Положение дел в Русской православной церкви в последние десятилетия существования Российской империи с беспощадным сарказмом обрисовано Преображенским в критико-библиографических откликах на публикацию корреспонденции К.П.Победоносцева — обер-прокурора Синода (с 1880 по 1905 г.)¹⁰⁴: «Рука

Победоносцева действительно сумела вырвать из церкви все живое...». Поэтому заранее был обречен на неудачу диалог с Победоносцевым философа Владимира Соловьева, вынашивавшего утопическую идею проповеди христианства по всей земле¹⁰⁵.

* * *

В настоящей статье мы коснулись лишь двух главных направлений в научном наследии Петра Федоровича Преображенского — этнологии и религиоведения. Одновременно с разработкой крупных научных тем Петр Федорович успевал публиковать критические заметки по поводу выходявших в его время научных книг. Их много — около 40, они опубликованы преимущественно в журнале «Печать и революция» в 1921 — 1928 г. Посвященные самым различным изданиям (по свежим следам, в год издания или на следующий год, но не позже) в области истории, философии, культуры, они свидетельствуют о широкой эрудиции ученого и его популяризаторском таланте.

Таков жизненный путь и творческое наследие Петра Федоровича Преображенского. Природа одарила его выдающимися способностями, редкостными возможностями, жизнелюбием, обаянием. Судьба же его подобна судьбам тысяч и тысяч его соотечественников.

В этнологической науке Петр Федорович сумел сделать много, предвосхитил те идеи, сформулировал те положения, которые вошли в научный арсенал сегодняшних этнологов.

Дело чести ныне живущих — вернуть науке имя и дела этого необыкновенного человека.

¹ *Пылаев М. И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М., 1990, с. 188; Православная Москва. М., 1995, с. 22.

² Полный православный богословский энциклопедический словарь. СПб., [б.г.]. Т. II (репринтное изд. 1992 г.), стб. 1878.

³ Там же, стб. 1899; Двадцатипятилетний юбилей редактора «Православного обозрения» Петра Алексеевича Преображенского, протоиерея Федоростудитской церкви у Никитских ворот. М., 1885; Памяти протоиерея Петра Алексеевича Преображенского. М., 1893.

⁴ Известно, что в 1893 г. он был слушателем IV курса Академии, позже был отчислен. По семейным преданиям, это было следствием неодобрительного отношения Синода к издательской деятельности семьи Преображенских.

⁵ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография. — Кунсткамера. СПб., 1994, № 4, с. 210.

⁶ Отчет Московского Государственного Университета (далее — Отчет) за 1917 г. М., 1917, ч. II, с. 126.

⁷ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 211.

⁸ *Преображенский Петр.* Sempet idem. [Б.м.], 1914.

⁹ Отчет... Ч. I. М., 1917, с. 99; ч. II, с. 114, 159.

¹⁰ Отчет за 1922 г. М., 1923, с. 8, 26; Отчет за 1923 г. М., 1924. с. 7; Отчет за 1924 г. М., 1925, с. 7, 264; Отчет за 1925—1926 гг. М., 1927, с. 19, 239, 254.

¹¹ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 211—212.

¹² В значительной мере такая работа проделана Институтом истории Российской академии наук. Сборник публикаций П. Ф. Преображенского предварен глубоким содержательным предисловием Е. М. Штаерман. См.: *Преображенский П. Ф.* В мире античных идей и образов. Под ред. С. Д. Сказкина, С. Л. Утченко. М., 1965.

¹³ *Преображенский П. Ф.* Гомер. — *Гомер.* Илиада. М., 1935. с. 5—18; *он же.* «Илиада» и Гомер. — *Гомер.* Илиада. М. — Л., Academia. 1935, с. 7—22; *он же.* «Илиада» и Гомер. — В мире античных идей..., с. 13—25.

¹⁴ *Преображенский П. Ф.* «Одиссея» и Гомер. — *Гомер.* Одиссея. М., 1935, с. 5—18; *он же.* «Одиссея» и Гомер. — В мире античных идей..., с. 26—40.

¹⁵ *Проф. Преображенский.* Теренций и его время. — Теренций. Комедии. М.—Л., 1934, с. 11—32; *он же.* Теренций и его время. — В мире античных идей..., с. 41—57.

¹⁶ *Преображенский П. Ф.* Спартак. — *Джованьоли Рафаэлло.* Спартак. М. — Л., 1936, с. XIII—XXIV; *он же.* Спартак. — В мире античных идей..., с. 58—66.

¹⁷ *Штаерман Е. М.* Предисловие. — *Преображенский П. Ф.* В мире античных идей..., с. 5.

¹⁸ См. [рец. на:] *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание. М., 1936. — Историк-марксист. 1936, № 6, с. 207—220.

¹⁹ *Преображенский П. Ф.* Миф о Катилине. — *Гай Саллюстий Крисп.* О заговоре Каталины. Речи против Каталины. М. — Л., 1934, с. 11—62; Миф о Катилине. — В мире античных идей..., с. 67—98.

²⁰ *Преображенский П. Ф.* Поэт золотой середины. — Квинт Гораций Флакк. Оды. М., 1935, с. 5—23; *он же.* Поэт золотой середины. — В мире античных идей..., с. 99—112.

²¹ *Преображенский П. Ф.* Вольтер античности. — Лукиан. Собр. соч. Т. I. М. — Л., 1935; *он же.* Вольтер античности. — В мире античных идей..., с. 113—124.

²² *Преображенский П. Ф.* Флобер и «Саламбо». — *Флобер Г.* Саламбо. М., 1936, с. 5—13; *он же.* Флобер и «Саламбо». — В мире античных идей..., с. 125—134; *Преображенский П. Ф.* Флобер и «Святой Антоний». — *Гюстав Флобер.* Искушение святого Антония. — Собр. соч. в 10 томах. Т. IV. М., 1936; *он же.* Флобер и «Святой Антоний». — В мире античных идей..., с. 135—146; *Преображенский П. Ф.* Предисловие. — *Чарльз Кингсли.* Ипатия. М., 1936; *он же.* «Ипатия» Ч. Кингсли. — В мире античных идей..., с. 147—160.

²³ *Преображенский П. Ф.* См. [рец. на:] *Хвостов М. М.* История древнего Востока. М.—Л., 1927. — Печать и революция (далее — ПиР). М., 1927. Кн. 2, с. 150—151. См. также: *Моммзен.* История Рима. Вступит. ст. П. Ф. Преображенского. Т. I, III, V. М., Л., 1936—1949.

²⁴ *Преображенский П. Ф.* Учредительные собрания на Западе и Русское Учредительное Собрание. — Сер. Народные беседы. М., 1917, № 8.

²⁵ *Преображенский П. Ф.* Очерк истории современного империализма. М., 1926.

²⁶ Там же, с. 85.

²⁷ См.: *Борьба классов.* М., 1933, № 10, с. 58—62.

²⁸ *Панкратова А.* Седьмой международный конгресс исторических наук в Варшаве. — Там же, с. 15.

²⁹ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 212.

³⁰ *Артидов А. Н.* Судьбы историков школы М. Н. Покровского (середина 1930-х годов). — Вопросы истории. 1994, № 7, с. 43.

³¹ Там же, с. 47.

³² *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 212—213.

³³ При написании биографической части этой работы неоценимую помощь автору оказали дочь П. Ф. Преображенского — Наталия Петровна Преображенская — хранитель семейного архива и Нина Александровна Смирнова — бывшая сотрудница Института антропологии МГУ.

³⁴ Дальнейший текст этого раздела в значительной части опубликован. См.: *Иванова Ю. В.* Петр Федорович Преображенский. — ЭО. 1994. № 4.

³⁵ *Анучин Д. Н.* На рубеже полутора- и полустолетия. — Русский антропологический журнал, 1916. № 1/2, с. 4.

³⁶ С Т. А. Жданко беседует В. А. Тишков. — ЭО. 1994, № 1, с. 119.

³⁷ *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966.

³⁸ *Кагаров Е. Г.* Пределы этнографии. — Этнография, 1928, № 1; *Струве В. В.* Советская этнография и ее перспективы. — СЭ (сб. статей). 1939, № 2.

³⁹ *Марков Г. Е., Соловей Т. Д.* Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ). — СЭ. 1990, № 6.

⁴⁰ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 212.

⁴¹ Отчет за 1925—1926 гг. М., 1927, с. 19.

⁴² Характерна в этой связи претензия Преображенского к М. М. Хвостову — автору «Истории древнего Востока»; книга, которая в целом вызвала одобрение рецензента, по его мнению, слишком резко ограничивает древний Египет и Ассирию-Вавилонию от окружавшего их мира, с которым они имели несомненные связи (Рец. на: *Хвостов М. М.* История древнего Востока. М. — Л., 1927. — ПиР. М., 1927. Кн. 2, с. 150—151).

⁴³ *Преображенский П. Ф.* Реализм примитивных религиозных верований. — Этнография. 1930, № 3, с. 12.

⁴⁴ Сергей Федорович Преображенский (1900—1962) — единомышленник и сподвижник своего старшего брата. В 1926 г. окончил Биологический факультет МГУ по кафедре антропологии (в то время ею руководил В. В. Бунак) и вскоре стал сотрудником Института антропологии МГУ. В 1929 г. участвовал в работах Среднеазиатской экспедиции РАНИОН, находясь в ссылке в Средней Азии, куда был отправлен в 1927 г. Опальный ученый до 1933 г. жил в Киргизии, в г. Фрунзе, и занимался антропологическим изучением народов Средней Азии, преимущественно киргизов. После окончания срока ссылки он вернулся в Москву, был восстановлен в штате Института антропологии и проработал там до 1935 г., когда на него обрушился новый арест и ссылка в Павлодар (там он работал в Золотопродснабе треста Майкаин-золото), а в 1937 г. последовал еще один арест и приговор к лагерям на 10 лет. По истечении этого срока и до 1955 г. работал в леспромохозах Тульской и Архангельской областей (еще до поступления в Университет Сергей Федорович окончил лесотехнический техникум). С 1956 г. ученый вновь стал сотрудником Института антропологии МГУ (вплоть до выхода на пенсию в 1961 г.), где руководил экспедициями по антропометрии населения СССР для подготовки новых ГОСТов для предприятий легкой промышленности.

⁴⁵ [Рец. на:] *Проф. В. Г. Богораз-Тан.* Распространение культуры на земле. Основы этнографии. Предисл. С. И. Ковалева. М.—Л., 1928. — ПиР. М., 1928. Кн. 4.

⁴⁶ [Рец. на:] *Никольский В. К.* Очерк первобытной культуры. Вступ. ст. В. А. Гордцова. М., 1923. 224 с. — ПиР. М., 1923. Кн. 5.

⁴⁷ *Преображенский П. Ф.* Курс этнологии. М.—Л., 1929, с. 114.

⁴⁸ В этом отношении очень характерна рецензия Преображенского на книгу К. М. Трахтарева: рецензент упрекает автора в первую очередь за использование устаревшей литературы 30-летней давности без учета новейших исследований, за которыми он сам следил очень внимательно. Кроме того, критике подвергнут схематизм в построениях автора. [Рец. на:] *Трахтарева К. М.* Сравнительная исто-

рия развития человеческого общества и общественных форм. Ч. I. Л., 1924. — ПиР. 1924. Кн. 5; *он же*. Ч. II. Л., 1924. — Там же, 1925. Кн. 3. Еще пример столь же беспощадной критики — рецензия на книгу И. Бронштейна, который отнесся к подбору материала, популярно иллюстрирующего технический прогресс, без необходимой ответственности (Рец. на: Хрестоматия по истории материальной культуры. Сост. И. Бронштейн. Л., 1924. — ПиР. М., 1925. Кн. 2).

⁴⁹ Преображенский П. Ф. Курс этнологии, с. 114—115.

⁵⁰ См. [рец. на:] Никольский В. К. Очерк первобытной культуры. — ПиР, с. 212.

⁵¹ См. [рец. на:] Боас Ф. Ум первобытного человека. Пер. с англ. Водена. М. — Л., 1926. — ПиР. 1926. Кн. 4. В этой рецензии отражено также сдержанное отношение Преображенского к теории «дологического мышления» К. Леви-Брюля. См. также: Преображенский П. Ф. Дологическое мышление. — БСЭ. Т. XXIII. М., 1931, стб. 69—71; *он же*. Дюркгейм. — Там же, стб. 786—788.

⁵² На титульном листе книги обозначено: «Научно-политической секцией Государственного ученого совета допущено в качестве учебного пособия для вузов». См. подробнее: Марков Г. Е., Соловей Т. Д. Этнографическое образование, с. 80.

⁵³ Преображенский П. Ф. Курс этнологии, с. 16.

⁵⁴ Там же, с. 27.

⁵⁵ ПиР. М., 1923. Кн. 5, с. 211.

⁵⁶ Преображенский П. Ф. Курс этнологии, с. 29.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Интересно размышление о системе питания первобытного человека: Преображенский сомневался, действительно ли преобладала мясная пища над растительной (как утверждали другие исследователи). Он полагал, что оценка силы первобытной орды, якобы постоянно охотившейся за мамонтами, преувеличена. См. [рец. на:] Левин-Дорн А., Кунов Г. Первобытная техника. Ред. Д. Н. Анучина [б.г.]. — ПиР. М., 1924. Кн. 6, с. 175—176.

⁵⁹ Преображенский П. Ф. Курс этнологии, с. 73.

⁶⁰ Там же, с. 79.

⁶¹ Там же, с. 80.

⁶² Там же, с. 88.

В этом контексте характерна рецензия П. Ф. Преображенского на книгу французского археолога Ж. Моргана. См. [рец. на:] Жак де-Морган. Доисторическое человечество. Общий очерк доисторического периода. Пер. с франц. В. Худилова. Предисл. В. А. Городцова. Серия «Природа и культура». Кн. 18. М. — Л., 1926. — ПиР. 1926. Кн. 6, с. 161—162. Преображенский находит рецензируемую книгу неудачной, потому что в ней не прослеживается связь между материальной деятельностью, другими проявлениями жизнедеятельности людей и их умственным развитием.

⁶⁴ Преображенский П. Ф. Женщина (этнографический очерк). — БСЭ. Т. XXV. М., 1932, с. 277—281.

⁶⁵ Преображенский П. Ф. Гомосексуализм (этнографический очерк). — БСЭ. Т. XVII. М., 1930, стб. 596—597.

⁶⁶ Преображенский П. Ф. Курс этнологии, с. 154.

⁶⁷ Там же, с. 177.

⁶⁸ Там же, с. 182.

⁶⁹ Там же, с. 192.

⁷⁰ Там же, с. 207.

⁷¹ Там же, с. 209.

⁷² Алтатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991; Серебрянников Б. А. Об исследовательских приемах Н. Я. Марра. — Вестник МГУ. 1992, № 3, Сер. 9. Филология, с. 67—75.

⁷³ Этнография. 1929, № 2, с. 114—115.

⁷⁴ Там же, с. 116.

⁷⁵ Там же, с. 117.

⁷⁶ Там же, с. 118.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Соловей Т. Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998, с. 156.

⁷⁹ Там же, с. 153.

⁸⁰ Уместно упомянуть составленные им для энциклопедии этнографические очерки по Африке (БСЭ. Т. XIV. М., 1926, стб. 108—112), по Европе (БСЭ. Т. XXIV. М., 1938, стб. 247—252), Германии (БСЭ. Т. XV. М., 1929, стб. 507—512), где в предельно сжатой форме дана обширная информация (в сопровождении выразительных иллюстраций), а также статью «Бурь» (БСЭ. Т. VIII. М., 1927, стб. 207) и другие публикации.

⁸¹ *Марков Г. Е., Соловей Т. Д.* Этнографическое образование, с. 81—82.

⁸² *Маторин Н. М.* Современный этап и задачи советской этнографии. — СЭ. 1931. № 1—2, с. 3—38.

⁸³ Там же, с. 20.

⁸⁴ Там же, с. 12.

⁸⁵ Судьба Н. М. Маторина тоже трагична: он был арестован в 1935 г. и в 1936 г. расстрелян. См.: *Решетов А. М.* Николай Михайлович Маторин. — ЭО. 1994. № 3, с. 147—149.

⁸⁶ См.: БСЭ. Т. 64. М., 1934, стб. 789.

⁸⁷ Там же, стб. 776.

⁸⁸ См.: Этнография. 1930. № 3, с. 5—20.

⁸⁹ Там же, с. 7.

⁹⁰ См. также: *Преображенский П. Ф.* Философия как служанка богословия. — ПиР. М., 1922. Кн. 6, с. 64—73.

⁹¹ *Преображенский П. Ф.* Анимизм. — БСЭ. Т. II М., 1926, стб. 764.

⁹² Там же, стб. 761—865.

⁹³ *Преображенский П. Ф.* Предисловие. — *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. Вып. 1. М., 1928, с. 9—20; См.: *Токарев С. А.* Послесловие.— *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980, с. 803.

⁹⁴ *Преображенский П. Ф.* Реализм примитивных религиозных верований, с. 14.

⁹⁵ Там же, с. 16.

⁹⁶ Там же, с. 10.

⁹⁷ Там же, с. 11.

⁹⁸ К фактам скрещения автор относил, среди прочего, и результаты контактов малокультурных народов с европейскими миссионерами (*Преображенский П. Ф.* «Первобытный монотеизм» у огнеземельцев. [б. г., б. м.]).

⁹⁹ См. [рец. на:] *В. Г. Богораз-Тан.* Христианство в свете этнографии. М. —Л., 1928. — ПиР. М., 1928. Кн. 4.

¹⁰⁰ См. [рец. на:] *Кун Н. А.* Предшественники христианства. М., 1922. — ПиР. М., 1923. Кн. 4, с. 220—221. См. также переводы текстов, выполненные Преображенским: *Ранович А. Т.* Первоисточники по истории раннего христианства. М., 1933, с. 162—165. В издании этой книги 1990 г. текстов Преображенского нет.

¹⁰¹ *Преображенский П. Ф.* Тертуллиан и Рим. Опыт по истории первобытного христианства и раннехристианской церкви. М., 1926.

¹⁰² См. рец. на эту книгу: ПиР. М., 1927, № 6, с. 149—150; Историк-марксист. М., 1927, № 6, с. 227—236.

¹⁰³ См. [рец. на:] *Бердяев Николай.* Смысл истории. Берлин, 1923. — ПиР. М., 1923. Кн. 6.

¹⁰⁴ *Преображенский П. Ф.* Русский папа. — [Рец. на:] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I, полутомы 1 и 2. М., 1923. — ПиР. М., 1924. Кн. 1; Письма Победоносцева к Александру III. Предисл. М. Н. Покровского. Т. I. М., 1925. — ПиР. М., 1925. Кн. 7; Т. II. М., 1925. — Там же. М., 1926. Кн. 7.

¹⁰⁵ См. [рец. на:] *Соловьев Вл.* Письма. Пг., 1923. — ПиР. М., 1924. Кн. 1.

Н.С.ПОЛИЩУК

**Подвижнический путь в науке:
Наталья Ивановна Лебедева**

Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена видному деятелю восточнославянской этнографии — Натальи Ивановне Лебедевой (1894—1978), для которой служение науке, по словам одного из ее учеников, «было сродни монашескому подвигу... было ежеминутным, пожизненным и с Великой Радостью, спасшей Лебедеву-ученого, Лебедеву-женщину от разрушающей силы уныния в годы унижений, выпавших на ее долю»¹. Вся ее жизнь была отдана любимому занятию, и, кто знает, сколько бы она еще смогла сделать, если бы ее творческая деятельность не была трагически прервана в самом расцвете, а за этим не последовала бы болезнь, на многие годы оторвавшая Н.И.Лебедеву от активного участия в работе ведущих этнографических учреждений Москвы.

* * *

26 октября 1964 г. Президиум Московского городского суда с участием заместителя прокурора Москвы рассмотрел уголовное дело по протесту Генерального прокурора СССР на постановления Коллегии ОГПУ от 29 марта 1934 г. и Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 2 апреля 1934 г., которыми за антисоветскую деятельность были осуждены 32 члена мифической Российской национальной партии (РНП), якобы ставившей своей целью свержение существующего строя в СССР и установление фашистской диктатуры.

Дело Российской национальной партии (иногда его называют «делом славистов»), центральной фигурой которого стал один из крупнейших российских лингвистов XX в. Николай Николаевич Дурново, было сфабриковано секретно-политическим отделом ОГПУ в конце 1933 — начале 1934 г. Непосредственным организатором его был заместитель начальника отдела Г.С.Люшков, в 1938 г. перешедший на сторону Японии и ставший консультантом японской разведки². Велось оно одновременно в Москве и Ленинграде, где с сентября 1933 по апрель 1934 г. было аресто-

вано 75 человек. Параллельно аресты производились в Харькове, Киеве, Краснодаре, Смоленске, Ярославле³. Среди арестованных было много известных ученых, преимущественно гуманитариев, в том числе этнографы И.С.Абрамов, А.С.Бежкович, Д.А.Золотарев, Б.Г.Крыжановский, Н.И.Лебедева, А.А.Миллер, С.А.Теплоухов, Ф.А.Фиельструп, М.А.Фриде⁴.

При проверке в 1963—1964 г. московского дела Российской национальной партии, как и ранее (в 1956 г.) ленинградского, было установлено, что «в 1934 году антисоветской организации, так называемой "Российской национальной партии", в действительности не существовало». А основным поводом для арестов и осуждения ее «членов» послужили «признательные показания на следствии» 25 человек, квалифицированные в «Постановлении Президиума Московского городского суда по делу № 5 пс-262/64» от 26 октября 1964 г. как неконкретные, противоречивые и объективно по делу не подтвержденные⁵, а также показания осужденных по аналогичному делу девяти ленинградцев, в том числе этнографов А.А.Миллера, М.А.Фриде и С.А.Теплоухова, повесившегося во время следствия в Доме предварительного заключения между 7 и 15 марта 1934 г.⁶.

При пересмотре дела шестеро осужденных (в их числе известный реставратор и архитектор П.Д.Барановский, акад. В.В.Виноградов, фольклорист-славист Н.И.Кравцов) отказались от ранее данных показаний, сославшись на то, что они оговорили себя и других под воздействием применения к ним «незаконных методов допроса»⁷. Президиум Московского городского суда, признав осуждение лиц, проходивших по делу Российской национальной партии в Москве, необоснованным, постановил: «...дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления»⁸. Таким образом, спустя 30 лет после вынесения обвинительного приговора правда все же восторжествовала, но, увы, к этому времени большинства осужденных уже не было в живых⁹.

По мнению Ф.Д.Ашнина и В.М.Алпатовая, авторов обстоятельного исследования, посвященного делу Российской национальной партии, оно явилось одним из звеньев кампании против старой русской интеллигенции, целью которой, считают они, было «не столько уничтожение, сколько запугивание и унижение людей, воспитанных в иной системе ценностей, по сравнению с господствовавшей»¹⁰.

За единичными исключениями, все, привлекавшиеся по делу РНП в Москве, принадлежали к старой интеллигенции. Преобладали среди них филологи, а также любители искусства и архитектуры, группировавшиеся вокруг «кружка Григорьева» (науч-

ный сотрудник Московского областного бюро краеведения), объединявшего московских интеллигентов разных профессий, интересовавшихся русской архитектурой. Большинство из них, по утверждению Ф.Д.Ашнина и В.М.Алпатова, всегда находились вне политики и к новой власти были вполне лояльны, хотя и «не относились к ней особенно тепло», а кое-кто и «проявлял оппозиционность»¹¹. Последнее, видимо, и послужило формальным основанием для придания законности в глазах окружающих и аресту, и обвинению в антисоветской деятельности лиц, проходивших по названному делу.

Из 32 осужденных 29 марта и 2 апреля 1934 г. лишь восемь отказались признать себя виновными в антисоветской деятельности и принадлежности к РНП. Среди сильных духом людей была и Наталия Ивановна Лебедева — в момент ареста научный сотрудник Центрального дома техники и железнодорожного транспорта Наркомата путей сообщения, к тому времени уже известный специалист в области этнографии восточных славян. В непрофильном для нее учреждении она оказалась в 1931 г. после очередной «чистки» в Центральном музее народоведения (ЦМН) — одном из важнейших этнографических центров СССР, где Н.И.Лебедева работала со времени его основания (1924 г.). Давая 11 марта 1934 г. показания о своей работе в ЦМН, Наталия Ивановна отмечала, что до конца 20-х годов она «нормально» там работала. Но потом «к ней и связанным с ней сотрудникам стали относиться подозрительно как к "буржуазным ученым"»¹². По всей вероятности, это было вызвано их приверженностью к идеям культурно-исторической школы в этнографии, представлявшей собой русский вариант сформировавшейся в начале XX в. в Германии теории «культурных кругов» Ф.Гребнера. В 1927—1929 гг. эта школа подверглась резкой критике со стороны радикально настроенных молодых марксистов-обществоведов, руководствовавшихся общими положениями марксистско-ленинской теории, но не всегда представлявшими себе специфику этнографии как науки. Методы культурно-исторической школы были объявлены неприемлемыми для советских обществоведов, а ее сторонников стали обвинять в «стремлении к созданию буржуазной методологии общества»¹³.

На допросе Наталия Ивановна так сформулировала причины своего увольнения: «1) поддержка на ученых советах реакционной группировки Богданова, Куфтина*; 2) марксистская непод-

* Владимир Владимирович Богданов (1868—1949) и Борис Александрович Куфтин (1892—1953) — ведущие московские специалисты в области этнографии восточных славян. Оба были арестованы в 1930 г. В.В.Богданов (главный теоретик культурно-исторической школы) заведовал Русским отделом ЦМН, а Н.И.Лебедева была его помощницей.

готовленность; 3) считает себя неподготовленной к ведению экскурсий, особенно антирелигиозных, вследствие ее религиозности; 4) выполняет общественную работу по принуждению»¹⁴. Как явствует из материалов следствия, среди осужденных по делу РНП Н.И.Лебедева выделялась своей религиозностью. По свидетельству Ф.Д.Ашнина и В.М.Алпатова, «лишь в протоколе ее ареста специально отмечено обстоятельство, более нигде не фиксируемое: был изъят нательный крест»¹⁵. Однако поводом для ареста Наталии Ивановны, считают они, послужила не ее религиозность (игравшая для следствия второстепенную роль), а исследования в области украинского народного костюма и связи на этой почве с украинским отделением Этнографического отдела Русского музея в Ленинграде и его заведующим Б.Г.Крыжановским. Арестованный одним из первых (в сентябре 1933 г.), он упомянул в числе московских украинистов и Н.И.Лебедеву. А поскольку на первых порах дело РНП создавалось как дело ленинградских украинских националистов, то этого упоминания, по мнению исследователей дела РНП, было достаточно для ареста.

Н.И.Лебедеву арестовали в ночь на 4 октября 1933 г., в день первых арестов в Москве. После шести месяцев содержания в Бутырской тюрьме 2 апреля 1934 г. она была осуждена на минимальный срок — три года ссылки в Обско-Иртышскую область, «считая срок с 4.X.33 г.»¹⁶, куда ее отправили по этапу (в тюремном вагоне) 9 апреля 1934 г. Пребывание в тюрьме, допросы, очные ставки, высылка в далекую тогда Тюмень подорвали здоровье Наталии Ивановны. В Тюмени она тяжело заболела, и ее перевели в пермскую больницу. Благодаря матери, выхлопотавшей для нее отмену высылки, Н.И.Лебедева, получившая к тому времени инвалидность (снята была в 1938 г.), уже в 1934 г. смогла вернуться на родину, в Рязань, где и жила до конца своих дней.

После реабилитации в 1964 г. всем осужденным были разосланы справки. Но Наталия Ивановна, жившая в Рязани, ее не получила, поскольку поиски реабилитированных по московскому делу РНП велись только в Москве¹⁷. Судя по тому, что в статье, посвященной 85-летию со дня рождения Н.И.Лебедевой, о ее аресте не упоминается, а длительный перерыв в работе объясняется болезнью¹⁸, о своей реабилитации она так и не узнала. В противном случае авторы — Г.С.Маслова* и М.Н.Мо-

* Гали Семеновна Маслова — крупнейший специалист по этнографии русского народа — на протяжении многих десятилетий была связана с Н.И.Лебедевой, которую считала одним из своих учителей, не только общими научными интересами, а порой и общей работой, но и дружбой (см. о ней: *Полищук Н.С., Рабинович М.Г., Чижикова Л.Н.* Гали Семеновна Маслова (1904—1991). — ЭО. 1992, № 3, с. 173—175).

розова*, вероятно, написали бы о ней и об аресте. Даже в опубликованной 12 лет спустя в «Советской этнографии» статье Г.С.Масловой — сокращенном варианте ее большого исследования о жизни и творчестве Н.И.Лебедевой¹⁹ — сведения об аресте и его последствиях для Наталии Ивановны уместились в пять строк²⁰. Но и они появились лишь по моему настоянию (в то время я была заместителем главного редактора журнала и принимала непосредственное участие в редактировании статьи). В полном же тексте труда Г.С.Масловой, изданном уже после ее смерти в Рязани²¹, об аресте Наталии Ивановны вообще не упоминается. Там говорится о «вынужденном перерыве в работе, в том числе из-за тяжелой болезни»²², т.е. фактически то же, что и в статье 1979 г.

* * *

Наталия Ивановна Лебедева родилась 19 июля 1894 г. в Рязани, в семье нотариуса. Окончив в 1914 г. с золотой медалью Рязанскую женскую гимназию, она поступает на историко-филологическое отделение Высших женских курсов (Москва), которое окончила с отличием в 1918 г. — в год преобразования курсов во 2-й Московский государственный университет (впоследствии — Московский государственный педагогический институт им. В.И.Ленина). Вернувшись на родину, Наталия Ивановна преподает историю и русский язык в средней школе им. Н.К.Крупской (1918—1922) и параллельно (1919—1922) работает в Рязанском областном музее, где заведует археологическим отделом и создает этнографический отдел (в 1921 г.). Изучив большой материал, накопленный предшественниками, и используя результаты собственных исследований, она предпринимает попытку систематизации археологических памятников, начав составление археологической карты Рязанской губернии. К сожалению, работа эта не была закончена.

В 1922 г. Городской отдел народного образования и Рязанский областной музей направляют Н.И.Лебедеву «для специализации» в Москву на курсы по археологии и этнографии при I МГУ, слушательницей которых она была в 1922—1923 гг. С этого времени Наталия Ивановна живет в Москве. В 1924—

* Маргарита Николаевна Морозова, в то время научный сотрудник Института этнографии АН СССР (скандинавист), единственный человек, к которому, по словам рязанского историка-краеведа Л.В.Димперана, Н.И.Лебедева «питала... материнскую привязанность» (см.: *Димперан Л. В.* Наталия Ивановна Лебедева в 1960—70-е гг.: Из личных воспоминаний. — Этнография и фольклор Рязанского края, с. 174).

Н.И.Лебедева-курсистка

1925 г., уже будучи научным сотрудником, помощницей заведующего Отделом русской этнографии и членом ученого совета ЦМН, Н.И.Лебедева учится в аспирантуре при Археологическом институте РАНИОН, где пишет диссертацию «Перстни рязанских курганов» (опубликована в 1928 г.)²³.

Н.И.Лебедева — ученица таких крупных ученых, как историки М.М.Богословский и Д.Н.Егоров, археолог В.А.Городцов, этнографы В.Н.Харузина и В.В.Богданов, — была одновременно этнографом, археологом²⁴, историком. Признанный специалист по материальной культуре восточных славян, она уже в самый ранний период своей научной деятельности, занимаясь археологией и историей, стала проявлять интерес к фольклору, используя его в качестве вспомогательного материала²⁵, сначала в исследованиях по археологии, а потом и этнографии. Работая в полевых условиях, Наталия Ивановна особое внимание уделяла выявлению и записи фольклора, связанного с обрядовой жизнью деревни и ритуальными предметами материальной культуры, а

также преданий, главным образом топонимических, поверий, примет, быличек²⁶. К сожалению, фольклорный материал, собранный ею в 20—60-е годы, остался в основном неопубликованным и хранится в архивах Москвы и Рязани²⁷. Лишь часть его — записи, сделанные в Рязанской области в 1923—1965 гг., — была опубликована в «Рязанском этнографическом вестнике» в 1994 и 1996 гг.²⁸.

Интерес к фольклору был одним из проявлений характерного для Наталии Ивановны комплексного подхода к изучаемым явлениям. Для решения поставленных задач она привлекала данные смежных дисциплин (истории, археологии, фольклористики, топонимики), стремилась к широкому охвату полевого материала, выделяя для более углубленного изучения отдельные темы, точнее, явления традиционной культуры. Эта методика полевых исследований была применена ею уже в первом полевом сезоне (август 1923 г.) в селах Сапожковского уезда Рязанской губернии. «При изучении этого уезда, — писала Н.И.Лебедева в 1925 г., — я ставила своей задачей: во-первых, проверку списка населенных мест, во-вторых, соби́рание сведений по истории села, гл[авным] обр[азом] о времени его возникновения, в-третьих, составление планов сел, в-четвертых, изучение одежды, в-пятых, жилище, в-шестых, средства передвижения, в-седьмых, обрядовые печения и, в-восьмых, опахивание. Главное внимание было обращено на вопросы 4 и 5»²⁹. По этой же методике она работала на следующий год в Скопинском и Данковском уездах той же губернии.

Одним из итогов ее полевых исследований 1923—1924 гг. явилась известная работа «Материалы по народному костюму Рязанской губернии». Написанная в 1925 г., она впервые была опубликована лишь в 1929 г. в «Трудах Общества исследователей Рязанского края» (вып. XVIII, с. 3—32). В небольшой по объему, но весьма емкой по содержанию публикации Н.И.Лебедевой были использованы методология и методика, получившие развитие в ее более поздних трудах. Анализируя народный костюм в контексте истории заселения края и социального состава его жителей (однодворцы, казенные и помещичьи крестьяне), Наталия Ивановна рассматривала одежду как исторический источник. Дальнейшее накопление сравнительного материала по одежде восточных славян и соседних народностей, считала она, может помочь «установить все культурные течения, бывшие на нашей территории, и выделить отдельные этнические группировки в разные времена»³⁰.

Уже в этой, одной из своих ранних работ Н.И.Лебедева заявила о себе не только как о вдумчивом исследователе-этнологе и

прекрасном полевики, но и как об энтузиасте музейно-соби- рательской и музейно-экспозиционной работы. С тревогой отме- чая быстрое исчезновение народного костюма, который «скоро станет "археологическим памятником, окаменело-молчаливым"», она призывала, пока не поздно, «*собирать хорошо датированный музейный материал с легендами и подробными описаниями*, тогда наши музейные коллекции, — считала она, — будут не суровыми и молчаливыми археологическими памятниками, но живыми существами, полными дыханием жизни, полными смысла и значе- ния» (здесь и далее курсив мой. — Н.П.). При этом Наталия Ивановна особое внимание обращала на важность фиксации всех мелочей, касающихся способов ношения одежды и приуро- чивания ее к отдельным случаям жизни (т.е. функций одежды), поскольку «*все эти мелочи являются этнологическим материалом, не лишенным смысла*»³¹. Сама Н.И.Лебедева этому правилу (для этнолога нет мелочей, ибо порой именно они помогают проник- нуть в суть того или иного явления) следовала неукоснительно, вне зависимости от характера и тематики собираемого материа- ла, а также целей и задач, стоящих перед ней.

Спустя два года после написания упомянутой работы в серии «Мемуары этнографического отдела Общества любителей естест- вознания, антропологии и этнографии» (вып. 2) была опублико- вана монография Н.И.Лебедевой «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки», посвященная исследованию народ- ного костюма, прядения и ткачества Полесья — одного из инте- реснейших и малоизученных районов центра Европейской части России, населенного представителями разных этнических групп восточных славян, «в своих исторических судьбах имеющих связь с другими народами не славянского происхождения, отчасти же и сейчас отражающими на себе эти инородные соприкоснове- ния»³². Подобно другим работам Наталии Ивановны, этот труд был основан на огромном массиве полевых материалов, собран- ных летом 1925 и 1926 гг. в 80 сельских поселениях и четырех городах Брянской и Калужской губерний, а также в 26 селах и деревнях Смоленской, Гомельской и Черниговской губерний и в г. Трубчевске. Но, как отмечалось в рецензии Н.Гринковой, «ценность данной работы... не только в том, что она дает новые материалы, касающиеся определенного района... Вслед за рабо- той Б.А.Куфтина — Материальная культура русской Мещеры. Ч. 1. Женская одежда: рубаха, понева, сарафан. Москва, 1926 — работа Н.И.Лебедевой является второй книгой по великорусской одежде, дающей весьма детальное научное описание и во многих случаях генезис всех бытующих и отчасти уже исчезнувших в изу- ченном районе форм. Детальное изучение на месте и знакомство с

богатыми собраниями Московских музеев позволили автору дать обстоятельную картину одежды изученного района и выяснить этнические элементы, из которых сложился культурный облик населения данного района»³³.

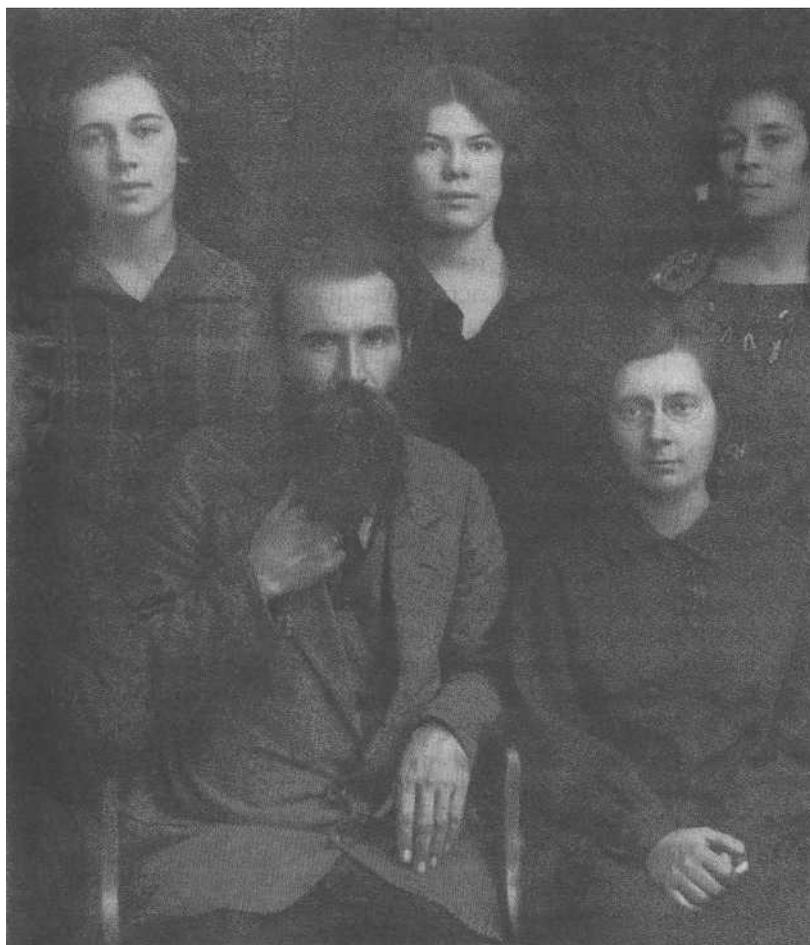
По мнению рецензента, труд Н.И.Лебедевой «вслед за названной работой Б.А.Куфтина является началом строгого, вполне научного подхода к описанию и анализу явлений в области великорусской одежды»³⁴.

Новым словом в этнологии 20-х годов и бесспорным вкладом в методику этнологических исследований был изданный в 1929 г. ЦМН фундаментальный труд Н.И.Лебедевой «Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Мозырский и Бобруйский округа по левому берегу Припяти и ее притокам». Источниковой базой для него послужили материалы, собранные летом 1927 г.

Метод полевых исследований, обычно применяемый Натальей Ивановной, — «маршрутный, т.е. рекогносцировка — сбор сведений по определенному району и стационарное изучение тех сел, которые, по полученным сведениям, могли быть выразителями характерных особенностей районов». Этот метод на территории Белоруссии не мог быть применен в полном объеме в связи с некоторыми специфическими особенностями данного региона. Главными из них были пестрота этнического состава населения, которая «чаще давала индивидуальные обособленные села, чем определенные районы», и полная неизученность материальной культуры этого региона, лишавшая возможности заранее обозначить основные вопросы для изучения. Поэтому, как писала в предисловии Наталия Ивановна, «приходилось идти ощупью, уже во время полевых работ намечать их»³⁵.

Все это потребовало корректирования привычного для Н.И.Лебедевой метода ведения полевых работ: пришлось ограничиться изучением одного народа — белорусов — и сократить круг тем, отдав предпочтение материальной культуре. «Основным требованием при изучении каждого этнического явления в пределах намеченной темы, — отмечала она, — было: во-первых, расчленить целое явление на его составные части и *проследить эти элементы в отдельности и в комплексах территориально* (здесь и далее курсив мой. — Н.П.), во-вторых, *проследить изменимость этих явлений и их элементов по оставшимся бытовым памятникам и по памяти живущего поколения*, в-третьих, изучить технику изготовления отдельных материальных элементов быта, в-четвертых, собрать материал по терминологии, в-пятых, *изучить условия бытования каждого этнического явления*»³⁶.

По охвату материала и основательности анализа эта монография до сих пор остается ценным источником для изучения не

Группа московских этнографов. Середина 20-х годов.
В первом ряду — *Б. А. Куфтин*, справа — *Н. И. Лебедева*;
во втором ряду в центре — *Г. С. Маслова*

только этнографии белорусов, но и этногенеза восточных славян. Последнему в немалой степени способствует составленная Натальей Ивановной таблица всех элементов жилища и хозяйственных построек обследованной ею территории, а также построек, характерных для разных групп русских, украинцев и белорусов, проживающих в тех районах, по которым имеются достоверные сведения.

Будучи человеком одаренным и к тому же необычайно работоспособным, Н.И.Лебедева успела очень много сделать за пер-

вый период своей деятельности (до ареста), длившийся немногим более десяти лет. Это были годы, когда она находилась на «взлете»: в этнографических экспедициях по южнорусским губерниям, Новгородчине, Псковщине, а также Белоруссии, Черниговщине и Полтавщине ею были пройдены сотни километров и собран уникальный материал, в том числе и вещевой (для музеев); увидели свет ставшие классикой книги «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки» и «Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР», был заложен прочный фундамент ее будущих исследований, и появились первые публикации по теме «Прядение и ткачество восточных славян»³⁷, ставшей в последующие годы главной в научных интересах Н.И.Лебедевой.

В начале 90-х годов в бумагах Г.С.Масловой была обнаружена копия отзыва В.В.Богданова о различных аспектах научной деятельности Наталии Ивановны, датированного 20 июня 1928 г. В 1995 г. я получила ее от одной из дочерей Гали Семеновны с правом публикации. Написанный крупным ученым, знавшим Н.И.Лебедеву буквально с первых шагов ее занятий этнографией, «Отзыв о научной деятельности Наталии Ивановны Лебедевой», сохранивший колорит эпохи, дает не только яркое, но и, пожалуй, наиболее полное представление о первом периоде ее творчества.

«Отзыв» напечатан на пишущей машинке на двух больших листах (4 с). Текст хорошей сохранности. Лишь на с. 4 одно слово не пропечаталось, и одна строка на сгибе стерлась.

В Российскую ассоциацию научно-исследовательских Институтов общественных наук при 1-м Московском государственном университете.

Владимира Владимировича Богданова

О Т З Ы В

о научной деятельности Наталии Ивановны Лебедевой

Мне пришлось познакомиться с Н.И.Лебедевой в 1922 году и с тех пор стать непосредственным руководителем ее научных занятий по этнографии.

Эти занятия очень скоро сосредоточились в четырех учреждениях: в Этнографическом Отделе б. Румянцевского Музея (теперь Центральном Музее Народоведения), в Этнографическом Отделе Общества Любителей Естественного знания, Антропологии и Этнографии, в Этнологической Комиссии Московской Секции Государственной Академии Истории Материальной культуры и в Государственном Музее Центрально-Промышленной Области, т.е. во всех учреждениях, где я уже давно веду научно-организационную и научно-исследовательскую работу по этно-

графии. Кроме того, Н.И.Лебедева прослушала у меня два курса лекций в 1-м Московском Государственном Университете в 1927—28 ак. году: 1) «История материальной культуры западных и южных славян» — на этнологическом факультете, 2) «История материальной культуры народов С.С.С.Р.» — на физико-математическом факультете.

Таким образом, я успел достаточно хорошо узнать Н.И.Лебедеву в ее занятиях по этнографии и оценить ее как дельного, хорошего и обещающего научного работника.

Имея достаточно хорошо поставленную общую подготовку в этнографии, Н.И.Лебедева своими личными научно-исследовательскими работами, ведущимися ею непрерывно и очень энергично, *успела создать себе прочную базу своих этнографических знаний и интересов прежде всего в области изучения всех четырех групп восточных славян* (здесь и далее в отзыве курсив мой. — Н.П.) — северных великоруссов, южных великоруссов, украинцев и белорусов и некоторых финно-угорских народов, преимущественно тех, история культуры которых была теснее связана с историей культуры восточных славян в бассейне Волго-Окского междуречья и в Поволжье. Этот круг научных знаний и интересов Н.И.Лебедева углубляет с каждой своей новой исследовательской поездкой, с обработкой каждой новой музейной коллекции и, наконец, с проработкой разных исследовательских тем, особенно по материальной культуре.

Все это позволяет ее оценить с разнообразных сторон ее научной деятельности, а именно: как музейного работника, как полевого этнографа-собиранья, как исследователя и, наконец, в области культурно-просветительской деятельности.

Как музейный работник Н.И.Лебедева отличается исключительной добросовестностью и точностью работы, очень толковым знанием музейной техники и *счастливой способностью талантливо комбинировать самые трудные и сложные темы в наглядные, систематические или обстановочные экспозиции*. Как на образец ее экспозиционной работы достаточно указать на экспозицию, выполненную ею в Центральном Музее Народоведения на тему: «Пряденье и ткачество у восточных славян». До сих пор эта тема в такой полноте, системе и наглядности не была выявлена. Недавно беседовавший со мной по этому поводу Директор Эстонского Национального музея д-р Ильмари Маннинен, сам прекрасный знаток данного вопроса, был поражен таким крупным достижением не только в области музейной практики, но и в области научно-исследовательских достижений в музейных экспонатах по этой теме.

О Н.И.Лебедевой, как о полевого этнографе, очень внимательном и энергичном собирателе этнографических материалов и коллекций, можно было бы сказать очень много, потому что *эта сторона ее деятельности поражает своей качественной многогранностью и большим объемом*.

С этой стороны она хорошо известна не только в музеях и ученых обществах Москвы, Ленинграда и провинции, но и среди вузовцев, краеведов, педагогов и других просвещенцев. Достаточно сказать, что ряд музеев, особенно же Центральный музей Народоведения, Государственный музей Центрально-Промышленной Области, Рязанский Гу-

бернский музей и некоторые музеи Белоруссии и Украины обладают большим количеством коллекций, собранных Н.И.Лебедевой самым тщательным образом, с соблюдением максимальных требований полевой практики. Поэтому собранные ею коллекции легко поддаются научной проработке, описанию и экспозиции. Как образцовый собиратель она нередко приглашается руководить разными группами вузовцев и краеведов для проведения с ними полевой этнографической практики.

Как этнограф-исследователь Н.И.Лебедева очень хорошо себя зарекомендовала многочисленными докладами на различные темы, преимущественно по материальной культуре во всех четырех вначале здесь указанных этнографических научных учреждениях, а также на разного рода конференциях, происходивших в Рязани и других городах. Наконец, ею издана 1-я часть ее большого труда «Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки. Народный костюм, пряденье и ткачество»... Эта работа отразила на себе все ценные качества Н.И.Лебедевой как ученого исследователя и собирателя, практически осведомленного в том большом материале, по которому она производит свое исследование. В частности, *в этой работе впервые в русской науке подробно выявлены сложность и многосоставность женского головного убора*, в зависимости от территориальных и этнических источников и от условий бытования элементов головного убора в семейной и обрядовой жизни. Ее классификация головных уборов выражена не как теоретически построенная схема, а как *результат объективного анализа действительно существующих материальных явлений*. С большими научными достижениями выявлены в этой же работе и общие этапы в технике, элементах и формах прядения и ткачества. Более детальный анализ на эту тему готовится ею как специальная работа.

Хорошей стороной всех исследовательских работ Н.И.Лебедевой является *отчетливое разграничение исследуемого материала от ее аналитических построений*. Материал ее работ может быть легко усвоен как объективный и надежный документ. Ее же исследовательские приемы в освещении материала поддаются оценке сами по себе, как основанные на надежном документе.

Наконец, в *исследовательских работах Н.И.Лебедевой следует отметить хорошо освоенный ею территориальный принцип*, что особенно важно в этнографических исследованиях. В указанной ее печатной работе это выявилось очень наглядно, да еще на такой...* отграниченной территории, как верховья Десны и верховья Оки.

В настоящее время Н.И.Лебедева ведет другую аналогичную работу на территории, очень неясно отраженной в этнографической литературе, — в Белоруссии. Достаточно указать, что до настоящего времени мы не имеем ни одного научного труда, отчетливо характеризующего разнообразие, разноставность и территориальную типологичность народной культуры Белоруссии. После неудачной попытки М.В.Довнар-Запольского дальнейших и лучших не было. Н.И.Лебедева только начала свои работы в Белоруссии (с 1927 г.), и теперь уже ею подготовлен к

* В оригинале слово не пропечатано.

печати очень поучительный очерк о жилище и хозяйственных строениях в небольшом районе Белоруссии по р. Припяти³⁸. Здесь та же объективность материала и та же тщательность анализа, с учетом всех разносоставных источников на небольшой территории, позволила автору дать ценный труд, обещающий совершенно перестроить наши шаблонные взгляды об однообразной будто бы истории материальной культуры Белоруссии... Между прочим, она с большим успехом ассистирует на моих лекциях по этнографии и на музейных курсах Главнауки (1926 г.), затем, как уже было сказано, ведет практические полевые занятия, а также специальные тематические объяснения по коллекции Музея Народоведения для краеведов.

Конечно, что касается научной и, в частности, исследовательской деятельности Н.И.Лебедевой, она, как начинающий ученый, нуждается еще в систематическом руководстве, которое ей мог бы обеспечить научный коллектив Российской Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов Общественных наук при 1-м М.Г.У., где она, кроме того, могла бы иметь больше досуга для чисто научных работ.

Москва
20 июня 1928 г.

Подпись: *Вл. Богданов*

* * *

К активным занятиям этнографией, прерванным арестом, ссылкой и болезнью, Н.И.Лебедева вернулась лишь в 50-е годы. С 1951 г. она начала сотрудничать с Институтом этнографии АН СССР. Работая по договорам, Наталия Ивановна принимала деятельное участие и в экспедициях Института, и в его публикациях. Как и в первый период деятельности, все ее исследования по-прежнему базировались на собранном ею полевом материале. В 1956 г. было опубликовано ее фундаментальное исследование о прядении и ткачестве восточных славян³⁹, до сих пор остающееся непревзойденным. В нем не только дается исчерпывающая классификация способов и орудий прядения и ткачества, но и впервые прослеживается географическое распространение их на территории расселения восточных славян. В основе монографии — разнообразный материал, собиравшийся Наталией Ивановной в течение многих лет (1921 — 1932, 1951, 1953 и 1954 гг.), главным образом в южно- и частично в севернорусских областях, а также в Белоруссии и на севере Украины. Первые обобщения по этой теме были сделаны ею еще в конце 20-х годов (см. примеч. 37).

Велик вклад Н.И.Лебедевой и в создание историко-этнографического Атласа материальной культуры русского народа, изданного Институтом этнографии АН СССР, для которого ею в соавторстве с Г.С.Масловой была написана статья о русской кре-

стьянской одежде XIX — начала XX в.⁴⁰ и проведено картографирование. И в этом труде были широко использованы материалы полевых сборов Наталии Ивановны в Рязанской, Калужской, Тульской, Орловской, Смоленской, Псковской и Ленинградской областях (1921—1926, 1929, 1950, 1951 и 1953 гг.). Написанию статьи предшествовала разработка классификации русской одежды по нескольким критериям: функциям, материалу, способам кройки и шивания, характеру украшения, раскраске и орнаменту вышивок, способам ношения и укрепления и т.п. При жизни Наталии Ивановны, придававшей большое значение систематике изучаемых предметов, эта работа не была опубликована (см. примеч. 21). Возможно, она считала ее незавершенной, а может быть, рассматривала как один из подготовительных этапов работы над атласом и потому изначально не предназначавшейся для публикации.

В 50-е годы расширился ареал полевых исследований Н.И.Лебедевой. Летом 1957 г., уже выйдя на пенсию, она впервые побывала в Сибири в составе 1-го Ангарского отряда (руководитель Г.С.Маслова) Комплексной экспедиции Института этнографии, работавшей в селениях, расположенных на землях, подлежащих затоплению в связи со строительством Братской ГЭС. Результатом этой поездки явилась статья о хозяйственном быте русского населения Приангарья, основанная на полевых материалах, собранных Наталией Ивановной на значительной территории — от Иркутска до Бутакова (на правом берегу реки), в селениях по Великому Сибирскому тракту и по рекам Ока и Ия от Тулуна до Братска⁴¹. В начале 60-х годов мне пришлось редактировать эту небольшую по объему, но чрезвычайно емкую по содержанию (как и все труды Н.И.Лебедевой) статью. Работать с ней было интересно и легко. Наталия Ивановна принадлежала к тем ученым, которые с уважением относятся к чужому труду и умеют слушать оппонентов, не подавляя их своим авторитетом. И хотя я в то время была начинающим этнографом, а Наталия Ивановна уже прошла огромный путь в науке, она внимательно выслушивала все мои вопросы и спокойно реагировала на любые «придирки», никогда не теряя присущей ей доброжелательности.

Внеся огромный вклад в изучение традиционной культуры, Н.И.Лебедева живо интересовалась и изучением современности. В 1950—1951 гг., работая в составе комплексной археолого-этнографической экспедиции Рязанского государственного педагогического института и Рязанского краеведческого музея, она изучала быт передовых колхозов области, рассматривая современность как комплекс, в котором традиционные элементы вы-

тесняются инновациями или же в трансформированном виде входят в современный быт. «Есть исходный момент у этнографа: конкретная действительность, окружающая нас, — писала она 10 июля 1960 г. Г.С.Масловой. — Одни явления новые, другие старые, бытующие как пережиток или входящие в новый быт как активный, весьма реально полезный и действующий элемент»⁴². Полевые материалы, собранные Н.И.Лебедевой в Рязанской области, — ценный источник для изучения процесса формирования на базе традиционной культуры новой, современной для исследователя.

В послевоенный период, как и в 20-е — начале 30-х годов, Н.И.Лебедева была тесно связана с музеями. Находясь в экспедиции, она обязательно собирала материал для местных (рязанских) и центральных музеев. Ее мечтой было создание в Рязани музея на открытом воздухе. Изучая Рязанскую область (ее историю, фольклор, материальную культуру) с начала 20-х годов, Наталия Ивановна, по свидетельству Г.С.Масловой, «представляла общий этнографический облик почти каждого селения»⁴³. И во время поездок по области, занимаясь постройками, намечала объекты для переселения в Рязань.

До последних дней своей жизни Н.И.Лебедева была консультантом Рязанского отделения Всероссийского общества по охране памятников истории и культуры. Она щедро делилась своими знаниями по истории, археологии и этнографии Рязанского края с молодежью, охотно консультировала всех, кто обращался к ней за помощью, будь то приезжий или местный ученый, художник, архитектор, краевед-любитель или студент. При ее непосредственном участии были выработаны маршруты Рязанского отряда Комплексной экспедиции (рук. Г.С.Маслова) Института этнографии АН СССР, работавшего в Рязанской области в 1960, 1961 и 1963 гг.

Все, кто близко знал Наталию Ивановну, отмечают ее жизнерадостность и оптимизм; ее мягкость и доброту, скромность и бескорыстие; непритязательность во всем: в жилище, мебели, одежде, пище. «Живя на свой заработок работника архива Рязанского горисполкома, а затем на пенсию, — вспоминает Г.С.Маслова, — она писала мне, что "живет роскошно"»⁴⁴. О трудных временах своей жизни Наталия Ивановна вспоминать не любила.

Рязанцы чтут память своей землячки — одного из тех исследователей, трудами которых этнография из науки описательной превратилась в науку анализирующую. 6—8 декабря 1994 г. в пос. Солотча — курортном пригороде Рязани — была проведена Российская научная конференция «Этнография и фольклор Рязанского края» (Первые Лебедевские чтения), посвященная

100-летию со дня рождения Наталии Ивановны⁴⁵. Материалы ее были изданы в 1996 г. в одном из выпусков «Рязанского этнографического вестника» (см. примеч. 1). В том же году вышли в свет и два первых тома научных трудов Н.И.Лебедевой, в которые вошли почти все ее работы, в том числе и написанные в соавторстве, опубликованные к тому времени. Поскольку статьи и книги Наталии Ивановны уже давно стали библиографической редкостью, подобное издание — не только достойный памятник ученому, внесшему огромный вклад в развитие отечественной этнографии, но и бесценный подарок молодым поколениям этнографов. В последующих выпусках «Рязанского этнографического вестника» предполагается публикация не издававшихся ранее работ Н.И.Лебедевой, в первую очередь хранящихся в архивах Рязанской области.

¹ *Бабий А. Н.* Фрагменты воспоминаний о Н. И. Лебедевой. — Этнография и фольклор Рязанского края: Материалы Российской научной конференции к 100-летию со дня рождения Н.И.Лебедевой (Первые Лебедевские чтения). 6—8 декабря 1994 г. — Рязанский этнографический вестник (далее — РЭВ). Рязань, 1996, с. 171, 172.

² *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* Арест и ссылка Н. И. Лебедевой (по архивным материалам). — Этнография и фольклор Рязанского края..., с. 14.

³ Там же.

⁴ См.: Список арестованных по ленинградской части дела «Российская национальная партия». — *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994, с. 198, 202—205.

⁵ *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»..., с. 238 (Прил. 8).

⁶ Там же, с. 239; см. также с. 205.

⁷ Там же, с. 239.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 138, а также с. 256—271 (Именной указатель).

¹⁰ Там же, с. 3.

¹¹ Там же, с. 6.

¹² *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* Арест и ссылка Н. И. Лебедевой..., с. 14.

¹³ *Аптекарь В. Б.* Марксизм и этнология: Тезисы доклада. — Этнография. 1929. № 2, с. 115. См. также: *Шангина И. И.* Н. И. Лебедева и полевая этнография в 1920-е гг. — Этнография и фольклор Рязанского края..., с. 12 — 13; *Соловей Т. Д.* От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М., 1998, с. 141 — 156.

¹⁴ *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* Арест и ссылка Н. И. Лебедевой..., с. 15.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Выписка из протокола Особого совещания при коллегии ОГПУ от 2.IV. 1934 г. — *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»..., с. 229 (Прил. 7).

¹⁷ *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* Арест и ссылка Н. И. Лебедевой..., с. 15.

¹⁸ *Маслова Г. С., Морозова М. Н.* Выдающийся советский этнограф Н.И.Лебедева. — СЭ. 1979, № 6, с. 93.

¹⁹ Работа Г.С.Масловой, основанная главным образом на личных воспоминаниях и письмах от Н.И.Лебедевой 1949—1977 гг., предназначалась для «Очерков истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (далее — ОИРЭФА), прекративших свое существование на X выпуске (1988 г.) в связи с

уходом на пенсию инициатора издания и его постоянного ответственного редактора Р.С.Липец. Объем труда Г.С.Масловой значительно превышал принятый размер журнальной статьи. Чтобы опубликовать его в «Советской этнографии», ей пришлось отказаться от приложения (перечня опубликованных и неопубликованных трудов Н.И.Лебедевой и ее же «Классификации одежды русских») и несколько сократить основной текст. В таком усеченном виде статья увидела свет незадолго до кончины Г.С.Масловой.

²⁰ *Маслова Г.С.* Из истории восточнославянской этнографии (Жизнь и творчество Наталии Ивановны Лебедевой). — СЭ. 1991, № 5, с. 49.

²¹ В 1993 или в начале 1994 г. в связи с приближавшимся столетием со дня рождения Н.И.Лебедевой копия машинописного текста, подготовленного Г.С.Масловой для ОИРЭФА, была передана мной в РЭВ, издаваемый Рязанским областным научно-методическим центром народного творчества, где его в течение короткого времени опубликовали дважды — в 1994 и 1996 гг. Первый раз (в полном объеме) — в специальном выпуске, приуроченном к отмечавшемуся в том году юбилею Наталии Ивановны (*Лебедева Н.И.* Духовная культура рязанских крестьян. Из полевых материалов 1923—1965 гг.; *она же.* Классификация одежды русских; *Маслова Г.С.* Из истории восточнославянской этнографии: О жизни и творчестве Наталии Ивановны Лебедевой. Рязань. 1994, с. 48—127). Второй раз (без списка трудов и «Классификации одежды русских») — в I томе научных трудов Н.И.Лебедевой, в качестве предисловия к изданию (*Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. I. Рязань, 1996, с. 5—20). «Классификация одежды русских» была опубликована во II томе (*Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. II. Рязань, 1996, с. 183—186).

²² В публикации 1994 г. (см. примеч. 21) — с. 61; в публикации 1996 г. (см. там же) — с. 8.

²³ *Лебедева Н.И.* Перстни Рязанских курганов (По материалам Рязанского областного музея). — Исследования и материалы. Рязанский областной музей. Рязань, 1928, с. 4—15; 2-е изд.: *Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. I, с. 93—96.

²⁴ См.: *Челяпов В.П.* Археологические исследования в научной деятельности Н.И.Лебедевой. — Этнография и фольклор Рязанского края..., с. 175—176.

²⁵ *Самоделова Е.А.* Деятельность Н.И.Лебедевой в области изучения народной духовной культуры. — Этнография и фольклор Рязанского края..., с. 164—165.

²⁶ Там же, с. 164—169.

²⁷ Там же, с. 164; *Горбунов Б.В.* Материалы Н.И.Лебедевой в рукописном фонде Государственного литературного музея (Москва). — Этнография и фольклор Рязанского края..., с. 163.

²⁸ Духовная культура рязанских крестьян: Полевые материалы Н.И.Лебедевой 1923—1965 годов. — *Лебедева Н.И.* Духовная культура рязанских крестьян..., с. 13—38 (Комментарии к текстам и подготовка текстов к печати Е.А.Самоделовой). Повторная публикация: *Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. II, с. 187—197.

²⁹ *Лебедева Н.И.* Материалы по народному костюму Рязанской губернии. — *Лебедева Н.И.* Научные труды. Т. I, с. 104.

³⁰ Там же, с. 118.

³¹ Там же, с. 116.

³² *Лебедева Н.И.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки (этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-м и 1926-м годах). Ч. I. Народный костюм, пряđenje и ткачество. М., 1927, с. 5.

³³ *Гринкова Н.* [Рец. на:] *Лебедева Н.* Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки... — Этнография. 1928, № 1, с. 144.

³⁴ Там же, с. 145.

³⁵ Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. Мозырский и Бобруйский округа по левому берегу Припяти и ее притокам. — *Лебедева Н. И.* Научные труды. Т. I, с. 133.

³⁶ Там же, с. 133—134.

³⁷ *Лебедева Н. И.* Систематика прядения и ткачества на территории Центрально-Промышленной области. — Культура и быт населения Центрально-Промышленной области. Этнографические исследования и материалы. М., 1929, с. 46—54; *она же.* Очередные вопросы изучения прядения и ткачества. М., 1929.

³⁸ Речь идет об упоминавшейся ранее работе «Жилища и хозяйственные постройки Белорусской ССР».

³⁹ *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян. — Восточнославянский этнографический сборник. Очерки материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в. — ТИЭ. М., 1956. Т. XXXI, с. 461—532.

⁴⁰ *Лебедева Н. И., Маслова Г. С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. — Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начало XX в.). М., 1967, с. 193—267.

⁴¹ *Лебедева Н. И.* Хозяйство и быт Приангарья (XIX — начало XX в.). — Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. I. Приангарье. Новосибирск, 1971, с. 78—95.

⁴² *Маслова Г. С.* Из истории изучения восточнославянской этнографии... — *Лебедева Н. И.* Научные труды. Т. I, с. 16.

⁴³ Там же, с. 15.

⁴⁴ Там же, с. 19—20.

⁴⁵ *Горбунов Б. В., Курило О. В., Стишова А. Ю.* К 100-летию со дня рождения Н. И. Лебедевой. — Этнография и фольклор Рязанского края (Первые Лебедевские чтения). — ЭО. 1995, № 6, с. 163—168.

С.И.ВАЙНШТЕЙН

**Судьба Бориса Осиповича Долгих —
человека, гражданина, ученого**

Беда не страшит, а путь кажет.

Русская пословица

Среди ученых, ставших жертвами репрессий еще в начале 30-х годов, — один из наиболее выдающихся отечественных этнографов и историков, классик мирового сибиреведения — Борис Осипович Долгих. Его драматичная судьба до недавнего времени была, к сожалению, известна лишь узкому кругу самых близких ему людей. Не знали ее и сотрудники созданного им сектора Крайнего Севера и Сибири Института этнографии Академии наук СССР, даже те из них, кто общался с мэтром многие годы. Стремление избежать огласки некоторых сторон биографии было вызвано у Б.О.Долгих пониманием того, что они могли повредить его достаточно ответственной работе, связанной с политикой государства в отношении народов Севера. Впервые неурезанная в этой части биография ученого была опубликована лишь в 1992 г.¹.

Родился Борис Осипович Долгих в Риге 18 апреля 1904 г. в очень интеллигентной и благополучной семье ученого-аграрника, получившего позднее профессорское звание. Еще до рождения сына отец много лет работал в Сибири, имея возможность по характеру своей деятельности бывать среди аборигенов, внимательно наблюдать их своеобразный быт. Впоследствии он вспоминал те годы и увлекательно рассказывал сыну об удивительной культуре и обычаях сибирских народов, пробудив у него еще в детстве интерес к далеким путешествиям, любовь и сочувствие к гордым и смелым, но обездоленным местным жителям.

Много любопытного узнал мальчик в те годы и о жизни аборигенов Северной Америки, притом в отличие от сверстников узнал о них не столько из красочных детских книжек, сколько из пересказанных отцом эпизодов встреч деда (по матери) Алексея Баранова с воинственными индейцами. А деду было что рассказать, ведь служил он в далекой Русской Америке в чине поручика.

чика на острове Ситха в той самой крепости, которую так яростно осаждали индейцы, а обороняли русские солдаты. В одном из самых ожесточенных сражений дед был ранен и после этого возвращен на родину. Дослужился он до весьма высокого чина — статского советника. Борис Осипович как-то рассказывал автору, что хорошо помнит деда — высокого ростом и даже сурового человека, но очень нежно любившего своего маленького внука и дарившего ему прекрасные игрушки.

Позднее семья переехала в Самару, где Борис Долгих учился в гимназии. Когда мальчику было 13 лет, он услышал о революции, начавшейся в Петрограде, и в дальнейшем внимательно следил за перипетиями гражданской войны. В 1920 г. шестнадцатилетний юноша был принят в Самарский университет, но не прошло и года, как университет закрыли.

Чтобы иметь хоть какую-то специальность, пришлось в конце концов поступить в местный техникум и без особого удовольствия обучаться бухгалтерии, втайне надеясь, что это «специальное образование» никогда не пригодится. Но, как известно, пути Господни неисповедимы — специальность, полученная в техникуме, пригодилась, и даже очень, притом в ситуации неожиданной и зловещей. Но произойдет это годы спустя... А пока романтического юношу влекла мечта о далеких путешествиях, о высшем, притом непременно гуманитарном, образовании. Особенно манила мечта учиться в Московском университете. И уже тогда где-то в глубине души теплилась надежда получить возможность путешествовать в такой далекой загадочной Арктике, изучать таинственные народы Севера, открывать науке неизвестные ранее племена.

После долгих колебаний и советов с родными и друзьями он наконец в 1925 г. решает покинуть Самару, и, как оказалось, навсегда. Собрав очень небольшую сумму денег и скромные пожитки, юноша поехал в Москву, чтобы поступить в Университет. Приехал, нашел временное жилье, подал документы и... не был принят. Казалось, надо возвращаться. Но Борис решил противостоять неожиданному удару судьбы. Он принимает трудное, но твердое решение: из Москвы не уезжать, снять угол и ходить в Университет вольнослушателем (такая возможность в те годы была), тем более что, как оказалось, вольнослушателям, интересующимся народами Сибири, разрешалось посещать научные заседания в Институте антропологии МГУ, а также в Обществе по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока. Удалось записаться и в Румянцевскую библиотеку; это дало возможность все свободное время проводить там, много читать и делать обширные выписки из книг, как бы предчувствуя, что судьба может лишить его такой возможности.

На одном из заседаний в Институте антропологии, где уже многие ученые обратили внимание на очень способного юношу — вольнослушателя университетских лекций, проявляющего недюжинные знания и огромный интерес к народам Севера, регулярно посещающего все доклады, так или иначе связанные с Сибирью, ему сообщили о намечавшейся Приполярной переписи и даже возможности принять в ней участие. Борис сразу же дал согласие, осознав это известие как судьбоносное, как начало реализации своей давней мечты. Чтобы стать участником переписи, необходимо было предоставить рекомендацию какого-либо из авторитетных ученых Университета. И он ее получает в Институте антропологии от известного уже в то время профессора В.В.Бунака². Студент-вольнослушатель официально становится участником этой первой детальнейшей демографической и похозяйственной переписи народов Севера в скромной должности статистика-регистратора и сразу же начинает серьезную подготовку к предстоящей поездке в Сибирь.

Весна 1926 г. застаёт будущего ученого в Красноярске. Не теряя времени, он знакомится здесь с уникальными материалами местного музея о жителях Севера, среди которых ему предстояло работать. Здесь же собрались и другие участники отряда переписчиков. Все очень обстоятельно готовились к порученному им ответственному делу, причем не только к технической, но и научной его стороне. Было необходимо еще и еще раз отработать методику заполнения похозяйственных карточек на каждую семью (в карточке значилось около 20 различных вопросов, включая родо-племенную принадлежность каждого опрашиваемого аборигена), предусмотреть все возможные трудности, в том числе те, которые могли возникнуть в тайге и тундре при работе в условиях полярной ночи.

Жарким июньским днем 1926 г. на колесном пароходе дореволюционной постройки Долгих с товарищами отплыл по Енисею на Север. Впечатления в пути были незабываемы: покрытые тайгой крутые берега великой сибирской реки, устремившейся к Ледовитому океану; маленькие, прилепившиеся к воде поселки; живописно одетые люди, встречавшие и провожавшие пароход. Здесь же, на берегу Енисея, возле крытых берестой беленьких чумов, он впервые увидел нескольких кетов, представителей того загадочного народа, среди которого надо было вести перепись. Двадцатидвухлетний молодой человек именно теперь понял, что судьба его бесповоротно отдана Северу.

Через неделю пароход достиг устья Подкаменной Тунгуски. Борис Долгих вдвоем с товарищем — его коллегой по переписи, с которым предстояло многие месяцы делить все трудности ра-

боты, — высадились на берег. Им повезло — кеты в это время собрались поблизости на ярмарку, и можно было сразу же приступить к делу. Затем, подобно бурлакам, двигаясь по тайге вдоль берега Подкаменной Тунгуски вверх по ее течению, обследовали все кетские стойбища, а дойдя до небольшого селения Кузьмовка, встретили первых эвенков. Закончив у них перепись, в небольшой долбленной лодке поплыли вниз по течению, вновь к устью Подкаменной Тунгуски. Отсюда, дождавшись парохода, добрались в начале сентября до Дудинки. Они оказались среди бескрайней тундры Таймыра. Быстро наступала холодная осень с ее ранними заморозками, приближалась полярная ночь. Работать становилось все труднее, переезды на собачьих и оленьих упряжках требовали все больше сил. В этих нелегких условиях в полной мере проявились незаурядные черты характера Бориса Осиповича — неодолимая воля, целеустремленность, редкое мужество, почти полное безразличие к бытовым трудностям и страсть путешественника-первопроходца.

Наряду с переписью Б.О.Долгих увлеченно занимался этнографическими исследованиями, понимая их исключительно важное значение. Он описывал быт, материальную и духовную культуру изучаемых народов, тщательнейшим образом фиксируя все свои наблюдения в дневниках. Почти полтора года, вплоть до октября 1927 г., исследователь практически ни на один день не прекращал работу даже в самых трудных, подчас нечеловеческих условиях. Его коллега не выдержал выпавших на их долю тяжелых испытаний, заболел и кончил жизнь самоубийством. Оставшись в тундре один, Борис Осипович еще самозабвеннее продолжал трудиться, стараясь выполнять теперь уже работу и за своего умершего товарища. Перепись близилась к концу, позади были бесконечные маршруты протяженностью свыше тысячи километров, когда жить приходилось то в тайге, то в тундре, то на пустынных берегах Ледовитого океана, в устье Енисея и на Хатанге. За это время было обследовано несколько народов. Особенно много новых этнографических сведений было собрано о кетах, нганасанах, энцах, долганах, якутах, эвенках. Удалось сделать и ряд открытий — обнаружить не выявленные дотоле этнографические группы, описать никем ранее не отмеченные обычаи, сделать уникальные записи неизвестных фольклорных произведений. Большое внимание уделял Долгих и углубленному изучению сложной социальной структуры, прежде всего не вполне ясному для этнографов-сибиреведов того времени соотношению административных и кровных родов, специфике соседско-территориальных и родственных общинных объединений.

Знакомство с дальнейшей судьбой ученого делает для нас совершенно очевидным, что именно маршруты, проложенные им по Красноярскому Северу, навсегда определили круг его дальнейших экспедиционных исследований.

Поздней осенью 1927 г., проделав долгий обратный путь по Енисею и лишь ненадолго остановившись в Красноярске, Долгих возвратился в Москву и сразу же приступил к очень трудоемкой обработке экспедиционных материалов.

Вскоре он получает предложение сделать подробный отчет на специально посвященном этому событию заседании Института антропологии МГУ, на котором присутствовали проф. В.В.Бунак и ряд других крупных университетских ученых. Все выступившие после доклада Долгих на этом заседании отметили его выдающиеся достижения в изучении Красноярского Севера, сделанные им крупные этнографические открытия. По инициативе Бунака Борис Осипович немедленно и без экзаменов был зачислен в МГУ, притом сразу же на второй курс.

Став наконец студентом, Долгих, по его словам, жадно и с упоением учился, продолжая вместе с тем все более углубленно обрабатывать и систематизировать собранные на Севере материалы.

Перейдя на третий курс, он представил на кафедру свою первую научную работу о населении Таймыра и прилегающего к нему района. Ее рекомендовали к печати и опубликовали в 1929 г. в «Северной Азии» — наиболее авторитетном научном журнале страны, посвященном Северу³. Статья, основанная почти исключительно на ценных материалах полевых исследований автора, отличалась глубоким знанием этнографических проблем самого северного региона Евразии и явилась серьезным вкладом в отечественное сибиреведение. К этому времени студент Долгих завершал еще одну важную в научном отношении статью, предназначенную для публикации в том же журнале.

У московских сибиреведов, знакомых с исследованиями Долгих, не было сомнений, что в науку вступает талантливый ученый, так успешно проявивший себя уже в юности. Борис Осипович и сам теперь был уверен, что путь в науку для него наконец открыт. Он хорошо учился, неустанно работая над собранными огромными материалами, строил планы новой экспедиции на Север, но судьба готовила ему совершенно непредвиденное страшное испытание...

Шел трудный для страны, и особенно для крестьянства, 1929 год. Началась крутая и болезненная ломка сложившихся устоев жизни на селе, насильственная, сопровождавшаяся массовыми репрессиями, коллективизация. Из деревень в студенче-

скую среду проникают все более и более тревожные вести. Долгих, который не смог получить место в студенческом общежитии и вместе с товарищем, слушателем Высших литературных курсов, снимал частную комнату, нередко обсуждал здесь происходящие события. В этой комнате по вечерам собирались и другие студенты, часто разговоры касались коллективизации, начинались споры. Долгих и его товарищ очень критически высказывались о жестоких методах раскулачивания, слухи о которых доходили до Университета. Неожиданно арестовали товарища по комнате, а затем и самого Бориса Осиповича. Вместо студенческой аудитории — камера в Бутырской тюрьме, допросы у следователя. Но маховик сталинских репрессий еще не раскрутился до уровня «великого террора», да и следователи были разные. Через несколько дней после ареста следователь вызвал Долгих на допрос.

Выполнив полагавшиеся в таких случаях формальности, он не без некоторого сочувствия сообщил, что арестованный уже исключен из Университета, а затем вышел, странным образом оставив на столе главную улику — изъятое при обыске неотправленное письмо Бориса Осиповича своему красноярскому другу. В этом письме он излагал весьма крамольные мысли по поводу проводившейся коллективизации и просил написать, как идет «раскулачивание» в Сибири. Оставшись один, Долгих мгновенно оценил обстановку и, схватив лежащие перед ним несколько листиков письма, разорвал их в клочки, положил в рот и проглотил. Следователь начал искать письмо, затем обыскал Долгих и, ничего не найдя, начал грозить арестованному страшными карами, если письмо не найдется. Вскоре состоялся суд, но письмо на нем не фигурировало. Борис Осипович держался на суде мужественно, но признал, что выступил с критикой коллективизации, не будучи знаком с ней в реальной жизни, в чем видит свою вину. Приговор суда был сравнительно мягким — всего четыре года ссылки в Сибирь.

Проделав долгий путь до Лены, Долгих поселился на берегу таежной реки в маленьком поселке и работал у местных заготовителей бухгалтером — пригодилась-таки учеба в техникуме. Оставалось много свободного времени. Все материалы, собранные ранее, Долгих удалось привезти с собой. Каждый вечер у коптилки, нередко под вой вьюги, он писал книгу, свою первую монографию об одном из самых загадочных народов мира — кетах. Под рукой ученого лежали обширные записи, сделанные у кетов, многочисленные выписки из книг.

На бумагу легли первые строки, полные романтического духа, ни на час не покидавшего ссыльного. «Кто проезжал Енисеем по

Туруханскому району Восточно-Сибирского края, тот не забудет на первый взгляд странных, длинноволосых людей в разноцветных коротких халатах. Зажав в зубах трубку, они с виду равнодушно смотрят на шумящую около приставшего парохода толпу. Их сухие, горбоносые лица, оттененные белыми платками, при этом бесстрастны, словно высеченные из темного дерева. Только изредка кто-нибудь из них, вынув трубку изо рта, сплевывает и обменивается с соседом отрывистыми, гортанными фразами. Перед серым, усыпанным галькой берегом и торчащим над ним рядом дощатых потемневших крыш крестьянских изб, около бородатых, шумно толпящихся русских, яркие, словно маскарадные, краски одежд этих людей и отпечаток какой-то древней, незнакомой для нас, европейцев, расы на их безбородых смуглых лицах оставляют отчетливое, незабываемое впечатление живого обломка первобытной Азии, случайно уцелевшего здесь, на окаймленных непрерывной стеной тайги берегах Енисея. Это те самые енисейские "остяки" — кеты, которые до сих пор представляют загадку истории Северной Азии»⁴.

Долгие четыре года ссылки на Лене заканчиваются, в Москву возвращаться запрещено, можно переехать в Иркутск, да и рукопись книги о кетах теперь полностью готова. В Иркутске ученому удалось поступить на работу в Краеведческое общество. И уже через несколько дней он приносит в местное издательство свою рукопись, которая настолько заинтересовала всех, кто с ней знакомился, что ее почти сразу же внесли в перегруженный план издательства. И это несмотря на «грязную» анкету автора. Руководство издательства, несомненно, пошло на определенный риск, но то был все же лишь 1934-й, а не 1937 год. Книга «Кеты» выходит из печати и имеет большой успех как в научных кругах, так и у тех, кто интересовался жизнью народов Сибири, даже не будучи специалистами. Это была первая монография о кетах, сочетавшая строгую научность исследуемых проблем с доступностью изложения и ярким романтическим восприятием мира маленького северного народа. Она очень удачно продолжила великие традиции отечественных этнографов — политкаторжан, среди которых были такие корифеи, как В.Г.Богораз, Л.Я.Штернберг, В.Л.Серошевский, Ф.Кон и др.

После нескольких обращений в Комитет Севера при ВЦИК Долгих получил официальное разрешение вернуться в Москву. Но тут он узнал, что есть счастливая возможность поступить на работу в местную землеустроительную экспедицию, которая должна была выехать из Иркутска на несколько лет в районы Крайнего Севера, причем экспедиции нужен был экономист-бухгалтер. Он решает отказаться от возвращения в Москву и

продолжить свои полевые исследования у народов, которых он начал изучать до ареста. Заняв вакантную должность и расставшись с Иркутском, он еще два года работает у берегов Ледовитого океана, среди снежных равнин Таймыра и в тайге Эвенкии. Вновь в дневниках ученого появляются интереснейшие записи о неизвестных ранее формах культуры, родо-племенном составе, великолепные образцы устного народного творчества, в особенности интереснейшего фольклора нганасан.

В 1937 г. Долгих возвращается в Иркутск, а затем переезжает в Красноярск с тем, чтобы работать в местном Краеведческом музее. Обосновавшись в новом для него городе, он приступает к подготовке своей второй книги — на этот раз о фольклоре нганасан. Через несколько месяцев Борис Осипович предлагает местному издательству свой новый труд, который получает «зеленую улицу», так как именно тогда из портфеля издательства изъяли многие рукописи репрессированных «врагов народа», и он был почти пуст. Вскоре без задержки выходит из печати вторая книга Долгих⁵, целиком посвященная неизвестным легендам и сказкам нганасан. Между тем ученый с ужасом наблюдает за происходящими вокруг арестами, причем главным образом среди интеллигенции. Понимая, разумеется, что подобное происходит не только в Красноярске, и не исключая возможности своего нового ареста, он решил вновь поехать на Крайний Север⁶, организовав небольшую этнографическую экспедицию Красноярского краеведческого музея, по существу первую экспедицию, в которой он мог целиком отдать себя любимым этнографическим исследованиям. Много работает в Эвенкии и в других наиболее труднодоступных и малоизученных до него районах Красноярского Севера. Здесь же в одной из таежных факторий Эвенкии Борис Осипович встречает Верочку Попову — молоденькую, красивую и обаятельную учительницу, обучавшую эвенкийских детишек. Вера Гордеевна становится его женой, верным другом и на редкость самоотверженным помощником⁷.

Завершилась экспедиция, продолжавшаяся почти два года. Ученый, перенесший в экспедиции несколько заболеваний, возвращается в Красноярск. Теперь у него семья — жена и маленький ребенок. Здесь их застает война. Долгих не взяли в армию по состоянию здоровья, но он старался чем мог помогать фронту, безвозмездно участвуя в изготовлении специальных географических карт.

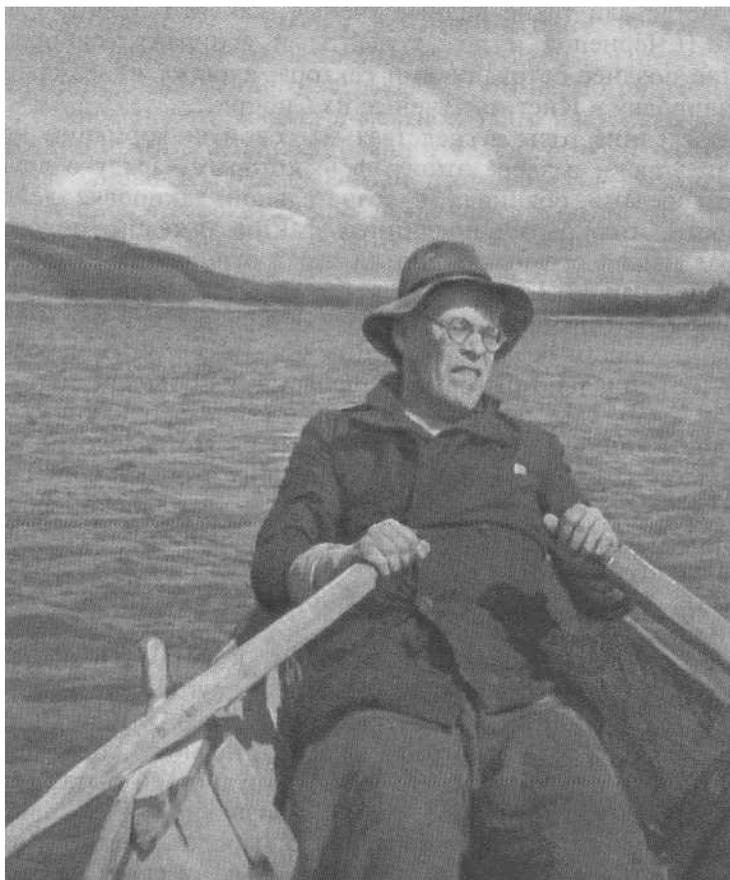
В начале 1942 г. в один из госпиталей Красноярска привозят тяжело раненного на фронте под Москвой в рядах народного ополчения проф. С.П.Толстова, известного ученого-этнографа. Он попросил ухаживающую за ним медицинскую сестру сооб-

щить об этом в местный Краеведческий музей, где, как он знал из публикаций, работает талантливый исследователь народов Севера, в слабой надежде, что тот не на войне и сможет навесить его в трудный час. Борис Осипович сразу же побывал у постели коллеги и понял, что потерявшему очень много крови и крайне обессиленному на трудном пути в санитарном поезде от Москвы до Красноярска прежде всего необходимо усиленное питание. Начал регулярно приносить в госпиталь необходимые продукты, хотя достать их можно было только на рынке. А получал Долгих всего 400 рублей в месяц, тогда как буханка хлеба стоила 100. Пришлось продавать вещи, книги... После выздоровления и перед отъездом в Москву Толстов разыскал квартиру Долгих и был буквально потрясен, как он сам мне рассказывал, нищенской обстановкой убогой комнатки, где жила семья ученого и лежала неизлечимо больная дочь.

Став директором Института этнографии в Москве, Толстов, чрезвычайно высоко ценивший знания и научный энтузиазм Долгих, его благородство, пишет ему в Красноярск письмо с настойчивым приглашением поступить в аспирантуру Института и обещанием сделать все зависящее для этого. С благодарностью приняв приглашение, Борис Осипович после многих лет жизни в Сибири возвращается в 1944 г. в Москву. Толстову действительно удается добиться зачисления Долгих в аспирантуру, несмотря на его биографию с очень серьезным политическим «изъяном», который в ту пору, казалось, был непреодолимым препятствием для положительного решения вопроса. Да и обязательного законченного высшего образования кандидат в аспирантуру, увы, не имел. Помог очень высокий научный авторитет Толстова и его влиятельные связи в руководстве АН СССР.

В тот же год в Москву переезжает и семья Долгих. Сняв крохотную комнату на окраине столицы, он начинает готовить кандидатскую диссертацию «Родовой и племенной состав населения севера Средней Сибири». В этой работе особенно ярко проявилась характерная для ученого глубина и широта подхода к анализу источников. Им были, пожалуй, впервые исчерпывающе использованы относящиеся к Северу архивные документы, которые в сочетании с материалами полевых исследований и обширнейшей литературой позволили воссоздать реальную картину расселения народов этого огромного азиатского региона.

Блестяще защитив диссертацию⁸ и став сотрудником Института этнографии в 1948 г., он продолжает свои экспедиционные изыскания у народов Севера. Ведет занятия со студентами кафедры этнографии МГУ, готовит публикации своих новых работ. Несмотря на подорванное в экспедициях здоровье, Долгих в том

Б. О. Долгих. На реке Подкаменная Тунгуска. 1948 г.

же, 1948 г., выехал в свою первую послевоенную экспедицию на Север, пригласив для изучения кетов небольшую группу из трех студентов-сибиреведов кафедры этнографии МГУ. Одним из них посчастливилось быть автору данной статьи.

С 1956 г. Борис Осипович возглавлял в Институте этнографии созданный по его инициативе сектор Севера — тогда он носил название «Сектор по изучению социалистического строительства у народов Севера». Он был организован на основе небольшой Группы Севера, созданной в структуре Института еще в 1944 г. и объединявшей нескольких энтузиастов изучения Сибири. В чрезвычайно интересных заседаниях Группы помимо Б.О.Дол-

гих участвовали такие видные ученые, как М.Г.Левин, Г.Ф.Дебец, В.Н.Чернецов и др., студенты и аспиранты-сибиреведы, ставшие позднее сотрудниками сектора, а также приезжавшие в командировку в Институт ученые из Сибири.

В последние годы в средствах массовой информации не раз звучали упреки в адрес этнографов, которых наряду с другими обществоведами обвиняли в сознательной лакировке действительности, в сокрытии подлинных фактов тяжелого положения народов нашей страны. Верно ли это в отношении этнографов, изучавших народы Севера?

Нельзя не признать, что в публикациях тех лет мы действительно не увидим реальной картины жизни северных народов со всеми их социально-бытовыми проблемами. Большинство сибиреведов, надо, увы, признать, писали в своих публикациях только о достижениях, нередко лишь мнимых. Но далеко не всегда эта была вина самих ученых, выполнявших суровый социальный заказ, нередко вопреки своей научной и гражданской совести. Что касается Бориса Осиповича, то он особенно близко принимал к сердцу беды этих народов и, несмотря на все, старался им помогать, хотя и не имел возможности делать это в открытой печати.

Еще во время экспедиции в 1948 г. к кетам Подкаменной Тунгуски он убедительно просил меня и других студентов, участников экспедиции, внимательно отнестись к изучению не только исторической этнографии народа, но и его современного положения, в особенности его нужд и трудностей быта. Тогда я и столкнулся с этими проблемами, признаюсь, очень для себя неожиданно, так как представление о народах Севера имел по публикациям и докладам тех лет, в которых ни слова не было об очень трудном положении северных этносов. В экспедиции мы познакомились с чрезвычайно тяжелым, по существу критическим состоянием суломайских (подкаменно-тунгусских) кетов: они голодали и явно вымирали!

Это исключительно интересная и во многих отношениях загадочная, самобытная этнографическая группа кетов в то время еще сохраняла многие архаические формы культуры, давно исчезнувшие у других народов Сибири. У них, в частности, наряду с чумом бытовали полуземлянки неолитического облика. В отличие от других этнотерриториальных групп кетов и их соседей — эвенков, они не знали никаких домашних животных, кроме собаки, помимо ружей еще продолжали пользоваться луком со стрелами, умели добывать огонь трением, их роды и фратрии еще играли важную роль⁹. И вот у них-то власти без колебаний изымали на общих основаниях в счет госпоставок почти всю

вылавливаемую рыбу, а соболя, добытого в тайге, отказывались принимать, запрещая на него охотиться, якобы в целях «увеличения поголовья ценного зверька». И это несмотря на то, что к 1948 г. численность соболя в местной тайге настолько возросла, что хищный зверек, пожиравший белок, резко сократил их поголовье, лишая тем самым кетов и этого объекта промысла.

Вернувшись в Москву, я сделал на кафедре этнографии МГУ доклад о поездке к кетам, в котором откровенно рассказал об ужасающем их положении, о том, что они вымирают. С ведома и согласия Бориса Осиповича мной было написано письмо о трагическом положении кетов секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову, в то время второму человеку в государственной и партийной иерархии, а также письмо о положении кетов в газету «Правда». Через некоторое время неожиданно для меня было начато мое комсомольское персональное дело. Меня обвинили в клевете на положение народов Севера, на политику правительства в национальном вопросе, в поддержке «буржуазной лженауки» генетики, в оскорблении «выдающегося ученого-биолога» Т.Д.Лысенко (о моем отношении к генетикам и Лысенко донес один из участников нашей экспедиции). Нашли и другие «грехи», в частности рассказанный мною в экспедиции анекдот о Сталине¹⁰.

Отрицательное отношение к Лысенко, которое в доверительных беседах разделял Долгих, не было для меня случайным. Позволю себе сказать об этом несколько слов. Из-за тяжелого материального положения (мой отец — профессор Московского авиационного института был как «враг народа» репрессирован и казнен в 1938 г.¹¹, нас лишили жилья, мать не имела работы) мне пришлось наряду с учебой в МГУ работать в пожарно-сторожевой охране Университета. Во время ночных дежурств я почти ежечасно совершал обходы университетских лабораторий, в том числе корпуса биологического факультета. Здесь я познакомился с крупными учеными-генетиками, которые из-за преследований и ограничений в научной деятельности были вынуждены проводить свои опыты главным образом ночью. Беседуя с ними и все больше убеждаясь в их правоте, я понял, что знаменитый Лысенко в сущности лжеученый, наносящий непоправимый вред науке, и, разумеется, очень критично отнесся к сессии ВАСХНИЛ 1948 г., о которой мы узнали по радио в экспедиции. О своем резко негативном отношении к этой сессии, поддержавшей Лысенко по инициативе «самого» Сталина, я делился с участниками экспедиции.

Персональное дело рассматривалось на комсомольском собрании студентов четвертого курса кафедры этнографии факуль-

тета 12 апреля 1949 г. А это был год яростной борьбы с «космополитизмом». Меня почти единогласно исключили из комсомола и приняли решение с требованием об исключении из МГУ. Борис Осипович, внимательно следивший за всем этим делом, тяжело переживал, встречался с моей матерью, как мог успокаивал ее, сравнивая случившееся со своей судьбой. Чтобы поддержать меня и постараться облегчить положение кетов, Долгих, несмотря на происходившее и многим рискуя, также послал телеграмму Г.М.Маленкову с просьбой вмешаться в ситуацию, сложившуюся у кетов.

И тут произошло неожиданное. Маленков направил к кетам Подкаменной Тунгуски комиссию ЦК ВКП(б). Все факты о положении кетов подтвердились. 13 мая 1949 г. я получил письменный ответ, в котором говорилось: «...Исполком крайсовета (Красноярского края. — С.В.) принял специальное решение о мерах помощи нацнаселению Суломайского, Сымского сельсоветов, в частности, кето (кетам. — С.В.) разрешена сдача всех соболей райпотребсоюзу». Кстати, это было первое постановление после войны о мерах помощи народам Севера. Неожиданным было это и для моей судьбы: в результате не только было отменено решение об исключении из Университета, но я даже получил предложение вновь выехать в экспедицию к кетам Подкаменной Тунгуски. Вторично побывав там летом и осенью 1949 г., я убедился в том, что положение кетов существенно улучшилось¹². К сожалению, на этот раз Долгих к кетам не поехал, не был он у них и позднее. Его полевые исследования велись у самодийцев в низовьях Енисея, в изучении которых ему принадлежит выдающаяся роль¹³.

Заведая сектором, Борис Осипович неоднократно обращался в высшие правительственные органы с очень тревожными записками о положении народов Севера. Приведу содержание одной из них, написанной в начале 1954 г. Сравнивая материалы переписей, он отмечает резкое сокращение численности коренных народов с 1926 по 1953 г.: энцев — на 33%, нганасан — на 26%, ненцев — на 12%. При этом он подчеркивает, что наиболее сильное сокращение численности пришлось на «самые отсталые народы — энцев и нганасанов». Далее он писал, что «совершенно катастрофично положение с движением численности коренного населения Эвенкийского национального округа», которое сократилось за это время на 39%, т.е. более чем на треть, а в Чунском районе этого округа численность эвенков уменьшилась на 56,9%, т.е. более чем вдвое. Численность кетов, сообщает далее в своей «Записке» Долгих, в Туруханском и Ярцевском районах сократилась на 30%, а суломайских (подкаменно-тунгус-

ских) кетов в Ярцевском районе — с 297 до 120 человек, т.е. на 60%. Здесь же он подчеркивает, что «суломайские кеты были очень своеобразной группой кетского народа. Они, в частности, никогда не имели оленей, и к ним следовало бы проявить максимум заботливости и внимания. К сожалению, этого не было сделано. Сейчас эта, в прошлом многочисленная и вполне жизнеспособная, часть кетского народа находится на грани исчезновения. Практически на грани исчезновения находятся и энцы...»¹⁴.

Здесь же Долгих опровергает «теорию» о вымирании народов Сибири после их присоединения к России. Он отмечает, что «после прихода русских в Сибирь коренные жители насчитывали около 230 тыс. человек, а в 1926 г. их было уже 800 тыс., т.е. их численность возросла более чем в 3 раза!»¹⁵.

Ученый оспаривает утверждение о том, что сокращение численности народов Севера неизбежно связано с кочевым образом их жизни, и указывает на основные факторы этого процесса в советское время: недостаточное питание, широкое распространение туберкулеза, неумеренное потребление спирта, плохие одежда и обувь. Он приводит жалобы местных жителей-колхозников: «Доходов от работы в колхозах не хватает на жизнь, тяжелые планы заготовки рыбы и низкие приемные цены на рыбу, невозможность заготавливать рыбу для себя, принудительное поселение в колхозных центрах и невозможность жить в тайге и тундре по-старому, обсчеты в конторах колхоза и магазинах и др.». Отмечает и то, что «местные организации заботятся о себе и приезжих, забывая о местных жителях и их нуждах»¹⁶.

Борис Осипович приходит к выводу о необходимости коренного пересмотра всего, что делается для народов Севера, и признания того, что до сих пор работа по подъему экономики и культуры народов Севера шла по неправильному пути. Он выдвигает целый ряд предложений¹⁷. К сожалению, большая их часть не реализована до сих пор. Примечательно, что эта записка правительству написана не в годы перестройки, а за 30 лет до ее начала!

По инициативе Б.О.Долгих все сотрудники созданного им сектора должны были в докладных записках четко и правдиво информировать о всех проблемах жизни народов Севера. Практика написания подобных записок стала обычной и сохранилась и после смерти ученого. Благодаря этой работе условия жизни северных народов в какой-то мере улучшились, так как «Записки» были использованы правительством при подготовке ряда важных постановлений о помощи народам Севера.

Борис Осипович был поистине интеллигентным человеком, вдумчивым и заботливым наставником своих учеников. Нас,

учеников Долгих, всегда поражала его готовность помочь, разделить поровну с ним тяготы жизни. Маленький, но показательный пример. Во время экспедиции к кетам в 1948 г. нам предстояло пройти от устья Подкаменной Тунгуски до кетского поселка Суломай (Черный остров) десятки километров вверх по течению таежной реки. В то время здесь не ходили даже катера, не было ни авиации, ни комфортабельных судов на подводных крыльях, столь характерных для наших дней. Все экспедиционное имущество было сложено в дощатую лодку, которую нам пришлось тащить против течения стремительной реки, пользуясь веревкой, подобно бурлакам двигаясь по заваленному буреломом каменистому берегу. Труд этот был не из легких, и потому мы предложили тащить лодку по очереди, освободив от этого нашего начальника. Но немолодой уже и не вполне здоровый Борис Осипович категорически отверг наше предложение и тащил суденышко наравне со всеми.

В первые послевоенные годы многие жили очень бедно. Семья Б.О.Долгих не была исключением. Мне пришлось бывать у него в те годы. Он ютился в крошечной клетушке в полуразвалившемся то ли доме, то ли сарае на окраине Москвы. Столом служил перевернутый фанерный ящик. Дети спали на полу. Тем не менее, выезжая в экспедицию, Долгих купил кетам в качестве подарков из своих скудных средств ведра, кастрюли, да и нам помогал чем мог. Почти неделю пришлось нам в ту пору ехать до Красноярска, а потом неделю на колесном пароходе до Подкаменной Тунгуски, и все это время Долгих занимался с нами, детально знакомя с методикой полевой работы, которую мы в МГУ практически не изучали.

Борис Осипович принимал к сердцу судьбы своих студентов. Именно он, узнав, что вопреки рекомендации кафедры этнографии мне было отказано в праве подачи документов для поступления в аспирантуру, посоветовал просить распределительную комиссию МГУ послать меня на работу в Сибирь, желательно к тувинцам, которые были еще очень слабо изучены. Я получил назначение в Тувинский краеведческий музей в г. Кызыле. Все 10 лет, что я жил в Туве, он постоянно переписывался со мной, посылал книги, статьи, давал советы, помогал публиковать мои материалы в изданиях Института этнографии. Вот несколько слов из его письма ко мне в 1950 г.: «Вы пишете, что без приключений, перевалив Саянские хребты на попутном грузовике, добрались наконец до Кызыла. Что были рады начать сразу же работать в музее, но оказалось, что его фактически нет. Надо заново создавать экспозицию, а штат — всего три человека, что нет жилья и не предвидится. На научную работу времени нет

совсем. Я убежден, что все постепенно образуется. Ваше положение все же лучше, чем могло быть в сложившейся ситуации. Работать в сибирском музее и спокойно вести стационарные исследования — большое благо для этнографа, только так можно по-настоящему изучить народ. Используйте это, насколько можно. Чрезвычайно заманчиво изучить все стороны тувинского быта и его родо-племенной состав, проблему тувинского "рода", подготовить материалы для большой работы по этногенезу. Не сомневаюсь, что это вам по силам. Все трудности, с которыми вы столкнулись, преодолимы в молодые годы. От всего сердца желаю успехов».

О Борисе Осиповиче как о человеке и гражданине говорит, в частности, и такой факт. В начале августа 1968 г. он с женой поехал отдыхать в Прибалтику, жил вблизи Риги, которую любил с детства. Уезжая, он чувствовал себя хорошо, с радостью делился со мной мыслями о «пражской весне». А вернулся из Риги в начале сентября больной (гипертонический криз) и необычайно угрюмый. Вера Гордеевна рассказала, что внезапное ухудшение здоровья у мужа началось сразу же после того, как он узнал, что наши танки вошли в Прагу. Потрясенный этим известием, он не мог прийти в себя.

Гражданское мужество и принципиальность сочетались у Бориса Осиповича с добрым, душевным отношением к своим коллегам, редкой простотой и тактичностью в обращении с людьми, почти детской застенчивостью и, казалось бы, странным увлечением серьезным коллекционированием оловянных солдатиков и флажков разных стран и народов, которое, как он говорил, позволяет ему отвлечься от всех мирских тревог. А их было так много на его веку.

Но, несомненно, самую большую радость приносили ему успехи в научном творчестве, даже самые, казалось бы, небольшие открытия, в особенности неожиданные находки при работе с архивными документами. Вспоминается период его работы с архивами над обширной историко-этнографической проблемой расселения отдельных родов и племен в разных регионах Сибири. Не могу забыть, как в один из вечеров Борис Осипович пригласил меня в гости, и едва я вошел в прихожую, как встретивший меня хозяин, после первых приветствий, лукаво и многозначно улыбнувшись, спросил: «А вы знаете, где были основные места расселения тунгусского рода Лакшикагир?» Признаюсь, в ту пору я даже не знал, что такой род существовал у тунгусов, и честно в этом признался. «Странно, — сказал Долгих, — ведь был-то этот род не какая-то замухрышка, а ответвление самого рода Кантегир!» И дальше уже совершенно серьезно до-

бавил: «Вчера мне удалось наконец-таки установить, что жили они, где бы вы думали? По соседству с рекой Витим, в верховьях реки Чары. Но пока, к сожалению, выявить реальную территорию обитания рода Кантегир еще не смог, хотя и перелопатил кучу документов. Это от меня не уйдет. Поверьте, в следующий ваш приход покажу на карте». Он подвел меня к большой, начерченной от руки карте Сибири от берегов Тихого океана до Урала, висевшей на видном месте на стене, где были аккуратно отмечены цветными карандашами территории расселения родов, выявленных им в ходе его повседневной кропотливой работы. «Вот они, земли лакшикагирцев», — говорил Долгих, показывая указкой на маленькой кусочек земель великой Сибири. И в глазах его прыгали радостные огоньки.

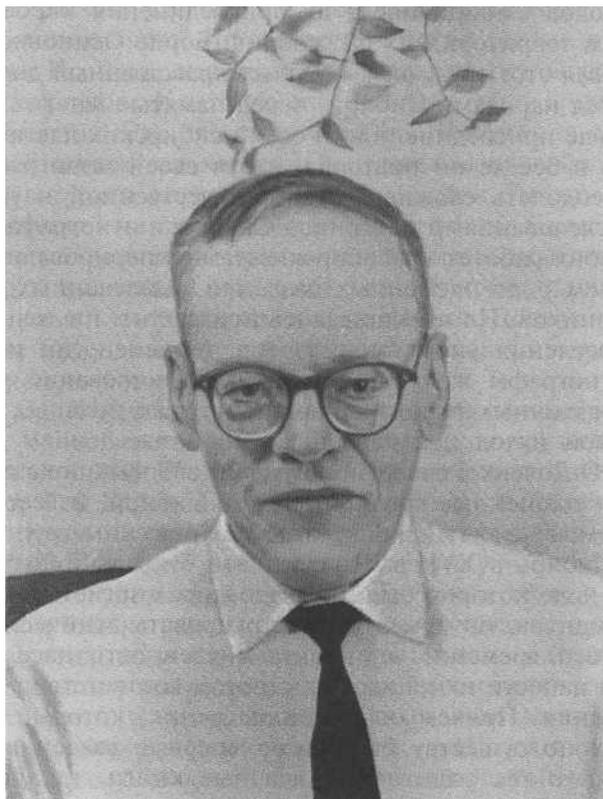
Борис Осипович чрезвычайно ценил в людях доброту, порядочность, способность прийти на помощь в трудную минуту, даже рискуя своим положением. Крупнейший отечественный антрополог Г.Ф.Дебец часто бывал у него в гостях, знал его нелегкую, полную драматизма судьбу. В 1948 г. он был единственным, кто провозжал на вокзале нашу группу в экспедицию на Подкаменную Тунгуску. Я знал Г.Ф.Дебца в те годы лишь по литературе и близко увидел его впервые. Душевное прощание не только с Долгих, но и с каждым из нас вызвало у меня глубокую симпатию к этому маститому и в то же время простому в обращении человеку, и я поделился своими чувствами с Борисом Осиповичем. Хорошо помню как он, неожиданно помолчав, сказал: «Да это благородный, даже благороднейший человек. Совсем недавно я узнал, что, когда в 1938 г. арестовали сотрудника ленинградской части Института этнографии А.Н.Липского, осудили и он находился в заключении в Сибири, многие сослуживцы тут же от него открестились. А вот Дебец, несмотря на террор тех лет и охвативший страну страх, сумел выяснить, где отбывает наказание Липский, и почти каждый месяц отправлял ему продуктовые посылки». Несколько лет спустя, встретив А.Н.Липского в Абакане, где он жил и работал после заключения, я вспомнил об этом разговоре. «О да, Дебец был единственным человеком из Института, кто помнил обо мне, хотя мы и не были друзьями. Его посылки помогли мне тогда выжить», — подтвердил собеседник. И повторил: «Единственным!»¹⁸.

Вклад Долгих в этнологию, особенно в изучение этнической истории и фольклора сибирских народов, поистине огромен. Прежде всего следует сказать о его главном детище — фундаментальной монографии «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.»¹⁹. Он шел к ней всю свою жизнь. До этого труда историческая наука не имела ясного представления о со-

ставе народов Сибири после их присоединения к России, численности и территории их расселения. Борис Осипович говорил, что, создавая этот труд, он выполняет нравственный долг русской науки перед народами Сибири, перед памятью многих канувших в Лету после присоединения к России сибирских племен.

Не раз в беседе он повторял, что в своей монографии стремился преодолеть сложившийся в отечественной науке разрыв между исследованиями историков Сибири и этнографами. Историки в своих работах на сибирские темы оперировали большим количеством родо-племенных названий, извлеченных из архивных источников. Но им оставались неизвестны ни точная территория расселения упомянутых родов и племен, ни их численность. Этнографы же устанавливали существование у народов Сибири различных родов и племен, но, как правило, не могли связать свои находки с первоначальным населением Сибири в XVII в. Б.О.Долгих в своей монографии впервые показал, что все родовые и племенные группы народов Сибири, известные ныне этнографам, восходят к конкретным этническим группам, населявшим Сибирь в XVII в. В результате буквально титанической работы, в ходе которой были исследованы многие тысячи архивных документов, он сумел реконструировать этнический состав Сибири того времени, установить численность населявших ее народов и нанести их на карту в строгом соответствии с ареалом их расселения. Причем основной источник, который в указанных целях по существу был также впервые введен в научный оборот, — это так называемые ясачные книги, т.е. документы, которые скрупулезно составлялись русскими властями в Сибири в XVII в. для собирания со всего взрослого населения налога — ясака пушшиной. Сведения ясачных книг Долгих тщательно проверял и дополнял всеми имевшимися в распоряжении науки источниками. Для установления численности населения по ясачным книгам он предложил разработанный им новый метод, введя в употребление систему коэффициентов. Коэффициент 4 (один платательщик ясака рассматривался как член семьи из четырех человек) он предложил для определения численности охотников, рыбаков и оленеводов таежной и тундровой зоны, а коэффициент 5 — для подсчета численности скотоводов степной и лесостепной зоны.

После опубликования этого труда подобный метод определения численности широко использовали многие исследователи. Ряд авторов, опираясь на проведенные ими разработки, поддерживали целесообразность использования предложенных коэффициентов. В частности, В.А.Туголуков подтвердил их на материалах ясачной переписи, внося некоторые уточнения, в особенно-

Б. О. Долгих. 1967 г.

сти в отношении жителей лесостепной зоны²⁰. Но вполне очевидно — метод, предложенный Долгих и блестяще использованный им в своей работе, сыграл определяющую роль в изучении численности народов Сибири после ее присоединения к России²¹.

Чтобы дать представление о том, в каких нелегких условиях ученый долгие годы исследовал бесчисленные архивные источники, хотелось бы рассказать лишь об одном эпизоде. Когда я начал работать в Центральном архиве древних актов над знаменитыми «Портфелями Г.Миллера», ко мне подошел пожилой работник архива и спросил, знаю ли я Б.О.Долгих. Получив утвердительный ответ, попросил передать ему привет, добавив, что таких влюбленных в науку и свой труд людей он никогда не встречал в стенах архива, хотя проработал здесь почти всю

жизнь. И рассказал, что во время войны в архиве не топили, было холодно и почти никто сюда не ходил. Но Долгих в 1944 г. являлся ежедневно к открытию и сидел в пальто и шапке до закрытия. Он съедал кусок хлеба, запивая его кипятком, которым его угощали работники архива. Это был его обед. И все это время он сидел не разгибаясь над документами, выписывая нужные сведения на листки бумаги, подчас из школьных тетрадей.

Перу ученого принадлежит большое число ценнейших этнографических исследований²². Среди них труды по этногенезу и этнической истории ряда сибирских народов, притом не только северных, но и южных, в частности бурят²³, работы по проблемам верований и культов, материальной культуре, социальной организации и фольклору. Среди работ, которые нельзя не отметить, великолепно написанные разделы коллективной монографии об общественном строе народов Северной Сибири²⁴ и многие другие, в том числе изданные посмертно.

Ученый щедро делился с коллегами своими находками и открытиями в архивах, посылал свои архивные изыскания, относящиеся к истории «минусинских татар» Л.П.Потапову, передавал мне материалы о тувинцах, об исторических границах расселения отдельных племен на сопредельных территориях в XVII в. Одно из таких наблюдений стало предметом нашей совместной статьи²⁵.

Без преувеличения можно утверждать, что труд Долгих о народах Сибири в XVII в. был наиболее выдающимся исследованием в сибиреведении, выполненным в нашем столетии. И здесь нельзя не сказать с чувством глубокого сожаления, что этот действительно выдающийся вклад в науку не получил в свое время соответствующей оценки у руководства Института этнографии: его труд даже не выдвинули на Государственную премию, которую он, несомненно, заслужил. Однако нельзя не согласиться со словами одного из учеников Долгих, что в конечном счете в признании народа, который изучает этнограф, и заключается главное счастье ученого, высшая оценка его труда. И действительно, много лет спустя после исследований Долгих старик ненец говорит ведущему опрос этнографу: «Ты Бориса спроси. Вот кто расскажет. Он о наших людях хорошо знает. Может, как я знает...» «Может, больше», — тихо добавляет другой старик²⁶.

Борис Осипович был истинным бесребреником, бескорыстным, щедро отдававшим все лучшее, что ему было даровано жизнью, науке. Ныне это кое-кому из активистов «научного рынка» наверняка не понять. После смерти всемирно известного ученого, автора многих выдающихся трудов — гордости отечественной науки, в семье не осталось даже мало-мальских сбереже-

ний, и его жена (умерла в 1994 г.), получавшая вместе с неизлечимо больной дочерью нищенскую пенсию, была вынуждена работать почти до конца жизни вахтером в подъезде своего дома.

В канун нового, 1972 г. наступил последний день в жизни Учителя. Вера Гордеевна пригласила его учеников — В.И.Васильева, В.А.Туголукова и автора этих строк проститься с мужем, который, как ей сказали врачи, находится в критическом состоянии, сохраняя тем не менее ясное сознание. Мы сразу же пришли в больницу АН СССР. Состоялась наша последняя беседа. Мы не услышали ни слова жалобы, хотя больной предчувствовал свой приближающийся уход. Скрывая физические страдания, он неспешно и мудро говорил о будущем сибиреведения, о судьбе своего научного наследия и глубоко сожалел о неосуществленных замыслах: «Эх, мне бы еще два года жизни!». Он завещал нам хранить и укреплять традиции сектора, заслуженно ставшего, по его мнению, наряду с нашим Ленинградским отделением авторитетнейшим центром этнографического сибиреведения, просил неустанно проявлять заботу о народах, которым мы все посвятили свою жизнь. Перечислив после долгих вынужденных пауз все наиболее сложные, узловые проблемы этнической истории Сибири, ждущие еще своих исследователей, он пожелал нам успехов на этом нелегком пути. Через три часа после этой беседы Бориса Осиповича не стало.

В тот скорбный и холодный предновогодний вечер, 31 декабря 1971 г., Отечество потеряло большого, очень честного ученого и гражданина, подвижника, в высшей степени интеллигентного и доброжелательного человека, до конца свободного от мелочного и суетного тщеславия.

¹ См.: *Вайнштейн С. И.* Борис Осипович Долгих: дни и деяния подвижнической жизни. — ЭО. 1992, № 1, с. 119—129.

² В. В. Бунак рассказывал автору в начале 70-х годов, что отлично помнил Бориса Долгих — скромного, даже застенчивого, бедно одетого студента, регулярно посещавшего все «сибирские» заседания, который в своих кратких, но всегда емких и четких выступлениях по докладам маститых исследователей поистине удивлял его — тогда одного из самых молодых профессоров МГУ (в 1926 г. В. В. Бунаку исполнилось лишь 35 лет) своими глубокими познаниями по этнографии народов Северной Евразии.

³ *Долгих Б. О.* Население Таймыра и прилегающего к нему района. — Северная Азия. 1929, № 2, с. 49—76.

⁴ *Долгих Б. О.* Кеты. Москва—Иркутск, 1934, с. 3.

⁵ *Долгих Б. О.* Легенды и сказки нганасанов. Красноярск, 1938.

⁶ Касаясь событий, связанных с этой поездкой, Долгих в одной из бесед со мной пошутил: «Я тогда прекрасно понял, что наступило время, когда в Сибири лучше быть на Севере диком, чем на освоенном Юге».

⁷ Впоследствии он посвятил жене книгу «Очерки по этнической истории ненцев и энцев» (М., 1970), написав: «Вере Гордеевне Поповой — жене и другу

посвящаю» (с. 5). Я сохранил запись романтической истории, рассказанной мне Борисом Осиповичем, о том, при каких обстоятельствах он предложил В. Г. Поповой стать его женой: «В нашем экспедиционном маршруте по Эвенкии приехали мы с товарищем на одну из факторий. Там я познакомился с очень юной, обаятельной Верочкой Поповой, работавшей учительницей в местной школе, и, буквально влюбившись с первого взгляда, понял, что именно она должна быть моей женой. Но сделать предложение в походных условиях экспедиции почему-то не решился, отложив ответственный разговор до следующего приезда в эти края. Через несколько дней, двигаясь на оленьей упряжке, мы встретили палатку геологов. Нас пригласили заночевать в одной из них. Но мне никак не удавалось уснуть: постоянно думая о Верочке, я продолжал укорять себя за нерешительность. Не спали почему-то, перешептываясь, и наши гостиепримные хозяева. Вдруг я отчетливо слышу слова одного из них: "Знаешь, друг, завернемка завтра утром пораньше на факторию обратно. Твердо решил предложить Верочке стать женой. Олени отдохнули, к обеду доберемся". Его засыпавший коллега тихо ответил: "Бог с тобой. Отдохнем сами и поедем, если не будет пурги". Я сразу понял, о ком речь, и тут же разбудил товарища, предложив немедленно запрягать оленей и ехать обратно на факторию, не откладывая до утра, тем более что ночь лунная. Распрошавшись с геологами, очень удивленными нашим внезапным отъездом, мы двинулись в обратный путь. Оленей гнали не жалея. Утром, еще до начала занятий в школе, мы зашли к Верочке домой. Она очень удивилась нашему внезапному приезду, но призналась, что верила в мое возвращение, призналась, что влюблена. Почти не раздумывая, согласилась стать моей женой. Я и Верочка в то же утро зарегистрировали наш брак. К вечеру приехали знакомые нам геологи; встретив их, я предложил познакомиться с моей женой — Верой Гордеевной Поповой. Можете представить себе их удивление! С этого дня мы с Верой Гордеевной не расставались». Позднее Вера Гордеевна, познакомившись с моей записью рассказа Б. О. Долгих, сказала, что в нем есть, к сожалению, неточности, однако не уточнила, какие именно. Тем не менее думаю, что эта запись представляет интерес, достаточно ярко рисуя романтический характер Бориса Осиповича.

⁸ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири. — КСИЭ. М., 1949, вып. 5, с. 70—85; *он же*. Племена Средней Сибири в XVII в. — Там же, вып. 7.

⁹ Помимо отмеченной выше монографии 1934 г. кетам был посвящен ряд других публикаций Б. О. Долгих: Родо-племенной состав и расселение кетов. — Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета. М., 1950, вып. 9; Старинные землянки кетов на реке Подкаменная Тунгуска. — СЭ. 1952, № 2; Некоторые данные о заключении брака и свадебном обряде у кетов в прошлом. — КСИЭ. 1952, вып. 16; О похоронном обряде кетов. — Советская археология. 1961, № 3.

¹⁰ Анекдот: «Какая разница между оптимистом и пессимистом? Пессимист говорит, что если Сталин умрет, будет еще хуже. Оптимист возражает — хуже быть не может». Узнав, что мне вменяется в вину этот анекдот, действительно рассказанный в присутствии всех членов экспедиции у костра на берегу Подкаменной Тунгуски, Долгих очень огорчился и настоятельно посоветовал на предстоящем собрании отрицать только этот факт, ибо за такой анекдот наверняка посадят. На комсомольском собрании 12 апреля 1949 г. я так и поступил: признал все свои высказывания о вымирании кетов и лжеученом Лысенко, но категорически отрицал, что рассказывал анекдот о Сталине, и предложил тому, кто его якобы услышал от меня, здесь же на собрании подтвердить это в моем присутствии. Руководившие собранием партийно-комсомольские лидеры нашего курса, которые, выступая по этому «делу», не жалели в своих оценках моей «антисоветской» деятельности самых страшных ярлыков и не гнушались

явно политической клеветой, были растеряны. Никто из присутствующих не решился публично подтвердить свой донос, и это обвинение было здесь же снято. На том же собрании рассматривалось и персональное дело В.Р. Кабо (студента нашего курса, этнографа, ныне живущего в Австралии). Он обвинялся в том, что в археологической экспедиции каким-то образом, опять же у костра, при всех иронически высказался о «вожде». Кабо, помнится, тогда получил лишь комсомольское взыскание, но позднее был арестован, осужден и ряд лет провел в тюрьме и лагере. Насколько же был прав Б. О. Долгих со своим советом!¹¹ См.: *Вайнштейн С. И.* Судьба моего отца. — Вопросы философии. 1989, № 3, с. 160—162; *он же.* Вайнштейн Израиль Яковлевич. — Философы России XIX—XX столетий. М., 1995, с. 101—102.

¹² По результатам экспедиции к кетам Подкаменной Тунгуски в 1948 и в 1949 гг. мною под руководством С.А. Токарева была защищена дипломная работа о культуре и быте кетов, а также опубликован ряд статей, при подготовке которых я пользовался консультациями и советами Б.О. Долгих: *Вайнштейн С. И.* Культура и быт кетского колхоза имени Сталина. — КСИЭ. 1950. Вып. 11, с. 60—69; *он же.* К вопросу об этногенезе кетов. — КСИЭ. 1951. Вып. 13, с. 3—7; *он же.* Чум подкаменнотунгусских кетов. — КСИЭ. 1954. Вып. 21, с. 7—43.

¹³ На основе своих полевых материалов, архивных и иных источников Б.О. Долгих изучил этнические процессы, протекавшие у ненцев, энцев и нганасан как в современных условиях, так и в последние столетия. Исследуя родовой состав сибирских энцев и ненцев, Долгих подробно анализирует расселение, численность родов и связанные с этим другие проблемы. Рассматривая вопрос о южной прародине самодийцев в Саянах, он подчеркивал, что этническая история маленьких северосибирских народов не только отражает ранние этапы развития человечества в Евразии, но и является источником для понимания этнических миграционных процессов на этих огромных территориях. Основные труды Б.О. Долгих о северосамодийцах: Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970; Родовая экзогамия у нганасан и энцев. — Сибирский этнографический сборник. М., 1962. Т. 4; Мифологические сказки и исторические предания энцев. — ТИЭ. Нов. сер. М., 1962. Т. 75; Тамги нганасанов и энцев. — КСИЭ. 1957, вып. 27; О родовом составе и расселении энцев. — СЭ. 1946, № 4; Проблемы этнографии и антропологии Арктики. — СЭ. 1964, № 4; Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени. — КСИЭ. 1954, вып. 20.

¹⁴ *Долгих Б. О.* Население районов крайнего Севера Красноярского края (1954). Архивная публикация подготовлена С.И. Вайнштейном. — Институт этнологии и антропологии РАН. Полевые исследования. Нов. сер. 1993. Т. 1. вып. 2, с. 125 и сл.

¹⁵ Там же, с. 128—129.

¹⁶ Там же, с. 131.

¹⁷ Там же, с. 138—141.

¹⁸ Альберт Николаевич Липский (1890—1973) был одним из крупнейших этнографов — исследователей народов Амура. В 1938 г. его репрессировали по сфабрикованному политическому обвинению в тот момент, когда экспедиция Института этнографии АН СССР, которой он руководил была на пути к нанайцам. После XX съезда КПСС реабилитирован. Последние годы жизни провел в Абакане, работал в Хакасском областном краеведческом музее, занимаясь главным образом археологическими раскопками, причем сделал ряд важных открытий в области древней истории Южной Сибири.

¹⁹ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

²⁰ *Тугалюков В. А.* Об определении численности коренного населения Северной Сибири в XVII в. — СЭ. 1981, № 2, с. 122—124.

²¹ *Емельянов Н. Ф.* Этнический и численный состав коренного населения Томского края в XVII — первой половине XIX в. — Из истории Сибири. Томск, 1975, вып. 17, с. 99—100.

²² Библиографию трудов Б. О. Долгих см.: СЭ. 1972, № 2, с. 178—179.

²³ *Долгих Б. О.* Некоторые данные к истории образования бурятского народа. — СЭ. 1953, № 1.

²⁴ Общественный строй у народов Северной Сибири XVII — начала XX в. М., 1970 (Б. О. Долгих — ответственный редактор и автор трех глав).

²⁵ *Вайнштейн С. И., Долгих Б. О.* К этнической истории хакасов. — СЭ. 1963, № 2, с. 93—97.

²⁶ *Васильев В. И.* Открытие самодийского мира. — СЭ. 1976, № 4, с. 156.

**Нина Ивановна Гаген-Торн —
ученый, писатель, поэт**

Жить — для меня значит что-то сделать,
вложить себя в поток человеческой культуры.

Н. И. Гаген- Торн

Нина Ивановна Гаген-Торн (1900—1986), плоть от плоти пиетерской служилой интеллигенции, этнограф, мыслитель, поэт, литератор — женщина незаурядного ума, воли, характера, да и внешности тоже — прожила долгую, трудную, но яркую жизнь.

«Этнограф, что называется, милостью Божьей, — пишет о ней А.М.Решетов, — хотя, пожалуй, не было такой области человеческих знаний, культуры, которые бы не заинтересовали ее по-настоящему, глубоко и серьезно»¹.

Все ее ипостаси — грани одного кристалла, рассматривать лишь одну какую-нибудь — делать объемное плоским. Она была сильным и смелым человеком, смелым физически и духовно. Помню, еще в детстве она внушала мне, что самая большая смелость — это смелость мысли. И этой смелостью она обладала вполне. Что бы ни составляло предмет ее размышлений, ее соображения всегда были новыми и часто неожиданными. Она писала, что ее старший друг и учитель — писатель, поэт и теоретик символизма Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый) умел показывать мир разными гранями, играя им, как гранями кристалла, показывая Неведомое. Такой же многогранностью, но иначе направленной, обладала и она. Очень многое из впервые высказанного ею кажется сейчас общеизвестным, автор забыт. Но тогда это казалось новым и воспринималось с осторожностью, если вообще воспринималось.

Такой человек просто не мог не попасть в лагерь. И она была там дважды, оба срока по пять лет (первый пересидела — получилось шесть), да вдобавок ссылка на Енисей после второго срока.

Родилась Нина Ивановна в Петербурге. Выписка из церковной книги за 1901 г. «церкви Смоленская Божия Матери, что при Императорской Военно-Медицинской Академии», храня-

шаяся в моем архиве, гласит: «Декабря 2-го рождена, а Февраля 3-го крещена Нина. Звание, имя и фамилия родителей: ассистент хирургической клиники, надворный советник Иоанн Эдуардович Гаген-Торн и законная жена его Вера Александровна, он лютеранского, а она православного вероисповедания, оба первым браком».

Предки Нины Ивановны, начиная с прадеда, шведского дворянина Дэвида Гаген-Торна, бежавшего в Россию после какой-то дуэльной истории, почти все были медиками или военными инженерами. Российское дворянство имели хотя бы в силу своих чинов: надворный советник, статский советник, тайный, действительный тайный. В ежегодных справочниках «Весь Петербург» их встречается много: дед Нины Ивановны кронштадтский «одноногий доктор» Эдуард Давыдович и все многочисленные дяди — семья была большой. В справочнике за 1917 г. значится и Иван Эдуардович Гаген-Торн, действительный тайный советник, профессор Военно-медицинской академии, заведующий хирургической клиникой барона Виллие, консультирующий хирург Крестовоздвиженской общины и Управления железных дорог.

Нина выросла на берегу Финского залива. С младенческих лет ее семья каждое лето проводила в лоцманском селении Лебяжье, в двадцати верстах от Ораниенбаума, один год (1906) — в Куоккале, а с 1910 г. — в Приморском Хуторе (ныне часть поселка Большая Ижора). Старый деревянный дачный дом стоит до сих пор. Здесь прошли детство и юность Нины. Она залезала на сосны в дюнах, ездила верхом, ходила в море на байдарке, к ужасу теток, старших сестер отца, пытавшихся опекать семью младшего брата. И закалка этой вольной мальчишеской жизни, крепкое физическое и нравственное здоровье очень помогли ей в дальнейшем, в ее трудной судьбе. «Для меня детство встает из запаха сосен, вереска, солоноватой воды Финского залива, — писала она. — В городе для меня почти не чувствовалось жизни...»².

Еще в детстве Нина Ивановна близко познакомилась с жизнью и бытом ингерманландской деревни: в километре от Приморского Хутора была финская деревня Сагомиле, а рядом, на другом берегу речки, ижорская деревня Большая Ижора с церковью и начальной школой. Ижорцы — православные, говорят по-русски, а сагомилецы — лютеране, говорят по-фински. Отец Нины Ивановны всегда бесплатно лечил крестьян обеих деревень, а в экстренных случаях ездил по вызову в деревню. И очень часто его сопровождала Нина — «ассистентик мой будущий». Семью хорошо знали в округе. Не случайно одна из первых печатных работ Нины Ивановны посвящена описанию бабьего праздника у ижор³.

Были и поездки с родителями за границу: Италия, Швейцария, Германия, Франция. На о. Капри посетили Максима Горького (сохранились воспоминания о детских впечатлениях от этой поездки, но больше всего запомнился не сам Горький, а жившая у него полуручная ворона).

А в городе была гимназия. «Сначала либеральнейшая, с оттенком демократизма гимназия Стоюниной, — вспоминает Нина Ивановна. — Ходили все девочки в голубых сатиновых халатах и легких тапочках, которые оставались в гимназии. Преподавали великолепные учителя: Н.О.Лосский, муж дочери Марии Николаевны Стоюниной, читал в VIII классе логику, а Ив.Ив.Лакрин — психологию. Стоюнинки гордились своей гимназией и своей свободой общения. Детей не стесняли»⁴.

Затем семья переехала на Бассейную улицу, в «кадетскую крепость», как называли эти кооперативные дома, где жила обеспеченная профессорская интеллигенция. Иван Эдуардович стал к этому времени профессором Военно-медицинской академии, а дочь была переведена в гимназию княгини Оболенской, менее либеральную, но не менее серьезную педагогически. Как свидетельствует сама Нина Ивановна, в гимназические годы закладывалось то, что «стало потом фундаментом моей молодости, ее трудностью и ее силой. Пожалуй, это было чувство свободной уверенности в себе, в праве быть самим собой и идти своим путем, обязательно раскрывающим впереди горизонты»⁵.

Зимой 1916—1917 г. среди учащихся возник свой союз — Организация средних учебных заведений — ОСУЗ. И хотя ОСУЗ, как вспоминает писатель Лев Успенский, «вполне закономерно оказался мильным пузырем, организацией липовой, игрушечной, временной, не намного пережившей Временное правительство»⁶, роль его в личной жизни членов Управы оказалась чрезвычайной. В Управу этого союза и вошла Нина. А на следующий год, когда восьмиклассники окончили школу и ушли, «осенью была избрана вторая Управа ОСУЗа... Председательницей новой Управы оказалась белокурая, голубоглазая, решительная Нина Г., дочка известного военного хирурга... Девушка решительная и категоричная в суждениях, быстрая если не "на руку", то на словесное воздействие на управцев, да к тому же обладавшая весьма на них влиявшей внешностью, Нина Г. тогда напоминала то ли персонаж из скандинавских саг и преданий — юную кайсу, то ли этакую григовскую Сольвейг»⁷.

Еще немного об ОСУЗе. По словам того же Успенского, Управа первого созыва пыталась стоять на чисто академической платформе: «Мы учащиеся. Чтобы разобраться в политических задачах, нам надо прежде всего закончить образование. Это —

Н. И. Гаген-Торн—
гимназистка выпускного класса. 1916 г.

единственное, чем мы можем принести пользу народу». Второй созыв Управы был значительно левее. Политической платформы не было, впоследствии некоторые осузовцы стали левыми эсерами, некоторые — большевиками, а кое-кто и кадетами⁸.

Возвращаясь к записям Нины Ивановны: «Сложнее и труднее у интеллигентских подростков, сплошь интеллигентских, даже рафинированно интеллигентских, проходил этот переход от Старого мира в мир Неведомый. О, конечно, мы с радостью растапывали Старый мир, мы были уверены, что будем создавать социализм. Но создавать на парламентский манер, своими ин-

теллигентскими руками... Я усердно топила... печь в каком-то холодном классе, где была наша база, и "входила в контакт с организацией учителей". Они были растеряны, старые и глубоко деликатные в своих проявлениях интеллигентны... А мы не были растеряны: мы наслаждались стремительностью шторма и организованностью своих выступлений. Мы не вполне знали, за что следует бороться, но были восхищены своей организацией, правом выпускать газету "Свободная школа", своей шестнадцатилетней зрелостью»⁹.

Наряду с общественными были духовные интересы. Предреволюционной зимой 1916—1917 г. Нина увлеклась философией Владимира Соловьева. Произошло это так: «Отец мой, как полагалось просвещенному медику и кадету, был атеистом. А я, по исконной традиции русской культуры, довольно рано стала искать выхода в антитезу. Это — обычное явление русской культуры: "отцы и дети". Но, воспитанная в атеизме семьи, уже к двенадцати годам я к церкви относилась скептически, а к Закону Божьему, преподаваемому в гимназии, тем более. В нашем классе было просто плохим тоном всерьез относиться к урокам Закона Божьего. Не помню, в шестом или седьмом классе появился у нас новый законоучитель отец Иоанн Егоров. Он знал, конечно, об отношении к его предмету... Трудно, вероятно, приходилось отцу Иоанну. На кого опереться? И верно, был он не только образованный, но и неглупый, не склонный к рутине человек. Не знаю уж как, но он все же сумел найти подход и однажды, не без труда преодолевая вежливый, но явный скептицизм, начал рассказывать нам о работе Владимира Соловьева "Три разговора"... Он так пересказал нам эти "Три разговора", что мы сидели, затаив дыхание, забыв все, видя только блистательные образы "доктора Паули" и "белого, как свечка, отца Иоанна". Батюшка назвал нам и имя автора — Владимир Сергеевич Соловьев, профессор университета»¹⁰.

Вскоре с визитом пришла пациентка Ивана Эдуардовича и, узнав, что Нина интересуется Владимиром Соловьевым, подарила к Рождеству собрание сочинений этого философа. «Я набросилась на "Три разговора". И — вступила в неведомый мир. Бессознательно, бунтарски мне был неприемлем отцовский позитивизм, не устраивали предлагаемые мне услужливо Бокль или Спенсер и... разговоры достопочтенного Петра Бернгардовича Струве, бывавшего у нас дома»¹¹.

Затем наступило увлечение Блоком. «Летом 1916 года Виталий Бианки дал мне томик Блока, а его старший брат, Анатолий Бианки, — нелегальные брошюры. Блок был, безусловно, важнее и

интереснее. И он сразу, еще бессознательно, был угадан в сиянии Соловьева»¹².

Весной 1918 г. школа была окончена, и осенью Нина поступила в Университет, на отделение общественных наук. «...Мне казалось самым насущным, — вспоминает она, — начать с изучения развития общественных форм, социологии, с изучения марксизма. Все это не было еще обязательным, никто не заставлял нас изучать Карла Маркса, и Ленин еще не считался Римским папой новой религии... С.И.Солнцев читал нам курс происхождения классового общества, В.В.Светловский вел семинар по родовому обществу. Я посещала этот семинар. Он хранил еще старые традиции семинарских занятий... Топилась большая изразцовая печь, и служитель, бритый старик в потертом вицмундире, вносил огромный медный самовар и расставлял стаканы... Медленно умирала старая, налаженная университетская жизнь»¹³.

Центр университетской жизни переместился в общежитие. Оно отапливалось дровами, добытыми в ночных набегах на баржи и заборы Васильевского острова. Бывшие осузовцы поселились коммуной в общежитии. В больших угловых комнатах читались лекции, в остальных жили студенты. В кухне вечером вдоль плиты выстраивались ряды чернильниц и маленьких бутылочек с фитильками и колбочками сверху. Это называлось «лампиион».

«Лыжи были самым удобным сообщением в городе: трамваи не могли пробиться через снежные сугробы, а о других способах сообщения просто забыли... Изредка с грохотом пролетали грузовики. По строго правительственным нуждам»¹⁴.

Но были лекции и концерты, о чем объявляли наклеенные на тумбах и заколоченных витринах афиши. И полуголодные студенты стайками бегали на них. В конце 1919 г. возникла Вольфила — Вольно-философская ассоциация (вначале — академия), открытая для всех желающих. Там читали лекции, делали доклады, вели семинары известные деятели науки и культуры — математик Чебышев, художник Петров-Водкин, Блок, Андрей Белый и многие, многие другие. Наткнувшись случайно на афишу, объявлявшую о лекции Андрея Белого, Нина пошла на нее и стала непременной участницей всех его лекций и семинаров.

«Как передать впечатление от Андрея Белого? — свидетельствует она. — Первое впечатление: движения очень стройного тела в темной одежде. Движения говорят так же выразительно, как и слова. Они полны ритма. Аудитория самозабвенно слушает ворожбу»¹⁵. Нина стала ученицей Андрея Белого. Ученичество перешло в дружеские отношения, продолжавшиеся до самой смерти Андрея Белого.

Интерес к философии не пропал. Нина Ивановна участвует в философском семинаре профессора Э.Л.Радлова, обычно проходившем в здании Публичной библиотеки, где он был директором. Единственная девушка из десятка студентов — участников семинара, она интенсивно штудировала сочинения Владимира Соловьева, «Критику чистого разума» Канта. Нина Ивановна не раз вспоминала неповторимую атмосферу этого семинара, на котором дискуссии перемежались воспоминаниями Радлова, блиставшими «то строгостью философских формулировок, то искрами соловьевского юмора». «Не было места молчанию, — добавляет она, — каждый торопился вступить в это царство. Я, захлебываясь азартом, ныряла туда»¹⁶.

А в общежитии, в той коммуне, к которой принадлежала Нина, процветал «Снарк». Так, по Джеку Лондону, называлось полшуточно-полусерьезно студенческое общество, кружок-корабль, плавающий «по земле, под землей, по воде, в воздухе и безвоздушном пространстве». Велся судовой журнал, куда записывалась тема «путешествия», и «дежурный рулевой» вел корабль — ставились вполне серьезные доклады о последних достижениях науки в той области, которой занимался «рулевой»: генетике, этнографии Японии, строении Земли, теории относительности. Были вопросы, дискуссия, а затем шуточная интерпретация услышанного, дурачества и чтение стихов до утра. Через две-три недели подготавливался новый доклад.

К началу НЭПа коммуна распалась. Был голод. Нина уехала на дачу, в Ижору, возделывала огород, вела документацию в артели рыбаков и преподавала в Большеижорской начальной школе, о чем сохранились архивные справки.

Зимой следующего, 1920/21 г., вернулась в Университет. Тогда и пришла в этнографию. Но слово ей самой: «В двадцатые годы посещение лекций в Ленинградском университете было свободным: если лектор пользовался успехом, его лекции посещали и студенты чужих факультетов. Ходили слушать блестящие выступления профессора Тарле, эстетическую философию профессора Карсавина, иногда историки дерзали ходить на биологический факультет, слушать профессора Ухтомского... Я училась на экономическом отделении ФОНа (Факультет общественных наук). Простудировав в семинаре "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Энгельса, ознакомившись с Морганом, решила слушать курс введения в этнографию. Читал его профессор Л.Я.Штернберг. Нашла аудиторию, вошла. Аудитория была полна. Заняв все скамьи, студенты сидели, шумно переговариваясь, но сразу же смолкли, когда на кафедру взвошел профессор.

Худой, как бы обугленный внутренним горением, старик разложил кипы исписанных карточек и поднял глаза. Минуту пристально смотрел на нас сквозь очки, потом начал говорить:

— Многие совершенно не представляют себе, что без этнографии, без ее данных, классификации и обобщений нет и не может быть науки о человечестве, его культуре, пространстве и времени. Проще говоря, невозможна ни наука, которая именуется историей, ни такая дисциплина, как социология... Величайшая заслуга этнографии в том именно, что она впервые установила конкретное представление о человечестве в целом. Это она, если можно так выразиться, впервые сделала переключку всех народов планеты...

Он наклонился к своей картотеке, чтобы привести цитаты, доказывающие его мысль. Близко поднося их к очкам, читал, покашливал, перебирая листочки. Он не был оратором, слегка заикался. Слушать его было нелегко, записывать — также.

Я удивилась: что привело сюда всех этих студентов? Почему они слушали, не отрываясь, напряженную и деловитую речь Штернберга? И вскоре поняла, что перед нами — не академическая лекция, а дело жизни этого человека. В этнографию он вкладывал всю свою волю и страсть. Это ощущалось всеми и не могло не зажигать...»¹⁷.

Несколько лекций — и начинающий экономист Нина Гаген-Торн стала убежденным этнографом. Учителями были Л.Я.Штернберг, В.Г.Богораз, Д.К.Зеленин. Прежде всего Штернберг. Его памяти посвятила она одну из немногих изданных при жизни книг¹⁸, его портрет висит в кабинете ее старого ижорского дома. Штернберг учил: «За историю обычно принимали отрезок в 4—5 тысяч лет, относящийся к народам Европы и Средиземноморья. Другие народы считались неполноценными, дикарями... Дикарей нет! У всех есть своя культура, достойная внимания и уважения. Каждый народ что-нибудь дает для человечества»¹⁹. Он считал, что нельзя изучать какой-либо народ наскоком, по расспросным данным, тем более через переводчика. Этнограф должен войти в его быт, прожить среди народа, как делали это он сам и Богораз. А его десять заповедей этнографа не потеряли своей актуальности и спустя десятилетия:

«1. Этнография — венец всех гуманитарных наук, ибо она изучает всесторонне все народы, все человечество в его прошлом и настоящем.

2. Не делай себе кумира из своего народа, своей религии, своей культуры. Знай, что все люди потенциально равны: несть ни эллина, ни иудея, ни белого, ни цветного. Кто знает один народ — не знает ни одного, кто знает одну религию, одну культуру — не знает ни одной.

3. Не профанируй науки, не оскверняй этнографию карьеризмом: настоящим этнографом может быть только тот, кто питает энтузиазм к науке, любовь к человечеству и человеку.

4. Шесть дней работай, а седьмой — подводи итоги. Помни свой долг перед общественностью и наукой.

5. Почитай великих предшественников, учителей в научной и общественной жизни, дабы и тебя чтили по заслугам твоим.

6. Не убивай науки фальсификацией фактов, поверхностными, неточными наблюдениями, скороспелыми выводами.

7. Не изменяй раз избранной специальности — этнографии. Кто раз вступил на путь этнографии, не должен сойти с него.

8. Не чини плагиатов.

9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего, на другие народы, на их характер, обычаи, нравы и т.д. Люби ближнего больше самого себя.

10. Не навязывай насильно исследуемому народу своей культуры: подходи к нему бережно и осторожно, с любовью и вниманием, на какой бы ступени культуры он ни стоял, и он сам будет стремиться подняться до уровня высших культур»²⁰.

В.Г.Богораз — как и Штернберг, ссыльный народоволец — этнограф, журналист, писатель, привез в Петербург из сибирской ссылки кроме научного (трехтомная монография по чукчам на английском языке) еще и литературный груз: очерки, рассказы, стихи, роман и неумную жажду деятельности. Богораз читал лекции и вел активнейшую научно-организационную работу, в частности организовывая экспедиции и практику студентов. Нина Ивановна вспоминает: «Он входил в аудиторию, круглый, как шар, волоча за собой полосатый большой мешок вместо портфеля... Голубые глаза его задорно сверкали. Он вел лекцию-беседу, перемежая научные выводы рассказами, от которых зал грохотал смехом... На семинаре, предлагая сделать доклад, говорил: "Не забывайте, что нельзя рассчитывать на память, она подменяет факты. Каждый факт имеет законные 25% лжи. Но старайтесь, чтобы не больше..."»²¹.

Богораз и Штернберг интересовались не только занятиями студентов, но и их жизнью: помогали найти работу нуждавшимся, принимали горячее участие в бедах и радостях общежития, вплоть до отправки больных студентов в какой-нибудь район, где можно было подлечиться — за собственные, профессорские, деньги.

Д.К.Зеленин «входил в аудиторию гладко выбритый, в белых туфлях... Поклонившись, приступал к изложению плана лекции. Он любил, чтобы лекции были четко записаны студентами... Д.К.Зеленин возвышался на кафедре в непоколебимой академи-

ческой твердости. Он требовал ее и от студентов. Юмор и романтику вытеснил планированный труд... Дмитрий Константинович предложил студентам проштудировать литературу и начать самостоятельно работать с первоисточниками в архиве Географического общества... Месяцы проводил студент над изучением архивов. Дмитрий Константинович периодически просматривал сделанное, давал советы и... предоставлял полную свободу выводов... "Науке разногласия полезны, даже необходимы, — говорил он. — Этим движется научная мысль"»²².

Нина с головой ушла в этнографию. С 1922 г. начались ее первые экспедиции. Начались с поездки на русский Север, к поморам. Собственно говоря, это была еще не настоящая практика — первая проба пера, сбор материалов из жадности ко всему неизвестному, неуемного любопытства к миру и к людям, его населяющим. Поработав на Мурмане, узнала, что у одного старика старообрядца есть старинные рукописные книги. Но оказалось, что старик уехал к дочери на Чердынь. Одна, без денег, поехала туда, но выяснилось, что старик недавно умер, а из его бумаг мальчишки сделали змеев.

Последующие экспедиционные выезды были уже началом многолетней серьезной работы по этнографии народов Поволжья.

К 1924 г. экзамены и зачеты, сданные студенткой Гаген-Торн по индивидуальному плану (тогда еще существовали такие вольности), ближе всего подходили к программе экономического отделения Факультета общественных наук, и ей предложили получить диплом об окончании этого факультета. Начинались строгости. Диплом был получен. Занятия этнографией продолжались. В 1926 г. вышла из печати ее первая научная работа, рассказывающая о свадьбе в Моршанском уезде Тамбовской губернии²³, и, почти одновременно, книжечка стихов для детей²⁴.

В 1923 г. Нина Ивановна вышла замуж за бывшего осузовца Юрия Шейнманна, впоследствии ставшего крупным геологом, доктором наук, заслуженным деятелем науки. В 1925 г. у Нины Ивановны родилась одна дочь, в 1928 г. — вторая. Еще будучи студенткой, она работает лектором Губполитпросвета. В моем метрическом свидетельстве, выданном в 1925 г., записано: «Отец — студент, мать — лектор».

В 1926 г. по предложению Д.К.Зеленина она поступает в аспирантуру ИЛЯЗВ (Научно-исследовательский институт сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока) по фольклористике и учится там с 1927 по 1930 г. В ее бумагах сохранилась справка из архива Академии наук о плане семинара по материальной культуре народностей Поволжья 30 декабря 1929 г. с подписью Д.К.Зеленина.

В эти же годы она состояла младшим научным сотрудником ГАИМК, где под руководством П.П.Ефименко принимала участие в Средне-Волжской экспедиции²⁵. К этому времени относятся ее публикации о работе в Чувашской республике²⁶ и уже упоминавшаяся о бабьем празднике у ижор²⁷.

В 1930—1932 гг. семья жила в Иркутске, куда Геолком направил ее мужа Ю.М.Шейнманна. Нина Ивановна работала в Обществе изучения производительных сил Восточной Сибири и секретарем научно-исследовательского съезда этого региона²⁸. Судя по сохранившимся письмам, была крайне недовольна мелочностью и провинциализмом обстановки. В это время тяжело заболел и вскоре умер отец Нины Ивановны, хирург, главврач, схвативший крупозное воспаление легких при пожаре в больнице. Нина Ивановна уехала в Ленинград, затем туда же вызвала детей. Семья распалась по взаимному согласию супругов в соответствии с воззрениями на брак, имевшими тогда хождение среди молодой советской интеллигенции.

В 1931—1932 гг. она преподает географию, русский и остяцкий языки в Институте народов Севера. А.М.Решетов деликатно пишет, что потом она была отчислена, как оставшаяся без поручений на следующий год²⁹. У меня сохранились ее неопубликованные записки совсем о другом, но там есть такие строки: «Я искренне верила, что выдумка Богораза создать в Ленинграде Институт народов Севера и загнать в него наиболее передовую молодежь из малых народов Севера, чтобы они стали "вожаками в культурном росте своего народа", поистине благая затея. Их надо было завести в Ленинград, надо было обучать, и ошибка заключалась в том, что это обучение шло недостаточно продуманно, мало считаясь с их особенностями... Людей из отдаленных районов Сибири, из жизни тайги и лесного воздуха привезли в большой город. Закрыли в общежитие, устроенное в Александров-Невской лавре... заставили сидеть на уроках 6 часов. Кормили питаньем абсолютно непривычным: кашами, картошкой, шами с очень малым количеством мяса. Они с огромным трудом привыкали к этому режиму и безвылазному сиденью на уроках. Я пыталась доказывать, что это невероятно жестоко, но Ян Петрович Кошкин (этнограф все-таки!) считал это естественным процессом. Шли заболевания, отсеивался "неизбежный процент слабосильных". Когда начинали харкать кровью или нервно заболевали — их отправляли обратно...» Эти строки написаны спустя сорок лет. Даже учитывая богоразовские «неизбежные 25% лжи», чувствуется накал разногласий! А я отлично помню этих северных студентов, очень милых парней. «Нина, твои эскимосы пришли!» — возглас бабушки и мамино возму-

шенное: «Не эскимосы, остяки!» Как они радовались нашим двум лайкам!

Уход из Института был неизбежен. С ноября 1932 г. Нина Ивановна — научный сотрудник Института по изучению народов СССР АН СССР, а после создания на его базе Института антропологии и этнографии (ИАЭ) СССР она становится научным сотрудником этого нового академического этнографического учреждения. Здесь Нине Ивановне поручили работу в этнографической секции Института, в частности в группе материального производства, назначили секретарем редакции справочника «Народы СССР», а с ноября 1933 г. перевели в отдел Сибири и Северной Европы для научного описания коллекций отдела. Одновременно заведующий кабинетом Сибири В.Г.Богораз поручил ей составление библиографии по осякам³⁰.

В тридцатые годы Нина Ивановна много и интенсивно работает: занимается орнаментом, магией цвета, оберегами, шаманизмом, собирает большой материал по материальной культуре народов Поволжья. Печатается. Самая серьезная из работ этого периода — «Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы»³¹, вошедшая впоследствии в ее кандидатскую диссертацию. Опубликована статья по методике изучения одежды³². Как считает А.М.Решетов, это «классические работы, не потерявшие своего значения и в наши дни»³³.

На время отошло юношеское увлечение поэзией. Было только несколько настоящих, глубинных встреч с Андреем Белым, когда Нина Ивановна рассказывала ему о магическом значении цвета и орнамента, что не могло не заинтересовать собеседника, занимавшегося орнаментом в студенческие годы. Состоялся интересный для обоих разговор о шаманстве. Рассказ о камлании сибирских шаманов был воспринят Андреем Белым как антропософский путь в иные миры³⁴. Последняя встреча была незадолго до его смерти, в сентябре 1933 г. Они гуляли по Ново-Девичьему кладбищу, посетили могилы Соловьевых, и Белый рассказывал о них и о своей юности. А затем — похороны Андрея Белого. Его памяти Нина Ивановна посвятила впервые публикуемое стихотворение, которое хранится в моем архиве:

Умер. Положили на дроги,
Долго везли мостовыми...
Сожгли... И немногие
Помнят самое имя.
А был он такой, что Вселенную
В тонкой держал ладони...
Травы над ним смиренные
Спины зеленые клонят.

К 1936 г. была в основном написана кандидатская диссертация. В нее вошли упоминавшиеся ранее работы и работы последних лет.

«В мае 1934 г. она заключила с Институтом договор на подготовку работы "Эволюция женской одежды Восточной Европы" (15 а.л.), в апреле 1936 г. — на подготовку другой монографии — "Бессермяне" (5 а.л.)... В период 1 апреля 1934 — 15 марта 1935 г. [Нина Ивановна] — секретарь журнала "Советская этнография". Ее активность проявлялась... на всех участках научно-исследовательской, музейной, научно-организационной работы. Ее поддерживал директор Института Н.М.Маторин, ведущие ученые В.Г.Богораз, Д.К.Зеленин, Е.Г.Кагаров и др. Сегодня можно, обозревая ее деятельность в первой половине 30-х гг., с уверенностью говорить о Н.И.Гаген-Торн как об исключительно перспективном, самобытном этнографе», — пишет А.М.Решетов³⁵.

Взлет идет стремительно. Задумано много. Больше всего ее интересуют бессермяне — вероятные остатки Великого Булгара. Хочется подтвердить это предположение фактическим материалом, нащупать связь с народом Болгарии. В апреле 1936 г. она пишет заявление в дирекцию Института: «Специально работая по вопросам этногенеза народов Поволжья, частью чего является моя работа "Очерк истории развития женской одежды Поволжья", на которую мною и заключен договор с ИАЭ, я просила бы дать мне возможность продолжить эту работу. Одним из наиболее темных и неисследованных вопросов в этнографии Поволжья является изучение бессермян. Между тем вопрос о происхождении бессермян и их культуры может служить одним из ключей в вопросе этногенеза всех народов Поволжья. Ввиду этого я просила бы дать мне возможность поехать летом 1936 г. на один-два месяца к бессермянам и заключить со мной договор на монографическую работу по бессермянам». Ее просьбу поддержал заведующий кабинетом Европы проф. Е.Г.Кагаров: «С научной точки зрения командировка т. Гаген-Торн в Поволжье для полевой работы представляется весьма желательной»³⁶.

Командировка состоялась. Нина Ивановна выехала в Поволжье. И сразу по возвращении — арест. «Надо сказать, что шел октябрь 1936 года, я только что вернулась из экспедиции и еще не представляла себе массовости, грандиозности этого явления, — вспоминает Нина Ивановна. — Больше удивляла бессмысленность пребывания в камере... Может быть, было чувство некоторого удовлетворения даже: с меня снимается ответственность за происходящее. Я уже не могу публично протестовать против глупости, против злобы. Ведь я была в Поволжье и видела хлеб, который нельзя есть человеку. А его ели целые деревни.

Потому что мне, как каждому этнографу, близко соприкасающе-муся с жизнью деревни, была ясна безмерность человеческих страданий, при помощи которых вводилась коллективизация, но совсем не было ясно — неужели необходимо так вводить коллективизацию: путем насилия, калеча жизни сотен тысяч раскулаченных, путем произвола, лжи и ненависти? Я не могла с этим согласиться»³⁷.

«Эра массовых репрессий только еще разгоралась, охватывая все новые слои населения, — продолжает она эту тему. — В 1929—1930 годах шли коллективизация и раскулачивание. Часто кулаками оказывались те, кто за 10 лет до этого, в 1918 году, был бедняком, сумел воспользоваться выданными государством землей и скотом, отобранном у помещиков, во время НЭПа завел крепкое, прогрессивно организованное хозяйство. Такие хозяйства в то время одобрялись и поощрялись! Но вскоре период НЭПа кончился. Началась эра коллективизации. Люди, имевшие крепкое хозяйство, пошли в ссылку как кулаки. Этот процесс охватил деревню. Горожане почти не знали о нем или не замечали его. Потом, в 1932—1934 годах, начались аресты в городе, но арестовывали в основном "бывших людей", организовывались процессы "вредителей". Их разоблачали, они давали против себя показания, уходили в лагеря, если не были расстреляны. Городская масса не представляла себе, что аресты могут коснуться и их. 1936 год охватил арестами уже все слои поголовно, прежде всего — партийцев. Это продолжало казаться многим каким-то недоразумением. Даже те, кто попал в тюрьму, долго считали это индивидуальным недоразумением, ошибкой. К осени 1936 года опасность осознала, пожалуй, только беспартийная верхушка интеллигенции. Она вступала в тюремные двери с грустным сознанием: выход отсюда вряд ли возможен. Человек брал с собой чемоданчик, прощался с семьей, хорошо зная, что это — на годы. На долгие годы»³⁸.

В камере на Шпалерной встретила Нина Ивановна с той, что стала ближайшим другом на многие годы — астрономом Верой Федоровной Газе. Оказалось, что они даже встречались раньше, на заседаниях Вольфилы. А теперь спали рядом, а днем «сидя с ногами на нашей кровати, как на плоту, плыли в прошлое, четко примечая, чтобы нигде и ни в чем не сместилось у нас сознание. Перебирали нити в ткани культуры, которую знали... Вера Федоровна помнила наизусть почти всего "Онегина", всего "Демона"... И отходили от камеры бреды...»³⁹.

Допросы, карцер, опять допросы. Следователь требовал рассказать о контрреволюционной деятельности Н.М.Маторина. «Но ведь я ничего не знаю об этом. Маторин — член партии и

директор института, я — рядовой научный сотрудник, беспартийная. С какой стати он будет говорить со мной о чем бы то ни было, кроме научных тем»⁴⁰.

Она не подписала ни одного обвинения. Были бесконечные допросы, попытка бессонницей... А.М.Решетов добыл архивную справку из следственного дела. Она гласит, что, «будучи контрреволюционно настроенной, призывала к активной борьбе с ВКПб, указывая на необходимость террористических актов против руководителей ВКПб, и в первую очередь против Сталина. Вела активную контрреволюционную деятельность, направленную против партийного влияния в области этнографии, с целью отрыва советской этнографии от изучения нового социалистического быта народов СССР. Среди сотрудников Института вела антисоветские разговоры, распуская провокационную клевету о понижении материального благосостояния научных работников в СССР, т.е. в преступлении, предусмотренном статьями 58 — 10, 11 УК РСФСР»⁴¹.

25 мая 1937 г. Нина Ивановна была осуждена Особым совещанием при НКВД СССР на пять лет лагерей. Этап был труден и мучителен. «Был июль. Жара. Крыша столыпинского вагона накалилась, и мы лежали на нарах, как пирожки в печке»⁴². Люди просили и требовали воды. Объявили голодовку, заставили съехать с загаженной остановки. Этап длился бесконечно долго. Иркутская тюрьма. Опять этап. Вторая Владивостокская пересылка — городок дощатых бараков за колючей проволокой, с вышками часовых, прожекторами на вышках и часовыми с собаками на земле. В пересылке свирепствовала дизентерия. Люди мерли как мухи. «В нашем этапе мне удалось спасти многих, потому что мама моя — умница — умудрилась в последней передаче запечь в углях пирогов маленькие пакетики с кристаллами марганцовки. От отца я знала, что раствор марганцовки великолепно излечивает поносы... развела марганцовку и всех поила: ложку вишневого раствора два раза в день»⁴³. А затем новый этап — на Колыму, в трюме печально известного парохода «Джурма». Несколько месяцев в Магадане и — зимний этап на трассу.

О колымском периоде жизни записок не сохранилось. Есть только письма и стихи. Много стихов: писать запрещалось всегда, а стихи легче сохранить в памяти. И они дают выход для души. Даже те, кто раньше никогда не писал стихов, часто писали в лагерях. А Нина Ивановна всегда была поэтом. И еще: «Недаром знали шаманы, что ритм дает власть над духами... Стих, как и шаманский бубен, уводит человека в просторы "седьмого неба". Такие мысли, совершенно отрешенные от происходящего, давали чувство свободы...»⁴⁴.

Колыму прошла мужественно. Не теряя ни достоинства, что очень часто случалось с женщинами, ни острого глаза и слуха исследователя.

Была лесорубом, возчиком на быках и на лошади, пастухом, тепличницей. Эльген, Сеймчан, Ягодное, Мылга. Погоняли! Значит, была с характером. Помогали чувство прекрасного, любовь к природе. Суровая и прекрасная природа Дальнего Востока не пугала, а вызывала восхищение: яркие, быстро меняющиеся цвета закатов полыхали, звуча фугами Баха, восхищал пролет неисчислимых птичьих стай весной, многочисленные яркие, полные дуги радуг на дальних склонах. Все это звучало в стихах. Как и страшные ложные солнца в морозы:

...И смотрят два солнца застывших
С неба — пустыми глазами⁴⁵.

Быт лагеря, тяжелая работа возчика, нагружающего и везущего бревна для отопления барачков, кухни, для теплиц, — все это преломлялось в стихи. А некоторые ее стихотворения сами стали лагерным фольклором, который она изучала. Например. Нина Ивановна рассказывает о том, как «мужичище Орехов» — лесоруб на Колыме, попросил «вытвердить» ее стихи⁴⁶. Вот они:

Мы выходим на рассвете,
Целый день стоим с пилой.
Где-то есть жена и дети,
Дом, свобода и покой.
Мы о них давно забыли —
Только болью ноет грудь.
Целый день мы пилим, пилим
И не можем отдохнуть.
Но и ночью отдых краток:
Только, кажется, прилег
В мерзлом холоде палаток —
Уж опять гудит гудок.
И опять мы начинаем;
Режет ветер, жжет мороз,
В Колыме — я твердо знаю —
Сколько снега, столько слез⁴⁷.

«На Колыме, — рассказывает Нина Ивановна в неопубликованной статье о колымском фольклоре, которая хранится в моем архиве, — я прочла стихи дистрофикам, направленным в больницу с лесоповала... Ольга Журавлева, которая неподвижно лежала на нарах, без сил, подняла руки к лицу и стала плакать. Плача сказала: "Это правда, это все правда, именно так, как вы сказали. И оттого, что вылилось в стих, мне стало легче. Боль вышла из меня и не так давит. Я могу теперь плакать. Мне лег-

че"». Рассказы «Рукопись»⁴⁸ и «Пища шаманов»⁴⁹ безусловно отображают собственные переживания Нины Ивановны на Колыме.

Нина Ивановна всегда была духовно очень сильным человеком. И — оптимистом. В ее дневниках сохранилась запись о том, что соседка по нарам сказала: «Не могу рядом с ней спать — лежит и улыбается во сне». И наяву, сквозь боль:

Тихо пальцы опускаю
В снов синеющую воду.
Снег весенний в полдень тает,
Оседая — пахнет медом.
По лесам проходят тени,
Улыбаясь дальним склонам,
В неба колокол весенний
Солнце бьет широким звоном.
Я сижу, смежив ресницы,
В пальцах сны перебирая.
И душа — тяжелой птицей —
К небу крылья поднимает⁵⁰.

Крылья не опустились. Пересидев против положенного только один год (тогда, во время войны, почти всех задерживали «до особого распоряжения»), Нина Ивановна вернулась в 1942 г. «на материк», в село Чашу Курганской области, где была в ссылке ее мать. Работала в сельской библиотеке, преподавала историю, литературу и географию в местном молочном техникуме. В 1946 г. в Свердловске в журнале «Дружные ребята» был напечатан ее рассказ «Лето в лесу» под псевдонимом Н.Летаева⁵¹.

С великими трудами удалось вернуться к научной работе. 3 января 1946 г. она защитила в Институте этнографии АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «Элементы одежды народностей Поволжья как материал для этногенеза», доработав чудом сохранившуюся у ее приятельницы рукопись подготовленной в 1936 г. диссертации. Материал не устарел, более того, он интересен и сейчас. Диссертация легла в основу изданной в 1960 г. монографии «Женская одежда народов Поволжья»⁵². Книга эта, кроме детального описания женской одежды мордвы, чувашей, марийцев, удмуртов, казанских татар, башкир и сравнения ее с одеждой тюркских народов и болгар, содержит часть, интересную и для более широкого круга читателей: описание и исследование головных уборов и их украшений. Автор рассматривает значение перемены головных уборов в свадебном обряде всех восточноевропейских народов, полемизируя при этом со своими учителями — Л.Я.Штернбергом и Д.К.Зелениным. Так, Л.Я.Штернберг, говоря об утилитарной в своей основе функции головных уборов, сам же приводит большое количество фактов,

Н. И. Гаген-Торн. 1942 г.

свидетельствующих об их религиозном и магическом значении. Д.К.Зеленин, считающий, что женский головной убор развился из утилитарной повязки, свидетельствует о значительном отличии девичьих и женских головных уборов, состоящем в том, что девичьи оставляют волосы открытыми, а женские строго закрывают их. Он считает это остатком закрывания лица, которое имело две причины: ревность мужа и оберег от злых сил. Нина Ивановна возражает: «Если бы причиной закрывания волос был оберег от чар вообще, то в таком обереге не меньше нуждается девушка, в особенности девушка-невеста, которая больше всего подвержена чарам и нападению злых духов. Однако невеста не закрывала волос»⁵³.

Женский головной убор рассматривается Ниной Ивановной как символ подчинения женщины. В приведенных в работе многочисленных описаниях свадьбы в разных районах и у раз-

ных народностей центральным эпизодом является перемена девичьей прически и головного убора на женские. После этого девушка уже считается мужней женой. Девичья прическа и головной убор кроме эпитета «девья красота» имеют еще эпитет «воля». «Так как главное отличие женского убора — закрытые волосы, следует предположить, что они-то и являются символом подчиненного положения... "Засветить волосом", т.е. выставить его наружу или пойти с непокрытой головой, — большой позор и грех. Открытые волосы женщины приносят несчастье и вред. Украинцы верили даже, что если замужняя женщина выйдет, не покрыв головы и не закрыв все до единого волосы, она навлечет неурожай, градобитие, падеж скота. Чуваши считали, что замужняя женщина, выйдя без головного полотенца, навлекает несчастье. "Опростоволосить" женщину... значило опозорить ее брак, из-за этого оскорбления на Руси бывали судебные дела»⁵⁴.

Девушки в Восточной Европе не только носили волосы открытыми, но и гордились ими: «Девичья коса — всему городу краса». А вера в магическую силу волос распространена по всему миру. Об этом написаны многочисленные работы. Широко распространены представления о связи волос с земледельческими обрядами. И в этом случае обряд совершают именно девушки. Материалы о почитании волос и признании их магической силы чрезвычайно велики. Бритье головы при этом является выражением подневольного состояния. Головы брили рабам. В XV—XVI вв. на Руси церковь вела борьбу с еретическими пережитками бритья головы замужним женщинам.

Таким образом, «женщина должна прятать волосы потому, что, входя в чужой род, она может повредить ему своей магической силой. С другой стороны, в более позднем осмыслении женщина должна прятать волосы потому, что это символизирует ее подневольное положение»⁵⁵.

Кроме детального описания женских и девичьих головных уборов и их орнаментации, автор рассматривает орнамент как таковой и его этнознаковую роль.

«Покрой одежды... создается в результате производственной деятельности и географических условий, окружающих человека. Орнаментировка, расцветка, вышивка одежды отражают идеологию общественной группы, их создавшей, они вызываются не производственными моментами»⁵⁶.

Исследуя орнаменты и их интерпретацию различными авторами, Нина Ивановна сетует на то, что при детальном описании самого орнамента мало внимания уделяется цвету, тогда как цвет в одежде и вышивке не случаен, а несет смысловую нагрузку и имеет магическое значение оберега. Общеизвестна символика

многих цветов, например, черного или белого как знака траура. У многих народов, начиная с палеолита, красный цвет — цвет оберега.

То, что возвращение в лоно Академии наук шло очень трудно, я знаю не понаслышке. Но все-таки сохранялись еще в Академии смелые и отзывчивые люди! Мама рассказывала (даже учитывая неизбежные в двойном пересказе богоразовские 25%, мне кажется это интересным), что на ее заявлении о восстановлении в Академии наук появились такие автографы: «Ходатайствую. Академик Вячеслав Волгин. Поддерживаю — академик Лев Берг, академик Глеб Кржижановский». Сергей Иванович Вавилов, бывший тогда президентом Академии наук, прочел и усмехнулся: «Осталось только подписать — академик Сергей Вавилов». Так произошло возвращение в Академию кандидата исторических наук Нины Ивановны Гаген-Торн!

Все, казалось, налаживается: работа, семья. В Фундаментальной библиотеке АН СССР была утверждена и принята к печати составленная ею этнографическая библиография на 12 печатных листов, вынесена благодарность и выдана премия за организацию выставки по фольклористике. Ближился Новый год, с новыми надеждами. Но 30 декабря 1947 г. прямо в библиотеке она была вновь арестована. Опять обвинения в антисоветской деятельности, чудовищные до абсурдности, крики, мат. «Мясорубка работала автоматически. Не было садистской романтики 37-го года, когда мы слышали сквозь стены приглушенные крики и стоны людей... Да и сами следователи изменились: в 47-м году это были уже не маньяки, не садисты и виртуозы, а чиновники, выполняющие допросы по разработанным инструкциям. На первом допросе майор орал и матерился потому, что ему было указано применять этот прием. И поэтому при неожиданном варианте — ответном мате пожилой интеллигентной гражданки — растерялся»⁵⁷. Обвинений она не подписала. Сидела в карцере, в боксе, где по указанию следователя выключалась вентиляция, пыталась объявить голодовку. На последнем допросе ей показали дело 37-го года — показания Н.Г.Ш. о нелегальных собраниях у нее на дому с целью объединить этнографическую молодежь против коммунистов, об антисоветских настроениях, нежелании заниматься современностью. Нина Ивановна возмутилась: если бы показали это в 37-м году, все обвинения было бы легко опровергнуть. Ей сказали, что это неважно — вы уже отсидели свой срок. Парадоксален вывод: «Вас тем необходимее изолировать — разве вы простите, что вам испортили жизнь? Ясное дело: вы стали врагом советской власти»⁵⁸.

Новый срок — пять лет лагерей, на этот раз ближних, Темниковских (станция Потьма, Мордовия).

Этап относительно легкий. В лагере вначале работала на агробазе, одно время была старостой барака, но за недоносительство попала на пять суток в неотапливаемый карцер, в самые морозы. Тяжело заболела, была отправлена в больницу, оттуда в полуинвалидный лагпункт. Работала на водокачке, вручную, двухведерной бадьей накачивая воду для столовой, бани, прачечной. По словам ее солагерницы К.С.Хлебниковой-Смирновой, Нина Ивановна была «конем». «Она говорила: "Конь — благородное животное. Хорошо быть конем!" (Несколько женщин впрягались в телегу летом, в сани — зимой и возили бочку с водой...) В сильный мороз женщины никак не могли опустить в колодец ведро. Сруб колодца очень обмерз, а колодец глубокий. Надо было опуститься на веревке вместе с ведром и топором увеличить прорубь. На такое дело решилась только Нина Ивановна... Смотреть было страшно, а Нина Ивановна работала спокойно и весело. Другой раз я видела ее сидевшей на обледенелом желобе, высоко над землей. Желоб был протянут между двумя домами — баней и прачечной — на высоте трехэтажного дома. Я... хорошо помню, как Нина Ивановна медленно едет, сидя верхом на желобе, и обрубает топором лед, чтобы пошла вода. Мы, глядя на нее, пугаемся, а она весело смеется. На 10-м лагпункте было много украинских больных девушек. Нина Ивановна устроила академию — занималась с девушками...»⁵⁹.

Прерываю воспоминания Хлебниковой, возвращаясь к ее собственным. Все началось с длительных стояний в строю во время проверок. Нина Ивановна читала стихи Алексея Толстого. Девчата жадно слушали. Потом это перешло в систематические занятия русской литературой, а затем и историей. Здесь на помощь тоже приходили стихи: Алексей Толстой, Державин, Майков, Пушкин, Лермонтов. Несколько девушек работали вместе с нею на водокачке. Все перекуры были занятиями. Девушек взяли из Львовской гимназии. Надо было, «чтобы мозги не заржавели». На следующее лето к занятиям прибавилась классическая музыка: бывшая певица Нина Аникиевна Мигуева, очень большой человек, потихоньку напевала арии из опер, романсы, рассказывала о музыке и композиторах. Мозги не заржавели. Знаю, что двое из девчат стали учительницами, окончили вузы. И еще: национализм у них если не исчез совсем, то значительно смягчился. Не «Киев у нас украли», а стало понятно, что Киевская Русь — родоначальница обоих народов-братьев, что «москальи» не враги, что русская и украинская культуры тесно переплетаются.

Книги то разрешали в лагере, то отбирали. Писать запрещалось всегда. Только однажды был такой краткий период, когда инспектировавший лагеря генерал разрешил Нине Ивановне вести записки. Но вскоре рукописи было велено сдать оперуполномоченному. Черновики она сохранила, но их обнаружили во время «шмона» и также передали оперуполномоченному. Но попался порядочный человек — оперуполномоченный Ликин (и такое, оказывается, бывало). Он с интересом прочел повесть и обещал не отправлять по инстанциям, а вернуть при освобождении. Слово свое сдержал, выслал по месту ссылки, в Красноярский край. Так сохранились повесть «С котомкой за плечами» и поэма о Ломоносове. Другой экземпляр этой поэмы удалось переслать из лагеря «налево», мне. Многие годы поэма оставалась неопубликованной, хотя ее высоко оценил такой авторитет в поэзии, как Борис Пастернак⁶⁰. Наконец, в 1996 г. была опубликована первая часть поэмы⁶¹.

По окончании срока — ссылка. Ссылка не была объявлена в приговоре, но из Потьмы, из Темниковских лагерей, всех отправляли в Красноярский край. Бессрочно. Привозили по этапу в Красноярскую тюрьму. Туда приезжали председатели колхозов и отбирали себе «рабочую силу». Опоздавшим доставался «бросовый товар» — старики и инвалиды.

Но все-таки ссылка — не тюрьма и не лагерь. Воздух, лес, возможность свободно передвигаться и — что для нее очень важно — первозданная красота Енисея, гор за рекой, тайги.

Дневниковые записи и письма оттуда, частично опубликованные в «Советской этнографии»⁶² и в книге «Memoria»⁶³, говорят о том, что не притупились острота и своеобразие мышления, не померк зоркий глаз этнографа. Она описывает быт и обычаи местного населения, ссыльно-поселенцев новой волны — немцев Поволжья и «людей нашего этапа». Это перемежается размышлениями о границе между историей и этнографией (первая пользуется в основном письменными источниками и, следовательно, записями людей «образованного класса», вторая берет глубины); это размышления о судьбах культуры, об образовании государств и наций, о Гоголе и культуре Украины. Она заканчивает «Котомку», пересланную из Темников, но иногда приходит в отчаяние от отсутствия нужных книг, научного общения, невозможности работать в полную силу.

Нина Ивановна получила от врачей освобождение от работы в колхозе, но возможности какого-либо другого, интеллигентного труда не было. Ссылка — бессрочна. И иногда подступало сознание обреченности:

Нет, я не знаю пока
Нужных звуков и слов...
Перед глазами — река
В белом покрове снегов.
Льдины неслись, шипя, —
Застывало от берегов...
Разве ты понял себя?
Знаешь — к чему готов?
Куда ты пришел и чем стал,
Жизни чертя края?
В белых снегах — провал —
Черная полынья⁶⁴.

Но воля и сила духа победили. И весной 1954 г., еще до массового возвращения ссыльных, после амнистии всем, имевшим срок не более пяти лет, Нина Ивановна возвращается. Сначала в Москву, ко мне и к бабушке, своей матери, а затем в свой любимый Ленинград, в родной Музей и Институт. «Приступила к работе 15 апреля 1955 г. Приятными, хотя и весьма запоздалыми событиями начался 1956 год: 23 января ВАК выдал ей диплом кандидата наук по защите 1946 года, а постановлением Президиума Ленинградского городского суда от 17 февраля уголовное дело по статье 58 УК РСФСР от 25 мая 1937 г. ... было прекращено за недоказанностью виновности, и она была признана полностью реабилитированной»⁶⁵. Мне рассказывали, что мама, узнав, что это значительно убыстрит дело, привела в Прокуратуру Н.Г.Ш., давшую на нее показания, и та опровергла их.

С великим трудом был возвращен старый родовой дом (дача). Суд сразу и безоговорочно признал ее права, но дом был заселен многочисленными жильцами, ей освободили только одну комнату. Постепенно, с повторными судами, все образовалось: жильцы получили комнаты и квартиры, некоторые построились рядом. Появился Дом.

«Если охарактеризовать вторую половину 50-х годов в жизни Нины Ивановны Гаген-Торн, то кратко этот период можно назвать "жажда деятельности", — пишет А.М.Решетов. — Она активный участник заседаний отделения этнографии ВГО, выступает с научными докладами в других научных учреждениях»⁶⁶. В эти годы она публикует большую статью о болгарской одежде⁶⁷, статью о современном фольклоре⁶⁸, о болгарской фольклористике⁶⁹, большую статью о судебных флюгерах⁷⁰, рецензии на книги болгарских этнографов М.А.Попстефаниевой⁷¹ и М.Вековой-Телбизовой⁷², на труд С.В.Иванова об изобразительном искусстве народов Сибири⁷³. В 1960 г. выходит в свет уже упоминавшаяся выше ее основная монография о женской одежде народов Поволжья.

Н. И. Гаген-Торн. 1964 г.

В 1958 г. Нина Ивановна участвует в Ангарской экспедиции Института этнографии. И очень много работает над своими лагерными воспоминаниями и рассказами.

В 1960 г. она решила, что нельзя далее совмещать литературную работу, заботы о доме, воспитание приезжающих на лето внуков с графиком обязательного присутствия в Институте. Все, кому она читала отрывки из своих воспоминаний, хором твердили: «Вы обязаны записать все это». И она решилась — ушла на пенсию, что отнюдь не означало расставания с этнографией: уже после официального ухода на пенсию были написаны и опубликованы статьи об обрядовых полотенцах⁷⁴, о деревянной утвари⁷⁵, рецензии на книги Я.П.Прилипко⁷⁶, М.Велевой⁷⁷, Т.А.Крюковой⁷⁸, Н.Н.Ершова и З.А.Широковой⁷⁹, заметки о В.К.Арсеньеве⁸⁰ и Л.С.Берге⁸¹, воспоминания об Александре Блоке⁸², об Ольге Форш⁸³ и Виталии Бианки⁸⁴.

Большой радостью для нее был выход в свет ее книги о Л.Я.Штернберге⁸⁵. Книга, очень живая и образная, о жизни и

деятельности ученого в науке и в ссылке на Сахалине, где он впервые начал заниматься этнографией гилаков. Это настоящая книга ученика об Учителе. И не только. Это еще книга о том, как человек в тюрьме и неволе сохраняет вольный дух и мужество, как ссыльный народоволец становится выдающимся ученым и воспитателем целой плеяды исследователей.

А.М.Решетов пишет: «Этнографы нынешнего и будущих поколений будут признательны ей за прекрасную, написанную ярким языком книгу о Л.Я.Штернберге, но, очевидно, для них останется тайной, сколько душевных мук она перенесла, добиваясь ее издания»⁸⁶. Нет, почему же тайной, Александр Михайлович? Я знаю как «на ура» восприняли книгу в журнале «Советская этнография» и в Институте этнографии, какие раздавались хвалы и славословия, когда книга вышла. А выходила она трудно. Из издательства прислали рукопись директору Института академику Ю.В.Бромлею, чтобы просмотрели, нет ли какой-нибудь крамолы. Закладок — штук двадцать. Ученый секретарь и директор рассматривали их с автором. Речь шла о том, что книга хотя и интересная и нужная, но должна быть написана сугубо осторожно, ибо, как записала 18 января 1974 г. в своем дневнике Нина Ивановна, «Штернберг — еврей, и это уже обратило внимание на него "наверху" из-за той статьи Решетова и Полевого об отношениях Арсеньева и Штернберга: есть такая Аристова, она подняла склоку, доведя обсуждение их статьи до ЦК партии о неправильном возвеличении Штернберга в ущерб возвышению великого русского ученого и путешественника Арсеньева»⁸⁷.

Трудности возникли и в Ленинграде. Руководитель ленинградской части Института этнографии Р.Ф.Итс дал отрицательный отзыв, упрекая автора в преувеличении роли евреев в революционной деятельности народовольцев, а также в науке, в частности в этнографии. Д.А.Ольдерогге сказал тогда: «Нина Ивановна, не посраим российского дворянства, не дадим разыграться антисемитизму». Видимо, под давлением общественного мнения Итс взял свой отзыв обратно. У меня хранится письмо Р.Ф.Итса, адресованное Д.А.Ольдерогге и Н.И.Гаген-Торн с оправданиями, почему появился этот отзыв, с одобрением описания профессорской деятельности Штернберга и пожеланием сократить и переделать не нравящийся ему раздел о сахалинской ссылке.

Книга вышла. В ленинградском отделении Института ее читали все, «как роман». С.В.Иванов сказал: «Вы блестящий стилист, оказывается». В Москве было то же самое. Праздновали в «Советской этнографии». Все это окрылило автора. Но самым для нее главным в книге были, пожалуй, заключительные слова, как

бы клятва у гроба: «Лев Яковлевич, я хочу одного: чтобы моя жизнь шла прямо... Всегда прямо и непреклонно. Без всяких компромиссов. Как Ваша»⁸⁸.

В 70-е годы была задумана еще одна книга, о другом Учителе — Дмитрие Константиновиче Зеленине, человеку, которому многие поколения этнографов обязаны умением работать с материалами, скрупулезно и систематически подбирать факты, осмысливая их и делая логически безупречные выводы. Книга не была написана. Но в 1966—1971 гг. появились три статьи о Зеленине, созданные в соавторстве с А.И.Васиной⁸⁹.

В середине 70-х годов Нина Ивановна возвращается к мысли о написании такой книги: «Страшно увлечена идеей книги о Зеленине — дневники его очень интересны. Но очень сложный образ. Как его вылепить?» — записывает она в дневнике 31 июля 1976 г. Были и еще записи, в частности, противопоставляющие Н.Я.Марра и Д.К.Зеленина. Замысел книги не был осуществлен, но в 1979 г. появилась еще одна статья о Зеленине, уже цитирувавшаяся выше. Остановимся на этой статье, чтобы показать, как развивались мысли, намеченные в дневнике:

«Дмитрий Константинович сказал: "Я продолжаю придерживаться своей точки зрения, но вполне возможна и иная точка зрения. В науке разногласия полезны, даже необходимы — этим движется научная мысль..." Это был не только педагогический прием... это был метод работы: отстаивать свое мнение и с уважением относиться к чужому. В работах самого Зеленина обычно демонстрируется весь собранный фактический материал и только потом предлагаются выводы. Читателю предоставляется возможность соглашаться или не соглашаться с ними. В этом необычайная ценность работ Д.К.Зеленина»⁹⁰.

«Д.К.Зеленин был ученым удивительно последовательно и систематически расширявшейся тематики, — продолжает Нина Ивановна. — Она все шире и глубже охватывала важные для науки темы. Каждая последующая работа дополняла предыдущую в новом аспекте... В основе ее лежит четкая схема: начиная с историко-культурного обзора, Д.К.Зеленин переходит к развитию народного хозяйства, социальным отношениям и, наконец, к обусловленным ими обычаям, обрядам, верованиям. Выработав эту схему, ученый сохранил ее во всех работах»⁹¹.

Далее Нина Ивановна описывает, как была воспринята в советской науке основная работа Зеленина — монография о культуре восточных славян. Большинство этнографов оценили книгу как незаменимое пособие для всех изучающих культуру славянских народов, но очень авторитетный в те годы историк М.Н.Покровский счел ее проявлением великодержавного шови-

низма. Обвинение совершенно необоснованное, несерьезное. Суть же была в том, что авторы придерживались разных точек зрения на участие финнов в формировании русского народа. А далее была полемика с Н.Я.Марром... Зеленин и Марр обладали не только противоположными взглядами, но и разной системой мышления. Люди, слушавшие Н.Я.Марра, могли бы подтвердить очень характерное для него выступление: «То, что я говорил вам в прошлый раз, — неверно, на самом деле процесс складывается иначе». Для Зеленина такое выступление было немислимо. «Им было трудно понять друг друга. Poleмика осложнилась вмешательством людей, преследующих совсем иные цели»⁹².

Умер Д.К.Зеленин в страшном одиночестве, один в пустой квартире, с карандашом в руках.

А в жизни Нины Ивановны конец шестидесятых и семидесятые годы почти целиком прошли под знаком «Игоря». Параллельно шли доработка воспоминаний, рассказов, рецензии на прочитанные книги и статьи, но над всем довлело «Слово о полку Игореве». «Словом» она увлеклась еще в гимназии. И ее друг и учитель поэт-символист Андрей Белый считал «Слово о полку Игореве» альфой и омегой русской литературы. К «Слову» Нина Ивановна возвращалась неоднократно: когда преподавала литературу в Чашинском молочном техникуме, когда учила девушек-украинок в лагерях, во время переключек и во время работы на водокачке.

В шестидесятые годы, занимаясь связями русской и болгарской культур, Нина Ивановна, естественно, опять выходит на «Слово». На Бояна — имя, обычное для Болгарии, но не встречающееся на Руси, а также на «темные места» в «Слове о полку Игореве». «Дьски без кнѣса в моем тереме златоверхеем» и «дебрьски сани, несошаяся к синему морю» во сне Святослава — образы, совершенно непонятные для филологов, отчего текст считался испорченным — и понятные для нее, этнографа: сани и разобранный крыша — атрибуты похоронного обряда. И к другим «темным местам» подходит она нетрадиционно, исходя не из грамматики древнерусского языка, а из тех значений слов, которые сохранились кое-где в народных говорах. Так, «шелом» означает не только шлем или холм, но и защиту, и таким образом, «не за шеломенем еси» — «земля не защищена». А «кур» — корень в тюркских языках, означающий грань, черту — границу Тьмутарокани. Дальше — больше. С тем, что «Слово» отнюдь не «иройская песнь», как считали в прошлом веке, теперь согласны многие исследователи. Но почему же автор восхваляет Игоря Северского, начавшего поход на половцев в одиночку и тем самым усугубившего междоусобицы князей? Нина Иванов-

на пришла к выводу, что «Слово» построено на противопоставлении двух Игорей: Игоря Рюриковича, объединявшего Русь, ходившего на Византию (его воспевают Боян, певец первых князей), и Игоря Северского, «Игореви того внуку», т.е. потомка, о неудачном походе которого пишет «трудную повесть» автор «Слова», анализируя исторический процесс распада Киевской Руси⁹³.

С тем, что вся поэма представляет собой полемику двух певцов — носителя «наднациональной культуры», возможно болгарина, Бояна и автора «Слова», что следует говорить о двух певцах и двух Игорях, был не согласен Д.С.Лихачев, признающий, впрочем, что в тексте чувствуются два стиля. Спор с ним длился многие годы. Нина Ивановна сделала несколько докладов по «Слову». Однако Д.С.Лихачев, по словам Нины Ивановны, неодобрительно относился к их публикации, так же как к изданию научно-популярной книги на эту тему. Как видно из черновика ее письма А.П.Окладникову от 14 июня 1975 г., хранящегося у автора этих строк, Д.С.Лихачев написал в издательство, что «категорически протестует против издания в научно-популярной серии дискуссионных работ».

Все же Нине Ивановне удалось изложить свою точку зрения в нескольких публикациях: двух — в «Советской этнографии»⁹⁴, двух — в Болгарии⁹⁵, по одной — в журналах «Народна творчѣсть та этнографія»⁹⁶ и «Знание — сила»⁹⁷, наконец, самой большой — в копенгагенском журнале «Scanda — Slavica»⁹⁸.

Несколько подбодрило Нину Ивановну получение оттисков из «Scanda — Slavica». Оттиски разосланы. Д.С.Лихачев промолчал, но весьма благожелательно отозвался В.Н.Топоров. По словам Нины Ивановны, В.Н.Топоров сказал ей, что почтет за честь быть редактором ее научно-популярной книги о «Слове». Но «пробивать» издание книги не стал никто. Так и лежит.

В мае 1979 г. у Нины Ивановны возникла идея создать книгу об этнографических экспедициях 20—30-х годов, прежде всего о северных экспедициях. Начала с Г.Н.Прокофьева. «Какой огромный труд он проделал! Какая лингвистическая и этнографическая работа! И — все лежит без употребления, он умер с голоду в 1941 г. в Ленинграде. В Институте нет даже его статей в библиотеке, неизвестно, где его докторская диссертация», — записывает она в дневнике 14 июня 1979 г.

Нина Ивановна много работает с материалами Прокофьевых. Зрение ее почти восстановилось: редкий случай, когда после болезни кровоизлияние в сетчатку почти рассосалось. «О Боже, дай мне силы написать эту книгу. Книгу о том, как были брошены прощупать жизнь, еще не тронутую механическим светом XX ве-

ка, молодые души, — пишет она в дневнике 24 июня 1979 г. — Схема книжки такая. Как неуверенные ноты — отдельные поездки 1921—22 г. Речь Штернберга о значении этнографии. Короткий массовый сбор материала под командой Гринковой. Моя жизнерадостная болтовня от Мурмана до Приуралья. 1924—25 г. — поездка в Сибирь Нади (Дыренковой. — *Г.Г.-Т.*), Глафиры (Василевич. — *Г.Г.-Т.*), Прокофьева. На Дальнем Востоке Сергей Стебницкий строит школы и пишет буквари».

Читая дневники Г.Н.Прокофьева, аккуратно переписанные его женой Катей, Нина Ивановна возмущается и восхищается. Восхищена подвижничеством, двухлетней работой в тяжелейших условиях, тщательностью и скрупулезностью лингвистической работы. Возмущена прежде всего тем, что в дневниках его нигде не упоминается, что работал он не один, а с семьей, что рядом — мать годовалого ребенка, его жена — внимательный и умный исследователь, собравший и описавший большой материал по селькупскому шаманству. Нина Ивановна сетует, что Прокофьев, увлекшись изучением скрещения самодийских, принесенных с Алтая корнеслов с тем, что было получено от северных аборигенов, занимался преимущественно грамматикой языка. А наблюдать и схватывать живые явления шаманства, по видимому, не умел.

Но при всем различии характеров, психологии, восприятия, точек зрения на объект изучения, Нина Ивановна отдавала должное Прокофьевым, поэтому и занялась так тщательно его архивом, письмами, воспоминаниями Е.Д.Прокофьевой. В итоге была написана большая статья (раздел будущей книги). Частично, с сокращениями она опубликована в «Этнографическом обозрении» в 1992 г., через шесть лет после смерти автора⁹⁹.

Замысел книги созревает, обрывает плотью. Название: «Тропы этнографов». От Прокофьевых, через шаманство, описанное Е.Д.Прокофьевой, переход к работам Н.Дыренковой (ее статьи, дневники, трагедия ее жизни — страшная волчанка, подхваченная на Алтае, гибель в блокадном Ленинграде). Далее намечалось рассказать о Сергее Стебницком, об Андрее Попове, Андрее Данилине, Юрии Крейновиче, Гале (Глафире Макарьевне) Василевич. Книжка должна была начаться речью Штернберга и закончиться его статьей «Об избранничестве в религии», как бы обобщившей материалы о шаманстве, собранные экспедициями 20-х годов. Очень важно, считает Нина Ивановна, «чтобы выступило вот что: этнограф не обязательно входит в культуру при помощи лингвистики, путь в нее не через слова людей, а через образ их мыслей» (запись в дневнике от 24 сентября 1979 г.).

Нина Ивановна собирает письма, разбирает дневники, разговаривает с оставшимися еще свидетелями и участниками экспедиций тех лет. Я видела у нее письма Ю.Крейновича и В.Цинциус, помню, как досадовала она, что полевые материалы Г.Василевич находятся в Сибири и соответственно почти недоступны для нее. Читает статьи и записи о шаманстве, много думает о нем как об одной из религий, о религиях вообще. «Бьют шаманские бубны, призывая духов. Шаманизм такая же религия, как мусульманство и христианство. Религия, застывающая пеной примитивного мышления. А задача каждой религии: установить связь между миром (мирами) духа и материей. И тот же экстаз молитвы (только в разных формах), молится ли шаман, призывая духов, пляшет ли дервиш во славу Магомета или истязает свою плоть монах, ища милости Христа. Кровь, кровь, кровь в поисках Духа. Это — страшно» (дневник от 24 декабря 1974 г.). А через две недели она записывает: «...Слишком многое налипло на церковное христианство, чтобы можно было к нему вернуться. Л.Толстой выдумал бесцерковное христианство по русскому образцу, Р.Штейнер — по немецкому. Но я не прилипаю сердцем ни к одному. А так сильна жажда веры, которая объяснила бы, как может существовать ужас мира и его безмерная жестокость».

Между тем заканчивалось восьмое десятилетие жизни. Книга, к сожалению, не была написана, опять резко ухудшилось зрение, на этот раз навсегда. Стала подводить память. Жить и в бытовом, и в творческом плане стало трудно. Ехать в Москву не хотела: «Не терплю ее, эту Москву», на самом деле не могла она быть бабушкой в семье. С января 1981 г. Нина Ивановна переехала в дом-пансионат Академии наук в Пушкине. Досадовала: хорошее обслуживание, никаких забот о быте, хорошая комната, приличное питание, красивое место — писать бы и писать. Но все хуже и хуже становилось зрение. Прибавились боли. Вероятно, мне следовало бы сделаться при ней секретарем, памятью. Не сделалась.

В это время Нина Ивановна закончила только небольшую заметку «Андрей Белый как этнограф»¹⁰⁰, записанную под диктовку студенткой, да начала писать «Повесть про повесть» — о том, как была написана «Котомка». А жить без творчества она не могла. Неоднократно приходила мысль о самоубийстве. Но она считала это непростительным грехом.

Умерла Нина Ивановна 4 июня 1986 г., на восемьдесят шестом году жизни. Отпели ее у Николы Морского и похоронили на «малой родине», в поселке Большая Ижора, среди родных сосен, недалеко от Финского залива, рядом с могилой матери.

Остались: старое деревянное родовое гнездо, две дочери, три внука, пять правнуков, три большие книги, 46 прижизненных и 35 посмертных публикаций, масса рукописей. И горький осадок от того, что человеку не дали совершить многое, на что он был способен.

¹ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы. — Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5—6. СПб., 1994, с. 359.

² *Гаген-Торн Н.* У Финского залива. — Жизнь и творчество Виталия Бианки. Л., 1967, с. 131.

³ *Гаген-Торн Н. И.* «Бабий праздник» у ижор Ораниенбаумского района. — Этнография. 1930, № 3, с. 69—79.

⁴ *Гаген-Торн Н. И.* Memoria. М., 1994, с. 7.

⁵ Там же, с. 9.

⁶ *Успенский Л.* Записки старого петербуржца. Л., 1970, с. 235.

⁷ Там же, с. 287.

⁸ Там же, с. 288.

⁹ *Гаген-Торн Н. И.* Memoria, с. 14—15.

¹⁰ Там же, с. 16.

¹¹ Там же, с. 17.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 24.

¹⁴ Там же, с. 25.

¹⁵ Там же, с. 28.

¹⁶ *Гаген-Торн Н. И.* Вольфила. Вольно-философская ассоциация в Ленинграде в 1920—1922 гг. — Вопросы философии. 1990, № 4, с. 102.

¹⁷ *Гаген-Торн Н. И.* Memoria, с. 50—51.

¹⁸ *Гаген-Торн Н. И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

¹⁹ Там же, с. 173.

²⁰ *Гаген-Торн Н. И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы. — СЭ. 1971, № 2, с. 142—143.

²¹ *Гаген-Торн Н. И.* Memoria, с. 51—52.

²² *Гаген-Торн Н. И.* Д. К. Зеленин как педагог и ученый (ленинградский период). — Проблемы славянской этнографии (к 100-летию рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., 1979, с. 46—47.

²³ *Гаген-Торн Н. И.* Свадьба в Салтыковской волости в Моршанском уезде Тамбовской губернии. — Материалы к свадьбе и семейно-родовому строю. Л., 1926.

²⁴ *Гаген-Торн Н.* Зверюшки работают. Стихи. Л., 1928.

²⁵ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 360.

²⁶ *Гаген-Торн Н. И.* Этнографическая работа в Чувашской республике. — Сообщения ГАИМК. Т. II. Л., 1929.

²⁷ *Гаген-Торн Н. И.* «Бабий праздник» у ижор.

²⁸ См.: *Решетов А. М.* Репрессированная этнография, с. 360.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ *Гаген-Торн Н. И.* Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах Восточной Европы. — СЭ. 1933, № 5—6, с. 76—88.

³² *Гаген-Торн Н. И.* К методике изучения одежды. Поясные украшения. — СЭ. 1933, № 3—4, с. 119—135. См. также [рец. на:] *Шатилов М. Б.* Ваховские остяки. — СЭ. 1934, № 5, с. 122—125.

- ³³ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 360—361.
- ³⁴ Гаген-Торн Н. И. Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый). — В сб.: Андрей Белый. Проблемы творчества. М., 1988, с. 546—556; она же. — Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995, с. 347—357.
- ³⁵ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 360—361.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 60.
- ³⁸ Там же, с. 66.
- ³⁹ Там же, с. 62.
- ⁴⁰ Там же, с. 59.
- ⁴¹ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 361.
- ⁴² Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 69—70.
- ⁴³ Там же, с. 77.
- ⁴⁴ Там же, с. 109.
- ⁴⁵ Там же, с. 84.
- ⁴⁶ Гаген-Торн Н. И. О стихах. — Город у моря Охотского. Магадан, 1988, с. 57—60.
- ⁴⁷ Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 89.
- ⁴⁸ Гаген-Торн Н. Рукопись (Из колымских рассказов). — Память Колымы. Магадан, 1990, с. 21—31.
- ⁴⁹ Гаген-Торн Н. Пища шаманов. — Работница. 1993, № 4, с. 24—26.
- ⁵⁰ Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 85—86.
- ⁵¹ Летаева Н. Лето в лесу. — Дружные ребята. Свердловск, 1946, с. 60—80.
- ⁵² Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу. Чебоксары, 1960.
- ⁵³ Там же, с. 142.
- ⁵⁴ Там же, с. 143.
- ⁵⁵ Там же, с. 150.
- ⁵⁶ Там же, с. 139.
- ⁵⁷ См.: Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 105—106.
- ⁵⁸ Там же, с. 117.
- ⁵⁹ Динарова З. Распятые (Писатели — жертвы политических репрессий.) СПб., 1993, с. 138—139.
- ⁶⁰ Публикацию отрывка из книги и письма Б. Пастернака см.: Ново-Басманная, 19 (альманах). М., 1990, с. 499—514.
- ⁶¹ Гаген-Торн Н. Начало пути (Ломоносов). — Белый пароход (альманах). Архангельск. 1996, № 1(7), с. 7—9.
- ⁶² Гаген-Торн Н. И. В ссылке на Енисее. — СЭ. 1990, № 3, с. 95—113.
- ⁶³ Гаген-Торн Н. И. Memoria, с. 361—398.
- ⁶⁴ Там же, с. 398.
- ⁶⁵ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 362.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Гаген-Торн Н. И. Болгарская одежда (по коллекциям ленинградских музеев). — Сб. МАЭ. Л., 1958. Т. XVIII, с. 208—278.
- ⁶⁸ Гаген-Торн Н. И. Современный фольклор и литература. — Русская литература. 1960, № 2, с. 164—167.
- ⁶⁹ Гаген-Торн Н. И. Из истории болгарской фольклористики XIX века. — Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. III. М. — Л., 1958, с. 260—278.
- ⁷⁰ Гаген-Торн Н. И. Судовые флюгера «сорочки». — Сб. МАЭ. 1961. Т. XX, с. 75—83.
- ⁷¹ Гаген-Торн Н. И. [Рец. на:] Попстефаньева М. А. Македонски народни вязови. — СЭ. 1957, № 4, с. 176—177.

⁷² Гаген-Торн Н. И. Дослідження одягу банатських болгар. [Рец. на:] *Векова-Телбизова М. и Телбизов К. Народни носии на банатски българи. — Народна творчеств та етнография. 1960, № 4, с. 164—167.*

⁷³ Гаген-Торн Н. И. Труд об изобразительном искусстве народов Сибири. — Искусство. 1956, № 1, с. 74—75.

⁷⁴ Гаген-Торн Н. И. Обрядовые полотенца у восточных славян и народов Поволжья. К вопросу о происхождении оберега. — Българска Академия на науките. Известия на Етнографски институт и музей. 1963. Кн. VI, с. 279—290 (на рус. яз.).

⁷⁵ Гаген-Торн Н. И. Деревянная утварь Усть-Цильмы (по коллекциям ленинградских музеев). — Сб. МАЭ. 1963. Т. XXI, с. 65—77.

⁷⁶ Гаген-Торн Н. И. Вагомий внесок в етнографию. [Рец. на:] *Прилипка Я. Етнокультурні зв'язки болгар и східних слов'ян. — Народна творчеств та етнография. 1965, № 1, с. 97.*

⁷⁷ Гаген-Торн Н. И. [Рец. на:] *Велева М. Българска двупрестилчне носия. — СЭ. 1965, № 3, с. 172—175.*

⁷⁸ Гаген-Торн Н. И. [Рец. на:] *Крюкова Т. А. Мордовское народное искусство. — СЭ. 1972, № 1, с. 190—192.*

⁷⁹ Гаген-Торн Н. И. [Рец. на:] *Ершов Н. Н., Широкова З. А. Альбом одежды таджиков. — СЭ. 1972, № 1, с. 179.*

⁸⁰ Гаген-Торн Н. И. К столетию со дня рождения В. К. Арсеньева. — СЭ. 1973, № 2, с. 158—159.

⁸¹ Гаген-Торн Н. И. Лев Семенович Берг как этнограф. — ТИЭ. Нов. серия. 1977. Т. 104. Вып. VII, с. 133—137.

⁸² Гаген-Торн Н. И. Воспоминания об Александре Блоке. — Блоковский сборник. 2. Тарту, 1972, с. 444—446.

⁸³ Гаген-Торн Н. И. О встречах с Ольгой Дмитриевной Форш. — Ольга Форш в воспоминаниях современников. Л., 1974, с. 114—119.

⁸⁴ Гаген-Торн Н. И. У Финского залива, с. 131—137.

⁸⁵ Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

⁸⁶ Решетов А. М. Репрессированная этнография, с. 361.

⁸⁷ В процитированной записи из дневника Н. И. Гаген-Торн, хранящегося ныне у ее дочери, речь идет о статье: *Полевой Б. П., Решетов А. М. В. К. Арсеньев как этнограф. — СЭ. 1972, № 4, с. 74—87. — Ред.*

⁸⁸ Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг, с. 229.

⁸⁹ *Васина А. И. и Гаген-Торн Н. И. Дмитрий Константинович Зеленин (К 10-летию со дня смерти). — Известия ВГО. 1966. Т. 98. № 1, с. 67—70; Гаген-Торн Н. И. и Васина А. И. Д. К. Зеленин и его связь с эстонской наукой (По материалам личного архива ученого). — Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 184. Труды по русской и славянской филологии. 9. Тарту, 1966, с. 230—236; она же. Ретроспективный метод анализа в трудах Д. К. Зеленина. — ТИЭ. Нов. серия. 1971. Т. 95. Вып. V, с. 171—180.*

⁹⁰ Гаген-Торн Н. И. Д. К. Зеленин как педагог и ученый, с. 47.

⁹¹ Там же, с. 53.

⁹² Там же, с. 57.

⁹³ Гаген-Торн Н. И. О двух Игорях древней поэмы. — Знание — сила. 1975, № 6, с. 44—45.

⁹⁴ Гаген-Торн Н. И. Некоторые замечания о «темных местах» «Слова о полку Игореве». (Заметки этнографа). — СЭ. 1972, № 2, с. 51—60; она же. Анимизм в художественной системе «Слова о полку Игореве». — СЭ. 1974, № 6, с. 110—118.

⁹⁵ Гаген-Торн Н. И. Новата книга за «Слово о полку Игореве». — Език и литература. София, 1972. Кн. 2, с. 104—111; она же. Боян — песнотворец български. — Български фолклор. Кн. 4. София, 1979, с. 14—29.

⁹⁶ Гаген-Торн Н. И. Думки з приводу сна князя Святослава у «Слові о полку Ігореві». — Народна творчість та етнографія. 1963, № 4, с. 100—104.

⁹⁷ Гаген-Торн Н. И. О двух Игорях древней поэмы.

⁹⁸ Гаген-Торн Н. И. О структуре «Слова о полку Игореве». — Scanda—Slavica. 1976. Т. 22, с. 65—79.

⁹⁹ Гаген-Торн Н. И. Прокофьевы в Яновом стане. — ЭО. 1992, № 4, с. 91—110.

¹⁰⁰ Гаген-Торн Н. И. Андрей Белый как этнограф. — СЭ. 1991, № 6, с. 87—91.

Список сокращений

- АРАН — Архив Российской академии наук. М.
ВГО — Всесоюзное географическое общество.
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. Иркутск.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры (с 1936 г.), см. РАИМК.
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации РАН.
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР.
ИВ РАН — Институт востоковедения РАН.
ИМЛИ РАН — Институт мировой литературы АН СССР. М.
КИПС — Комиссия по изучению племенного состава населения России (с 1925 г. — СССР) и сопредельных стран.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М. — Л., М.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. СПб.
ОИРЭФА — Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.
ОЛЕАЭ — Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. М.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. М.
ПФ АРАН — С.-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры (до 1936 г.).
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства. М.
РГО — Русское географическое общество.
РЭМ — Российский этнографический музей.
СЭ — Советская этнография. М.
ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.
ЭО — Этнографическое обозрение. М.

Содержание

От составителя.....	3
<i>М. А. Дэлет.</i>	
А. В. Адрианов как этнограф.....	9
<i>А. А. Сирина.</i>	
Забывшие страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри.....	57
<i>А. М. Решетов.</i>	
Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности.....	81
<i>Н. Г. Волкова, Г. А. Сергеева.</i>	
Трагические страницы кавказоведения: А. Н. Генко.....	101
<i>Ю. Д. Анчабадзе.</i>	
Кавказовед Г. А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба.....	134
<i>Б. Х. Кармышева.</i>	
От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: жизненный путь Ф. А. Фиельструпа.....	152
<i>М. М. Керимова, О. Б. Наумова.</i>	
Алексей Николаевич Харузин — этнограф и антрополог.....	164
<i>Р. Ш. Джарылгасинова, М. Ю. Сорокина.</i>	
Академик Н. И. Конрад: неизвестные страницы биографии и творческой деятельности.....	199
<i>Ю. В. Иванова.</i>	
Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие. . . .	235
<i>Н. С. Полищук.</i>	
Подвижнический путь в науке: Наталия Ивановна Лебедева.....	265
<i>С. И. Вайнштейн.</i>	
Судьба Бориса Осиповича Долгих — человека, гражданина, ученого.	284
<i>Г. Ю. Гаген-Торн.</i>	
Нина Ивановна Гаген-Торн — ученый, писатель, поэт.....	308
Список сокращений.....	342

Научное издание
РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ЭТНОГРАФЫ

Выпуск I
Издание второе

*Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН*

Редактор *Т. М. Швецова*
Художник *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *О. В. Волкова*
Корректор *В. И. Мартынюк*
Компьютерная верстка *М. П. Горшенкова*

Подписано к печати 18.11.02
Формат 60x90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 21,5. Усл. кр.-отт. 21,8
Уч.-изд. л. 22,5. Тираж 600 экз.
Изд. № 8065. Зак. 6964

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука» 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ЭТНОГРАФЫ

В книге рассказывается о жизненном пути и научном наследии 12 репрессированных этнографов, внесших значительный вклад в отечественную науку. Книга возвращает из небытия незаслуженно забытые имена, заполняет лакуны в биографиях тех, кто прошел сквозь горнило репрессий.

Книга «Репрессированные этнографы» густо заселена. Читатель встретит на ее страницах множество ученых, общавшихся с главными героями статей, ознакомится с деятельностью канувших в Лету научных учреждений и организаций, узнает немало интересного о возникновении и развитии ленинградской и иркутской этнографических школ.

Книга позволяет проследить глубинные процессы саморазвития и трагические катаклизмы в истории советской науки, прежде всего этнографии и таких тесно сопряженных с ней отраслей, как ориенталистика и кавказоведение.

